Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Материалы
I Всероссийского научного семинара
с международным участием
для молодых ученых

(Владимир-Суздаль, 26 – 28 сентября 2017 г.)

Владимир
2017

УДК 81
ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВлГУ

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Наталья Владимировна Уфимцева*

(Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия)

д-р филол. наук, доц. *Дмитрий Григорьевич Демидов*

(Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань)

Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир-Суздаль, 26 – 28 сентября 2017 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – 509 с.

ISBN 978-5-8311-1094-4

Организация и проведение семинара поддержаны грантом РГНФ № 17-04-14095г

В лекциях, докладах и сообщениях участников Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых обсуждаются вопросы взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XX-XXI вв.).

Материалы семинара дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и предназначаются для научных работников, преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:
Е.А. Абрамова, К.М. Богрова (отв. секретарь), Е.Н. Варюшенкова, М.Вас. Пименова (отв. ред.), Е.Ю. Рыкин, Н.А. Сафронова, Г.И. Столбунова, Н.В. Целикова.

ISBN 978-5-8311-1094-4

© Коллектив авторов, 2017
© ВлГУ, ПИ, кафедра русского языка, 2017
© Издательство «Транзит-ИКС», оформление, 2017

От редакционной коллегии

26-28 сентября 2017 г. во Владимире и Суздале прошел поддержанный грантом РГНФ Всероссийский научный семинар с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии»[1], организованный кафедрой русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ).

Выбор темы и направленности семинара был обусловлен тем, что в настоящее время наблюдается спад интереса к изучению языка в диахронии, особенно у молодых ученых (как прозвучало на одной из конференций – «история языка обезлюдела»). На наш взгляд, это объясняется целым рядом причин, среди которых – определенное отставание исторических исследований в общетеоретическом плане, ограничение частными диахроническими описаниями, приводящее к «отрыву» от современных приоритетов и новых подходов к лингвистическим изысканиям, хотя вопросы, связанные с отраженной в языке исторически сложившейся совокупностью представлений о мире, способе восприятия и концептуализации действительности, являются основополагающими при решении актуальных лингвистических проблем в русле современного антропоцентрического взгляда на язык.

В предварительной программе семинара его участники получили условное «домашнее задание», в которое, не претендуя на решение всего комплекса имеющихся лингвистических проблем, были включены дискуссионные вопросы, связанные с изучением взаимоотношения языка и ментальности в диахронии.

1. Какие источники и методы изучения исторической семантики слова вы используете? Можете предложить? (Вопрос возник в связи с тем, что значительная часть современных диахронических работ опира-

[1] Организация и проведение Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии» поддержаны грантом РГНФ № 17-04-14095г.

ется на материал, извлеченный из исторических *словарей* и *картотек* (а не из первоисточников, не из древних/средневековых *текстов*), что, как мы полагаем, приводит к ситуации, когда вместо ментальности прошлых эпох изучается логика ученых-лексикографов XIX-XXI вв.).

2. Какими вы видите основные концептуальные формы русской ментальности и как они отражаются в языке?

3. Как вы представляете себе модель развития лексического значения?

4. Какие типы и виды устойчивых сочетаний слов (формул-синтагм /синкретем) вы отмечаете в древних тестах?

5. Показывает ли ваш материал, как отражаются в языке представления о пространстве, времени, количестве, качестве (ценности), цвете, свете и др.? Приведите примеры.

6. Концепт как единица ментальности: миф или реальность? Какое место занимает данное явление в языковой системе в диахронии?

7. Отличаются ли семантические сближения в диахронии от современной образности? Если отличаются, то чем?

8. Есть ли особенности выражения оценки в древнем тексте? Если есть, то какие?

Значительная часть данных вопросов была обсуждена на заседаниях семинара (руководители: *Э.Н. Акимова, О.И. Валентинова, Т.Е. Владимирова, А.В. Канафьева, Е.Н. Клемёнова, И.А. Королёва, П.А. Лекант, Л.Н. Лунькова, М.С. Милованова, Н.А. Николина, М.Вас. Пименова, Л.В. Рацибурская, Т.В. Романова, К.П. Смолина, З.А. Харитончик, С.Г. Шулежкова*) как в лекциях и докладах известных исследователей (*Е.В. Алтабаева, А.В. Алексеев, О.Л. Арискина, К.М. Богрова, Е.Н. Варюшенкова, И.В. Ерофеева, М.Р. Желтухина, С.Р. Зайнуллина, О.В. Зуева, Л.Ф. Килина, А.Ю. Козлова, Е.М. Маркова, А.В. Петров, Е.В. Плисов, Е.Ю. Рыкин, Н.А. Сафронова, О.В. Шкуран, В.М. Шетэля* и др.), так и в сообщениях начинающих молодых авторов: аспирантов, ма-

гистрантов и студентов (*Ю.В. Балякина, П.К. Боркова, Л.М. Букина, В.В. Волков, Т.Р. Галеева, А.Д. Демакова, А.В. Загуменнов, И.А. Иванова, М.Н. Лазукова, А.И. Ломова, И.С. Михайлова, Д.В. Мнацаканова, А.С. Небосова, Н.С. Петрова, О.Н. Смирнов, И.А. Хохлова, С.А. Черникова, У Ляньлянь* и др.). Каждое выступление сопровождалось многочисленными вопросами и дискуссией, в которой активное участие принимали магистранты и студенты ВлГУ (всего около 150 человек).

В предлагаемом сборнике материалов по итогам проведения семинара содержатся 73 публикации лингвистов из *России* (Владимир, Волгоград, Вологда, Иваново, Ижевск, Калининград, Кемерово, Ковров, Коломна, Красноярск, Магнитогорск, Мичуринск, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Оренбург, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Таганрог, Тула, Чебоксары, Электросталь), *Беларуси* (Минск), *Болгарии* (София), *Венгрии* (Ньиредьхаза), *Казахстана* (Алматы, Астана), *Китая* (Нанкин, Цзинань), *Кореи* (Сеул), *Польши* (Варшава), *Словакии* (Трнава), *Украины* (Херсон).

Открывается сборник когнитивными заметками по древнерусским текстам проф. В.В. Колесова – известного ученого-лингвиста, блестящего специалиста по истории русского языка. Среди основных тем Владимира Викторовича – отражение в языке русской ментальности. Предложенное им определение ментальности цитируется большинством современных исследователей, обращающихся к рассмотрению данного феномена: ментальность есть «…миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»[2].

[2] Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. С. 268. Также см.: Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: В 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014.

Основная тематика последующих лекций, докладов и сообщений, включенных в сборник, связана с вопросами изучения особенностей отражения национальной ментальности в различных языках (*славянских* – русском, белорусском, болгарском, чешском, старославянском; *германских* – английском, немецком; *романских* – румынском; *сино-тибетских* – китайском; *финно-угорских* – венгерском, марийском (луговом), вепсском; *енисейских* – кетском; *тунгусо-маньчжурских* – эвенкийском, нанайском, удинском; *дравидийских; картвельских; монгольских; тюркских; семито-хамитских; эскимосско-алеутских* и др.) от древнейших периодов до XX-XXI вв. Содержание сборника включает в себя следующие разделы: «Источники и методы изучения взаимоотношения языка и ментальности в диахронии», «Эволюция системы языка и ментальность», «Языковая картина мира».

В решении, принятом на итоговом заседании, было рекомендовано проведение Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии» сделать регулярным (раз в два года), в связи с чем предполагается организовать следующее заседание/мероприятие в 2019 г.

Редакционная коллегия сборника материалов выражает искреннюю благодарность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор
М.Вас. Пименова

КОЛЕСОВ Владимир Викторович
(*Санкт-Петербург, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

КОГНИТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ТЕКСТАМ

Мысль совершеннее всего остального в человеке
Василий Розанов

XV век в культурной истории России имеет первостепенное значение. Несмотря на все сложности переживаемого времени, в интеллектуальной жизни россиян происходил существенный сдвиг от древнерусского номинализма к новой идеологии реализма. Связано это было с активизацией текстов Ареопагитик, в 1384 году переведенных на славянский язык. Возникало влияние на ведущую идеологическую силу Средневековья, на Церковь, а через богослужения – и на паству. «Первоначальное» христианство, как считают историки, «жизнерадостное» благодаря сохраняющимся связям с язычеством и близостью к природным циклам, сменялось ригористичным «монашествующим» христианством, в конце концов приведшим к реформам XVII века. Этот культурный сдвиг прекрасно показан в творениях писателя того времени Нила Сорского и в содержательном сборнике самых известных переводов, созданном в XV веке.

1. Думать и *понимать* в «Летописце Еллинском и Римском»

Прекрасное исследование и издание текста О.В. Твороговым «Летописец Еллинский и Римский» (т. 1, СПб., 1999; т. 2, СПб., 2001 – все цитаты по этому изданию) ввели в научный оборот русский памятник XV века – сборник древних и новых переводов с греческого языка, переработанных книжниками этого времени применительно к нуждам современников. Поражает обилие диалектизмов самого разного происхождения на фоне остаточных фонетических явлений древнерусского языка. В

настоящей статье остановимся на лексике интеллектуального действия – актуальной для эпохи перехода от номинализма к платоновскому реализму.

Первый уровень интеллектуальных связей, взятых вне отношения к чувственным формам познания, соединяет процесс мышления с моментом уразумения – пониманием. Окончательный результат развития известен: на современном понятийном уровне мы говорим о *мышлении*, а не о *думании*, о *понимании* в понятиях, а не о *разумении* в образах, хотя моменты «думания» и «разумения» присутствуют на правах вспомогательного средства постижения истины и выбора верного решения. Косвенно это указывает на то, что в рефлексии момент мышления сознанием был выделен раньше момента понимания, что некоторое время синкретизм «мышления – понимания» сосредоточивал в себе в качестве основного момент мышления. Процесс представлялся более важным, чем его результат, понимание. Развитие рефлексии приводило к появлению промежуточных средств выражения как процесса, так и результата, причем по терминологическим поискам адекватного выражения рефлексии всегда заметно, что процесс и его результат не расчленены в сознании. Рассмотрим эти особенности на некоторых примерах.

Мьнѣти. Совокупность всех контекстов показывает следующую цепочку смысловых переходов метонимического характера:

1) ‘думать’ и в момент «думания» 2) ‘понимать’ (‘полагать, считать’ как проявление результата думания), потому что следует 3) ‘помнить’ (знание основано на памяти), а если это так, то следует 4) ‘сомневаться’ или попросту 5) ‘казаться’ (померещилось и может быть ошибочным). Рефлексивные формы в 4 и 5 указывают сосредоточенность действий на себе самом, сами действия неопределенны и сомнительны по результатам.

Примеры для сравнения.

1. *Егоже ради другое мнящи приатъ имя* (502, также 474); *мнѣлъ же еси, не вѣды, яко*… (169); *мнѣлъ ли ся еси утаити?* (113); *они же мняху, яко о имѣнии въпрашаеть ихъ* (394) и др.

2. *Да не мнить мене никтоже, яко еще в живых есмь* (324); *мнимъ, от нея яко богъ есть Аммон* (89); в смысле ‘понимаю, полагаю’ также оборот *и мняше, яко…*; иногда в одном предложении возможны оба значения: *мнѣвша* (считая) *Антиоха умръша… не бытии тому*, *якоже они мнѣша* (думали) (184).

3. Соотношение *понимать – поминать*: *мы же, рахманѣ, поминающее, како родихомся* (185) – но рядом: *и мы мняхомъ его суща в болѣзни* (284) (думали – помнили).

4. *Никтоже, пръвое усумнивъся, не яся за такого молитися* 45; *не всумнѣся, размышляя, яко*… (322) и мн. др. Прилагательное *мьнимый* только в таком значении: *да мнят, яко нерукотворенъ есть мьнимый богомъ* (329); *и мрьши погребе на мнимой чести* (275) и т.д. Часты промежуточные примеры с нерасчлененным значением глагола: *в тонцѣ снѣ мняшеся обрѣсти у столпа крестнаго* (431) – полагал = сомневался = казался?

5. *Яко мнит ми ся, владыко* (449); *ее же аще мнит ти ся* (297); *и от вѣка да мнится богъ* (330); *и кони, яко мнѣтися, сами текуща* (165) и др.

Мыслити. Имя существительное *мысль* употребляется очень редко, что характерно. Актуально развивающийся процесс интеллектуального действия еще не обрел понятийных определений или не нуждался в их особом выражении. При этом мысль определяется как *идея* – результат индивидуальной человеческой деятельности: *мысль имый* (что-то сделать) (51); *едина бо мысль еллинска побѣждает народы* (117).

Мыслити имеет единственное, но весьма определенное значение ‘думать, размышлять (сам в себе вне диалога)’, причем *мыслят умом*

(130), *плотьская мыслять* (5), *суетная мысливъ* (494) и т.д., ср.: *въ собѣ помыслив, яко*… (368); «*отче, что мыслиши о Паусании?*» (98); *мыслити же нача Александръ о сем* (102; также 140 и др.) – формы глагола показывают индивидуальность процесса, а также его восприятие со стороны (выражается в прямой речи).

Другие значения глагола: 1) ‘замыслить (что-то недоброе)’ – (Он) *мысляше, како бы раздрушити Тура* (109); *и по вся дни на мя мыслят паче врагъ моих* (153); *хотящу ти мыслити на мя* (387); *вполне вероятны наводящие на такое значение библейские ассоциации: иже иному зло мыслит, о себѣ зло смыслит* (962) ‘решить’: *И стуживси, мысляше бѣжати* 62; *Самъ же Александръ мысляше приити къ рахманомъ* (141); *убоявся и мысляше, егда ту ему скончатися* (171) и мн.др.

Глагол ***думати*** встречается только трижды: *Егда же удумахом ити от града*… (233) – в повести о взятии Титом Иерусалима; *и събрашася чернь, и волочаху добрыи люди, думающее с ними, кого царемъ поставя*т (508); *тогда же болярѣ, убоявъшеся введениа фрягъ, и сдумавше с Муръчюфалом, яша царя* (508). Переведенные в Новгороде тексты сохраняют следы местной фразеологии, их содержание и форма выражения показывают, что *думати* – значит размышлять совместно (держать совет).

Архаический глагол ***непьщевати*** использован однажды: *людие же, на посланаго стекшися, непщева и, яко без ума и бѣсуяся есть мних* (464) (сообразили, что он сошел с ума). Имя существительное употреблено дважды без отрицания: *исхытити замышлено пщеваниемь написати Христово божество… на иконѣ* (440); *Домника же патрикиемъ створиша пщеваниемь*… (485). Во всех случаях это ‘соображение (основание)’ для исполнения дела в результате коллективного решения. Так переводятся и греческие формы оригинала, типа λέγουσιν ‘говорят’, λογίζεσθαι ‘полагать’ – это довод и основание, полученные в предвари-

тельных обстоятельствах и потому сомнительные, ср. *пщевати пщеваниемь* ‘придумывать оправдания’ в тексте «Словаря XI-XVII вв.» (вып. 21, с. 81). *(Не)пщевати* и *пщевание* связаны с той формой понимания сути дела, которая представлена как во-образ-ение = со-образ-ение в виде *образа*, а не понятия или символа.

Разумѣти. Исторические словари указывают до двух десятков значений у слова *разумъ*. Такая дробность созначений определяется соответствиями с греческими текстовыми эквивалентами в переводах; реальное же значение славянских глагола и имени вполне синкретичного свойства, и выделять те или иные оттенки смысла приходится с оглядкой на греческие оригиналы или на современное понимание контекста. И то и другое опасно и нарушает основной принцип средневековой семантики: слово-символ не много-*значно*, а много-*смысленно*, т.е. именно символично.

В Летописце *разумъ* представлен в трех основных значениях:

- ‘сознание’: *тъи в разумъ мужа пришелъ* (283); *многа бо от них о смыслѣ его и добраго разума* (502); *от разума разумѣти* (274) и др.;

- ‘соображение, понимание’: *от уности имяше царьскыи разумъ* (273) (ср. *разумѣ же истину* (44) и под. – с конкретным указанием на понимание истины); *сътвори всего человѣка на разумъ приити* (32);

- ‘умение’: *оттолѣ бѣ хытростьныи разумъ у ромѣанъ оскудѣ, царствующимъ разумъ неразумиа възбранение погыбе* (419) и др.

Различать указанные созначения сложно, и это видно по отдельным примерам, ср. *яко плоть душевную душу живу* [в воплощении] *приятъ Господь*, *разума* же *нашего не приятъ*. *Ни просити же плотьному, – рече, – человѣча ума.., нъ не вмѣститися еи ину разумну от божественыа силы* (262). Речь идет не об интеллекте, а именно о *представлении в понимании*, которое явлено в слове.

Связь *разума* со *словом* проведена последовательно. [Человек] – *существо словесно и всѣх ово разумно и домыслено, и памятно же и свѣтно* (263) (способно к советам); *единъ же разумъ точью от единения всѣх словесных непоколѣблемо пребывати неподвижно от Божиа любви и премудрости* (373); *явление и разумы от исхода слова вѣщати* 285; *въчеловѣчьшюся Слову неразумну сущу в разума же мѣсто* (324) (ср.: *многыми же словесы замысливъ, рече*… (325)). Разум всегда связан со словом: *разумный* есть *словесный*. В этом отличие от *пщевания*, представленного как простое воображение. Сила разума – в слове.

Архангел говорит пророку Даниилу: «*Азъ придохъ… устроити тебѣ разумъ… съвѣстити тебѣ* (известить тебя), *яко мужь помышлений еси ты*; *размысли же въ словесѣ* и *разумѣ*.., *въ явлении*…» (57). Понять (*размыслить*) можно только посредством слова в идее (в *разумѣ*) через явления (*въ явлении*) – это движение от слова через идею к вещи.

Глагольная форма конкретизирует смысловые оттенки словесного корня, но и она предстает в нерасчлененном виде, образно как метонимическая последовательность ‘видеть > думать > понимать’. Ср. несколько примеров:

- ‘видеть=думать’: в сочетаниях типа *и разумѣ, яко*… (74, 76, 93 и мн. др.); *и разумѣти, яко…* (82, 105 и т.д.); *разумѣхомъ, яко*… (112) и т.п., причем иногда значение «видеть» эксплицируется в тексте: *и видите, и разумѣите* (223), *виждь убо тако и разумѣи* (67) и т.д.;

- ‘понимать’: *еллинскою рѣчию силу книгъ разумѣти* (180), *разумѣвая явѣ, яко*… (186); *не разумѣюще по писаному* (263); *не разумѣша таины Божиа* (197); *смысляше не разумѣша* (440) (думали не понимая) и др. Глагол *понимати* не встречен ни разу.

Ср. также производные глаголы *проразумѣти* ‘догадаться’ и *уразумѣти* ‘сообразить’: *егоже видѣвше жидове уразумѣша яко*… (311);

проразумѣвъ же блаженный Давидъ духовнымъ разумомъ, яко… (179) и т.д.

Примеры показывают различие между глаголами *непьщевати* и *разумѣти* – первый связан с неопределенным источником информации (*чюяти*), второй – с ясным и определенным (*видѣти*), к тому же выраженным словесно, т.е. доступным для проверки способом. В необходимых случаях специально требуется выделить *чювсьственый разумъ* там, где речь должна бы идти о полузабытом *непьщевании*: *и раи чювсьственым разумом и вѣчное имый въсприятие* (408) – восприятие связано с чувством, оно чувственное, а не словесное. Наоборот, соотношение ‘видеть – понимать’ постоянно присутствует в контекстах, ср.: *и разумѣша, како не разумѣють тщая прельсти* (404) (и видели, что не понимают). Подобное соотношение сохранилось и в современном употреблении слов *видеть* и *понимать* – они взаимозаменимы в переносном значении.

Сопутствующие разуму предикаты деятельности также характерны. Говорится о слове и разуме (*глаголание* и *разумъ* (196)), о разуме и некоторых этических признаках поведения (*разумъ и кротость* (257), *мужество и разумъ* (494), *разумъ и смыслъ* (176)); разум вообще противопоставлен *мутьному сръдцу* (250).

Умъ. Судя по контекстам, ум – *имеют*, по своим признакам он может быть *богочестным* (147), *божьим* (156), *вѣрным* (338), *высоким* и *лѣпотным* (156), *мудростным* (157), *острым* (48), *смиренным* (322), *твердым* (9), *чистым* (302) и т.д. С помощью ума *размышляют* (267), *может умъ человѣць разумѣти* (369), *только умом можно велико дѣло умыслити* (116), *буюю мысль уму побѣдити* (9), *рекоша въ своемъ умѣ: «Не без ума се есть писано»* (30). Уму также учат (*бѣ же мужь хытръ и уму ученъ* (10)), умом могут возвышаться (390) или, наоборот, им могут *развратити* (20). Ум сопоставляется с красотой, силой и другими осо-

бенностями внешнего порядка, но противопоставлен он *разуму, помыслу, смыслу* и *языку* как общий их всех хранитель, причем *звери ума бо не имѣют* (174) – *вашь убо умъ – языкъ есть и при устнах смыслъ* (разум) (148). *Всё, что без ума, бессмысленно: что без ума веселяся* (152) – *почто без ума умираеши, младъ сыи?* (149). Герои типа Александра Македонского упорно именуются *умникъ*, и всегда ясно, что *умнии разумѣють* (66), а *единоуменъ ему бысть* (488) значит является его единомышленником.

Производные вполне определенно располагаются в следующей последовательности смысла:

умѣти – быть способным к действию;

недоумѣти – сомневаться в способности быть способным к действию;

изумѣти – бояться способности быть способным к действию;

безумѣти – не быть способным к действию вовсе

Ум предстает как исходная точка способности мыслить, одновременно и вместилище рассудка, разума, мудрости, и вместимое, т.е. смысл и рассудок вместе. Если *разумъ* (первое проявление ума) соотносится с языком (*словесным*), сам *умъ* предстает как модальная возможность всякого действия, в принципе не только интеллектуального: одновременно это и вместилище воли.

То, что невозможно исполнить, то *умѣти невъзможна* (440), и всякий «уметель» тут бессилен, даже если он *бѣ умѣтель обоим книгам* (458): *да множайшая прельстят неумѣтеля* (412) и мн.др. С другой стороны, она *недоумѣяше, чим бы ему помощи* (450), *и сръдце его пустошная недоумѣвает* (438) – *обрѣте развращенъ замокъ и изумѣвся..., своя власы торжа* (465), *той же изумѣвся смысломъ, рекый*… (425) – в ответ он *посмѣяшеся безумию его* (425) и др.

Мудрость – высшая степень знания блага. Признаки мудрости сопровождаются указанием на соответствующие духовные потенции субъекта: *мужь дивенъ и мудръ* (10). Именно Бог дает мудрость: *Сифъ имѣяше мудрость от Бога* (4), *и дасть имъ Богъ смыслъ и мудрость въ всеи книжнии премудрости* (23), *имѣя даръ и мудрость* (от Бога) (55) и др. Только *мудрый повѣдает* тайное (5) и при этом *показа мудрость* (9, 11 и др.), при наличии *божиа премудрости* (151): *от Христа дасться премудрость человѣкомъ… истинно премудрость явленна* (327). Мудрость относится к таким качествам ума, которые требуют трезвого образа жизни, так что осуждаются те, которые *пианьствиемь мудрость изъгнавше исъ себе* (157).

Наоборот, действие умудрения может оцениваться по-разному. С одной стороны, можно *добро мудрити* (393), и тогда люди *доброумудрятся* (381), поскольку *доброму дреставующа же силу мужа показует* (383). С другой стороны, существует и злое *мудрование*, а всякий человек *злочестным мудрованиемъ далече отгнашася* (457). Отсюда постоянные призывы: *Не мудряйся!* (255), *прекрати мудръствовати* (9) – поскольку плохо жить, постоянно *мудрующе* (264). Еретики мудрствуют: *на томъ съборѣ Несториево мудрьствуеть* (357); отсюда совет: *не мудряйся излише* (255), *и ина тако мудрующа впадая в грехи* (264). Действие *умудрения* амбивалентно, сама мудрость имеет степени проявления.

Съмыслити. Субъект-объектный синкретизм, отмеченный на предшествующих уровнях описания, сохраняется и здесь. *Ум* = *разум*, *знание* = *сознание* (соединение процесса знания с объектом знания) и т.п. помогают понять и единство связей *мысль* = *съмыслъ*, т.е. соединение мысли с предметом мышления. *Мыслят* объективно, *смыслят* субъективно; на то же указывают выделенные сознанием предикаты: *мысленный* и *смышлёный*.

(Через Дух Божий) *смыслъ обрѣтеся в немъ, сказа сны* (45); *смысл и премудрость изобила обрѣтеся в тебѣ* (45); *многаго смысла его и премудрости* (176); *яко скотъ, не имуща смысла человѣчьска, нъ акы звѣрие дивии без ума суще* (132); *их суетнаго диавольскаго смысла, блядиваго смотрениа* (283); *имѣяху же смыслъ не человѣчь, но лаяху яко пси* (133); *бабескъ смыслъ прельстивъ* (70); *Ликиний же еллиньскыя имѣ смыслы* (289); *отча смысла о всѣхъ имѣя* (501) и мн. др. – во всех случаях значение слова *съмыслъ* представлено как способность познавать некий подтекст событий и фактов. *Съмыслити* – одновременно и ‘думать’, и ‘понимать’, *уже зная суть*. *Тако смышлю, яко исписано имам* (303); *Съмысли и съвѣща сии папа Леон* (456) – лично «мыслил», но вместе с тем и «советовался». *Прочее видѣши или смыслиши* (151) – т.е. осмысливал по косвенным признакам. *Съмыслити* – скорее ‘соображать’, воображая: *и яко смыслити въ всеи истинѣ твоеи, Господи?* (56); *Несторию съ июдѣемъ купно смыслящу* (373); *Ариа прокляша и смыслящая с ним купно* (294) – т.е. разделявших мысли Нестория, Ария и прочих еретиков (*купно с ними*).

Приставочные вообще употребляются чаще, чем глагол *мыслити*.

Домышляти ‘представить себе’: *что ся домышлю о васъ?* (113); се *же царь есть домыслися* (480); *и безъсловесна домыслившеся* (437).

Замыслити ‘выдумать’: *никто же таковогo замыслиша* (424); *спротивное нѣкое замысли* (489).

Помышляти ‘задумывать, замышлять’: *ужасенъ бывъ, помышляше в себѣ, глаголя*… (200) (ср.: *и глаголааху убо въ себѣ, яко*… (200)) – мысль связана со словом; ср. также обороты типа *въ себѣ помышляхъ* (206), *на мя помышляющи* (206) и др., *кого помышляет в сердци своемъ* 5.

Размыслити ‘подумать, приняв решение’ обычно в сочетании с другими глаголами: *помяни и размышляй* (401); *сих же бо прежде вни-*

мающе и размышляюще (401); часто имя существительное *размышление* (*размышления сердца своего* (25)) – ‘сознание’ или ’сомнение’.

Умыслити ‘задумать хитростью’: *и умыслиша римляни бѣжать* (226); *умыслившее же се боляре* (84) и т.д.

Контексты показывают, что эти глаголы передают внутреннее состояние субъекта (*въ себѣ*) в момент размышления или принятия решений.

Съвѣстити – слово, связанное с глаголом *вѣдати*, который очень распространен во всех возможных формах (при отсутствии глагола *знати*): *яз вѣдѣ, увѣдѣ, свѣдаю, вѣмь убо, вѣси, увѣси, вѣсть, исповѣсть, вѣмы, увѣсте* и др. Глагол используется во всех значениях, относительно как божественного, так и человеческого знания. Глагол же *съвѣстити* часто по форме пересекается с калькой *съвѣсть* ‘совесть’ и с именами *съвѣсть* ‘сестра жены’ и *съвѣсть* ‘светильник’. Исторические словари показывают «многосмыслие» этого глагола, связанного с переводами многих греческих глаголов. *Съвѣсть* также показано как ‘разумение, понимание’ или ‘знание, ведение’, и только в сочетании *чистая съвѣсть* предстает как калька с греч. συνειδός – в новозаветных текстах выступающая со значением ‘совесть’.

Съвѣстите ми соотносится с *повѣдите мнѣ* в других фрагментах текста*; съвѣстити* можно – сказание, сон или тайну: имеется в виду необходимость истолковать непонятное и неясное, предварительно его уразумев. (Двое ослабели) *и не съвѣстися сами себѣ болѣзни своеа, яко стыдястася* (20) – не признались сами себе.

В Сказании о пророке Даниеле слово употребляется особенно часто. Яко *разумѣти сонъ его?... И сказание его съвѣстим так… Аще убо не съвѣстите сна и съказаниа его*… (23); *съвѣстите мнѣ..., съвѣстите ему… съвѣщати прѣд мною… повѣдите мнѣ… съвѣстити слово се царю… иже съвѣстити прѣд царемь... и съвѣсти сонъ… яко сонъ царев*

въсъвѣстилъ ми еси сказати сеи царю… и сказание съвѣщу царю... – все примеры на с. 24 (*съвѣстити = повѣдите, сказати* можно, только открыв тайное). «Совесть» тоже еще не нравственная категория: *бесы… мрьскою съвѣстию ужасьшеся* (332) (мерзкая совесть!), *оскверненую свою и свѣдая свѣсть* (400) – всегда уточняется характер «совести» – *разумения* чего-либо на основе внутреннего согласия. Это не просто «уразумение», а интуитивное осознавание тайного и непостижимого – невидимого, например, снов. Все контексты показывают, что речь идет о 1) диалогическом обмене информацией 2) касательно её неопределенности, что в её постижении требует 3) исключительных умственных способностей (необходимо *вѣдати*, а не просто *знати*) для 4) истолкования в слове (понимания её *разума*) и 5) последующего сообщения её сути другим (в сопровождении глаголов *съвѣщааху, извѣстовали, съвѣдати* и т.д.). В некоторых переводах с греческого находим соответствия *ковати (ковы), мыслити* (замышлять) и даже *съвѣстовати* для греч. τεκταίομαι – в переносном значении медиального глагола ‘мастерить, строить’ или ‘затевать козни, замышлять недоброе’.

Тот же смысловой подтекст находим в других местах Летописца: *и тако убо увѣрився от своеа свѣсти, яко се есть самъ Александръ*… (122) – убедился своим «нутром», своим «сознанием». И тут же в глагольной форме: *сего же Дарий не съвѣсть, яко*… (125), *никто ни свѣсть ему имя* (150), *никтоже свѣсть до днешняго дни* (310) (в последнем примере все грамматические формы указывают на древность выражения и его зависимость от греческого оригинала).

Всё сказанное позволяет восстановить семантическую последовательность переноса значений в данном *глагольном* слове: *он свѣсть* = *он думает*, поскольку нечто знает и потому сообщает – это происходит в последовательности интеллектуальных действий 1 – 3 – 5 с пропуском моментов 2 «понимает» и 4 «толкует, именуя», потому что те предпола-

гаются на интуитивном уровне сознания. Таково это, в своем роде энтимемное, представление известного знания, полученного на уровне «чутья», а не логического суждения в понятиях.

Общий результат рассмотрения промежуточных уровней интеллектуального действия показывает, что *умѣти* соединяет моменты 1 и 2, *съмыслити* – моменты 2 и 3, тогда как сфера действия глагола *съвѣстити* гораздо шире, захватывает более широкое поле действий. Возможно, в этом причина того, что, в отличие от первых двух глаголов, *съвѣстити* не закрепил свои значения ни в одном из оттенков. Сегодня мы знаем, что значит *уметь* и *смыслить* в деле, но совершенно не понимаем таинственное движение *съвѣстити*. Может быть, потому, что старые формы интуитивного познания мы заменили рассудочным.

Если для окончательной реконструкции привлечь интуитивные определения русских философов, касавшихся нашей темы (Бердяев, Булгаков, Лосев, Флоренский), мы получим определенное соотношение в границах концептуального квадрата, отражающего содержательные формы концепта:

[*Понятие* **съмысла** или **съвѣсти**]	*Образ* **разума**
Символ **мудрости**	*концептум* **ума**

Итак, *умъ* – это и смысл, и вещество мышления, определяемые модальностью «хотеть» – познавать. *Разумъ* – первое воплощение ума, определяющее различие между субъектом и объектом познания: предметно-образная мысль. *Здравый смысл* (=*рассудок*), полностью соотносимый с умом как его прямое воплощение в чистом виде: схематично-понятийная форма мысли. *Мудрость* – «окончательное сознание»

(А.С. Хомяков) – предстает как целокупность ума-разума и веры, личной совестью сплоченная в надличностное знание (с окончательным возвращением в ум): символически совместное ве́дение истины. Здесь нелишне вспомнить и ментальные определения В.И. Даля, согласно которым ум есть категория не ментальная, а *поведенческая*. Таким образом, основным термином данного ряда является не собственно ум, а его проявления: *умѣти* – то, что соединяет уровни «думать» и «понимать».

Следует оговориться: к началу XV в. понятийное мышление еще не сформировалось в законченном виде. В ходу были только «образные понятия», т.е. символы. Смысл – это проявление разума, смысл выходит из разума, определяясь им как отдаленным действием ума. Это еще не рассудок, который проявился в середине XVIII в., а приближение к нему. Древнерусский язык знает только *разсуждение*, которое так же относится к слову *судъ*, как *разумъ* – к *уму*: это проявление (соответственно) суда и ума в действии; *рассуждати* – ‘судить’, ‘выбирать’, ‘оценивать’. Точно так же и *съмыслъ* как разумное действие представляет сознание в самом общем виде как приблизительное понимание. Наличие синонимов в «клетке» *понятие* (*съвѣсть*, *съмыслъ* и под.) доказывает отсутствие понятия как самостоятельной содержательной формы концепта; префикс *съ-* в обоих случаях выражает связь «вести» и «мысли» с чем-то помимо их.

Сравнение с действием тех же концептов в конце XV в., в сочинениях Нила Сорского, показывает изменения, произошедшие в языке под влиянием распространившейся идеологии реализма (см.: Русская историческая лексикология и лексикография, вып. 7. СПб., 2008, с. 65-81). Значения слов обрели ясность и строгость в указаниях на означаемое, произошло распределение в оттенках смысла – в соответствии с основной идеей реализма: всякой сущей *вещи* соответствует ее живая *идея*.

Умъ пребывает в «умном оке» и расположен в сердце как носителе божественных энергий, ум подвергается действию мистической интуи-

ции. Наоборот, вещное подобие ума – *разумъ* размещен в голове, это «телесное око» сознания, действующее в режиме чувственной интуиции. *Разумъ на уме* амбивалентен: оба слова одновременно обозначают и силы мышления, и вызванные ею представления.

Мысли возникают в *речи* отдельного человека – *смыслы* находятся в текстах и принадлежат многим людям. Смыслы основаны на мысли. Смысл отчужден от субъекта на правах предметной соотнесенности с мыслью. Возникший позже термин *здравый смысл* – предшественник концепта «рассудок»; это остаток прежнего понимания смысла, которое в конце концов и обернулось «рассудком».

Мнения и *пщевания* указывают на недостоверные знания; первое слово в качестве исходного образа имеет связь с представлением о «надежде». Действие этих концептов – в сфере интеллектуальной интуиции, в границах которой они и приобретают необходимую ясность. *Мудрость* же по-прежнему выражает высшую степень понимания, доступного человеку. Это не вещный, а вечный предикат сознания.

2. Представление об умственной деятельности в трудах Нила Сорского

Общее представление о системе сложившихся к концу XV в. обозначений сферы интеллектуальной деятельности представляют тексты Нила Сорского (1433-1508), авторитетного автора, создателя «Устава» «нестяжательного жития», тонкого мастера слова. Нил был активным последователем идей «православного энергетизма», исповедовал исихазм и был знаком с переводами (или оригиналами?) трудов Псевдо-Дионисия Ареопагита, распространение которых заложило на Руси философский *реализм.*

Нил всегда пишет «от себя», но по ткани традиционных церковных текстов, которые словесно перерабатывает. Такая позиция была внове, для нас она ценна индивидуально-авторским отношением к излагаемо-

му. В одном из посланий Нил так описывает свой метод словесной интерпретации текстов:

«*Аз убо не творю что без свѣдетельства божественыхъ писаний, но, по святых писаний послѣдуя, творю елико по силѣ. Егда бо сътворити ми что, испытую прежде божественнаа писаниа, и, аще не обрящу съгласующа моему разуму в начинание дѣла, отлагаю то, донѣлѣже обрящу. Егда же обрящу благодатию божиею, творю благодръзостьно яко извѣстно, от себе же не смѣю творити, понеже невѣжда и поселянинъ есмь*» (176). Почти теми же словами Нил повторяет это и ниже (178). Итак, задуманное он воплощает в слове только после того, как в творениях «великих отцов» найдет подтверждение справедливости своего разумения, которое окажется верным (*извѣстно*). Тем самым Нил свободен в форме выражения *разума*, но общий смысл выражаемого должен быть традиционным по форме. Стиль Нила – скорее «средний»: у него много диалектизмов, а церковнославянские слова представлены вспомогательной лексикой вроде *аще, точию, выну*, которые часто заменяются русскими – *егда, токмо, присно* и под.

На некоторых примерах рассмотрим последовательно все термины, связанные с темой (М.С.Боровкова-Майкова. Нила Сорского «Предание» и «Устав». СПб., 1912; все цитаты по этому изданию).

Умъ* и *разумъ. В одной цитате «от отец» Нил приводит интересное соответствие: «*И сердце, еже помысломъ хранитель, и умъ, чювствомъ кормникъ, и мысль, скоролетящая птица и безстудная*» (27). Заимствованная метафора понравилась Нилу, потому что в ней заложено соотношение «сердце – голова (*умъ*)» с выделением стремительно летящей и дерзкой мысли, связанной одинаково как с сердцем, так и с головой. Но в разном качестве: мысли – в голове, помыслы – в сердце. *Умъ* – «кормчий чувств», он направляет действия чувств, не властвуя

непосредственно над мыслью. Развернутый образ, соотносящий начало – ум и завершение – мысль.

Ум в концепции познания в текстах Ареопагитик занимает особое место. Эквивалентом божественного ума (νους), скрытого за Логосом-словом, является мирской *разумъ*. Именно из ума истекают общие идеи – эйдосы, которые справедливо было бы именовать исходными образами сущего. Действенность ума определяется способностями разума, но эффективность познания выясняется установкой на ум: *слово бо умъ есть*, *Бог слово глаголется*, *глаголется слово и умъ – Богъ* и т.д. Во всех контекстах ум соотнесен со словом-Логосом, а не с его воплощением в слове-лексеме. «Умное око» также противопоставлено «телесному оку», которое воспринимает единое по частям, аналитически, тем самым представляя его и сложным, и множественным, т.е. обедняя в сознании его наличные признаки. Противопоставление «умного» и «телесного» *ока* впоследствии неоднократно использовалось в древнерусской литературе, и предпочтение одного из них другому всегда указывало на отношение к важности операций в процессе познания. Так, Аввакум Петров «телесному оку» разума последовательно предпочитал «умное око» ума, тогда как его рационалистически настроенных оппонентов влекло «око телесное». В скрытом виде это противоположность реализма номинализму. Выражения вроде *ум за разум зашел* возвращают нас к пониманию ума как идеального сознания, которое может искажать перспективу познания под влиянием отвлекающего в стороны «телесного ока-разума».

У Нила *умъ* предстает как орган всякого, не только умственного, действия, причем он связан с сердцем: *и умъ въ сердци събираа* (24), *еже умъ блюсти въ сердци кромѣ всѣхъ помыслъ* (24), *умъ в сердцы затворяй* (22 и 23), *аще не мощи умомъ сердце блюсти, глаголи молитву* (23) – ум успокаивает сердце, настраивая его на гармонию отношений: *всѣм умомъ и чювствы поработихомся… всѣм умомъ и чю-*

вствы работати Богу (36). За умом остается также функция «чувствования», скорее, предчувствия, т.е. интуиции, *наития*: *внегда сподобится умъ почювати будущаго блаженьства… въсхищается умъ вне хотѣниа в мысли бесплотныхъ* (28); *и съобращаху умъ свои в помышлениихъ желания* (166). Ощущение предшествует осознанию: *преже чювьственѣ – таже умнѣ* (13). Ум просто собирает всю поступающую информацию, но *таже събираеть умъ втаи* (тайн) (64), и *тако приемлемъ в умѣ*… (67, 68, 69). Именно ум владеет словом («внутренняя речь»), но духовно: *помолюся убо духомъ – помолю же ся и умомъ… хощу пять слов умомъ моимъ рещи, неже тму слов языкомъ* (11) – *Богъ бо уму внимаеть* (12). Только «внутреннее, сирѣчь умное, плодъ есть» (12), т.е. плодотворно. Ум и мысль автономны при всей их далекой связи – это содержащее и содержимое, ср.: *се же есть помышляти, которая любо мысль принесенаа на умъ* (17).

В целом, *ум* в понимании Нила предстает в исходном своем значении как *чувство* сознания, размещенное в голове и в сердце и *проявляющееся* в своем материализованном качестве – в *разуме*.

Но ум не только порождает мысли, изливаясь вовне, одновременно, соединяя полученную информацию и выданную на ее основе мысль, ум помогает *разумению* сути дела. В посланиях, в которых собственного текста Нила больше, чем цитат и парафраз, *разумъ* – основное слово данного ряда, причем оно представлено большим количеством производных: *неразумный, неразумие, разумѣти, разумѣющий, уразумѣти, поразумѣти, разумный, разумѣвати* и др. Неразумие уподоблено греху (164), наоборот, разумение – это понимание (174). Форма выражения мысли может быть разной (это вообще сквозная мысль Нила), но при этом смысл должен сохраняться, потому что «разумъ от Бога» (28) и потому что «Богу вразумляющу» (38), ибо «не много ли множае и без мѣры множае Божии разумъ вѣсть?» (54-55) – ум Бога знает гораздо больше.

Разум дан одновременно для *разумения слов и вещей* (23), т.е. на выходе от чувства-вещи и на входе к мысли-слову; это переход от деятельности сердца к действию головы.

Разумъ в древнем языке также исключительно важный термин. Одновременно это и знак, и смысл, и содержание, и представление – всё то, ради чего и следует высказываться в речи *речением*. В историческом словаре слово *разумъ* представлено двумя десятками значений, только по Изборнику 1073 года выявляют следующие: ‘способность познавать’, ‘представление (= понятию)’, ‘смысл (слова)’, ‘содержание (текста)’, ‘причина’, ‘довод (соображение)’, ‘принцип (закон)’, ‘путь как способ’, ‘умонастроение’ – явно контекстные значения исходно синкретичного слова, выявленные как *перевод* конкретного в тексте смысла. В XI в. это еще и ‘сознание’, и ‘хранитель’, и ‘страж’, в одном переводе с греческого это слово передает даже значение ‘разведчик’. «Синкретизм значений» – это собирательный смысл определенной «вещи» в совокупной множественности всех ее признаков. Именно таково было представление о вещности в древности. Какова же эта многоименная «вещь»? Философы называли ее *идеей*, в мифологии это божественный *ум*, сегодня мы предпочитаем термин *понятие*, хотя ни одно из этих слов не покрывает объема того, что называлось *разумом*. Древнерусское представление о разуме можно описать как нерасторжимую слитность мыслящего, самой мысли и того, о чем в этот момент мыслят (объекта). *Разумъ* не просто *значение*, скорее это общий *смысл*; значение содержится в знаке (в слове), смысл же содержится в вещи, а значит, и в тексте.

По древнейшим текстам известно, что некогда *речение* (слово) понимали как единство *разума* и *глагола*, т.е. определенного *смысла* изрекаемого *звучания*. *Разумъ* – содержание, *глаголъ* – форма. *Слово* и *речение* – синонимы обратного смысла: речь изрекают, а слово слышат. Так понимали дело Кирилл и Мефодий, их ближайшие последователи и, видимо, все книжники на протяжении всего древнерусского периода. По-

сле XVII в. сочетание *разумъ* и *глаголъ* сменилось современным *значение* и *звучание*.

В отличие от ума, функционально связанного больше с сердцем, разум – чисто интеллектуальная сила, он противопоставлен и чувству, и воле (т.е. вере): *отъ многаго нечювства и неразумиа и маловѣриа омрачени подъ мышцею разума Господня*… (34). При этом разум связан с *видимым*: только то, что видно, может быть *увидено*, т.е. «понято», ср. два варианта общего смысла: *и аще поразумѣеть, яко*… (40) – *аще ли же видить, яко*… (40). В последовательности «вразумления» от ощущения видимого к осознанию невидимого (это мудрость) *разумъ* выступает как бы посредником: *сами от искуса разумѣвше* (52) – *и сице разумѣвъ, отъ искуса умудряется* (52). В широком смысле разум здесь почти уравнивается по функции с рассудком: *и разумомъ неразсудномъ невѣдуще ни яже творять, ни о нихже утверждаются* (180). В отличие от рассудка-суждения, разум напрямую связан с действием воли, которая и определяет действие ума.

Таким образом, говоря о разуме, не следует думать, будто *разумъ* – это понятие, а *разумѣти* – ‘понимать’. *И сице разумѣвше суету вѣка сего, что мятемся всуе?* (65) – *тѣмь же разумѣвающе краткую нашу жизнь*… (66) и т.д. – во всех случаях речь идет об *уразумении*, но не обязательно в понятии, это может быть простое соображение или представление, пока еще не совсем ясное для мысли. *Уразумѣти* – значит просто ухватить общий *смысл*, конкретный смысл ощущаемого и осознаваемого, но в неопределенности образного представления.

Мысль* и *смыслъ. Мыслит отдельный человек, хотя бы и в «сонме» с самым неожиданным собеседником, например, по небрежению с бесом «мысленѣ събесѣдовалъ, сиирѣчь мыслилъ произволениемъ» (20), т.е. «мыслил» сам в себе, поскольку реально беса не было. Что

значит *мысленѣ*? «*Мысленѣ вмалѣ сложить въ мысли своей…, якоже глаголетъ вражий помыслъ*» (17).

Подвизавшеся чювьствене и мысленѣ, дѣлаше въ винограде сердца своего и очистивше умъ отъ страстей... и стяжаша разумъ духовный… и на всякъ разумъ истинный наставити… и яз, многогрѣшный и неразумный…, азъ, нерадивый и ленивый… разумъ писаний сихъ обдержаше, сие имать… яко мысленѣ же и чювественѣ (14-15).

В этом высказывании обозначена общая последовательность интеллектуальных действий, как ее понимает Нил. Вся информация, полученная умом посредством чувств и мыслей об ощущениях, перерабатывается (*дѣлаше*) в сердце с тем, чтобы очиститься от случайных эмоций (от *страстей*) и через *духовный разум* уже в уме возвыситься в разумъ истинный. В развитие темы уточняется определение смысла авторских писаний (*разумъ писаний сихъ*), основанных на авторской переработке текста как *мысленѣ*, так и *чювственѣ* (очень часто повторяется это удвоение, см. 55 и др.). И то и другое происходит «внутрь мысленѣ» (367), в сердце (*помышлениа сердечнаго* (43)), «помышляя в себѣ» (57), «и размысли в себѣ» (168), тогда как бесы действуют злыми *помыслами* (20) и др. Помыслы и помышления чувственны, а не интеллектуальны – это помехи разуму, почему многие «съобращаху умъ свои в помышлениихъ желаниа» (166); в устах монаха естественны эпитеты для обозначения помыслов: они *лукавые, нечистыа, хулныя, неподобные, скверные, вражиа, блудные, страстные* и т.д. Характерно, что только одно из обозначений, но самое распространенное – *лукавыя помыслы* – имеет синоним: *лукавыа мысли* (18, 19). *Помыслы*, как и *съмыслы*, указывают на результат действия, *помышления* представлены как процесс (*лукавая помышления* (19, 33)).

Связь ума с сердцем показана как необходимость сжечь страсти в сердце, чтобы очистить ум до возгорания истинного разума-смысла.

Традиционно уничижительная авторская формула необходима для косвенной аргументации тех «душевных сил», которые обязательны для адекватного отражения сути дела в мысли: нужно быть безгрешным, разумным, целеустремленным и деятельным. Интеллектуальное действие связано с волевым усилием – на это постоянно указывает Нил.

Готовая мысль выражается в слове: *словомъ и дѣломъ и помышлениемъ* (36) – также частая формула у Нила, в ней обозначены все члены «семантического треугольника» (слово, идея и вещь-действие) в их реализации. Призыв: *положи мысль твердѣ въ глаголемое* (164) – в речь, очень часто повторяется в посланиях: сосредоточься на том, о чем речь.

Всё мысленное является помысленным и часто просто вымышленным: «мысленаа же *парениа* бывають» (25) по причине переполненности сердца *страстьми*. Дьявол в человеке хочет «словесное поколебати мысленно» (17), но всякий человек должен заботиться «о различии еже на насъ мысленыа брани, побѣды и побеждениа и еже тщаливно противитися страстемъ» (19). Нил много говорит о *мысленѣмь дѣлании* (11, 12, 33, 38), *мысленыа брани* (12, 16), *мысленном блюдении* (11), *мысленемъ подвиге* (33), *о сложении мысленемъ* (18) и т.д. – о помысленном, но не осуществленном на деле..

Из десятка значений слова *съмыслъ*, представленных в исторических словарях русского языка, у Нила находим нерасчлененное значение как способность мыслить и как здравый смысл, т.е. рассудок (средство) и разумение (процесс). «Здравый смысл» определяется исходным значением этой кальки с греческого слова συνεσει в значении ‘соединение’ (с действительностью), так что *съмыслъ* первоначально и есть совмещенная с реальностью мысль. В старославянском языке это слово представлено в значении ‘разумность’ – нечто среднее между разумом и рассудком. Скорее можно говорить о представлении «образов мысли»,

произведенном разумом в уме. «И се убо святии указаютъ намъ извѣстно и изъемлютъ *съмнѣние* от *смысла* (рассудка) нашего, яко да в борении *мысленѣмь* не ослабѣемъ въ *смыслѣ* (не утратим рассудка) во время смущениа, нанесении скверныхъ *помыслъ* и не уклонимся въ отчаание» (34). Нил говорит о возможности впасть «въ омрачении смысла» (35), о нарушениях «въ смыслѣ твоемъ» (34), вообще «о парении смысла нашего» (63), и необходимо понимать, что пришедший «въ смысле» помысл следует отвергать, не принимая его за истинный (60); «и смиреннымъ скорбѣти въ смыслѣ» (72), ибо известно, что «скорбѣние бо смысла у всѣх дѣл телесныхъ» (72) – в последнем случае речь идет не о средстве, а о процессе.

Смысл связан с возможностью (рас)суждения, что вообще является функцией рассудка, «се есть смысленыхъ разсуждение» (42). Нил говорит: «насъ же не оставляетъ парение съмысла нашего…, множицею бо съмышляюще сиа и собесѣдующ другъ с другомъ о смерти, внутрь же сердца глаголы сиа углубити и утвердити не можемъ» (63). *Парение* духовного рассудка не покидает нас и тогда, когда, казалось бы, мы так часто совместно обсуждаем проблему (*о смерти*), но сформулированные выводы (*глаголы сиа*) никак не можем занести на скрижали сердца своего, оставаясь «въ своемъ съмыслѣ» – на поверхностном уровне рассудка.

Некоторая неопределенность слова *съмыслъ* в текстах Нила соотносится со столь же неопределенным значением слова *разумъ*. Это тоже интеллектуальное действие, но не ума в широком смысле (связанного и с сердцем), а собственно рассудка. Специализация значений обоих слов развивается значительно позже описываемого времени. Таким образом, чувство ума, сосредоточенного в области сердца («духовный ум»), проявляется в разуме как средство восприятия общего смысла, передаваемого от сердца голове и порождающего «быстролетящую»

мысль, абсолютно интеллектуальный результат всей последовательности действий.

Мнение* и *мудрость. Противопоставление мнения мудрости – это оппозиция, а не соотношение «часть-целое», как в двух первых случаях. Различие состоит в модальностях осуществления: мнение вызывает сомнение, тогда как мудрость непреложно несомненна.

В соответствии с исходным образным значением глагола *мьнѣти* – ‘(пред)полагать’ > ‘надеяться’ это предположительное утверждение, именно так оно и подается Нилом. Для этого используются условные союзы, ср. *аще* ‘при условии что’, *яко* ‘будто’, т.е. при определенных условиях: *аще и мнятся благы быти*… (83), *яко мнимы на добро изведены* (83), *аще мнимся что благо творяше*… (48), *яже и мнятся сиа творити* (174) и т.д. Частая в текстах Нила форма *мню* с неопределенным значением ‘думаю, предполагаю, считаю – как кажется’ выражает тот же смысл: «полезно же, мню, и сие» (64).

Столь же сомнительным по результатам представляется устаревающий глагол *непщевати*, у Нила он встречается трижды, ср.: *и аще сиа вся получиша, а о будущем… не попекошася, что непщевати о таковых?* (166) – что надо думать о таких.

Оба слова – *мнѣти* и *непщевати* – уходят на периферию употребления и тем самым, уточняя исходный образ (внутреннюю форму) своих корней, передают значение недостоверного, неопределенного и главным образом субъективного знания и мысли.

Наоборот, слово *мудрость* развивает новые значения; двуобращенность смысла (глубинное знание как положительная или как отрицательная сила) реализуется словообразовательно. Положительное значение актуализуется в слове *премудрость*, отрицательное проявляется в слове *мудрование*. В глаголах такое же положение: *умудряется* (+) и *мудрьствуетъ* (-), т.е. лукавит. Мудрость остается положительной величиной: *сиа помышляй и твори, мудръ бываа въ благое* (168). *Мудро-*

вание и *мудрствовати* явно нежелательные явления, это мирские проявления мудрости святых и премудрости Божией, ср.: *яко мирская мудрьствующихъ* (174), *плотьскыхъ мудрований отступити* (180) и под.

Итак, порядок следования можно предложить в виде формулы, представляющей категорию «причинность», которая включает в себя все четыре аристотелевские «причины»: *основание* (*на чем?* – как исходная точка развития, *сущностная* причина Аристотеля) – *условие* (*в чем?* – материальная причина) – *причина* (*за чем?* – причина начальная) – *цель* (*для чего?* – причина конечная). Соответственно это последовательность амбивалентных *умъ* – *разумъ* и отчужденных от субъекта *съмыслъ* и *мысль*. Сила *разума*, основанного на *уме*, через посредство постигаемого *смысла* превращается в энергию *мысли*. Таково понимание дел у Нила, как это можно реконструировать на основании его текстов. Обращает на себя внимание семантическая близость имен *разумъ* и *съмыслъ*; впоследствии второе слово как слово высокого стиля полностью вытеснило слово *разумъ* в значении ‘смысл’. Произошло это только в XVIII в., когда «здравый разум» (1728) сменился современным сочетанием «здравый смысл» (1739).

Вѣдати и ***знати.*** Внутренняя форма (исходный образ) определяет развитие значений и у этой пары глаголов. *Вѣдати* соотносится и с *видѣти*, и с *глаголати*. *Вѣдати* – одновременно и говорить, это проявление речи: *вѣсть* > *повѣсть* > *исповѣсть*. Но ведает человек лишь то, что *видит*, что всегда проявляется в чувстве: «кто же не вѣсть въ чювьстве, яко и бѣсовъ горши есть грѣшныи» (58).

Ведать – *говорить*: «и кто исповѣсть, братие…» (69), Святыи же Иоаннъ… повѣдаетъ сице…» (27) и мн. др. Разнообразие смысловых оттенков возникает из-за неопределенности выражений, ср.: «всяко извѣстить Богъ сътворити…» (168) – сообщит, даст знать?

Ведать – видеть: «Божий разумъ вѣсть… (но человеку) сиа вѣдяще, терпѣти подобаеть» 55 (понимая свое положение); в посланиях этот оттенок представлен яснее: «якоже и самъ видѣлъ еси» (178) (а потому и ведаешь). Частые в древнерусских текстах квазифонические смешения форм типа *видѣти=вѣдѣти/вѣдати* своим появлением обязаны именно такой семантической близости значений ‘знать’ и ‘видеть’. Некоторые контексты в их совместности позволяют заметить тонкие переходы в значениях этих глаголов: «аще бо, рече, *видиши* дѣиствующу молитву *въ твоемъ сердци*» (видишь в сердце – ведаешь сердце) – «мы же, сиа вся увидѣвше отъ святыхъ писаний…» (32) (узнавши по Писанию) – «(Бога), сердца наша видящаго» (56) – и эта метафора основана на сближении глагольных корней *вѣд-* и *вид-*.

Видимо, не случайно в текстах Нила столь долго сохраняются и часто используются архаические формы глагола *вѣдѣти – вѣмь/вѣмъ, вѣси, вѣсть, вѣмы, вѣсте* при отсутствии древнейшей из них формы 1 лица *вѣдѣ*. Наличие таких форм помогает в ряде случаев различать «знание» от простого «видения» как чувственного познания. Но видеть и говорить об увиденном можно только находясь в семантической сфере глагола *вѣдѣти/вѣдати*, т.е. воспринимая и передавая то, что *извѣстно* или *небезвѣстно*: «ты же истинная извѣстнѣ испытавъ…» (174), «аще бо человѣкомъ небезвѣстно, колико…» (54), т.е. то, что выступает в качестве сведений, *явленных в мир* и оттого *видимых*.

Совсем иное дело – мир невидимый, сфера сущностей, не доступных ни зрению (*видеть*), ни словесному оформлению (*глаголать*). В современной схеме «семантического треугольника» это та самая *идея*, которая скрепляет связь между *словом* и *вещью*, образуя их совместное единство. *Идею нужно знать*. Глагол *знати* представляет высшее знание, и в этом случае также сохраняется внутренний образ в исходном словесном корне *gen-* ‘рождаться’. Знание рождается (появляется, воз-

никает) в отталкивании от поверхностного *чувства* «ведения». Только в молитве «познаеши искусомъ, яко…» (172) – в искушении истины в ее первозданном виде. Познание вообще есть путь к вечной жизни, «имже въ внятии премудрости познавшем (дело Божье), идоша преподобнии отцы» (174). Знание приходит свыше и составляет суть всякого *ум-ения*, явленного божественным *умом*: «и отъ искуса же знаемо есть сие» (24) – «но горе намъ, яко не познаваемъ душь нашихъ, ни разумѣемъ, въ кое жительство [вечной жизни] звании быхомъ» (31) – «и искусомъ познаеши, яко Вышняго силы невидимою помощию… побѣждаются» (45) и мн. др. Всюду речь идет об искусе. *Искусъ* – испытание опытом, приносящее человеку высшее знание и умение, основанный на нем опыт, всеведение духовных глубин, с помощью которых возможно порождение новых ценностей.

Нарицати – именовати. Самая архаическая форма этого синонимического ряда *нарицати* у Нила представлена в различных формах и является вполне живой. Не исключено, что причина этого в сохранении формы *сиирѣчь* ‘иными словами’: *вся сиа трезвѣние, сиирѣчь дѣлание мыслена глаголются* (33) и т.д. Нил переводит эту форму: *сие же просто рещи* (16) и др., возводя ее на новый стилистический уровень. Кроме того, в текстах Нила часто встречается имя *рѣчь*, которое представлено еще в синкретизме значений – от ‘язык’ до ‘речевое произношение’, ‘высказывание’, ‘беседа’, ‘слово’ и даже ‘глагол’ как ‘звучание речи’: *Что мниши скорбь мнѣ на тебя тѣхъ ради* ***рѣчеи***, *что* ***бесѣдовали*** *есмя с тобою, коли еси был здѣ[сь]* (176) – *Не подобаеть же и на таковѣхъ* ***рѣчьми*** *наскакати, ни поношати, ни укаряти* (174) – *Поминати же святыхъ апостолъ* ***речениа*** [определенно ‘слова’], *еже конець приближися* (63) и т.д. В текстах Нила нет слова *говорити*, только *речи/рещи* и *глаголати*. Первая форма явно архаична, на что указывают и старые формы типа *рѣхъ, рѣхомъ, рѣша, река, ркоша*, которые обозна-

чают включение авторской (записанной) речи (*якоже рѣша* (80), *якоже речено есть* (172, 174) с отсылками к известным текстам).

Аще бо и разньствуютъ имены, но на единъ разумъ сходятся: и величание, и высокогордие, и кичение, и прочаа именуется от отець… всякъ высокосердый и нечистъ именуется (57) – текст, который помогает понять соотношение между *именем* и *глаголом*, а также между *нарицаетъ* и *именуется*. *Имя* – одновременно и *глаголъ* (по звучанию), и понятие («идея»), но различные понятия имеют один и тот же смысл (*разумъ*), в данном случае – пороки гордыни. *Иже от Господа глаголъ реченный* (40, 63), *сице пишетъ глаголы Его* (67), *не ухищренными глаголы* (45) и др.– указание на звучащее (во всех смыслах) слово. *Глаголати* обычно употребляется в форме настоящего времени и причастий – это обобщенная форма выражения мысли, приближенная к моменту речи; это как бы калька с греческой формы λεγει. Таким образом, *рещи* отражает идеальную, *глаголати* – реальную сторону речевого общения, представляя собой собирательные выражения этих отношений. Соответственно и имена выступают как согласованные со значением глаголов актуальные средства выражения процесса речи. *Рѣчь* и *глаголъ* так же, как *рѣщи* и *глаголати*.

Именуют, давая имена: …*тако азъ именую васъ, а не ученики* (1) («не учениками»); *како праведна себе именуя, умомъ грѣшна и сквернава* (58). В целом это сложное по исполнению дело, поскольку «именъ же ея извѣстьнѣ никтоже вѣсть!» (28) – всех имен никто не знает и потому не в состоянии их уразуметь. В этом причина, почему в исключительных случаях *имена наричють*, например, «безмолвие бо по имени его нариченно есть» (26), т.е. дано не по сущности явления, а по известному производящему имени. *Именуют* же только сущность «имен» (понятий-символов), тогда как *нарекают* по именам, которые уже сами по себе *извѣстнѣ*, ср. (в цитате из Иоанна Лествичника) «иже о слезнемъ взыс-

кании себе окааны наричютъ» (72) – назовут себя окаянным (слово-глагол известно) за определенный порок (имя-понятие подходит к обозначению слезливости).

Однажды Нил использует и глагол *назнаменати*, но в исконном узком значении: «отчасти дерзнухомъ назнаменати святая Писаниа» (38) – поставить «знамя» (знак собственности). Этот глагол еще не входит в синонимический ряд, как и позднее сменивший его глагол *значити*, ср. в Алфавите XVII в.: «значити – знаменовати», следовательно, *значил – обозначил.*

Таким образом, тексты Нила представляют самый древний тип данного ряда обозначений, начинающий синонимический ряд последовательно уточняющих слов:

нарекати – ***именовати*** – *знаменовати* – *значити*

рѣчь > ***имя*** > *знамя* > *знак*

Сужение в обозначениях универсального термина «знак» исторически развивалось направленным движением от семантики соответствующих глаголов, вызывавших переход ко все более отвлеченной номинации знака (например, *нарицати – имя*) от вещного *рѣчь* до абстрактного *знакъ*. Причем основным (актуальным) в каждый момент становился «средний член» возможной тернарной оппозиции. *Именем* можно еще и *нарекать*, и *именовать*, но с различным направлением в номинации – на вещь или на слово. Однако то, что относится только к слову (*рѣчь* и *нарицати*), минуя понятие-идею, становится семантическим архаизмом, а то, что относится к вещи (*знамя*, *знаменовати*), у Нила еще осознается как слишком конкретное в специфически прикладном значении.

Такая система обозначений, использованная Нилом Сорским в конце XV в., в ее целом безусловно уже архаична. Автор намеренно архаизирует текст, тем самым помогая нам выявить то звено *развивающейся системы обозначений*, которое в других источниках предельно

затерто новациями: *рѣчь* и *нарицати* как исходную точку данного синонимического ряда. Тем самым *рѣчь* предстает еще в том первозданном виде, когда за этим словом скрывалось единство «идеи» и «вещи», доступное *разумению*.

Заключая рассмотрение лексики, связанной с выражением умственной деятельности в трудах выдающегося деятеля XV в., подчеркнем главное: у Нила в законченном виде представлено «двоение сущего» на идею и вещное ее подобие, т.е. ярко выражено *сознание реалиста,* которое окончательно укрепилось в русском обществе как раз на протяжении этого века, сменив господствовавший до того номинализм. Одно и то же выражено двояко: *умъ* и *разумъ*, *знати* и *вѣдати*, *рѣчь* и *глаголъ*, *мнѣние* и *мысль* и т.д. Синтагматическая связь всех этих терминов может быть сформулирована таким образом: ум предполагает умение в разуме, здравомыслие в рассудке (*смыслъ*) и озарение в мудрости.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТИ В ДИАХРОНИИ

Лекции

АКИМОВА Эльвира Николаевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Государственный институт русского языка
имени Александра Сергеевича Пушкина
akimovaen@mail.ru

ТЕОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация. В настоящей статье дан аналитический обзор основных работ современных исследователей-медиевистов, посвященных теории средневековой русской ментальности. Она, понимаемая как миросозерцание в категориях и формах родного языка (В.В. Колесов), была двойственна и противоречива и адекватно отражалась в культурно-исторической парадигме и стиле мышления эпохи.

«Исторических экскурсов в область русской "ментальности – духовности" не так уж много, – констатирует В.В. Колесов и продолжает: Трудность работы лингвиста состоит в том, что он должен объяснить однажды уже объясненное, но на уровне знаний средних веков, найти смысл и логику в эволюции идей – это эвристика» [14: 5, 8].

Этот же автор подробно анализирует проблему русской ментальности, в том числе и средневековой, проводя различие между менталитетом и ментальностью: «Менталитет есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования», а «ментальность – миросозерцание в категориях и формах родного языка,

в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [15: 11, 16].

Автор называет также основные отличия русской ментальности в языке с учетом особенностей христианской культуры (вербальный характер, типологический взгляд на вещи, трансцендентальное объяснение сущего, дуализм понятий и символов, мистическая интуиция, отсутствие национального признака в социуме, идея потенциального единства и упорядоченного множества). В центре русской грамматики стоит не имя, а глагол; русский язык четко различает время внутреннее (вид) и время внешнее; качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; в роли связочного и предикативно осмысленного выступает глагол *быть*, а не глаголы *иметь* и *хотеть*, как во многих европейских языках; в русском языке нет артиклей, но много неопределенных местоимений и наречий, а также различных синтаксических конструкций (например, безличных предложений), что создает неопределенность высказывания; установка словаря на метонимические переносные значения, а не на метафору; наличие категории одушевленности – остаток древнего языческого анимизма; славянский императив не является повелительным наклонением, он восходит к древней форме оптатива – наклонения желательного; модальность высказывания содержится уже в самом строении фразы; плеоназм (избыточность выражения), особенно при выражении отрицания; наличие категории состояния; преобладание диалога как основной формы мышления; собирательная множественность объектов; отделение парадигмы единственного числа от парадигмы множественного; порождение все новых и новых гиперонимов, воссоздающих символы; многочисленность безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, создающих непереводимое на другие языки представление о зыбком внешнем мире, отражающем мир реальный, существующий в сознании чело-

века – таковы основные признаки русской ментальности, проявляемые в языке [15: 24-31].

Б. Рассел точно заметил: «Постигая устройство языка, мы многое узнаем об устройстве мира». Действительно, в языке запечатлено многотысячелетнее познание мира, мир отражен в языке и поэтому в определенном смысле мир и его отражение в языке – нечто единое.

Русский язык издревле предстает как «двуипостасный» (термин Вяч.И. Иванова), вобравший в себя две языковые стихии – народной русской речи и церковнославянского письменного языка. В этом облике проступают древнейшие, возможно первоначальные, представления индоевропейской культуры о «двух языках» – «языке богов» и «языке людей», проходящие магистральной линией через всю культуру Европы, и не только Европы. Прототип данной идеи находим уже в Библии: акт творения начинается со Слова, в течение первых трех дней Бог называет субстанции и стихии (божественный язык), а далее именование тварей на языке человеческом поручает Адаму [23: 919-920].

Слово, согласно средневековой логике, было сущностью явлений. Назвать вещи – значило понять их. С этой точки зрения языку церковных писаний отводилась главенствующая роль в познании мира. Применительно к нашему материалу, действительно, дела житейские (деловая письменность, берестяные грамоты), суетность истории (погодные записи летописей) и под. передавались одним образом, а когда речь шла о «горнем», сакральном, язык менялся: «церковнославянский язык Киевской Руси X-XI вв. был отграничен, отличался от древнерусского народного языка не только в действительности, но и в сознании людей» [28: 102-103].

«Средние века знали безусловно авторитетное Слово, произнесенное на сакральном языке и божественное по своей природе. В отличие от слова в бытовом говорении, оно могло быть только истинным и было полностью изъято из-под власти человеческого произвола. Оно

допускало толкование для слушающего, поскольку он был несовершенен, но исключало двусмысленность для говорящего» [19: 637].

Наличие «двух языков» проистекает из бинарности самого средневекового мира, имеющей мировоззренческого значение, выявляющей отношение к этому миру, его восприятие.

Наблюдения над языком и стилем изученных памятников, переводных и оригинальных, позволяют выделить языковые факты, которые, являясь элементами языка и стиля конкретного текста, достаточно отчетливо обусловлены общим мировоззрением и стилем мышления своей эпохи.

Понятие «стиль эпохи» введено в научный оборот Д.С. Лихачевым: «Я понимаю под господствующим стилем не только стиль языка, стиль в узколитературном или языковом смысле, но и стиль в широком искусствоведческом смысле этого слова. Когда мы говорим о "стиле эпохи", то понятие это включает в себя как входящее и подчиненное явление также и стиль литературный; литературный же стиль имеет не только в своем составе стиль языка литературы, но и весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям – их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе» [17, 1: 33]. Соотнося свои исследования с работами венгерского ученого Тибора Кланицаи, творчески переосмысливая термин «стилистическая формация», предложенный загребским ученым Александром Флакером, Д.С. Лихачев считает, что «стиль эпохи» обладает «чрезвычайно большой интегрирующей способностью», позволяет не только объяснить многие явления сложной, синкретичной по своему характеру древнерусской культуры, но и включить ее в общее культурное пространство европейского средневековья [17, 1: 91-93; 291-296]. В литературно-историческом и общекультурном процессе русского средневековья уче-

ный выделяет четыре эпохи: эпоха стиля монументального историзма (X-XIII вв.), Предвозрождение (XIV-XV вв.), эпоха второго монументализма (XVI в.), век перехода к литературе нового времени (XVII в.) и делает вывод, что «стиль эпохи, единый для всех искусств и для всего своего времени, существует только на определенных стадиях развития эстетического сознания, когда нет еще отдельных направлений в искусстве и нет индивидуальных стилей художников» [17: 202].

Рассматриваемое понятие применительно к ментальной деятельности конкретизируется другим – «стиль мышления эпохи», широко распространенном в современной культурологии. Имея разные названия, оно разрабатывается в трудах многих ученых различных профилей гуманитарного знания. Идея эта не нова, она звучит уже в античной теории стилей, получает развитие в эпоху раннего христианства, разрабатывается в философии и науке нового времени (труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, К. Леви-Строса, Ж. Фуко). В современной отечественной науке феномен культуры, и прежде всего язык и литература как ее субстрат, рассматриваются как отражение «состояния сознания в широком смысле слова» [7: 153].

Наиболее отчетливо типичный для эпохи стиль мышления проявляется на тех уровнях языка, которые находятся ближе к уровню мыслительной деятельности, то есть в семантике и синтаксисе. Поэтому семантические, лексико-семантические, синтаксико-семантические, текстовые исследования как в синхронии, так и в диахронии, даже этимологизация слов в настоящее время оказываются неполноценными без учета историко-культурного фона эпохи и стиля ее мышления [27: 184].

Объясняя идеологическую и эстетическую изоморфность древнерусской литературы, иконописи и зодчества, Л.П. Клименко углубляет и расширяет понятие «стиль эпохи», полагая, что «последнее носит вторичный характер и производно от какого-то другого, фундаментального понятия». Это культурно-историческая парадигма эпохи, под которой

«следует понимать совокупность духовных, интеллектуальных и эстетических достижений эпохи, объединенных общей идеологической, т.е. мировоззренческой основой. Идеологическая основа есть не что иное, как господствующее мировоззрение эпохи, которое формирует в соответствии со своими основными понятиями духовную, интеллектуальную жизнь социума и эстетические установки в области культуры и искусства. Господствующим мировоззрением славянского средневековья было христианство, главные догматы которого сформировали, по сути, богословские основы не только сакрального, но и мирского искусства» [11: 5].

А. Вежбицка вводит понятие «культурного сценария». Толкуя Иисусовы притчи с помощью семантических примитивов, она пишет: «Пора признать, что надлежащее понимание текстов, истоки которых лежат в отдаленных от нас культурах, требует, среди прочего, некоторого внимания к сопоставительно-культурной прагматике и некоторого сознания того, сколь различными могут быть "культурно обусловленные сценарии", господствующие в различных обществах» [6: 765-766]. Близка к этой точке зрения и теория «вертикального контекста» О.С. Ахмановой, согласно которой, наряду с фоновыми знаниями (без них невозможно понимание), существенную роль в этом понимании играет и историко-филологический контекст литературного произведения, позволяющий понять, «как и почему тот или другой писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [4: 49].

Ментальность русского средневековья противоречива и двойственна. Это объясняется непоследовательностью самого средневековья [17: 435-436]. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода существовало двоеверие: наряду с господствующей христианской идеологией в общественном сознании весьма мощной была языческая струя.

Во-вторых, в общественном мышлении и общественной психологии Руси, а затем и России противопоставлялись традиции верхов и традиции низов [16: 128-129].

О двоеверии на Руси существует практически необозримая литература. Какие бы «пласты», христианский или языческий, ни исследовали авторы, в главном выводе все они сходятся. Протоиерей Георгий Флоровский в «Путях богословия» констатирует: «Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаенная жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная. И в сущности слагались две культуры: дневная и ночная. Носителем "дневной" культуры было, конечно, меньшинство… Заимствованная византино-христианская культура не стала "общенародной" сразу, а долгое время была достоянием и стяжанием книжного или культурного меньшинства… В подпочвенных слоях развивается "вторая культура", слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие "переживания" сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения» [26: 2-3].

Практически о том же пишет и крупный исследователь язычества Древней Руси Б.А. Рыбаков: «В результате целого ряда сложных явлений на Руси к началу XIII в. создалось и в деревне, и в городе своеобразное двоеверие, при котором деревня просто продолжала свою прадедовскую религиозную жизнь, числясь крещеной, а город и княжеско-боярские круги, приняв многое из церковной сферы и широко пользуясь социальной стороной христианства, не только не забывали своего язычества с его богатой мифологией, укоренившимися обрядами и жизнерадостными карнавалами-игрищами с их танцами, музыкой гусляров и пением, но и поднимали свою старинную, гонимую церковью религию на более высокий уровень, соответствующий расцвету русских земель в XII в.» [22: 781-782].

В работах Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана понятие «двоеверия» расширяется до понятия «двукультурности» в составе одной культуры, последняя распределяется на две сферы: «чистую», христианскую, и «нечистую», языческую. То же разделение, но под другим названием, применено и к языку. Это теория диглоссии – регламентированного употребления церковнославянского языка, с одной стороны, и русского, с другой [24; 18].

Что же касается социального расслоения средневекового русского общества, то резкой разницей во взглядах и настроениях верхов и низов был проникнут уже древнейший, собственно древнерусский период истории литературы XI – нач. XIII вв. В XIII-XIV вв., в период потрясений и несчастий от глубоко зашедшей феодальной раздробленности Руси, от нашествий ордынцев и установления ордынского ига не только сохранились, но даже расширились различия в мироощущении общественных верхов и низов, усилилось разделение их представлений о сражениях, поражениях и несчастьях. К концу XIV в. два типа мышления, книжно-церковный и устно-эпический, стали различаться еще сильнее. Следующий период, от Куликовской битвы 1380 г., подорвавшей власть Орды на Руси, до окончательного уничтожения ига в 1480 г., отмечен небывало обильным духовным развитием русского общества, особенно в верхах, и заявившем о себе средневековом «среднем классе» – купечестве. В XVI в. произошел крутой поворот в интеллектуальных отношениях верхов и низов. Высшие, а затем и средние слои общества приучались мыслить необычно большими, «государственными» категориями, оценивать явления в их многосоставности, противоречиях и длительной истории (споры «иосифлян» и «нилсорцев» по церковно-государственным вопросам, сочинения Максима Грека, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма, Андрея Курбского, Ивана Грозного). Народное же сознание отказалось в этот период от создания широких систем и выхватывало из современной жизни лишь некоторые эпизоды и частности. Укрепление

российского самодержавного государства в XVII в. дало неожиданные результаты: рост демократической массы населения, усиление давления (вплоть до бунтов и восстаний) торгово-служилой, посадской, казачьей и крестьянской среды, наступление народной культуры на духовный мир всех слоев общества. Общественное мышление низов оживилось, возникла целая литература средних слоев населения, кровно связанная с фольклором.

Противоречивость и многослойность русской средневековой ментальности отражалась в различных «мирах» древне- и старорусской литературы. Первый и главный мир изображал реальную действительность. Второй раскрывал чудеса, происходившие в ветхозаветные и евангельские времена, а также позднее в различных странах, но особенно на Руси. Третий мир – волшебный, сказочный, он минимально религиозен и существует почти без вмешательства божественных сил («Александрия»). Четвертый мир изображал чрезвычайно далекие, экзотические, полностью фантастические земли, людей, животных («Сказание об Индийском царстве»). Еще четыре мира изображались почти исключительно в апокрифах: пятый – описание земного рая, Эдема, в котором находились Адам и Ева и который после их изгнания продолжает оставаться где-то на земле («Хождение Агапия в рай»), шестой – ада («Хождение богородицы по мукам»), седьмой – небес («Книга о тайнах Еноховых»), восьмой касался будущего, «последних времен» и Страшного суда («Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен»). Литература XVII в. добавила в этот список два принципиально новых мира, восходивших к фольклору: богатырский («Повесть о Еруслане Лазаревиче») и фантастико-саркастический («Сказание о роскошном житии и веселии») [9: 695-702].

О мироощущении, мировосприятии и мировоззрении человека русского средневековья мы можем судить лишь по памятникам письменности (и отчасти – по произведениям живописи, зодчества и ремесел). Все

восстанавливается гипотетически и «самая большая опасность, подстерегающая исследователя прошлого – показания источников он принимает за аутентичную и всестороннюю картину изучаемой им жизни. Между тем любой памятник, оставленный прошлым, содержит информацию только о неком фрагменте, аспекте действительности. При этом точка зрения, с которой минувшая реальность видна в памятнике, в огромной мере определяется его жанром, его поэтикой; эта "понятийная решетка" накладывается на хаотичную и бесконечно многообразную картину меняющейся жизни, выбирая из нее только то, что отвечает внутренней структуре источника – остальное он не замечает и не фиксирует» [8: 340].

«Образ мира» средневекового русского человека, конечно, отличался от современного. «Заведомо ложно представление, что в те далекие времена… духовная жизнь людей была гораздо проще либо даже примитивнее, чем в новейшую эпоху. Другое дело, что человеческое сознание – или, точнее, самосознание – еще не воплощало, не "опредмечивало" себя в тех тщательно разработанных за века развития формах, в зрелом языке богословия, философии, науки» [13: 302].

Донаучное по своему историческому типу знание бытовало в целостной форме и поэтому «древнерусская литература вследствие синкретичности самой древнерусской книжности органично включает историю идеологии, историю борьбы философских идей и тенденций эпохи отечественного средневековья» [10: 20]. Существовал «синтез всех искусств в пределах христианской религии», отсутствовали четкие границы «между древнерусской литературой и другими видами искусств, в отличие от того, что наблюдается в более поздние эпохи» [11, II: 4].

Средневековое христианское миросозерцание было основано на умозрительных религиозных представлениях о мире и человеке, закрепленных текстами Священного писания, творениями отцов церкви. С другой стороны, это миросозерцание вбирало в себя конкретное виде-

ние отдельных явлений действительности, вытекавших из социальной, общественной и трудовой практики человека.

Окружавший человека материальный, земной, видимый мир христианская религия объявляла временным, тленным, преходящим и противопоставляла его миру идеальному, невидимому, небесному, миру вечному, нетленному и непреходящему. Эти начала временного и вечного заключены в самом человеке, в соединении его двух субстанций – души и тела. Душа одухотворяет тело, без нее тело мертво. «Князь и царь души», как писал Иоанн Экзарх Болгарский, – ум. Благодаря разуму человек становится «властелином всему». Тело же огрубляет ум, отягчает душу. Через тело душе передаются земные свойства – плотские страсти и происходящие от них болезни и страдания.

Ум содержит три умственные силы – память, воображение и мышление – и рождает четыре добродетели: справедливость, мудрость, целомудрие и мужество. При помощи пяти «слуг» – зрения, обоняния, слуха, вкуса и осязания – он воспринимает окружающий человека «видимый» мир. В мир «невидимый» человек может проникать при помощи «размышления», которое составляет внутреннюю «обсуждающую» силу души. «Размышление» позволяет при помощи «духовных» очей и ушей прозревать в тайны мира идеального, сверхчувственного. «Вещи явленные суть воистину образы вещей незримых» – так сформулировал ведущий принцип средневекового символического миросозерцания Псевдо-Дионисий Ареопагит [21: 187].

«Средневековье пронизало мир сложной символикой, связывавшей все в единую априорную сеть» [17: 439]. Символизмом был проникнут христианский культ, отражавший религиозную историю человечества. Скрытый смысл видели в явлениях природы, в исторических событиях. Для средневекового человека символ служил средством раскрытия смысла, обретения истины. Миры сакральный и профанный были объединены отношениями, раскрывающимися через Священное писание.

Символизмом средневекового мышления объясняется и полисемия слова, которое истолковывалось как в прямом, так и в многочисленных переносных значениях [12] . В связи с этим в древнерусской литературе широко представлены символические метафоры, сравнения, уподобления, часто традиционные [1].

В сознании древнерусского человека христианская символика тесно переплеталась с народно-поэтической, поскольку и та и другая черпали материал из одного и того же источника – мира окружающей природы. Фольклор не был ограничен какой-либо определенной социальной средой, он не противостоял литературе, а дополнял ее.

Средневековому мышлению были присущи догматизм и авторитарность. В сознании господствовала идея незыблемости, неизменяемости установленного самим Богом порядка социального, экономического и политического. Считалось, что и в мире природы, и в жизни человеческого общества нет развития, что свыше установлен строгий порядок смены времен года, дня и ночи, порядок земной жизни человека с ее основными моментами – рождением, браком, смертью. Не изменения, а повторение являлось определяющим моментом сознания и поведения людей. Человек должен неукоснительно следовать установленной традиции, поступать по аналогии, по «чину», идти путем своих предков.

На образное восприятие мира древнерусских писателей накладывали отпечаток их социальная среда, их средневековая «профессия», общественное положение, занимаемая должность, корпоративная принадлежность.

Вере в неподвижность и неизменяемость мира соответствовала «неподвижность» способов изображения. Искусство средневековья ориентировалось на «знакомое», а не на незнакомое и «странное». Писатель был лишен права на «самомышление», должен был строить свое произведение «по подобию», по аналогии с образцами, закрепленными авторитетом Писания. «Цитаты и заимствования из древних авторов,

формулы и клише были естественным приемом высказывания в эпоху, когда авторитет значил все, а оригинальность – ничто» [8: 140].

Отсутствовало четкое представление об авторской собственности: «Авторская принадлежность тех или иных произведений ценилась только тогда, когда автор обладал внелитературным авторитетом – церковным или светским» [17: 273]. Текст каждого древнерусского памятника постоянно менялся при переписке, был крайне неустойчивым.

Для средневекового мышления чрезвычайно значима иерархическая выстроенность мира. Подчеркнуто сословно-корпоративно организована структура общества, равно как и структура литературных жанров. Чем выше по ступеням иерархии, тем выше уровень сакральности. На вершине находится Священное писание, к его мифологемам восходят все основные представления средневековья. В иерархии образов пик сакральности – образ Христа.

Средневековый писатель всегда располагал свой материал «по ряду», в определенной последовательности, постоянно оговаривая допущенные им отступления от данного принципа и прося прощения у читателей за такое нарушение порядка. Утверждал власть корпорации над личностью и «литературный этикет» средневековья: «Взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитыми и деспотичными, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека» [17: 345].

Глубоко отлична от современной и структура произведений древнерусской литературы, которые в большинстве своем имели «ансамблевый» характер и «анфиладную» форму.

Основным принципом построения художественного образа в древнерусской литературе и искусстве, принципом этической и эстетической оценки поведения героя являлась аналогия, кажущаяся произвольной лишь на первый взгляд; в действительности ее установлением управля-

ла логика ассоциативного мышления. «В отличие от силлогического рассуждения "если… то", аллегорическое (аналогическое) рассуждение в основу кладет формулу "как… так". Поэтому оно в большей степени привязано к исходному тезису, ибо правильность содержания последнего – залог правильного истолкования священного текста» [10: 140].

Средневековое мышление, как уже указывалось выше, было неоднородным, совмещавшим черты христианства и язычества.

«Язычество есть такое миросозерцание, в котором конечные причины в большем или меньшем количестве размещены в самом мире, – писал А.А. Потебня, констатируя далее: Сохранилось столько остатков язычества, что можно воссоздать образ его» [20: 275]. Основные причины живучести языческих верований – во-первых, то, что христианство оставило много незаполненного пространства в природе и вокруг событий семейной жизни (рождение, брак, смерть), занятий (охоты, земледелия, скотоводства, прядения). Языческий пантеизм помещает богов внутри природы, ближе к человеку. Вторая, весьма существенная, причина: сама церковь и светская власть невольно способствовали этому сохранению: «чтобы не ломалась традиционная хронология и сакральная значимость праздников, к которым издревле привыкли славяне, многие христианские праздники постепенно заняли место языческих» [5: 133; см. также: 25]; церкви строились на местах низвержения идолов или священных деревьев, языческие горы и источники принимали имена христианских святых [22: 256-260]. Князь Владимир после крещения киевлян в Днепре *«повелѣ рубити церкве и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье» (ПВЛ, с.132).* Поэтому и Серапион Владимирский в XIII веке сетует на своих прихожан: *«Аще еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаете огнем невиныя человѣкы и наводите на весь миръ и градъ убийство» («Слово» преподобного Серапиона*

(IV), с.450), и игумен Памфил в веке XVI-ом с горечью констатирует: *«Сице бо еще есть останокъ неприязни въ граде сем, и зело не престала здѣ еще лесть идолскаа, кумирское празнование, радость и веселие сотонинское, в нем есть ликование и величание диаволу и красование бесом его в людех сих, не ведущих истины»* («Послание» игумена Памфила, с. 318).

Вследствие ненаблюдаемости механизмов сознания мы, вероятно, никогда не узнаем с необходимыми подробностями, как новое христианское мышление овладевало вчерашними язычниками. Понимание всего этого восстанавливается гипотетически.

Крещение Руси привнесло новые философские идеи и представления о государстве, стране, народе, обществе, оформившиеся в течение 100-130 лет после этого события (в первую очередь в «Повести временных лет») в некий комплекс, отличный от языческого. По А.С. Демину, это идеи:

1) о включении Руси и ее народа в мировую ветхозаветную и новозаветную историю (язычеству с его склонностью к космогонии не был свойствен такой широкий взгляд на Русь и древнерусское общество, хотя, по всей вероятности, понятия для обозначения таких крупных категорий, как «Русь», «Русская земля» были выработаны уже давно);

2) о защищенности страны и народа, наступившей в результате принятия христианства; заступники – сам Бог, крест, первые князья-христиане, в дальнейшем – русские подвижники-святые (у язычников не было института такой широкой и действенной защиты общества);

3) о том, что у Русской земли есть теперь и верховный судия, наказующий за грехи (для язычества не являлась характерной идея суда над целой землей или страной);

4) о благом воздействии христианской веры на людей, внесении положительных, утишающих и утешающих чувств в общество: любовь к ближнему; милосердие к слабым и убогим; радость верующих, открыв-

ших для себя новые горизонты духа; их эмоционально-эстетические переживания, особенно на церковных богослужениях – «чувство возвышенно-трагического умиления, сопровождавшегося духовным наслаждением» [5: 134]. Языческое отношение к людям было гораздо более яростным и суровым;

5) о мудрости, учении, книгах, принесенных христианством обществу. Чтение (и процесс, и результат) доставляло наслаждение, поскольку приобщало к духовным знаниям, сакральной мудрости, которая далеко не вся и не для всех была доступна пониманию. Язычеству было чуждо обращение к мудрости книг и книжному учению [9: 267-272].

Итак, ментальность русского средневековья, понимаемая как миросозерцание в категориях и формах родного языка, была двойственна и противоречива и адекватно отражалась в культурно-исторической парадигме и стиле мышления эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л.: Наука, 1947. 185 с.

2. Акимова Э.Н. Три уровня реализации категории обусловленности (на материале «Сказания о Борисе и Глебе») // Вестник Нижегородского ун-та. Сер.: Филология. Н. Новгород, 2005. Вып. 1 (6). С. 155-163.

3. Акимова Э. Н. Функционально-семантическая категория обусловленности в плане языковой синхронии и диахронии // Интеграция образования. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005. № 4 (41). С.177-180.

4. Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47 – 54.

5. Бычков В.В. Литература как выразитель эстетического сознания Древней Руси // Литература и искусство в системе культуры. М.: Наука, 1988. С.129-135.

6. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

7. Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – нач. XII вв. Киев : Наукова думка, 1988. 214 с.

8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2, испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.

9. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. М.: Языки русской культуры, 1998. 848 с.

10. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л.: Наука, 1987. 247 с.

11. Клименко Л.П. Проблема языка, состава текста и жанра старопечатных памятников русской письменности XVII–XVIII вв. : в 2 ч. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 1997. 2 ч.

12. Клименко Л.П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2004. 444 с.
13. Кожинов В.В. История Руси и русского Слова, конец IX – начало XVI века: Опыт беспристрастного исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Алгоритм, 1999. 478 с.
14. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
15. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. 240 с.
16. Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 144 с.
17. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л. : Худож. лит, 1987. Т. 1. С. 276-531.
18. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 3-9.
19. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 704 с.
20. Потебня А.А. Слово и миф // Из записок по теории словесности. М.: Правда, 1989. С.236-282.
21. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV-XV веков. Л.: Наука, 1987. 293 с.
22. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 789 с.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
24. Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. XXII Тарту, 1988. Ст. 1-я, XXIII Тарту, 1989, ст. 2-я.
25. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Наука, 1982. 204 с.
26. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 211 с.
27. Черепанова О.А. Альтернативные конструкции в проповеднической литературе // Древнерусский язык домонгольской поры / под ред. В.В. Колесова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 183-193.
28. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 368 с.

БЕКАСОВА Елена Николаевна *(Оренбург, Россия)*
доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Изучение языка в диахронии не только предоставляет возможность определить основные тенденции его развития, но и обладает значительной объясняющей силой тех явлений, которые являются «слабыми» звеньями современного языка. Значимость исторического подхода особо важна в исследованиях русского

литературного языка, активно усваивающего достижения древнейшего литературно-письменного языка славян.

Закон сохранения в какой-то мере сработал и в лингвистике – за многие десятилетия исторического изучения языка «реванш» взяли современники. Следует признать закономерность процесса «науки возвращений» (О.Н. Трубачёв), когда наблюдается активность, но уже на новом витке сохранившихся в классических трудах наработок. Но в этот естественный процесс смены точек и углов зрения в последнее время всё действеннее вмешивается «чисто» человеческий фактор, когда какие-то отрасли знания почитаются нулями, а другие – единицами. Спор физиков и лириков плавно перетёк в бесспорность газа и нефти, а внутри других отраслей стала выстраиваться лоббистская иерархия. Отсюда главенство в образовательной системе науки педагогики, которая нередко диктует своё видение и понимание, в том числе и науки о языке. С этой точки зрения в педагогическом вузе не может быть кафедр языкознания, так как главная задача – готовить учителя русского языка, следовательно, другие дисциплины, кроме русского языка, не соответствуют современным стандартам образования. Соответственно дисциплины историко-лингвистического цикла в этих условиях обречены на выживание (в частности, на заочном отделении осталось 6 часов на изучении курса «Старославянский язык»), а современный русский язык, и без того более значимый, укрепляется за счёт практикума по русскому языку с огромным количеством часов и экзаменами, закономерно превращаясь в чисто начётническую дисциплину.

В этом плане следует прислушаться к В.В. Колесову, который со ссылкой на философов пишет о том, что «все гуманитарные науки в основе своей историчны, ибо изучают свой объект в ретроспекции – это разного рода «продукты культуры». Историзм и есть та искомая теория, которая каждую научную дисциплину делает наукой, актуальной для сегодняшнего дня» [3: 338]. Историзм же представляет и объяснительную

силу науки, в том числе и в «классических сюжетах славянской филологии» [3: 348], от которых, как от ненужных и «исчерпывающе известных», активно отмахиваются некоторые современники исходя из крыловского – «в чем толку не поймут, то всё у них пустяк» [5: 51].

Так что проблема даже не в том, что «обезлюдела» история языка, а в том, что её населили «современники». Отсутствие исторического взгляда на языковую реальность закономерно приводит к категоричным утверждениям, по-псаковски напористым и безапелляционным типа «Всем известно, что русский язык произошёл из старославянского», в какой-то степени даже превзошедших псаковскую классику: «Всем известно, что газ из Европы идёт в Россию через Украину».

Такой подход прост и понятен, а его авторы не сомневаются в своей правоте и не задумываются о почти 250-летних размышлениях учёных-лингвистов от Ломоносова до наших дней над такой сложнейшей проблемой, как генезис русского литературного языка и использование «преемства древней литературно-языковой традиции», которое ставит русский литературный язык «действительно особняком среди литературных языков мира» [10:126].

Нередко такое мнение формируется и распространяется в результате игнорирования показаний памятников древнерусской письменности как основного источника изучения истории русского языка. Достаточно показательны в этом случае кочующие из работ в работы «хрестоматийные» примеры-доказательства генезиса русского литературного языка типа *жажда – жажа* и *надежда – надежа*, несмотря на то, что южнославянские члены данных пар существовали гипотетически, так как не были зафиксированы, судя по «Старославянскому словарю», ни в одном из сохранившихся 18 источников древнейшего литературно-письменного языка славян, а реальное их распределение в конкретном памятнике древнерусской письменности могло быть генетически разнообразным [1].

Кроме того, миф о семантическом превосходстве старославянизмов мог формироваться на субъективном восприятии, основанном на изначальной установке «преимуществ» старославянского слова. Представляется, что такие мифы нередко довлеют и над составителями исторических словарей, что можно продемонстрировать на словах с популярными в истории языка неполногласными и полногласными признаками *брег* и *берег*. Изначально постулируется превосходство корнеслова *брег* за счёт выделения значения ‘крутой склон, откос’ [9: 102], ‘гора; крутизна, обрыв’, а также *образн. перен.* ‘гора, крутизна’ [5: 154]. Однако выделение такого значения не всегда подкрепляется приведёнными примерами типа *устръми ся стадо по брегу в езеро* [9: 102] или контекстами с обязательным уточнением *брег высокъ*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у неполногласного коррелята сохраняется значение ‘крутой склон, откос’ (при появлении 2 новых значений у слова *берегъ*) [6: 141], которое не выделяется как специфически «неполногласное» в «Словаре русского языка XVIII в.» [7: 19, 134].

С другой стороны, специфика функционирования генетически соотносительных коррелятов в памятниках древнерусской письменности также может провоцировать появление новых мифов со своеобразным преломлением реалий языкового развития. В частности, в исследуемых нами памятниках древнерусской письменности XI–XIV вв. в позиции перед суффиксом *-ени[j]-* в 78% случаев наблюдается /жд/<*dj, что, на первый взгляд, подтверждает мнение о преобладании старославянизмов (южнославянизмов, книжнославянизмов, церковнославянизмов) в древнерусских текстах, тем более что в деловой письменности, которую нередко выводят за пределы русского литературного языка, существительные на *-ение* встречаются чрезвычайно редко (0,8% всех образований, реализующих рефлексы *dj) и имеют исключительно восточнославянское оформление.

Однако, судя по Словарю-индексу к «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)», существительных на *-жение* в системе древнерусского языка в 4 раза больше, чем на *-ждение* (см. [8]). В дальнейшем наблюдается перестройка системы языка в связи с активизацией суффикса *-ива-*, в результате чего в современном русском литературном языке существительные на *-живание* составляют 72,48% их реализации с рефлексами *dj, тогда как перед суффиксом *-ение* возможны как /*ж*/ (5,86%), так и /*жд*/ (21,66%). Преобладание исконного рефлекса (78,34%) является неоспоримым доказательством того, что языком «культурного действия» (В.В. Колесов) являлся русский литературный язык, который сумел сохранить оба варианта праславянских рефлексов в необходимом для него распределении [2].

Таким образом, изучение русского языка возможно только в его «историческом развитии, т.е. в той многосложности диалектологических противоречий и преодолений, которые и составляют одновременно и систему языка, и его функцию» [3: 358]. С одной стороны, система языка гораздо шире, чем его реализация в памятниках письменности, но, с другой стороны, специфика функционирования языка оставляет свой существенный след в системе. Такое изучение требует различных подходов, в том числе и тех, которые отработаны на одной из хронологических ипостасей русского языка – современном русском языке, но с обязательным учётом специфики языка как исторической категории, экстра- и интралингвистических факторов, особенностей средневековой письменности и бытования памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста: Монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.

2. Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний): Монография. Brno: Tribun EU, 2016. 194 с.

3. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова…». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с. (Язык и время. Вып. 2).

4. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1946. 608 с.

5. Словарь древнерусского языка русского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 1 / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Русский язык, 1988. 528 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т.1 (А–Б) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Наука, 1975. 372 с.
7. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. Л.: Наука,1985. 248 с.
8. Словник-индекс и обратный словарь к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.) [В 10 томах. М., 1988–2001 и след.]. Т. 1. Словник-индекс. Т. 2. Обратный словник (Лопушанская С.П., Шептухина Е.М.). М., Волгоград: изд-во Волгоградского государственного университета, 2002.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
10. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114-134.

ВАЛЕНТИНОВА Ольга Ивановна *(Москва, Россия)*
доктор филологических наук, профессор
РЫБАКОВ Михаил Анатольевич *(Москва, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
ovalentinova@yandex.ru
rybakov_ma@pfur.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Аннотация. Анализируя особенности длительного исторического взаимодействия флективных славянских языков с агглютинативными тюркскими языками и причины типологических деформаций русского языка, неуклонно усиливающихся в последние два десятилетия, авторы статьи, опираясь на достижения современной системной лингвистики, обсуждают связь типологических изменений языка с изменениями ментальности.

В условиях теснейшего взаимодействия славян с тюркскими народами – носителями агглютинативных, преимущественно аналитических языков – флективный, синтетический славянский язык сохраняет свои типологические свойства. Проявление типологической устойчивости славянского языка в данных обстоятельствах как будто нарушает открытую И.А. Бодуэном де Куртенэ закономерность, согласно которой при территориальной близости и тесном взаимодействии носителей типологически различных языков перестраиваться начинает более синтетический язык в сторону аналитизма: «Если только в одном из смешиваю-

щихся языков имеется член (arliculus) или же личные притяжательные суффиксы (т.е. суффиксы, означающие принадлежность предмета или лица известному лицу: «мой», «твой», «его», «ее», «наш», «ваш», «их»), то гораздо более вероятия, что этот «аналитический», или децентралистический, признак привьется языку, являющемуся результатом смешения, нежели наоборот» [2: 366].

Наличие же притяжательных суффиксов существительных в тюркских языках не повлияло на славянскую систему местоимений. Объяснение, по всей вероятности, заключается в том, что при славяно-тюркских контактах двуязычие, там, где оно имело место, было функционально распределённым, а традиционное хозяйство и тюрок, и славян сохранялось, и вместе с ним сохранялась устойчивость грамматического строя их языков. Аналитизм же возникает не просто при контакте, а при заимствовании образа жизни.

Современная системная лингвистика показывает, что социально значимые особенности существования языкового коллектива – его размеры, степень однородности/неоднородности, зависящий от условий ландшафта оседлый или кочевой образ жизни, прерывистый или непрерывный режим общения – выступают как причина в формировании типологического устройства языка, которое, влияя на структуру внутренней формы высказывания, ведет, в свою очередь, к различиям в мировоззрении: «…функционально оправданная «напоминательная» кочевническая техника представления информации, адресуемой собеседнику, и земледельческая «предсказательная» техника по-разному ориентируют слушающего. Кочевник заставляет собеседника обращать внимание в первую очередь на то, каким был предмет разговора до сезонного перерыва в общении и каков он теперь, независимо от того, как и когда протекало названное превращение. Земледелец, наоборот, детально описывает причинно-следственную цепь этапов преобразований при более детальной констатации места и времени каждого этапа.

У кочевника очень широкие географические представления: на границах ареала кочевий он встречается и знакомится с иными культурами и народами, тогда как хлебопашец знает обо всем этом понаслышке. Но зато возле своей деревни он «в лицо знаком» с каждым деревом, может рассказать его биографию, тогда как кочевник имеет о данном виде дерева определенного возраста лишь усредненное представление» [5: 11].

Среди алтайских народов у тюрков (а через тюрков и у монголов), заимствовавших культуру кочевого скотоводства у семитов, развивается агглютинативный строй, обеспечивающий, как доказал Г.П. Мельников, возможность эффективного общения в больших однородных коллективах, ведущих кочевой образ жизни и встречающихся вместе после долгого перерыва в общения [6].

Агглютинативный язык развивает напоминательную технику, поскольку после длительного перерыва в общении поводы коммуникации будут самыми разнообразными, но говорить собеседники будут о хорошо известных им лицах и предметах и основной вопрос, который будет волновать слушающего в сообщении говорящего, остается одинаковым: каковы сейчас свойства известного субъекта или объекта по сравнению с теми общеизвестными свойствами, которые у него были до перерыва в общении.

При длительных перерывах в общении важно не допустить накопления расхождений в языковых навыках между различными группами носителей языка и поддерживать единство социального сознания. Поэтому важными параметрами строя языка становятся устойчивость, однотипность, простота, регулярность языковой техники [6: 121].

Эти параметры агглютинативного строя побудили в свое время Н.С. Трубецкого признать «рациональную агглютинацию» идеалом языкового строя [13: 59]. «Преимущества» агглютинативного строя проявляются, как показывал Н.С. Трубецкой, при создании искусственного

международного языка. Эсперанто обладает такими признаками агглютинативного строя как присоединение однозначных аффиксов к неизменяемым корням. Правда, Н.С. Трубецкой пошел дальше: он доказывал преимущества искусственного языка, который отвечал бы типологическим требованиям агглютинации и на фонологическом уровне [12: 15–28].

В однородных же оседлых мегаколлективах именно сложная синтетическая флективная грамматика, подразумевающая морфологически значимое изменение звукового вида корневых и аффиксальных морфем, уберегает многозвенный канал связи от грубого искажения информации. Флективный язык развивает предсказательную технику, помогающую слушающему из уже услышанного хотя бы частично догадаться о том, что следует далее. Г.П. Мельников показал [6, 7], что главным следствием развития предсказательной техники в передаче информации во флективных языках станет разработка способов вписывания передаваемого содержания в сюжет развивающегося события.

«Изображение» развивающегося события обеспечивается во флективных языках строгим формальным противопоставлением знаков, обозначающих первотолчок события (глагол), автора первотолчка (именительный падеж имени), участника события, прямо испытавшего на себе первотолчок (винительный падеж прямого объекта), других участников события (имена в косвенных падежах) и т.д.

Схема 1.

автор первотолчка события →
первотолчок события →
участник события, прямо испытывающий на себе первотолчок →
другие участники события

Таким образом «наиболее удобный сюжет описывается канонической формулой вроде: *Собака гонит кошку по улице под дождем*» [11: 316].

Строгое формальное противопоставление знаков, свойственное особенно славянским языкам, делает очевидной причинно-следственную связь всех этапов события и потому обеспечивает слушающему возможность прогнозировать характер дальнейшей информации о событии и проверять свой прогноз.

Формальное противопоставление знаков складывается постепенно при развитии флективности. В период неолита – нового каменного века – в начавших отделяться от исходного ностратического состояния западно-ностратических языках (индоевропейских, семито-хамитских и картвельских) – в условиях все более полного освоения земледельческого образа жизни как основы возникновения больших оседлых коллективов – развивается тенденция к использованию флективной техники, свойственной оседлым мегаколлективам.

Развитая система именных классных показателей, которая формируется на первых этапах оседлости, при утверждении флективного строя станет основным источником формального указания на принадлежность морфем с вещественным значением к той или другой грамматической категории.

Частным случаем именной классификации является категория рода. Грамматический показатель рода, в качестве которого чаще всего выступала не отдельная морфема, а флексия числа-падежа, хотя есть и словообразовательные суффиксы рода имен существительных, в полной мере сформировался в праиндоевропейском и засвидетельствован во всех древних индоевропейских языках: санскрите, латыни, старославянском, готском. Наиболее полно категория рода выражается всем набором словоформ лексемы, типом её морфологической парадигмы. Кроме индоевропейских языков, грамматическая категория рода существительного имеется в дравидийских, семитских и хамитских языках, для которых характерно сочетание агглютинативных черт грамматического строя и флективных характеристик. Показательно, что во всех

языковых семьях род усложняет формальную структуру именной парадигмы, а в синтагматике служит важным средством согласования, то есть повышает надежность передачи информации в сложных коммуникативных условиях.

Уникальность евразийского пространства обеспечила высокую степень независимости развития культур и языков славянских и тюркских народов.

Признание ландшафтно-климатических условий детерминирующими в развитии языка и истории народа сближает научную позицию основателя современной системной лингвистики Г.П. Мельникова и Л.Н. Гумилева, разрабатывавшего возможность применения системного метода в исторической науке. Меридианное направление течения жизненно необходимых для оседлых земледельческих этносов рек, разделенных пространством, которое могли объединить только кочевые народы, предопределило движение монголов [3].

Системный подход как в лингвистике, так и в этнологии открывает перспективу исследования взаимодействия системы и среды, учёта взаимосвязей между функциями и структурой системы, замены классификации, которая может быть построена на произвольно выбранных признаках, систематикой, опирающейся на существенные признаки систем. Эти идеи являются методологической основой названных концепций, которые позволяют поставить наиболее сложную проблему для любой науки – проблему поиска причин происходящих исторических изменений.

Трактовка Л.Н. Гумилёвым этноса как биосоциальной системы [4] открывает возможность преодоления разрыва естественных и гуманитарных наук, хотя и требует дальнейших исследований и детализации конкретных процессов взаимодействия ландшафтов различных типов и различных типов адаптации этносов к ландшафту, различных систем хозяйствования в природной среде.

В евразийском пространстве сложились таким образом благоприятные условия для независимого существования и развития духовной культуры славян и тюрок, несмотря на тесные хозяйственные и административные связи. Семантика тюркских заимствований в русском языке отражает отсутствие влияния «туранского» начала на духовную культуру славян: заимствованная восточными славянами лексика из тюркских языков, сохраняя типологические признаки языка-источника, покрывает сферы бытового, хозяйственного и административного взаимодействия и не связана с духовной жизнью, например:

нишан – ‘печать’,

ногайцы – тюркская народность (монг. nogai – ‘собака’),

ногата – 1/20 гривны (тур. nakt – ‘наличные деньги’),

Перекоп – ‘ров’ калька с крымско-татарского,

Орель – приток Днепра (тюр. airily ‘косой, кривой’),

прита(о)манный – ‘отчетливый, точный’ от тур. ‘целиком, правильно, точно’,

оркиш – ‘полба’ (тат. urkuš).

Лёгкость заимствования отдельных лексических единиц из тюркских языков в славянские опирается на сходства в фонологической и просодической структуре слова. Для тюркских языков характерно ритмичное чередование открытых либо открытых и закрытых слогов, отсутствие скоплений согласных в слоге и на стыке слогов.

Общеславянский язык и его диалекты даже после завершения эпохи действия открытого слога сохраняли принцип возрастающей звучности, значительное число открытых слогов в слове и потому славянские языки и их диалекты и в дальнейшем могли легко включать в свой лексический состав тюркские слова как не нарушающие фонетических закономерностей построения славянского слова. Отсутствующие в славянских языках отдельные согласные (например, увулярные) и гласные (лабиализованные переднего ряда) заменялись близкими по месту и спо-

собу путём исключения нехарактерного для славянских языков фонологического признака. Сравнение славянской фонологической системы с тюркской позволяет увидеть общую динамическую тенденцию упрощения системы фонем при росте языкового коллектива и снижении его однородности. Вместе с тем, когда в мегаколлективе стабилизируются отдельные территориальные группы с устойчивыми коммуникативными связями система фонем может усложняться (например, становление корреляции согласных по мягкости в отдельных славянских языках пришедшее на смену общеславянской палатализации как позиционному фонетическому процессу, или, например, становление фонемной корреляции гласных переднего ряда по лабиализации в скандинавских языках, также возникшей на базе позиционного чередования в более ограниченных по численности и более коммуникативно целостных языковых сообществах).

Генетическое родство языков – а славянские и тюркские языки относятся к ностратической макросемье – не предполагает их типологической тождественности в более поздние эпохи.

Характерной типологической чертой языков, относимых к ностратической макросемье, является наличие в большинстве из них развитых падежных систем, имеющих в среднем 7 – 9 падежей.

В праиндоевропейском языке по данным реконструкции могло быть 8 падежей, в современных тюркских от 6 до 8 падежей, в языках монгольской семьи 8 – 10, в тунгусо-маньчжурских такое количество (эвенкийский – 10, нанайский – 9, удинский – 8). В финских языках: от 10 в марийском луговом до 18 в вепсском. Большая часть языков дравидийской семьи характеризуется системами, включающими 7 – 9 падежей, эскимосско-алеутские имеют по 7 – 11 падежных форм, картвельские – от 6 до 9 падежей.

Наибольшее число падежных форм встречается в языках с обстановочной и переходной (от описания обстановки к описанию результа-

тивного признака) внутренней формой – эскимосско-алеутских и тунгусо-маньчжурских, что во внешней форме выражается в инкорпорирующем или переходном от инкорпорации к агглютинации грамматическом строе.

Типично агглютинативные языки с результативно-признаковой внутренней формой иногда имеют даже большее число форм (это касается финских языков) за счёт детализации пространственных отношений при описании предметов, но чаще всего 6 – 9 форм (тюркские языки), сосредотачивая смысл высказывания на предикативном признаке главной именной группы, и сокращая количество именных групп с разными семантическими ролями в рамках высказывания.

Флективный праиндоевропейский язык, выражая событийность ситуации, пользуется более лаконичной падежной системой, которая в последующем развитии языков данной по мере перехода от событийной внутренней формы к окказиональной ещё более сокращается вплоть до двух падежей, либо полной утраты данной грамматической категории.

На фоне этой эволюции падежной категории стоит отметить устойчивость агглютинативного строя тюркских языков и устойчивость синтетической флективности в славянских языках. В результате 6 – 8 падежных форм можно найти как в славянских, так и во многих тюркских языках. При различиях в формальном выражении падежа (агглютинативный аффикс в тюркских и фузионная флексия падежа в славянских) эти две языковых семьи характеризуются сходством в семантическом построении данной грамматической категории.

Если многовековое взаимодействие славян и тюрок не повлияло на типологические свойства славянских языков, то наблюдаемое нами сегодня воздействие европейских языков на типологические основания русского языка поражает стремительностью типологических подвижек в русском языке, которое объясняется не только открытой И.А. Бодуэном де Куртенэ закономерностью, но и критически низким уровнем интеллектуальной и речевой культуры современного российского общества, в ко-

тором носители русского литературного языка воспринимаются как реликты прошлого.

Типологические деформации в современном русском языке объясняются, по всей вероятности, еще и тем, что скорость экономических, технических и социальных изменений, (а также их неподготовленность и несоответствие традиционному укладу) опережает скорость естественной адаптации языковой системы к новым коммуникативным условиям. В современной массовой русской речи можно отметить следующие примеры типологических подвижек:

1) нарушение падежного согласования: приказ *«Об изменении в составе рабочих инвентаризационных комиссиях»*; *«несколько интереснейших памятников в стиле конструктивизм»; «организовать контроль за посещаемостью сотрудников занятий»; «по их целебных свойствам»*;

2) конструкции с несколькими родительными, в которых не ясны семантические отношения: *«об утверждении плана мероприятий концепции целевой программы», «Федерация психологов образования России»;*

3) появление множественного числа у абстрактных существительных: *активности, «информации, получаемой в ходе научных, либо профессиональных взаимодействий»,* название дисциплины *«Язык и межкультурные коммуникации»*;

4) отсутствие кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим (по примеру английского);

Надо отметить, что интерпретация отсутствия кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим как результат типологического воздействия на русский язык языка английского, должна ограничиваться текущими изменениями русского языка.

Конструкции типа «идучи я в школу, встретился со мной приятель», на неправильность которых обращал внимание еще М.В. Ломоносов, в

исторически предшествующие эпохи считались рефлексом русско-французского билингвизма российской дворянской культуры и потому долгое время понимались как галлицизмы.

Но эти же конструкции существовали в русском языке, как доказал Ф. Миклошич [14] и подтвердили А.А. Потебня [1], Д.Н. Овсянико-Куликовский [8], А.М. Пешковский [10], задолго до того, как русский язык подвергся «чужеземным влияниям». Таким образом, при оценке характера типологических изменений требование историзма оказывается обязательным.

П.М. Бицилли засвидетельствовал частое употребление этих оборотов у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова – «авторов времени, когда классический язык уже оформился»: *Въехавши на пригорок…, вдруг предстали пред нами две горы* (Грибоедов Письмо к Бегичеву), *Читая Шекспира и библию, св. дух иногда мне по сердцу…* (Пушкин Письмо к Вяземскому), *Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры* (Достоевский Письмо к Врангелю) и т.п. Типологическая интерпретация П.М. Бицилли встречающихся у классиков оборотов с отсутствием кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим носит иной характер. По П.М. Бицилли, в данном случае речь идет о крайнем проявлении синтетичности языка, под которой ученый понимал «тяготение к созданию фраз, являющихся по своей внутренней форме каждая – *одним* словом»: «Их «неправильность» означает их неразложимость. Они лучше, точнее выражают то, что находится в сознании говорящего, чем «правильные», каких требовал Ломоносов. Для него, говорящего, сам, идущий по улице, его движение по улице, его встреча с приятелем, приятель – все это лишь отдельные стороны одного и того же, целостного, предмета восприятия, один *образ*; а значит, указание на него, выраженное в форме, не поддающейся разложению, в действительности является наиболее удачным образом – *символом*,

воспринимаемым скорее как одно слово чем как предложение. А тот факт, что слушатель, или читатель, *принимает* сказанное ему так, как этого хочет говорящий, свидетельствует, что и в *его сознании* высказанное подобным способом создалось таким же, каким оно было в сознании говорящего» [1: 294]. Такие синтаксические структуры можно назвать реликтами полисинтетизма (инкорпорации).

4) неразличение залогов: *«Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентируемом мероприятии», «Несмотря на это, женщина смогла проникнуть на запрещающую территорию».*

Кстати, при влиянии английской грамматики на русский язык, духовное влияние отсутствует: европейские ценности всё более агрессивно отвергаются как раз в речи тех лиц, которые активно используют английские лексические и структурные заимствования. Необходимо отметить также, что массовое активное использование английских лексических и структурных заимствований не является следствием свободного полифункционального владения английским языком. Скорее, наоборот.

Коммуникативный ракурс подобных высказываний становится окказиональным, нефиксированным, а значит, для установления достоверного значения требуется расширение контекста, иногда очень существенное. Передача сложных смыслов в сложившей коммуникативной обстановке либо крайне затрудняется, либо просто остается невостребованной.

Активные процессы в современной массовой русской речи явно указывают на рост аналитизма, так как имеет место нарушение правил управления косвенными падежными формами, распространение именительного падежа в функции косвенных, отмеченное ещё в коллективной монографии ИРЯ РАН «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)», М., 1995, нейтрализация оппозиции форм единственного и множественного числа, сокращение употреблений сложных предложений в устной

разговорной речи и ошибки в их построении в письменной речи, рост парцелляции и сокращение длины устного и письменного высказывания. Все эти изменения вызваны изменением условий коммуникации: 1) увеличением числа коммуникантов недостаточно знакомых либо редко контактирующих друг с другом; 2) ростом количества сюжетов, требующих различных фоновых знаний и соответственно окказиональной внутренней формы; 3) ростом неоднородности языкового сообщества; 4) различием типов связи сюжетов; 5) разнообразием коммуникативных каналов (линейных и сетевых).

Таким образом, типологическая динамика языка выступает как результат изменений ментальности языкового коллектива, вызванных изменением условий общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бицилли П.М. Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка // П.М. Бицилли Избранные труды по филологии. М., 1996. С.249-340.

2. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // И.А Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1

3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.

4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

5. Мельников Г.П. Где центр глубинной евразийской культуры? Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. №1. С. 5-14.

6. Мельников Г.П. Системная типология языков. М., 2003.

7. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации со стадиальной. М., 2000.

8. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902.

9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т.I.

11. Преображенский С.Ю. Системный анализ стиха // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М., 2016.

12. Трубецкой Н.С. Как следует создавать фонетическую систему искусственного международного вспомогательного языка? // Н.С. Трубецкой Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 15-28.

13. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Н.С. Трубецкой Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 44-59.

14. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen Вена, 1852–1874. T. IV.

МОНИНА Тамара Степановна (*Электросталь, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Новый гуманитарный институт
ngi_04@mail.ru

ДИХОТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Аннотация. Статья описывает функционирование номинативных предложений в поэзии М. Цветаевой с позиций дихотомического метода, одновременно рассматривающего языковые явления в синхроническом и диахроническом планах. Синтагматика номинативных предложений в различных речевых регистрах демонстрирует динамику творчества поэта.

Применение дихотомического анализа, одновременно рассматривающего языковые явления в синхроническом и диахроническом планах, к исследованию номинативных предложений (НП) в поэзии М. Цветаевой находит ключ к объяснению ее творческой лаборатории.

Стиль М. Цветаевой отличается сжатостью мысли и энергией чувства. Энергетика ее стиха базируется прежде всего на подтексте. Вследствие этого понятно ее стремление уже в самых первых стихах использовать односоставные предложения, в частности номинативные, в которых имплицитность обозначения является грамматической формой. В самом начале ее творчества обращает на себя внимание высокочастотное употребление НП. Так, в стихотворении «В Париже» (1809) встречается пять НП, а стихотворение «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч…» (1916) представляет собой сложное предложение, предикативные части которого построены по моделям НП. Семантика НП, используемых Цветаевой в раннем творчестве, носит экзистенциально-дейктический характер.

Первый период ее поэтического творчества характеризуется преобладанием репродуктивного регистра речи [2: 29-30], которому свойственна единичность, «одноактность» восприятия внеязыковой действительности субъектом-наблюдателем, либо описывающим какую-либо статическую картину, либо представляющим ряд событий, которые последовательно сменяют друг друга в текстовом локативно-

темпоральном пространстве. Использование НП в этом периоде ограничено рамками репродуктивного регистра. Объекты изображения отличаются разнообразием: описание конкретного жизненного эпизода («В OUCHY», «Детский день», «Ах, золотые деньки…»), характеризация отдельного предмета («Домики старой Москвы»), человека («Бабушке», «Мама на даче», «Мама за книгой», «После праздника»), представление воображаемой ситуации («Дама в голубом», «Спят трещотки и псы соседовы…», «Хочу у зеркала, где муть…»). Все они репрезентируются как актуально переживаемые, приуроченные непосредственно к моменту речи. Поэтесса жадно вглядывается в мир, соотносит себя с ним, поэтому так важен для нее референциальный план внеязыкового фрагмента мира, который можно представить с помощью перцептивно выделяемых признаков, зафиксировать целостную картину, открывающуюся перед глазами в момент наблюдения как совокупность некоторых атрибутов. В этот период ее творчества синтагматика НП актуализирует их номинативные и дейктические функции: *Вот волосы мои: погладь* («Со мной не надо говорить», 1918). Введение точки зрения говорящего в текст, представление автора текста как наблюдателя, дающие образ непосредственного восприятия, сближает НП с внутренней речью, делает их способом выражения внутренней речи, где мысль предстает в максимально сгущенном виде [1: 149]. Сжатостью мысли и энергией чувства отмечено немало стихов этого периода: «Идешь, на меня похожий...», «Бабушке», «Какой-нибудь предок мой был – скрипач...». «Откуда такая нежность?...» Ощущается стремление к лапидарной, краткой и выразительной манере, где все ясно, точно, стремительно в ритме, но вместе с тем глубоко лирично.

Второй период творчества связан с осмыслением фактуальной репрезентации жизни. Поэтому Цветаеву начинает привлекать скрытая предикативная семантика НП. Лирический герой ее стихотворений, не оставляя позиций субъекта-наблюдателя, не только описывает фраг-

мент внеязыковой действительности, но и дает его ментальный анализ. Ушедшая на периферию дейктическая функция НП заменяется характеризующей и аксиологической функциями, позволяющими не только описать внеязыковую ситуацию, но также представить ее ментальную обработку. Фактуальная идентифицирующая функция НП в данном регистре становится квалифицирующей благодаря коннотациям и пресуппозициям текста.

Для этого периода творчества характерен поворот от описательной лирики к философской. Описание единичного, конкретного эпизода («И тучи оводов вокруг равнодушных кляч…», «А над равниной…», «Белое солнце и низкие, низкие тучи…», события («Над синевою подмосковных рощ…», «Облака – вокруг…»), человека («Вдруг вошла…») сопровождается интеллектуальным анализом их вневременных признаков, не локализованных в определенном временном пространстве. Состояние лирического героя («В огромном городе моем – ночь…», «Сегодня ночью я одна в ночи…», «Вот опять окно…», «Искательница приключений…») транспонируется на широкого адресата и получает сверхиндивидуальную, общечеловеческую значимость. НП в этот период используются прежде всего в информативном регистре речи и получают значение вневременности («Зверю – берлога…»). Речевая актуализация НП характеризуется полиструктурностью, полисемантичностью, полифункциональностью («Димитрий! Марина! В мире…»), отражающими диалектическое восприятие мира поэтессой. Этот период творчества связан с осмыслением фактуальной репрезентации жизни. Лирический герой ее стихотворений, не оставляя позиций субъекта-наблюдателя, не только описывает фрагмент внеязыковой действительности, но и дает его ментальный анализ. Предметом изображения субъекта-повествователя становится не отдельный, а обобщенный факт, представленный как дефиниция энциклопедического типа, выражающая не только представление, но и знание об объекте. Информативный регистр в этот период

творчества наиболее ярок и заметен. Сама номинация описываемой ситуации предстает как формулировка объективно существующего закона. Основное грамматическое значение НП – экзистенциальность − предстает в ее стихотворениях, в частности «Каждая из нас – Синай ночью…», 1923:

Ночь – сквозь штору
Знать – немного знать. Узнай
Ночь – как воры,
Ночь – как горы.

Для этого периода характерно сочетание всех типов безглагольных конструкций, создающих предельную концентрацию информации, когда опускается все контекстуально понятное и имплицированы только самые необходимые акценты мысли.

В третьем периоде творчества М. Цветаевой репродуктивный и информативный регистры уступают место генеритивному. Философское осмысление действительности достигает в нем апогея. Употребление НП зрелой поэтессой создает в стихотворении почти телеграфную сжатость информации, так как в этом типе речи, в принципе лишенном перцептивности, языковые знаки, в частности предложение, получают символическое значение, а дейктическая и дескриптивная функции НП тесно смыкаются с аксиологической.

Тенденция поэтической речи к предельной насыщенности признаками начинает усиливаться в лирике М. Цветаевой именно в этот период. Концентрация признаков часто осуществляется синтаксической структурой поэтического текста: в композиционных приемах, в синтаксическом наполнении стиховых рядов, в семантике синтаксических конструкций. Субъектно-предикатные отношения выходят за пределы предложения на уровень текста («Лютня», «Прага», «Ночь», «Ладонь», «Ятаган? Огонь…»). Высокая степень предикативности достигается в поэтической речи за счет употребления рядов НП, выполняющих функ-

цию предиката. Тенденция к активному употреблению в поэзии односоставных предложений как особых смысловых эквивалентов двусоставных предложений, содержащих только предикат, возникшая в русской лирической поэзии во второй половине XIX в., у М. Цветаевой становится одним из любимых поэтических приемов. Субъектно-предикатные отношения выходят за пределы предложения на уровень текста. Часто весь стихотворный текст представляет собой предикат по отношению к заглавию текста. Предикатную нагрузку, как правило, выполняют НП: «Любовь», 1924.

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка.

Ведущим речевым регистром в этот период становится генеритивный. Стихотворения приобретают характер метафорического символа («Кто-то едет – к смертной победе…», «Меж нами – десять заповедей…», «Крик станций», «Око», «Оставленного зала тронного…»). Номинативная функция ряда НП тесно сплетается с характеризующе-идентифицирующей.

Можно констатировать, что пропозитивная емкость НП на протяжении всего творчества М. Цветаевой идет по возрастающей линии. Стремление выразить сущность мира приводит поэтессу к сгущению информации, увеличению признаковости текста, которая каузирует семантическую многоплановость языкового знака, создавая невероятную глубину подтекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь Л., 1934. 323 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с

ТРОФИМОВИЧ Тамара Григорьевна (*Минск, Республика Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
t.trof@mail.ru

МЕНТАЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЗЕРКАЛЕ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДМЕТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Аннотация. В статье в ономасиологическом аспекте рассматриваются старорусские и старобелорусские производные предметные наименования. Этот аспект позволяет выявить особенности менталитета древних славян, установить иерархию актуализированных в процессе номинативной деривации понятий.

Историческая славистика как отрасль современного языкознания к настоящему времени достигла значительных успехов. Можно приводить бесконечное количество свидетельств тому, но все это, по нашим представлениям, будет означать следующее: необходимо выходить на новые исследовательские рубежи, взятие которых приведет к новым значимым открытиям. Несомненно, проблема соотношения языка и ментальности в диахронии является таким рубежом, находящимся в парадигме современного гуманитарного знания.

Ментальность или менталитет – это, как известно, психология, образ, способ мышления, мировосприятие отдельного человека или народа в целом [6: 399]. Все показатели, входящие в приведенную словарную дефиницию, могут быть обнаружены, как оказывается, при ономасиологическом анализе производных предметных наименований. Именно производное наименование, в состав ономасиологической структуры которого входит ономасиологический признак, позволяет выявить способ мышления и мировосприятия древних славян. Наименование предмета появляется как результат сложной речемыслительной деятельности человека, направленной на объективацию знаний о мире. В процессе номинации с помощью слова из всех возможных качеств предмета выде-

лены его существенные свойства, он отнесен к определенной категории (А.Р. Лурия). Все это делает предметное имя исключительно важной формой выражения смысла, своего рода средством связи человека и окружающей действительности, когнитивной моделью интерпретации ее явлений [4: 195].

Как показывает анализ, тексты старорусских и старобелорусских документов фиксируют, кроме всего прочего, еще и то, что в мотивологии и номинативной деривации называется показаниями языкового сознания (О.И. Блинова). Стремление к понятности и однозначности толкования, связь с живой речью позволяют прослеживать мотивы возникновения вторичных предметных наименований, а значит, выявлять особенности речемыслительных процессов, ментальных приоритетов, которые существовали в сознании носителей языка. Приведем пример из Крестоцеловальной записи губных старост: *А кого в деревнях или в городех имя рек на посаде или на дорозе розобьют розбойники или тати покрадут, а учнут являти, да сказывати, где те розбойники с того розбою или тати поехали, а нам за теми розбойники и за татми самим ездити и людей за ними посылати не мотчая* [3]. Связи слов *розбивати*, *розбой*, *розбойники* очевидны, несложно установить, что *розбойник* это тот, кто *розбивает*, совершает *розбой*.

Выявлению особенностей менталитета носителей языка способствует также анализ производного наименования с использованием номинативного суждения. Оно представляет собой вербализованную схему возникновения рассматриваемых имен. Так, наименования *ельник*, *ведерник*, *сахарница*, *курятник* возникли соответственно по схемам: *X – это то (место), (где растет) что; X – это (человек), который (изготавливает, производит) что; X – это (посуда, емкость), в которой (хранится) что; X – это (помещение), в котором (содержится) кто*. Очевидно, что в номинативном суждении наиболее значимая для мотивации производного наименования информация – упоминание объекта

окружающего мира. В обобщенном виде представить НС для наименований объектного типа достаточно сложно, примерно оно может выглядеть как объяснение: *X назван так потому, что связан с объектом Y .*

Производное наименование, таким образом, может быть рассмотрено в аспекте того, какие явления и понятия в какой степени активизировались в народном сознании, оказывались значимыми.

Предпринятый нами анализ приблизительно 7000 производных предметных наименований старорусского делового языка показал, что выделяется пять основных типов единиц, сгруппированных по характеру ономасиологического признака, т.е. понятия, ставшего основой наименования: акциональный, объектный, нумерально-темпоральный, посессивный, локативный [5]. Это значит, что в процессе дискретизации действительности и присвоении предметам имен в старорусский период наиболее существенными были их свойства, связанные с понятиями действия, объекта окружающего мира, числа и времени, принадлежности, места.

Удалось установить, что в **акциональных** единицах действия были в основном связаны с передвижением в пространстве *(бежать, ездить, ходить, плыть*); действия, характеризующие различные манипуляции с имуществом *(дать, взять, заложить, купить, продать, отписать, отвести, отдать, передать, делить, менять)*; действия преступного характера *(разорять, разбивать, ранить, бить, убивать, обижать, оговаривать)* и др.: *крестник, ловник, мазник, мельник, закупщик, закройщик, заимщик, мздоимец, рудознатец, самовидец* и т.п. Среди **объектных** наименований чаще всего использовались в качестве мотивирующих понятия объекта креативной деятельности, оснащения, произрастания, сырья или материала для изготовления: *ременник, решетник, рогожник, рукавичник, румяничник, сабельник, санник, сапожник, сарафанник, седельник* и т.д.

Нумерально-темпоральные единицы свидетельствуют о том, что в старорусской номинации как процессе свою роль играли признаки предметов, связанные с их количественной характеристикой. Чаще всего значимыми оказывались числовые показатели в пределах первого десятка, значительно реже – понятия десятков, сотен, тысяч. Вот несколько примеров: *недельник, недельщик, годовщик, денщик* и под. Темпоральный признак нечасто становился значимым при именовании предметов, поэтому слов, восходящих к названиям времен года, частей суток, немного. Среди наименований **посессивного** типа чаще всего востребовался признак по принадлежности лицам, и в особенности лицам правящей верхушки, чинам духовенства, социальным верхам, группам лиц (*княжич*, *царевич*, *королевич* и т.п.), реже – учреждениям. В **локативных** именах задействовано понятие места жительства, расположения, нахождения: *воронежец, муромец, ростовец, суздалец, одоевец, кашинец, болховец*, *москвитин, псковитин, костромитин* и т.д.

Анализ старобелорусских предметных наименований позволил получить аналогичные выводы: для носителей старобелорусского языка оказывались значимыми те же понятия действия, объекта, числа, времени, принадлежности, места. Приведем несколько примеров. *Пособник*, *пособляльник*, *пособитель* – тот, кто осуществляет пособничество (действие); *кликун* – сторож, который подает голосовые сигналы, и тот, кто оглашал указы (действие); *залесье* – место за лесом (место); *дорожище* – бывшая, заброшенная дорога; *маршалкович* – сын маршалка (принадлежность); *ключница* – хранительница и распорядительница ключей (объект) и т.п. [2].

Показательно, что и в старорусском, и в старобелорусском языке появление производных предметных наименований чаще всего актуализировало понятие действия. Современной когнитологией установлено, что в различных языках понятие *деятельности* исключительно значимо и располагается на третьем месте в списке после *предмета* и *процесса*,

а соответствующий концепт относится к главным в универсальных концептуальных системах [1: 85]. В триаде упомянутых концептов два непосредственным образом связаны с представлениями о действии – деятельность и процесс. Допустив уместное в данном случае обобщение, приходим к тому, что наибольшую когнитивную значимость для человека как носителя языка имеют и имели предмет и действие, а значит, и известное с глубокой древности противопоставление имени и глагола.

Акциональный тип вторичных номинативных единиц является наиболее продуктивным в системе старорусской номинации. По памятникам деловой письменности нами зафиксировано около 1000 акциональных универбов, которые представляют собой названия лиц, документов, устройств и орудий, помещений, кушаний, одежды, земельных угодий, плат и штрафов. Полагаем, что это большая часть из существовавших в старорусский период названий такого рода.

Таким образом, есть все основания считать, что представления о менталитете древнего человека можно получить и в результате анализа производных предметных наименований. Ономасиологический ракурс рассмотрения древнего названия позволяет с успехом это делать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 2000. С. 84-92.

2. Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі. У 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т 1 – 531с., т.2 – 551 с.

3. Памятники русского права: В 8 вып. М.: ГИЮЛ, 1951-1963. Вып. 4. 432 с.

4. Петрухина Е.В. Русское производное слово как когнитивная модель интерпретации явлений действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 13-16 марта 2001 г. М., 2001. С. 195-196.

5. Трофимович Т.Г. Типы производных предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Минск: УИЦ БГПУ, 2003. 212 с.

6. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI в.). М.: АСТ – Астрель, 2010. 943 с.

Доклады

ЖЕЛТУХИНА Марина Ростиславовна *(Волгоград, Россия)*
доктор филологических наук, профессор
ОМЕЛЬЧЕНКО Анатолий Викторович *(Волгоград, Россия)*
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Центр коммуникативных технологий
zzmr@mail.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ HOMO SAPIENS ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МЕДИАСРЕДЫ: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И СУГГЕСТИВНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена проблеме ментальных трансформаций человека под воздействием медиасреды. Рассматриваются особенности языкового сознания и воздействия на него в современной массовой коммуникации. Устанавливается тот факт, что наибольшее влияние на адресата оказывается через внушение информации посредством СМИ.

Сознание есть… белый лист, на котором чувства выводят свои узоры – эти отражения своего общения с действительностью.

Э. Кондильяк

Социализация XXI века проходит сквозь призму массмедиа с учетом повышенной информатизации общества и виртуализации коммуникации. Ментальность как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом, <…> формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики [13]. Наработан определенный инвентарий и механизмы вербального и невербального медиавлияния на сознательные и подсознательные мыслительные процессы человека, его чувства, волю [16]. В современной психолингвистике остается дискуссионной проблема языкового сознания и воздействия на него, стату-

са языкового сознания в когнитивном пространстве. Процесс формирования языкового и неязыкового сознания лежит в основе процессов формирования общения и возможен лишь в общении [38: 59]. Существуют различные классификации сознания, его виды и формы в зависимости от критерия дифференциации, как, например: 1) *предмет мыслительной деятельности, сфера приложения сознания* (политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.); 2) *принадлежность субъекту* (гендерное, возрастное, социальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, групповое, общественное и др.; 3) *степень сформированности* (развитое, неразвитое); 4) *принцип, лежащий в основе сознания* (глобальное, демократическое, консервативное, прогрессивное, реакционное и др.); 5) *навык, вид интеллектуальной деятельности, обеспечиваемый сознанием* (креативное, техническое, эвристическое, художественное и др.) [30: 45-46].

Используемые в лингвистической литературе термины «языковое», «коммуникативное», «когнитивное» сознание задают определенные парадигмы исследования феномена сознания. Основываясь на выделении многообразия видов сознания, можно вывести его основные функции: 1) *когнитивная*, выражающая потребность человека и общества в отражении и уточнении индивидуальных, групповых и общественных интересов; 2) *идеологическая*, характеризующая потребность в защите интересов личности, группы или общества в целом; 3) *коммуникативная*, обеспечивающая взаимодействие субъектов между собой и соответствующими институтами; 4) *языковая*, реализующая механизм порождения, восприятия и хранения языковой информации; 5) *прогностическая*, выражающая способность человека к гипотетической оценке возможного развития процессов; 6) *воспитательная*, задающая активность людей, желательную для общества или группы направленность, соответствующую тем или иным идеалам класса, нации, государства.

Понимание сознания как мыслительной способности воспроизведения действительности делает его одним из основных понятий философии, психологии, социологии, политологии, лингвистики и других наук. Психолингвистика пытается ответить на вопрос, как человек порождает, воспринимает, хранит в сознании язык, т.е. рассматривает язык не столько как систему единиц и правил, сколько как механизм сознания, иначе говоря, изучает языковое сознание.

Язык как продукт ментальной деятельности и средство общения человека, актуализирует его физиологическую и психологическую специфику, различные стороны его жизнедеятельности, среду обитания и восприятие бытия. К основным функциям языка относятся *отражение и построение модели мира, опыта* (мышление, рассуждение, фантазирование, пересказ, репрезентация восприятия мира) и *передача модели мира, опыта* (беседа, обсуждение, письмо, выступление с докладом, лекцией, пение) [10; 42]. Исходя из видения языка как семиотической системы, системы значений, существующих в предметной и вербальной форме, языковое сознание понимается как сознание, опосредованное значениями, что сопоставимо с психологическим понятием образа мира.

Индивидуальная мыслительная деятельность субъекта, оперирующего образами сознания, протекает в знаковой форме (языковых и зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, моторных образов) [18]. При этом, понятие «образ мира», будучи результатом прошлого определенного народа [37: 161] и отображением предметной действительности, опосредовано предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, поддается сознательной рефлексии, но не тождественно понятиям «языковая картина мира» и «когнитивная картина мира» [23: 18]. При сходстве формальной структуры ядра языкового сознания у носителей разных языков проявляются различные «образы мира» [37: 160], так как в основе мировоззрения каждого народа лежит система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных

схем [23: 20]. Этническая обусловленность формирования и формулирования мысли [20: 56] часто не осознаваема, поскольку система сознания формируется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, т.е. принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингвокультурного сообщества [21; 37: 161]. Так, в языке с помощью текстов фиксируется модель (образ) мира, т.е. языковой знак соотносится с действительностью, отражая ее в сознании [12: 291-292; 24: 19; 29: 5-24; 36: 105]. Тем самым, между реальной ситуацией и отражающим ее высказыванием отмечается промежуточный этап членения действительности, связанного с тезаурусом [40], для специфических целей [39: 21]. Отмечается также глубина [23: 18] и многоуровневость сознания [12: 244].

Сознание зависит от внешних воздействий и функционирования мозга, соотносится с мозговой активностью и предметной деятельностью человека [Зинченко, Мамардашвили, цит. по: 33: 306-307]. Внешнее воздействие на сознание человека вызывает определенные преобразования его психики, опосредовано культурным (общественным) опытом субъекта сознания и специфическими свойствами человеческой психики. Человеческий опыт, представляя собой аккумулированное знание, складывается из внешней информации, воспринимаемой с помощью органов чувств, а также из внутренних ассоциативных воспоминаний, фантазий, ощущений и эмоций. Для языкового выражения оттенков и проявлений внешнего и внутреннего состояния человека в подобном состоянии лучше всего приспособлен семантико-прагматический механизм метафоры. Информация, прошедшая через органы чувств, постоянно кодируется с помощью уже имеющегося знания.

Категоризация явлений действительности обеспечивается посредством когнитивных прототипов или когнитивных моделей, как, например: 1) *пропозициональных моделей* (знание об огне включает и знание того факта, что огонь опасен); 2) *семантических моделей образов* (знание о

свечах включает схематическое представление о длинных, тонких предметах); 3) *метафорических моделей* (переход от пропозициональных или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области); 4) *метонимических моделей* (модель «часть-целое» включает указание функции части по отношению к целому) [22]. Следовательно, из опыта каждого человека создаются индивидуальные карты или модели мира. Можно выделить три основные формы опыта:

1. *Сенсорный опыт* – это первичная информация о внешнем мире, воспринятая через органы чувств (зрительная, слуховая, обонятельная, осязательная, вкусовая), основной строительный материал для создания моделей мира. Состояние «аптайма» (uptime), в котором все наше сенсорное восприятие сфокусировано на внешнем окружении «здесь и сейчас», позволяет более полно воспринимать жизнь и получать от нее удовольствие, равно как и от окружающего нас множества возможностей познания [15]. На сенсорном опыте основываются успешное обучение, общение и моделирование.

2. *Фантазийный опыт* – это неправдоподобная информация, продуцируемая человеческим мозгом или непроизвольно воспринимаемая через органы чувств (фантазии, галлюцинации). Грезы и мечты – самостоятельное создание новых образов желаемого [34]. Оказывается, что так называемые «мечтатели» хорошо помнят свои ночные видения, проявляют большую осознанность в отношении самих себя и меньшую тенденцию подавлять свои мысли. Они отчетливее представляют себе те вещи, которые их тревожат, и проявляют желание сообщать о них [44]. Автор исследования выявил на основе применения факторного анализа данных семь паттернов, характеризующих индивидуальные различия в области вторичных представлений – грез. Первые два фактора отражали частоту (склонность иметь часто разные грезы или редко лишь некоторые) и удовлетворенность (восприятие грез как нормальной части своей жизни, признание их также в качестве способа, помогающе-

го решать некоторые проблемы). Остальные пять факторов были связаны со следующим содержанием грез: 1) самообвинение (темы вины, мук совести, депрессии посещают в течение дня людей с высокими показателями по этому фактору); 2) невротическая самопогруженность (чрезмерное внимание к характеристикам и реакциям собственного тела, связанное с тревожностью); 3) причудливость (необычность образов: например, чья-то голова, плывущая в космическом пространстве); 4) калейдоскопичность («проходящий сквозь сознание поток фрагментарных кусочков образов» у людей, легко отвлекающихся и скучающих); 5) реалистичность (положительно коррелирует с эмоциональной стабильностью и любознательностью по отношению к физическому миру; оказывает позитивное влияние на процесс планирования и научного анализа).

3. *Информационный опыт* – это информация, порожденная внутренним миром, направляющая наши чувства, а также интерпретирующая с искажением и обобщением сведения, поступившие через органы чувств (мысли, убеждения, ценности, самоощущение). В данной классификации опыта прослеживается также его разделение на *первичный* (информация, воспринимаемая посредством органов чувств, создание внутренней карты путем непосредственного восприятия окружающего мира) и *вторичный* (вербальные и символические карты, создаваемые с целью отражения и упорядочения первичного опыта, производные из внутренних карт, урезанные, искаженные, обобщенные).

Объективность чувственного восприятия как основы познавательной деятельности определяется универсальным каналом получения информации о внешнем и внутреннем мире человека, тогда как субъективность восприятия связана с незнанием, неуверенностью. Таким образом, восприятие формирует знание разной степени достоверности, что проявляется в языке [5]. Человек, обладая гибкой нервной системой, способен создавать и использовать символические репрезентации, или

карты. По мнению основателя общей семантики А. Кожибски, карта не тождественна территории, т.е. наблюдаются фундаментальные различия между человеческими картами мира и самим миром [43]. Речь идет об объективности и субъективности модели мира. Действительность идеализируется и объективируется, а индивидуальное видение мира всегда субъективно.

Согласно закону индивидуальности А. Кожибски, не могут существовать два полностью идентичных человека, этапа какого-либо процесса, две одинаковые ситуации. У каждого человека есть собственная картина мира, основанная на внутренних картах мира, сформированных с помощью языка и репрезентативных сенсорных систем как результат повседневного опыта [15]. Именно эти нейролингвистические, когнитивные карты реализуют интерпретацию и реакцию человека на окружающий мир, его поведение, тем самым позволяют выявить направления воздействия на него через масс-медиа и т.п.

Необходимо постоянно расширять карту мира человека, так как его поведение обусловлено скорее внутренними моделями реальности, чем самой реальностью. Нельзя не согласиться с А. Эйнштейном в том, что наше мышление создает такие проблемы, которые невозможно решить с помощью мышления того же типа. Способность обогатить или расширить свою карту позволяет увидеть больше альтернатив. Нейролингвистическое программирование стремится создать такие инструменты, которые бы помогали людям расширять, обогащать и дополнять свои внутренние карты действительности. Однако многие (например, СМИ) осознанно или неосознанно используют методики нейролингвистического программирования с упрощением индиви-дуальных карт человека с целью достижения противоположного эффекта. Чем проще карта мира человека, тем больше он подвержен воздействию, суггестии.

Свойство слов отражать и формировать психический опыт делает их мощным орудием сознательных и бессознательных процессов. Про-

никая до уровня глубинных структур с помощью определенных слов, адресант может выявлять скрытые психические процессы, находящие свое выражение в языковых паттернах адресата, и влиять на них. В связи с тем, что человеческий опыт значительно превосходит словарный запас, одно слово может вызвать различные ассоциации у разных людей. Это часто приводит к отождествлению или путанице двух или более ситуаций, т.е. к обобщению и двусмысленности. Масс-медиа активно используют полисемию для достижения конкретных целей. Например, *Кожа мужская турецкая* (НТВ, 2002) (о кожаных куртках для мужчин).

Кроме того, эксплуатируется эмоциогенная функция слов, так как они становятся средством, с помощью которого масс-медиа не просто передают информацию, а оказывают сильное эмоциональное воздействие на окружающих. Например, а) обращение к эмпатии: *Мы были бы очень признательны вам за помощь, разумеется, если вы принадлежите к тому типу людей, которым нравится помогать другим…* (о катастрофе в США 11.09.2001); б) указание на схожесть, обычность ситуации: *Где бы мы ни были, мы все ходим по краешку пропасти…* (о катастрофе в США 11.09.2001); в) обращение к оценке и самооценке, вселение уверенности, вдохновение, ирония: *Для хорошего человека всегда найдется место…* (о журналистах ТВ-6); г) обращение к самоанализу, самооценке, вселение уверенности: *Плохих игроков не бывает, просто есть те, которые не уверены в своих способностях…* (спортивный комментарий).

Проблема воздействия на сознание или подсознание людей с целью его формирования является важнейшей проблемой человечества на протяжении тысячелетий. Разработка стратегий и тактик, побуждающих человека к достижению определенных целей и задач, представленных в форме ценностей и идеалов, предполагает учет основных тенденций развития общества и находит отражение в политических интересах и религиозных настроениях людей, в их сознании и поведении. Говоря о

формировании языкового сознания, о воздействии на него, исследователи поднимают проблему поиска средств, приемов, методов эффективного воздействия.

Спецификой современного суггестивного воздействия выступают сложившиеся в последние десятилетия информационная связность общества, его информационная прозрачность, проницаемость. Безусловно, в настоящее время самым эффективным средством воздействия на языковое сознание адресата являются СМИ. Прежде всего, они формируют массовое сознание в различных его разновидностях (политическое, религиозное, экономическое, бытовое и т.п.), с учетом специфики группового, личного сознания, а также гендерного, возрастного, социального сознания. Как показывает анализ фактического материала, доминирующим объектом воздействия становится политическое сознание, которое, возникая и развиваясь в связи с осознанием и реализацией реальных интересов, отображает понятийный, оценочный, символический и иные аспекты реальных властных взаимодействий граждан.

Существует потребность в приобщении к тому или иному популярному политическому движению, в членстве в правящей партии или другой престижной ассоциации и т.д. Именно на основе осознания своей групповой идентичности человек обретает контуры политического мышления, уточняет свой гражданский статус субъекта, наделенного теми или иными правами и свободами, возможностями влияния на власть, несения ответственности за свои поступки. Наличие и степень влияния общественных и индивидуальных воззрений в политическом сознании отражают способность к восприятию чужого социального опыта, ценностей и традиций.

Формирование политического сознания предполагает выработку линии поведения масс, групп, индивидов в какой-либо общественной системе. При этом реализуется воздействие на следующие психологические компоненты: 1) *структуры политических потребностей* (в ин-

формировании, знании, политическом действии, общении с единомышленниками или оппонентами и т.п.); 2) *политические интересы* (к политике и политической деятельности как форме самовыражения, самоутверждения и самореализации личности); 3) *мотивацию политической деятельности* (определение эффективных средств достижения поставленных целей). Только та политика оказывается действенной, которая опирается на всю совокупность средств формирования политического сознания.

Задача масс-медиа по осуществлению политики властной элиты как созидающего механизма регулирования общественных отношений заключается в выявлении общезначимых социальных и политических интересов (опросы общественного мнения, анкетирования), создании условий для их поддержания и реализации в практике общественно-политической деятельности (например, ток-шоу, аналитические программы и др.). Однако наблюдается тенденция омертвления политического сознания населения посредством масс-медиа, которые благодаря черному и белому PR выключают его из механизмов власти и управления. Лишая свободы выбора, создавая предопределенность исхода выборов, СМИ активно осуществляют целенаправленное воздействие на сознание электората, вызывая его пассивность, отстраненность, депрессивность, сужая заинтересованность населения в осуществлении своих гражданских прав и свобод, в том числе и свободы выбора, свободы волеизъявления, порождая неразвитость политических связей в обществе.

Политический интерес как ядро политического сознания и поведения служит источником активности субъекта, превращает его в движущую силу общественного развития, обладает функцией активного стимулирования политической деятельности, способствует объединению широких социальных слоев общества. При этом частные политические интересы отдельных партий и движений, групп лидеров или амбициоз-

ные устремления отдельных политических деятелей входят в противоречия с общим стратегическим политическим интересом, создавая в обществе обстановку нестабильности и хаоса.

При формировании политического сознания и поведения в массовой медиакультуре посредством реализации политических интересов должны учитываться следующие факторы: 1) общенародный характер и стратегический стержень; 2) институциональность (партии, движения и т.п.); 3) государственная воля (система власти, доводящая воздействие требований законов через побуждение (потребность), интерес, сознательный выбор того или иного института для применения своих политических сил); 4) идеологическая форма (теоретико-логические структуры в виде программ, принципов, лозунгов, деклараций, воззваний, законов и норм, регламентирующих политическое поведение в рамках определенной системы).

Важно учитывать также и глубинные пласты человеческой психики на уровне массового, группового или индивидуального сознания, формируемого в течение всей жизни человека (через семью, ближайшее окружение *«хороший/плохой»*, политические организации, СМИ). В настоящее время, время научно-технического прогресса, время информационных технологий, политическая социализация проходит сквозь призму масс-медиа. Скорость информационного потока во много раз превосходит скорость его восприятия и интерпретации в сознании человека, что позволяет интенсивно и эффективно воздействовать на сознание и мышление человека, наносить точечные удары на уровне глубинных структур сознания.

Отмечается клиповость массовой медиакультуры, которая заключается в том, что средства массовой информации наработали определенный инвентарий и механизмы вербального и невербального влияния на сознательные и подсознательные мыслительные процессы человека, его чувства, волю. Навязывается стереотипичность клипового восприя-

тия фрагментов действительности, тиражирующихся в выпусках новостей, аналитических передачах, ток-шоу, рекламах, кинофильмах и т.п. Сознательное придание знаковости клиповым фрагментам действительности оказывает сильное воздействие на сознание адресата (Путин думает, Путин озабочен, Путин шутит, депутаты делят портфели, страна пьет пиво «Клинское», «Пивовар», «Старый мельник» и др., кофе «Nescafe», чай «Беседа», сок «Наш сад», «Моя семья», ест шоколад, спасается от перхоти, ржавчины, насекомых, футбольных и религиозных фанатов, террористов и природной стихии, кормит домашних животных, смотрит сериалы, боевики, участвует в ток-шоу, играх типа «Поле чудес», «Как стать миллионером» и выборах, террористических актах, в борьбе со стихией и т.д.). Фотографическая память и аналитические способности человека приводят к сопоставлению аудиовизуального материала и интерпретативных образов и последующему наложению их друг на друга. Чем примитивнее созданные клиповые образы, тем эффективнее воздействие на структуры сознания человека. На подготовленную почву легче ложатся предлагаемый имидж политических и общественных деятелей, их программы и проводимая политика. Особенно ярко отражают сегодняшнюю ситуацию дети, которые озвучивают те элементарные клиповые образы, насаждаемые масс-медиа (цитирование рекламы, ярких слов и выражений, моделей поведения из «мыльных опер», программ новостей, ток-шоу). Человеческое сознание – всегда tabula rasa, характеризующаяся степенью открытости для воздействия, которая зависит от многих факторов (пол, возраст, национальность, уровень образованности, социальный статус и др.).

Устойчивой тенденцией последних лет становится подъем политизации населения и одновременной апатичности, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Это связано, как уже отмечалось выше, с одной стороны, с обновленческими процессами в политике, с преодолением состояния отчужденности человека от политической сферы, с

другой стороны, с возрастающей ролью самой политической сферы в обществе, усилением интенсивности политической деятельности, с третьей стороны, с усилением роли масс-медиа.

Примечательно, что масс-медиа становятся жертвой самих себя, не успевая осмысливать происходящие процессы в обществе. Часто мы наблюдаем поверхностные информационные материалы, порой противоречивые. СМИ являются первоисточником слухов, так как многочисленные цитирования в бешеной гонке информации порождают искажения не только формы, но и содержания [9]. Наиболее прозрачна некачественность информации в манипуляции с цифрами, например, при указании количества жертв различные СМИ дают разные данные. Здесь встает вопрос о профессионализме и этике журналистов.

При оказании влияния на политическое сознание большое значение имеет мотивация: чувство неудовлетворенности жизнью, социальная и духовная замкнутость, потребность в новом качестве общения, стремление к самоутверждению и самореализации как личности; карьерный рост, амбициозность и т.п., выявление причин недовольства политическим курсом, действий, направленных на устранение политического руководства и др.

Формирование политического сознания осуществляется путем критического осмысления социальной действительности, рационализации чувственных представлений человека, обобщения имеющейся информации. Кроме того, необходимо осознание целей партийного или политического движения, т.е. присоединение к уже сформулированным оценкам и нормам гражданского поведения, а также эмоциональное приобщение к вере в справедливость тех или иных политических идеалов. Объективная принадлежность человека к тем или иным группам не означает, что у него сформировано или сформируется соответствующее данным интересам политическое сознание. Иначе говоря, человек вполне может руководствоваться предполитическими, потестарными

воззрениями, основанными на неосознанной идентификации, повседневной, бытовой принадлежности к этническим и др. общностям и предполагающими не идейную, а поверхностную, эмоциональную духовную связь своих членов. В результате полной деиндивидуализации личности, ее духовной растворенности в группе постоянно рождаются болезненные этнофобии, экстремизм, холопство, популизм.

Проблемам влияния языка на сознание, на программирование психических процессов и других функций нервной системы, воздействия на массового адресата в массмедиа посвящено также множество психолингвистических и нейролингвистических исследований [2-4; 6; 7; 9-11; 14; 15; 17; 19; 25; 27; 28; 35; 41; 45-50 и др.). Интерес представляет изучение нервной системы и психических процессов, формирующих язык и отражающихся в нем. В основе нейролингвистического программирования лежит тесная связь функционирования нервной системы с вербальными способностями человека. Организация и направление поведения человека происходит при помощи стратегий и тактик, образованных из языковых и нервных паттернов.

Описывая суггестивное общение и медиадеятельность в терминах риторики [26], можно сказать, что *эпосом* (т.е. условиями, которые адресат предлагает адресанту) выступает интерес адресата к событиям в окружающем его мире. *Пафосом* (т.е. намерением, замыслом создателя речи – журналиста, общественно-политического деятеля и т.п.) является желание помочь адресату, оказать ему действенную информационно-эмоциональную поддержку. *Логос* (т.е. словесные средства, использованные адресантом при реализации замысла речи) представляет собой тексты масс-медиального дискурса и предмет нашего интереса с точки зрения лингвистических закономерностей, выявляемых в таких текстах.

Классификация текстов, используемых с суггестивной целью в СМИ, коррелирующая с таковой в психотерапевтических целях [1], представляется нам следующей: 1) *Устная вербальная продукция журнали-*

ста в гипнозе, т.е. в измененном состоянии сознания адресата. Объект исследования в данном случае представляет фонограммы успешных речевых актов, а проблемой в изучении является установление вербальных параметров суггестивности (некритического усвоения, внушения через формы речи). 2) *Устная вербальная продукция журналиста в бодрствующем критичном состоянии сознания адресата.* В качестве объекта анализа используются в данном случае записи текстов вербальной продукции; а проблема состоит в описании риторических приемов, техник воздействия с целью достижения задачи коммуникации – рационального убеждения. 3) *Письменные тексты, используемые с суггестивной целью.* Объектом исследования называется письменный текст, предъявляемый адресату. Исходя из простейшей типологии письменных текстов, здесь становится возможным предположить дихотомическое разделение таких текстов: а) тексты художественные; б) тексты научные медицинские, других стилей; в) тексты смешанных жанров и стилей. Предметом исследовательского интереса в данном случае выступает анализ применения герменевтической работы в целях эстетического воздействия и рефлективных техник в деле социализации личности [8]. Для нашего исследования представляют интерес лингвистические особенности текстов первой группы – текстов вербального внушения в гипносуггестивном состоянии, а также текстов третьей группы – письменных текстов, используемых с суггестивной целью (язык СМИ). Данному вопросу посвящена обширная литература по суггестивной лингвистике, лингвистике измененных состояний сознания, нейролингвистическому программированию.

Итак, под языковым сознанием понимается совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека. Этими проблемами занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингви-

стика, возрастная лингвистика [29: 11; 32: 24]. Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов [31]. Суггестивное воздействие как комплексное социально-психологическое воздействие на рацио и эмоцио человека с эффектом внушения изменяет нейрофизиологическую динамику адресата. Человек приобретает особый нейропсихический портрет, целостный и внутренне глубоко связанный – от мнемических фигур и интонаций речи до телесных поз. Для уменьшения силы суггестивности речевого воздействия на языковое сознание адресата необходимо повышать его психологическую культуру.

Массмедиа представляют собой фильтры, которые ввиду отсутствия возможности непосредственного восприятия адресатом окружающей действительности, в результате отбора информации и формулирования сообщений, мнений, оценок способны создавать искаженные, смещенные образы реальности. Тем самым СМИ конструируют образ реальности, влияют на все сферы человеческой деятельности в определенных интересах. Медиадискурс XXI века способствует формированию мировоззренческих моделей поведения массового адресата, порождает все новые проблемы для адресата, тем самым открывая новые перспективы для эффективного исследования ментальных трансформаций в современной медиакультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агкатцева М.Г., Бушев А.Б. Исследование текстов, используемых с психотерапевтической целью // Филология – Philologia. Краснодар: КубГУ, 1998. № 14. С. 39-40.

2. Алдер Г. НЛП в действии. СПб.: Питер, 2001а. 192 с.

3. Алдер Г. НЛП: Современные психотехнологии. СПб.: Питер, 2001б. 160 с.

4. Алдер Г. Технология НЛП. СПб.: Питер, 2001в. 224 с.

5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.

6. Белянин В.П. Идеологические тексты: Какие модели мира там представлены и какое психологическое воздействие они могут оказать // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 28 февр.-2 марта 2001 г. М.: ГП ЦРП Москва-СПб., 2001а. С. 44-47.

7. Белянин В.П. Нежелательные побочные эффекты в рекламном тексте. Реклама призвана вызывать положительное отношение к продвигаемому продукту // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 28 февр.-2 марта 2001 г. М.: ГП ЦРП Москва-СПб., 2001б. С. 256-257.

8. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста: Уч. пос. Тверь: Тверск. ун-т, 1993. 138 с.

9. Бородина С.Н., Желтухина М.Р. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их воздействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 132-139.

10. Бэндлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: Ориентация личности с помощью речевых стратегий / Перев. с англ. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 256 с.

11. Вагин И.О. Уроки психологической защиты. Не позволяйте собой манипулировать. СПб.: ПИТЕР, 2001. 160 с.

12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.

13. Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC

14. Деркс Л., Холландер Я. Сущность НЛП. Ключи к личностному развитию. М.: КСП+, 2000. 704 с.

15. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

16. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

17. Желтухина М.Р., Омельченко А.В. Коммуникативные технологии в XXI веке. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008.100 с.

18. Жинкин Р.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6.

19. Засурский Я.Н. Средства массовой информации России. М.: Аспект-Пресс, 2008. 380 с.

20. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С.51-58.

21. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

23. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Языковое сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.

24. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.

25. Перлз Ф.С. Внутри и вне помойного ведра / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Петербург XXI век», М.: Изд. центр «Академия», 1997. 448 с.

26. Рождественский Ю.В. Теория риторики. 2-е изд., испр. М.: Добросвет, 1999. 482 с.

27. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-Пресс, 1992. 192 с.

28. Сорокин Ю.А. Зоны риска в средствах массовой коммуникации // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 51-58.

29. Сорокин Ю.А. Ментальная реконструкция образа автора // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 5-24.

30. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 44-51.

31. Стернин И.А. Уровни описания языкового сознания // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апр. 2003 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 11-14.

32. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 24-32.

33. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: Теория и эксперимент. Сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. С. 301-311.

34. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Наука, 1961. 536 с.

35. Третьякова Г.Н. Речевое воздействие как итог когнитивных процессов // От слова к тексту: Мат-лы докл. междунар. науч. конф., Минск, 13-14 нояб. 2000 г. В 3 ч. Ч. II. / Отв. ред. Н.П. Баранова. Мн.: МГЛУ, 2000. С. 182-184.

36. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 105-114.

37. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.

38. Уфимцева Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. 1993. С. 59-75.

39. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.

40. Шрейдер Ю.А. Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 19-24.

41. Erikson M.H. Advanced Techniques of Hypnosis and Therapy / Selected Papers of Milton H. Erickson, M. D. Haley, J. [Editor]. N.Y., N.Y.: Grune&Stratton Inc., 1967. 271 p.

42. Grinder J., Bandler R. Patterns of hypnotic techniques of Milton H. Erickson M.B. Vol. 1,2. Meta Publications, 1975.

43. Korzybski A. Science and Sanity. Lakeville, CN: The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, 1980. 250 p.

44. Singer J.L. Daydreaming. N.Y.: Random House, 1966. 217 p.

45. Zheltukhina M.R., Biryukova E.V., Gerasimova S.A., Repina E.A., Klyoster A.M. and Komleva L.A. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication // Man in India. 2017. 97 (14). P. 207-215.

46. Zheltukhina M.R., Mouzykant V.L., Barabash V.V., Ponomarenko E.B., Morozova E.V., Mori S. Russian and Japanese Younger Generations in Search for a New Media Product // Man in India. 2017. 97 (3). P. 223-236.

47. Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Muzykant V.L., Ponomarenko E.B. & Masalimova A.R. Functional Characteristics of the English and Russian Media Texts about the Sochi 2014 Winter Olympic Games: Political and Linguistic Aspects // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. Issue 3. P. 83-100.

48. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Kovaleva N.A., Ryanskaya E.M. & Fomina Zh.V. Symbolic Nature of Culture: Features of the English Floristic Symbolics in Modern Economic and Political Media Texts // Man in India. 2017. 97 (14). P. 61-71.

49. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V., Borbotko L.A. & Masalimova A.R. Communicative Theatre Space in the Linguistic and Pragmatic Paradigm // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. Issue 2. P. 85-100.
50. Zyubina I.A., Matveeva G.G., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G. & Shevchenko A.V. Forensic Prosecutor's Speech as a Speech Genre // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. Issue 3. P. 312-323.

КАНАРСКАЯ Людмила Геннадьевна *(Мичуринск, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
kanarskaya2013@yandex.ru

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы теории словосочетания; в частности, предлагается подход к определению словосочетания с позиции трансформационной грамматики. Под словосочетанием понимается структура, генетически восходящая к ядерному предложению и занимающая включенную позицию внутри полного, распространенного предложения.

Несмотря на то, что в синтаксической науке существует большое количество исследований, затрагивающих различные проблемы теории словосочетания, в определении словосочетания и в понимании его отношения к предложению нет полного единства и согласия между разными научными исследованиями. В основу классификации словосочетаний русского языка положен принцип морфологической валентности слов, и ее несинтаксичность была замечена многими учеными. Современная теория словосочетания не согласуется также и с теорией предложения: учение о словосочетании растворяется в учении о второстепенных членах предложения. Поскольку при определении словосочетания большинство исследователей традиционно опираются на буквальный, этимологический смысл этого термина, можно констатировать его смысловое опустошение. Так, Л.Н. Засорина отмечает: «…в академической «Грамматике русского языка» за основу рубрикации словосочетаний с подчинительной связью берется их структура, представленная частями речи управляющих слов и грамматическими формами зависимых слов… Наиболее общие группировки слов, части речи с их грамматическими

формами, оказываются слишком мощными, но не обладают достаточной объяснительной силой при анализе текста. Поэтому разнооформленные словосочетания обычно распределяются еще и по типам семантических отношений между компонентами… В результате семантики сходные словосочетания разбросаны по разным структурным типам, в целом описание становится громоздким и некомпактным» [1: 100]. Бросается в глаза и тот факт, что сфера исследования словосочетания практически исчерпывается анализом валентностных свойств отдельных словоформ, а ведь подход к словосочетанию только со стороны непосредственно синтаксических связей слов, входящих в его состав, не дает нам нужной информации об их употреблении. Такой подход обедняет наши представления о речевой действительности, освещает ее далеко не полно, поскольку при этом «важнейшая сфера функционирования языка как средства общения и обмена мыслями целиком выпадает из поля зрения науки о языке» [3: 8]. В настоящее время наиболее устойчивым и влиятельным в синтаксической науке остается направление, восходящее в своих истоках к шахматовской концепции синтаксиса как учения о двух лингвистических объектах – словосочетании и предложении. Авторы «Грамматики русского языка» (1960) считают словосочетание частью предложения, его конструктивным элементом, а рассматривают его до предложения и, по сути, в отрыве от него. Сама теория предложения излагается в широком объеме, включая не только описание главных членов, но и способы выражения второстепенных членов предложения (определения, обстоятельства, дополнения). Это приводит к тому, что характеристика второстепенных членов по существу дублирует описание различных типов словосочетаний. На долю учения о словосочетании достается «изнанка» теории предложения, и остается непонятным, какой цели может служить двойной анализ одних и тех же фактов языка.

О девальвации термина *словосочетание* пишет В.Г. Руделев: «Само понятие «словосочетание» запутано, доведено до абсурда. Если

оставить в неприкосновенности теорию членов предложения (в том числе – и второстепенных), то места для словосочетания в теории синтаксиса не останется вообще; если же открыть дорогу словосочетанию и устранить учение о членах предложения, то синтаксис потеряет функциональную направленность и семантическое напряжение; между тем, именно теория членов предложения достигла в последнее время необыкновенного успеха, дав лучшее, что только можно было предположить, – теорию актуального членения» [4: 15].

Нельзя не согласиться с И.П. Распоповым, В.Г. Руделевым и некоторыми другими учеными, что нужна новая синтаксическая теория, так как «созданное традиционной грамматикой учение о синтаксическом строении предложения является односторонним. Оно учитывает только внешнюю, формальную сторону структурной организации предложения… Функциональное значение предложения трактуется в этом учении на базе формальной логики, которая отнюдь не охватывает всего, что отражается в мышлении человека, познающего закономерные связи и отношения окружающей действительности» [3: 25].

«Компромиссная модель» решения проблемы «словосочетание – предложение» предлагается в работах Тамбовской лингвистической школы. Она базируется, с одной стороны, на положениях трансформационной грамматики З. Хэрриса и Н. Хомского, с другой стороны, использует терминологию и проблематику теории актуального членения К. Боостa и В. Матезиуса. Именно такой подход, по мнению В. Гумбольдта, прямо отвечает задаче активного изучения языка как средства обмена мыслями, тогда как расчленение языка на слова и правила – это только мертвый продукт научного анализа.

Для синтаксических материй существенно то, что, благодаря подходу к ним с точки зрения трансформационного метода, они рассматриваются не в изолированном виде (как в традиции), а в процессе преобразования из одного в другое. Поэтому аналитический подход к предло-

жению дополняется его рассмотрением с точки зрения синтезирования, то есть, в отличие от традиционного, в некоторой степени, статического подхода к предложению, здесь открывается процессуальный, динамический подход к языку.

Вслед за З. Хэррисом, Н. Хомским, В.Г. Руделевым можно признать, что глобальным элементом синтаксиса является предложение**.** Предложение – это минимальная речевая композиция, которая строится путем заполнения ее конструктивной схемы отдельными словами с их сочетаемостным потенциалом. Исходным мы считаем простое, повествовательное предложение в изъявительном наклонении, в активном залоге, без модальных слов и «распространителей», например: *Солнце село*. Предложения этого структурного типа З. Хэррис и Н. Хомский считают ядерными, т.е. принадлежащими к ядру языка и являющимися базой для создания всех остальных конструкций. Из ядерных предложений путем преобразования могут быть получены все остальные предложения различной степени сложности: (1) *За летом наступила осень* (А. Белый. Северная симфония). (2) *За жарким летом наступила дождливая, холодная осень* (А. Белый, Северная симфония). Предложение (2) получено путем расширения структурной схемы исходного предложения (1) за счет атрибутов *жаркий, дождливый, холодный*. Они являются распространителями структурной схемы ядерного предложения, но в нем никогда не встречаются. По мысли Н. Хомского, для того, чтобы узнать, как образовано неядерное предложение, необходимо его разбить на несколько исходных предложений. При этом любая конструкция, встречающаяся в ходе операции, должна рассматриваться только как аналог предложения**.** Так, предложение (2) может быть разбито на следующие предложения: *За летом наступила осень. Лето было жаркое. Осень была дождливая. Осень была холодная*. Произведенную нами операцию Н. Хомский называет трансформацией, а предложение, полученное в результате нее, трансформом. То есть предложение (1) является ядер-

ным для предложения (2), а последнее считается его трансформом. Предложения *Лето было жаркое*, *Осень была дождливая*, *Осень была холодная* для того, чтобы занять включенную позицию внутри предложения (2), были преобразованы в структуры *жаркое лето* и *холодная, дождливая осень*. Эти «именные группы» (термин Н. Хомского) более лаконично описывают внеязыковую ситуацию, экономят усилия говорящего и потому легко входят в структуру вновь создаваемого предложения. Операцию, которая обращает предложение в именную группу вида *A + N,* Н. Хомский называет «трансформацией номинализации», а именные группы – словосочетанием, определяя тем самым его основное свойство – быть трансформированным предложением. Отметим, что такой подход к словосочетанию позволяет сохранить в неприкосновенности теорию второстепенных членов предложения и дает право на существование теории словосочетания. Словосочетание активно участвует в актуальном членении предложения, являясь носителем определенной тематической или рематической идеи [2: 233].

Итак, под словосочетанием мы понимаем конструкцию, генетически восходящую к предложению и являющуюся его образом. Это его первое и основное свойство, поскольку тезис о смысловой целостности любой синтаксической конструкции может быть доказан только при сопоставлении ее с предложением, которое в семантическом плане является абсолютно законченным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974. 319 с.
2. Канарская Л.Г. Словосочетание с позиции Тамбовской лингвистической школы // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона» (20 мая 2016 г.). Мичуринск, 2016. С. 230-234.
3. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. 220 с.
4. Руделев В.Г. Русский язык. Учение о предложении. Тамбов,1992. 202 с.

МАРКОВА Елена Михайловна *(Москва, Россия)*
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет
Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве (Словакия)
elena-m-m@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭТАЛОНОВ В МЕЖСЛАВЯНСКОМ ДИАЛОГЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Аннотация. В статье речь идёт о вторичных номинациях как выражении эталонов тех или иных признаков, свойств, качеств. Основанные на сравнении, эталоны представляют собой образные мерила и образуются благодаря универсальным культурным кодам. Вместе с тем образная реализация эталонов нередко различается даже в близкородственных языках, что иллюстрируется материалом русского и чешского языков. Знание эталонов способствует успеху межкультурного диалога и предупреждению прагматической интерференции, что особенно актуально для славянских языков.

Любая лингвокультура характеризуется наличием системы эталонов, в которых отражаются нормативные представления того или иного этноса о каком-либо явлении. В эталонах, представляющих, по сути, мерила качеств, признаков, свойств и принадлежащих к явлениям вторичной номинации, находит отражение когнитивный опыт представителей той или иной этнокультуры. «Эталоны – это то, в чем образно измеряется мир» [3: 44]. Они отражают миропонимание данного народа, его систему норм и представлений об окружающем мире и человеке, «воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [5: 233] и имплицитно содержат оценку и предписание. Вместе с символами и стереотипами эталоны составляют ту прагматическую надстройку, знание которой необходимо каждому, кто нацелен на диалог культур, на эффективную межэтническую коммуникацию.

Эталоны, существующие в каждой лингвокультуре, путём сравнения с миром животных, растений, артефактов, дают образцы того или иного качества или свойства: ума и глупости, молодости и старости, красоты и некрасивости, полноты и худобы, трусости и смелости, высокого и низкого роста, большого количества и маленького и т. п.

Вторичная объективация средствами языка отрицательных человеческих качеств, таких как глупость, жадность, неряшливость, трусость, и др., представлена гораздо шире, нежели их положительных оппозиций: ума, щедрости, чистоплотности, храбрости. Это связано с тем, что положительное в морально-этической сфере всегда воспринималось как норма, как очевидное, что не требовало специального означивания, тем более во вторичном семиозисе, предполагающем аксиологическую составляющую. Вместе с тем и положительные качества получили языковую разработку, транслирующую своеобразные эталоны тех или иных положительных характеристик человека. Во вторичной номинации используется целый ряд базовых метафор, или культурных кодов: соматический, артефактный, фитонимический, зооморфный, военный, социальный, кулинарный, технический и др. В действии единообразных моделей семантических переходов выражается универсальность мышления человека. Вместе с тем их различное образное наполнение, даже в языках близкого родства, какими являются сравниваемый нами русский и чешский, свидетельствует о специфике видения мира представителями того или иного славянского этноса [1].

Особенностью эталонных выражений в славянских языках является то, что при частом сходстве в силу близкого родства первичного, денотативного значения лексем, их образующих, они не всегда эквивалентны в прагматической части, т. к. у каждого славянского народа за время самостоятельного бытования сложились свои представления о соотнесённости признаков и явлений окружающего мира. С одной стороны, общность референциальной составляющей обусловливает принадлежность эталонов одного и того же явления или качества в разных славянских языках к общему культурному коду, с другой стороны, прагматическая составляющая как факт вторичного семиозиса выступает носителем этнокультурной специфики. Поэтому эталоны в славянских языках нередко демонстрируют «концептуальную универсальность» при

«формально-языковой национальной маркированности» [4: 260]. Так проявляется в эталонах единство общего и частного, интернационального и национального, универсального и специфического.

Так, артефактная метафора представлена во вторичных номинациях глупого человека семантической моделью: «головной убор, чехол, мешок» (как пустая емкость, упаковка, оболочка без содержимого) → «человек»: рус. *шляпа,* (уст., пренебр.) *колпак* ‘глупый, недалекий, простоватый человек’ – чеш. *čápice* ‘шапка (вязаная)’ в значении ‘глупая женщина’; рус. *мешок, тюфяк* – чеш. *balík* ‘пакет’ в значении ‘неотёсанный человек, мешок’, *pytlík* ‘мешок’, *mezulán* ‘глупец’ (первоначально ‘вид дешёвой хлопковой ткани’) [TJČ].

Типичным мерилом глупости является и сравнение с обувью, что вполне естественно: в семантике слов, обозначающих виды обуви, имплицитно присутствует не только сема округлости, но и сема низа, приземлённости, которая даёт негативные коннотации, т. к. обувь наиболее удалена от головы и является своеобразным антиподом последней (ср. рус. *валенок,* жарг. *башмак, калоша, туфля, тапочек, сапог*, чеш. *hloupý jako bota* ‘глупый как ботинок’, чеш. *bačkora* ‘тапочек’ (в значении ‘безвольный человек, простофиля, тюфяк’).

Хорошее знание чего-либо объективируется чаще всего в разных культурах с помощью образа руки, ладони как чаще всего находящейся перед глазами: рус. *знать как свои пять пальцев /* (реже) *как свою ладонь*, чеш. *znát jako svou dlaň* ‘знать как свою ладонь’. В чешском языке образ пальцев для вербализации рассматриваемого значения конкретизирован: о человеке, который хорошо знает что-либо, могут сказать – *má v malíčku* (букв. ‘у него есть в мизинце’). В чешском языке «подключена» для выражения данного значения также обувная и вестонимическая метафоры, не задействованные в этом значении в русском: ср. чеш. *znát jako své boty* ‘знать как свои ботинки’, *znát jako svou kapsu* ‘знать как свой карман’/ *jako svou vestu* ‘знать как свой жилет’. Для реализации данного

значения используется в обоих языках и религиозный код: и в русском, и в чешском языках хорошее знание чего-либо ассоциируется со знанием основной христианской молитвы: рус. *знать как Отче наш* и чеш. *znát jako otčenáš*.

Среди вторичных средств выражения небольшого количества также можно обнаружить как сходства, так и спецификации в русском и чешском языках. Общими способами косвенной номинации указанного значения являются фраземы: рус. *на кончике ножа* – чеш. *na špíčku nože*, *na lžičku* (‘на ложечке’), рус. *с мизинец* – чеш. *ani co by se za nehet* (букв. ‘с ноготь’). Вместе с тем выделяются и образные уникалии в выражении данного значения. Этноспецифическими эталонами в русском языке являются сравнения: *как кот наплакал* (представляющее собой образную литоту, основанную на невозможности кошкиного «плача») [РФИЭС:351]; *с гулькин нос* (букв. ‘с голубиный нос (клюв)’, т. к. *гулькин* притяжательное прилагательное от *гулька, гуля* ‘голубь’) [РФИЭС:479]. Эталонами малого количества, ничтожества чего-л. в чешском языке стали лексемы, обозначающие вещества, состоящие из мельчайших песчинок: *šafrán*, *zblo* (от устар. *zblo* с первичным значением «пушок на льну»), *mak*, употребляющиеся в выражениях *jako šafránu* (‘как шафрана’), *jako zbla* (‘ничуть, ни капли’, напр., в выражениях: *nerozumí any zbla* ‘не понимает ничего’, *na tom není any zbla pravdy* ‘в этом нет ни капли правды’), *ani za mak* (букв. ‘как мака’).

Артефактный код также активно задействуется для эталонного выражения различных качеств человека. К примеру, эталоном сварливости, частого недовольства женщин становятся в разных культурах режущие, пилящие и точащие инструменты: рус. *пила* и чеш. *rašple* «рашпиль, точащий инструмент», а символом старости – полые предметы с крышками или реликты: рус. *старая перечница* и чеш. *stará škatule* (‘старая шкатулка’), рус. *реликт* – чеш. *vykopávka* ‘археологическая ценность’ (по отношению к старому человеку). Полнота женщин передается

в обоих языках с помощью образов кулинарного кода: рус. *булочка*, *квашня* – чеш. *buchta* «пирожок» (о толстой женщине, напр., в выражении *sedí jako buchta*, аналогичном рус. *сидит как квашня*) [2].

Представленное в данной статье сопоставление некоторых эталонов в русской и чешской языковых картинах мира может быть эксплицировано на любую пару славянских языков. Системное описание эталонов той или иной славянской лингвокультуры в зеркале другой даёт возможность не только «наложить» картины культурных ценностей, ментально-лингвальных стереотипов славянских народов, но и облегчить процесс овладения другим славянским языком, помочь славянам найти общий язык в диалоге их культур, уходящих корнями в единое происхождение, но скорректированных временем и самобытной историей каждого народа. В аспекте лингводидактики принадлежность эталонов к одному культурному коду одновременно с различной образной экспликацией осложняет межславянский диалог культур возможной лингвокультурной интерференцией. В связи с этим возрастает роль билингвальных межславянских исследований эталонных фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркова Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета», № 1, 2013, www.evestnik-mgou.ru.

2. Маркова Е. М. Образные представления о женщине в русской, чешской и словацкой лингвокультурах // Фрагмент русской языковой картины мира "Жизнь женщины" Коллективная монография. - М.: Изд-во МГОУ, 2013. - 236 с. - С. 81-94.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология. 2-е изд-е. Москва: Академия, 2004.

4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Изд-во КГУ, 2008.

5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

СЛОВАРИ

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд-е, испр. и доп. Москва, 2005.

Большой фразеологический словарь русского языка / Под ред. В. Н. Телия. - Москва, 2006.

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург, 2003.

Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.

Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání // F. Čermák, J. Hronek a kol. Praha, 2009.

Slovník nespisovné češtiny, 2. vyd. Praha, 2006.

Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

ПЛИСОВ Евгений Владимирович *(Нижний Новгород, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Николая Александровича Добролюбова
e_plissov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛЕКСИКОН В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к анализу религиозного лексикона в истории немецкого языка, особое внимание сконцентрировано на историко-семантическом подходе, анализе этимологии лексических единиц, специфике их заимствования и ассимиляции, функционировании в переводных и аутентичных немецких текстах.

В настоящее время язык религии изучается с лингвистических, лингвокультурологических, теологических позиций. Религиозный лексикон чаще всего рассматривается с позиций семантики и прагматики функционирующих в нем элементов [2]. Одним из основных подходов в германистике является рассмотрение религиозного лексикона с позиций исторической семантики, в этой связи представляется целесообразным сделать обзор существующих концепций.

В немецком языкознании религиозная лексика стала объектом исследования со времени составления первых лексикографических источников, во второй половине XIX века формируется несколько аспектов изучения религиозной лексики: осмысление религиозного лексикона с позиций лексикологии, изучение влияния христианства на развитие немецкого языка, обоснование религиозного языка как специального языка. Религиозная лексика включается в словарь братьев Гримм. Согласно концепции этого словаря религиозные слова регистрируются наряду с другими словами немецкого письменного языка на основе литературных источников с учетом диахронического подхода, например: auferstehung, *f. dasselbe, goth.* usstass, *ahd*. urrist, *nnl*. opstandinge: die Sadduceer, die da halten, es sei keine auferstehung. *Matth*. 22, 23; es wird dir aber vergolten werden in der auferstehung der gerechten. *Luc*. 14, 14; das rauschende feld voll auferstehung. Klopst. *Mess*. 5, 716; als weit um ihn her

das todesgefilde rauschte von auferstehung. 11, 1168; geld ist dir zwar zu gestorben, dran hat niemand keine beute, dann du wirst doch keinem helfen, hast es in den sack vergraben, wird, wann du wirst sein gestorben, erst die auferstehung haben. Logau 3, *zugabe 88*; bei der auferstehung der todten. Schiller 192a [4]. В иллюстративной части словарной статьи цитируются два библейских текста – Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки.

Наряду с лексикологическим подходом обсуждается влияние христианства на немецкий язык с целью более полного представления истории немецкого языка [3: 72-77]. Основой христианской лексики, по мнению исследователей, в древневерхненемецкий период является язык церкви и монастырей, в том числе письменные памятники той поры, которые были в распоряжении церкви [12: 109]. Заимствования этого периода изучаются с позиций этимологии, исторической фонетики, лингвистической географии и др. Например, Т. Фрингс выделяет несколько этапов в формировании *Germania christiana*: древнейший греко-латинский этап с ареалом распространения вдоль Рейна и Дуная, готский этап в районе Дуная, галльско-франкский этап вдоль Рейна, южнонемецкий этап VI-VII вв. После VII в. наблюдается также внутренняя дифференциация между англосаксонским церковным языком на севере и южно-немецким ирландским влиянием [7]. По мнению В.М. Жирмунского, это свидетельствует не только о деятельности двух христианских миссий, но и о столкновении двух культурных традиций. В качестве одного из примеров автор приводит конкурирующие северное слово *heilag* (святой), новое слово, образованное от *heil* (букв. *целительный*), и южное *wîh* (от готского *weihs* в древневерхненемецком *wihan – weihen*), старое языческое слово, приспособленное к новому церковному понятию [1: 37].

В целом считается доказанным, что в христианском лексиконе древневерхненемецкого периода развития немецкого языка заимствованные значения составляют более половины заимствований морфоло-

гической структуры и семантической мотивированности иноязычных слов в древневерхненемецких памятниках (*Abrogans*, *Benediktinerregel*, *Tatian*), за ними следуют заимствованные слова и передача чужого понятия средствами родного языка [13: 14]. Г. Мозер в своих работах привлекает внимание исследователей к вопросам существенных признаков религиозного языка [13: 14]. Он показывает развитие религиозного языка от древневерхненемецкого периода через средневерхненемецкий к нововерхненемецкому с помощью семантического анализа христианского лексикона. На основе этого анализа он относит религиозный язык к специальным языкам, к которым он причисляет также язык политики, экономики, техники [12: 198]. Правда, в противопоставлении к ним религиозный язык, не однородный в семантическом и синтаксическом отношении в своих более узких областях (языке богословия, языке немецкого перевода Библии, языке проповеди, молитвы и литургии) [10: 12], проявляет некое глобальное семантическое единство, поскольку слова из области человеческого ориентированы на сферу трансцендентного (*Herr*, *Himmel*, *allmächtig*). Сверхъестественное выражается многократно только через метафоры, символы, аллегории [14]. Другой важный специфический признак религиозного языка заключается, по мнению Г. Мозера, в тенденции к архаизации, в поддерживаемой церковью традиции к сохранению содержания веры, в том числе на языковом уровне. Многие религиозные слова представляются архаичными (*Heiland*, *Fronleichnam*, *Jüngster Tag*, *Sündflut*), но тем не менее попытки введения новых языковых форм для закрепленных традицией бытования религиозных текстов вызывают со стороны большинства верующих скептическое отношение. Внутри религиозного языка Г. Мозер выделяет объект своего семантического исследования – некий *Durchschnittssprache der Religion*, т.е. те книжные языковые единицы, которые функционируют во всех областях религии, а не только в специальном языке богословия, или в языке проповеди, или в богослужебном языке [13]. Методологиче-

ски важным является тот факт, что с семантического обоснования существования специального религиозного языка начинается собственно лингвистическое осмысление этого явления.

Вопросам существенных признаков религиозного языка посвящены также отдельные исследования процесса секуляризации религиозного языка [11]. Например, слова с исконным религиозным значением расширили сферу употребления и являются сегодня семантически разнородными, реализуя различные значения в религиозной и в светской коммуникации (*Feier*, *Fest*, *Messe*, *Opfer*, *Andacht*, *geistreich*, *nüchtern*). На процесс секуляризации религиозного языка обращает внимание В. Дикман, анализируя использование религиозных понятий во времена национал-социализма [6: 87, 89] (см. активно используемые в идеологии этого времени языковые единицы *Apostel*, *Auferstehung*, *Bekenntnis*, *Erlöser*, *ewig*, *Glaube*, *Gläubigkeit*, *heilig*, *Mission*, *Opfer*, *Orden*, *Sünde*, *ewiges Reich*, *drittes Reich*, *Wegbereiter* и др.).

В последних работах этого направления используется также семасиологический подход, который характерен, в частности, для М. Фуса, определяющего религиозную лексику как слова, денотаты или коннотаты которых являются компонентами трансцендентно мотивированной идеологии или имеют отношение к этим компонентам [9: 20-21]. Для составления религиозного глоссария автор использовал не только имеющиеся словари, но все религиозные семемы отобранных языковых единиц были верифицированы с привлечением древневерхненемецких и древнесаксонских текстов.

Анализу подвергаются отдельные лексемы, бытующие в религиозной сфере коммуникации или обозначающие релевантные для этой сферы предметы и понятия [8: 118-120]. Например, М. Рейн исследует в историческом аспекте глагол *bekehren*, описывает историю концепта в иудаизме (в профетических и других древнееврейских текстах), его переход в греческий языковой мир и особенности словоупотребления, за-

имствование в латиноязычное западное христианство и, наконец, заимствование слова и концепта в древневерхненемецком языке; ученый прослеживает семантические трансформации *bekehren* вплоть до позднего средневековья [15].

Анализу с позиций исторической семантики подвергаются древнееврейские заимствования, например, частотные литургические возгласы (восклицания) *Amen*, *Halleluja*, *Hosianna* или имена Бога *JHWH* / *JHW* / *JH* [16]. При анализе этих ассимилированных языковых единиц устанавливаются не только их исконное значение и контекстуальный фон в древнееврейском языке, но и условия заимствования, обосновывается необходимость этого процесса, описываются смысловые трансформации при перемещении в другой контекст, изменения значения в результате (и как следствие) ассимиляции.

Историко-семантический подход характерен для целого коллектива авторов справочника по древневерхненемецкой и древнесаксонской глоссографии [5]. В выполненной в русле лингвистической географии работе анализируются библейские и небиблейские тексты, устанавливается родство латинских и древневерхненемецких текстов, предлагается интерпретация древнесаксонских переводов Евангелия.

Таким образом, очевидной представляется включенность религиозной лексики и религиозных текстов в орбиту германистических исследований на всех этапах развития науки о языке. Применение методов сравнительно-исторического языкознания положило основу изучения немецкого религиозного лексикона, этимологии лексических единиц, особенностей их заимствования, ассимиляции, функционирования в переводных и аутентичных немецких текстах. В ходе анализа было установлено, что ведущая роль при этом отводится исследованию семантики религиозной лексики с исторических и структурных позиций, а также в рамках социологии языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. 277 с.

2. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 23. С. 164-168.

3. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1970. 534 S.

4. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm auf CD-ROM und im Internet / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften, Universität Trier // URL: http://www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemma=auferstehung. Дата обращения: 01.03.2016.

5. Die althochdeutsche und altsächsische Glossographie: ein Handbuch / hrsg. von R. Bergmann und S. Stricker. 2 Bde. Berlin; New York: de Gruyter, 2009.

6. Dieckmann W. Information oder Überredung. Zum Wortgebrauch der politischen Werbung in Deutschland seit der Französischen Revolution. Marburg: Elwert, 1964. 189 S.

7. Frings Th. Antike und Christentum an der Wiege der deutschen Sprache // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. 1949. H. 97, 1. S. 11-13.

8. Fritz G. Historische Semantik. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2006. 197 S.

9. Fuß M. Die religiöse Lexik des Althochdeutschen und Altsächsischen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. 434 S.

10. Goertz H. Deutsche Begriffe der Liturgie im Zeitalter der Reformation. Untersuchungen zum religiösen Wortschatz zwischen 1450 und 1530. Berlin: E. Schmidt, 1977. 500 S.

11. Langen A. Zum Problem der sprachlichen Säkularisierung in der deutschen Dichtung des 18. und 19. Jahrhunderts // Kaempfert M. (Hg.) Probleme der religiösen Sprache. Darmstadt, 1983. S. 94-117.

12. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte. Mit einer Einführung in die Fragen der Sprachbetrachtung. 6. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1969. 227 S.

13. Moser H. Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Bereiches. Düsseldorf: Schwann, 1964. 82 S.

14. Paus A. Die Analogie als Prinzip religiöser Rede. Antrittsvorlesung, gehalten am 8. März 1973 an der Theologischen Fakultät der Universität Salzburg. Salzburg; München: Pustet, 1974. 28 S.

15. Rein M. Conversio deutsch: Studien zur Geschichte von Wort und Konzept „bekehren“, insbesondere in der deutschen Sprache des Mittelalters. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 560 S.

16. Seybold K. Der Segen und andere liturgische Worte aus der hebräischen Bibel. Zürich: TVZ, 2004. 134 S.

ФЕДОСОВ Виктор Александрович (*Владимир, Россия*)
доктор педагогических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
fedosovva@mail.ru

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Аннотация. В статье диахрония понимается в более широком смысле, чем традиционно: диахрония – это последовательность языковых элементов во времени не только в истории, но и в использовании языка. Ментальность – это часть содержания языка, находящаяся в определенном соотношении с другими частями плана содержания: (((семантика) ментальность) культура) знание. Язык – это прежде всего материальная субстанция: звуки речи (буквы), слова, состоящие из звуков, предложение, тексты, состоящие из слов.

Диахрония. Сопоставление «синхрония – диахрония» в лингвистику ввел Ф. де Соссюр. Диахронию он определил так: «Диахроническая лингвистика изучает отношения между последовательными, сменяющими друг друга во времени элементами» [7: 178]. Элементы языка могут сменять друг друга во времени не только в истории языка (например, в X в. был один элемент, а XVII в. его сменил другой элемент), но и в каждом использовании языка: при построении (или распознавании) речи сначала употребляется один элемент, затем к нему присоединяется другой элемент. Если применительно к истории языка временная последовательность языковых элементов берется в отношении к внешней точке отсчета времени, то при использовании языка точка отсчета времени – внутренняя: ею являются предшествующие или последующие элементы в развертывающейся системе языка.

Сам Ф. де Соссюр и последующие лингвисты понимали и описывали диахронию как последовательность элементов в **истории** языка – с внешней точкой отсчета времени. Полагаем, что понятие (и термин) «диахрония» можно распространить и на временную последовательность элементов при **употреблении** языка – с учетом внутренних точек отсчета времени. Широкое понимание диахронии будет способствовать изучению (описанию) временных последовательностей языковых элементов в системе. Пока же в диахронии описываются в основном только

отдельные, изолированные элементы, что, как отмечается, не является плодотворным. Всё чаще раздаются призывы учитывать при описании диахронии языка языковую систему: «...диахроническая лингвистика должна изучать не только историю отдельных явлений, но и историю языковой системы в целом. Это возможно сделать путем установления синхронных срезов» [5: 75]. Синхронные срезы можно ориентировать не только на внешнюю точку отсчета времени (на X в., на XVII в. и т.д.), но и на внутренние точки, например на предшествующий синхронный срез. Получается, что использование языка – это в таком случае добавление к данному синхронному срезу новых языковых элементов, в результате чего образуется новый синхронный срез: использование языка – это, таким образом, последовательность синхронных срезов во времени.

Ментальность. Это понятие до последнего времени в лингвистике не употреблялось. Данный термин отсутствовал даже в самых больших лингвистических словарях, например [3]. В настоящее время это понятие (и термин) употребляется очень широко. Ментальность относится к области значения языка. Как известно, у языка есть план выражения и план содержания. План содержания – это прежде всего лексическая **семантика:** значения слов, словосочетаний, предложений, текстов, состоящих из слов. Ментальность основывается на семантике языка. Ментальность – это то в плане содержания языка (выражающееся в языковых средствах), что характеризует **личность** говорящего на данном языке. Именно так определяет ментальность В.В. Колесов, который в настоящее время много пишет о ментальности, см. в частности [1]. В.В. Колесов описал и историю появления этого понятия в русском языкознании [2: 44-58].

В плане содержания языка, помимо семантики и ментальности, есть еще **культура** – более широкое понятие, чем ментальность, включающее в себя ментальность вместе с семантикой. Культура – это «совокупность достижений человеческого общества в производственной,

общественной и духовной жизни» [6]. Культура, выражающаяся в средствах языка, составляет еще один раздел лингвистики, который в таком случае называется лингвокультурологией. При описании культуры как содержания языка требуется в соответствии с культурологическими понятиями ставить средства языка, выражающие эти культурологические понятия. Ментальность как культура личности, выражающаяся в языке, тоже должна бы иметь эту приставку: лингвоментальность.

План содержания языка не заканчивается культурой. Содержание языка образуют также **знания** о мире: «Язык отражает знания о мире. Язык – это средство передачи мысли, ...выступает в виде своеобразной «упаковки» знания» [2: 73]. Знания как предмет лингвистки тоже стали изучаться в самое последнее время, см. когнитивную лингвистку [4]. В итоге план содержания языка имеет следующее строение: (((семантика) ментальность) культура) знание.

В плане содержания можно выделить еще не один раздел с его собственными языковыми средствами выражения. Но надо полагать, что выделенные четыре раздела являются главными. Семантика – неотъемлемая часть языка: владеть языком означает владеть его семантикой – значением слов и сочетаний слов. Знания – тоже неотъемлемая часть языка: языком овладевают для того, чтобы выражать знания. В области знания выделяется ментальность – знание, характеризующее личность, пользующуюся языком; выделяется и культура – знания о мире, формулируемые личностью, народом, говорящим на данном языке.

Язык. Язык – это прежде всего материальная субстанция: звуки речи (буквы), слова, состоящие из звуков (букв), предложения, тексты. Семантика, ментальность, культура, знания – тоже субстанция, но – идеальная, «прикрепляемая» к материальному языку и существующая вместе с материей языка. Что касается диахронии – то это не субстанция, это измерение языка во времени, ср. синхрония – пространственное измерение языка.

Описывая язык, лингвистика начинает с материальной части языка – в соответствии с тем, как воспринимается речь в общении. Порождение речи тоже по сути дела начинается с материальной части, так как идеальная часть должна предварительно выражаться в какой-либо материи, представленной на этот раз в мышлении (гносеология языка). Получается, что порождение речи – это преобразование мыслимой материи в реальную материю.

Употребление языка при восприятии и порождении речи происходит во временной последовательности элементов языка, последовательности его синхронных срезов (диахрония). Соответственно и **овладение** (освоение) языком тоже представляет собой диахронию – временную последовательность осваиваемых единиц. И **преподавать** язык тоже приходится в диахронии – во временной последовательности преподносимых учащимся частей языка. С учетом всех этих диахроний построено учебное пособие по русской лингвокультурологии «Старые русские города» для иностранных студентов, изучающих русский язык [8]. Главные задания в этом пособии, применительно к каждой теме, подаются в следующем порядке: 1) «прочитать текст» (восприятие текста на основе восприятия лексики с ее семантикой); 2) «ответить на вопросы по тексту» (в соответствии с предложением-вопросом строиться предложение-ответ); 3) «рассказать, используя системы слов» (порождение текста из слов и предложений). Освоение языка идет, таким образом, во временной последовательности языковых единиц (в диахронии): лексика → предложение → текст.

Названное учебное пособие состоит из 15-ти тем. 1-ая тема называется «Русское деревянное зодчество» – состоит из частей: «Изба», «Топор», «Село». «Церковь», «Пожар», «Музей под открытым небом». Вот, например, часть под названием «Село»:

Село состояло из изб, дворов, хозяйственных построек. Располагалось село обычно на лугу вдоль реки или озера, образуя с природой

единой целое. Церковь стояла в красивом месте, например на берегу реки, чтобы отражаться в воде вместе с облаками. Ветряная мельница строилась на высоком месте, чтобы ее крылья были ближе к ветру, а водяная мельница – у реки, на пруду.

При чтении (восприятии) текста учащиеся осваивают прежде всего лексику с ее **семантикой**: *изба* (жилой дом), *двор* (с хозяйственными постройками), *церковь, мельница* и др. Вопросы задаются к каждому предложению, чтобы нетрудно было составить предложение-ответ. В это время осваивается сочетаемость лексики (синтагматика): *какие постройки были в селе (изба, церковь* и др.) и т.д. На основе одинаковой сочетаемости лексика объединяется в парадигматику: *село: изба, церковь, мельница* и др.; *место: луг, река, берег, озеро, пруд* и др. При рассказывании используются эти лексические объединения с их лексической сочетаемостью – получается текст: *В селе были избы, дворы, хозяйственные постройки. Церковь стояла на берегу реки, мельница – на пруду* и т.д.

Преподаватель может обратить внимание учащихся и на такое значение в лексике, как **ментальность** русского народа, например: русские люди жили *в единстве с природой*: село было *на лугу, образуя с природой единое целое;* церковь стояла *в красивом месте – на берегу реки, чтобы отражаться в воде вместе с облаками;* ветряная мельница была *на высоком месте ближе к ветру* и т.д.

Основное количество лексики в своем значении отражает **культуру** русского народа на тему «Русское деревянное зодчество»: *изба, амбар, баня, колодец, четырехстенный сруб (клеть), двухскатная крыша, трехглавая церковь; музеи под открытым небом* и т.д. Конкретная семантика каждого из слов всего этого множества лексики, а также ментальность и культура составляют **знания** русского народа, которые должны освоить и учащиеся, изучая русский язык.

ЛИТЕРАТУРА
1. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Востоковедение, 2004.
2. Колесов В.В., Пименова М.Вл. Языковые основы русской ментальности. М.: Наука, 2016.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.
5. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Сов. энциклопедия, 1979.
6. Словарь русского языка. Т. 1- 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. язык, 1981.
7. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1977.
8. Федосов В.А. Старые русские города. Учебное пособие по русской лингвокультурологии. Nyiregyhaza (Венгрия), 2002.

ЮРКИНА Татьяна Николаевна *(Чебоксары, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический университет
имени Ивана Яковлевича Яковлева
tanya-yurkina@yandex.ru

ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО СЛОВОМ *ВЕДЬ* В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Аннотация. Статья посвящена аспектуально-темпоральной характеристике высказываний со словом *ведь*, выражающих семантику прямой мотивации и семантику мотивации «от противного». Рассмотрена история возникновения и функционирования связующего средства *ведь*.

В русской синтаксической структуре функционируют высказывания со словом *ведь*. Исследователи по-разному квалифицируют лексему *ведь*: это усилительная частица (традиционные учебники по морфологии), союз (А.А. Шахматов, В.А. Белошапкова), союзная частица (В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, А.Ф. Прияткина, академические грамматики), релятив (М.В. Ляпон), скрепа (Л.А. Булаховский, Л.А. Синько, М.И. Черемисина, Т.А. Колосова), коннектор (Ф. Данеш).

Соединяя в единой конструкции две обусловленные ситуации, слово *ведь* обладает собственным семантическим потенциалом, о чем свидетельствует прежде всего его этимология. Это слово встречается с 1490 г. и представляет собой видоизменение древнерусской частицы *вѣдѣ*, которая по происхождению является формой старого индоевро-

пейского перфекта [8: 72; 9: 99]. Из значения «я видел» развилось значение «я знаю». Родственными к слову *ведь* являются слова *ведомый, ведомость, ведомство, ведьма, вежа, невежа, ведомо.*

Конструкции со словом *ведь* выражают в языке мотивационные отношения, рассматриваемые лингвистами в рамках отношений обусловленности [6: 10]. Среди высказываний мотивационного типа выделяются две разновидности: конструкции с семантикой прямой мотивации и с семантикой мотивации «от противного» [4: 102].

Высказывания с отношениями прямой мотивации характеризуются тем, что в антецедентной (придаточной) части содержится рациональная истина, пресуппозиция как «правила прагматического характера, определяющие некоторый общий фонд знаний, общую для автора и воспринимающего «картину мира» [5: 267]. Средством связи двух предикативных частей является коннектор *ведь*. Например: *Старосту не остановят, он и поможет бабушке:* ***ведь*** *это его* мать (Н. Надеждина. Партизанка Лара). Прагматические предпосылки предполагают некоторую общность мировоззрения и понимания, «те фоновые знания, которые говорящий считает общими для себя и для адресата речи» [7: 71]. Например: *...но, может, отец еще в Москве, вдруг и Виктор там,* ***ведь все дороги ведут через Москву****!* (М. Глушко. Мадонна с пайковым хлебом).

Уже в древнерусском языке встречаются примеры, когда слово *ведь* несет пресуппозитивное значение, указывая на известную ситуацию (примеры из НКРЯ): *Будет твой сынъ боярьской невежливо приехалъ,* ино ***ведь*** *по посольству и ответ дается* (Послание Геннадия Иосафу, 1489); *И, воздремався, видитъ сына своего Иоанна и съ радостию рече: "Чадо мое сладкое,* ***ведь*** *ты уже преставися".* (Волоколамский патерик,1500-1550); *А что Шереметевъ сказываетъ, что его болезнь мнѣ ведома: ино* ***ведь*** *не всехъ леженекъ для разорити законы*

святыя. (Иван Грозный. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573).

Перейдем к рассмотрению современных конструкций со словом *ведь*. В грамматическом плане придаточная часть всегда характеризуется реальной модальностью и глагольные формы представлены формами индикатива. Фоновые знания говорящего опираются на фактообразующее значение, которое в высказывании реализуется в аспектуальной ситуации обобщенного факта. При таком употреблении глагол несовершенного вида (НСВ) выступает в обобщенно-фактическом значении, сущность которого заключается в «общем указании на самый факт наличия или отсутствия действия» [1: 28].

Формы настоящего времени выражают максимально абстрактное действие, реализуя при этом семантику временной обобщенности (по А.В. Бондарко, – вневременности, всевременности, общезначимости [2: 188]). Именно формы настоящего времени представляют всем известные, общие истины как действительные для расширенного плана настоящего: «так бывает (в жизни, в этом мире)», «таково общее правило», «это действительно для нашего времени или для данной ситуации», например: *А минутами ему казалось, что он чем-то руководит, что-то направляет в жизни огромного города,* ***ведь каждый человек имеет право вообразить себя одной из тех личностей, бытие которых окрашивает эпохи*** (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Формы прошедшего времени основывают мотивацию с помощью факта, уже имевшего место в прошлом. Глаголы совершенного вида (СВ) употребляются преимущественно в конкретно-фактическом либо перфектном значении. Глаголы НСВ – в обобщенно-фактическом значении: *Впрочем, Крымов не такой уж близкий ему человек:* ***ведь*** *Женя* ***развелась*** *с ним* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Родители многих из нас похоронены не на Красной площади, но мы все вместе несем корзину цветов к Могиле Неизвестного Солдата,* ***ведь*** *наши отцы и де-*

ды ***были солдатами*** *Великой Отечественной* (Российская газета. 2005. 6 мая. № 17).

Глагол *быть* в антецедентной части показывает сам факт бытия/небытия: *А Павел стоял и смотрел вслед и только теперь вспомнил, что Сережа не знает о гибели Вали. Сережа* ***ведь не был*** *в родном городе* (Н. Островский. Как закалялась сталь). При употреблении глагола НСВ с отрицанием также выражается значение обобщенного факта, например: *Ваш Урюпин – это же, собственно, тоже перекупщик. Он* ***ведь не нырял*** *за жемчугом!* (В. Дудинцев. Не хлебом единым). Такое употребление трактуется как «неполное совмещение с доминирующим значением обобщенной фактичности» [3: 55]. В этом смысле можно говорить об обобщении отрицания.

Глаголы НСВ в форме будущего времени выражают семантику обобщенного факта: *Как только сад они свой возделывать начнут, энергия любви разделится и не покинет никогда двоих!* ***Ведь*** *образ жизни* ***будет соответствовать*** *тому, в котором можно жить в любви самим и в продолженье детям передать любви пространство* (В. Мегре. Сотворение). Ситуация может быть представлена как будущий аннулированный результат: *Обождет... Ты* ***ведь*** *недолго* ***будешь ходить*** (А. Платонов. Фро) = «пойдешь и вернешься». В случаях, когда антецедентная часть представляет вопрос, наблюдается разговорно-просторечное употребление глагола *быть* в БВ, например: *Сегодня же я увижу одного приезжего, который знает всех купцов во всех низовых городах, и сегодня же передам вам.* ***Ведь*** *вы* ***будете*** *у Нила Стратоныча?* (А. Островский. Без вины виноватые).

Глаголы СВ в форме будущего времени имеют конкретно-фактическое и наглядно-примерное значение: *Да и выдашь нас...* ***Заметит ведь*** *сверху!* (Алексеев М. Мой Сталинград); *Бушуешь, громобой!.. Зачем так много огня!* ***Ведь сгоришь, надорвешься****...* (С. Гладков. Цемент).

В отличие от прямой мотивации семантика мотивации «от противного» основана на предполагаемом явлении, обратном названному в первой части и несовместимом с явлением во второй части. В таких высказываниях всегда есть невербализованное (скрытое) семантическое звено. В итоге мотивационные высказывания с семантикой «от противного» представляют собой имплицитные варианты четырехкомпонентных эксплицитных высказываний с моделью «А, потому что если не А, то В» или «Если А, то не В, если не А, то В» [4: 10].

В высказываниях с семантикой мотивации «от противного» очень редко употребляется слово *ведь*, что связано прежде всего с его этимологией и семантической функцией указания на уже известные знания. Мотивирующая часть здесь имеет гипотетическую модальность и обозначает явление, следующее за явлением главной части. Основным связующим средством является союз *а то* (варианты *не то, а не то, иначе*): *Вам вообще лучше бы не таскать,* ***а то*** *еще шов* ***разойдется*** (К. Симонов. Живые и мертвые); *Не спрашивай, Остап,* ***не то поседеешь*** (Н. Гоголь. Заколдованное место); *Иди из последних сил,* ***а не то*** *убьют* (М. Шолохов. Судьба человека); *Сегодня они должны быть здесь.* ***Иначе*** *мы* ***погибли*** (А. Блок. Король на площади). Антецедентная часть характеризуется употреблением форм будущего времени и сослагательного наклонения. В случаях функционирования слова *ведь* в таких конструкциях антецедентная часть приобретает дополнительное значение уверенности в наступлении предполагаемых событий. Например: *Как я жалею, что отдала тебе твои письма, –* ***ведь*** *я* ***могла бы перечитывать*** *их теперь без конца* (В. Каверин. Перед зеркалом); *Но ему нельзя об этом сказать,* ***ведь*** *он же* ***обидится*** (Н. Островский. Как закалялась сталь).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление): Пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 260 с.

3. Калабухова Т.А. Обобщенно-фактическое значение несовершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц: Сб. научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1976. С. 47-59.
4. Колосова Т.А. Русские сложные предложения ассиметричной структуры. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 164 с.
5. Николаева Т.М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 267-268.
6. Оркина Л.Н. Выражение семантики обусловленности в неспециализированных структурах мотивационного типа, следствия и целеполагания (опыт композиционного анализа). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. университет им. И.Я. Яковлева, 2005. 94 с.
7. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
8. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
9. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

Сообщения

ВОЛКОВ Виктор Валерьевич (*Владимир, Россия*)
аспирант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ «Гимназия № 1 им. А.Н. Барсукова» г. Коврова
stuard90@bk.ru

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ
(на материале дославянской гидронимии Владимирского края)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1

Аннотация. Статья посвящена принципам номинации дославянской гидронимии Владимирщины, отражающим основные исторические события и ментальность людей, населявших данную территорию в древности, изучение которых позволяет представить особенности ономастического пространства региона.

Как отмечает В.В. Колесов, ментальность «... представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство на данной территории его существования» [3: 3].

Согласно археологическим данным известно, что территория Владимирского края была заселена более 30 тысяч лет тому назад. Как счи-

тают историки, в древности здесь обитали балтийские и финно-угорские племена: мещёра, меря, мурома и др., селившиеся вдоль водных объектов [8: 320]. От этой эпохи сохранился большой пласт гидронимов, содержащий характерные финно-угорские элементы.

- Формант *-га/-да*, образовавшийся из карело-финского *joki* – ‘река’, иногда из *oja* – ‘ручей, речка’ [6: 64] встречается в 3,5 % гидронимов Владимирской области: р. *Куфтига* (лев. приток р. Колокша, Собинский р-н), р. *Мулига* (лев. приток р. Пекша, Петушинский р-н), р. *Мурмога* (лев. приток р. Пекша, Кольчугинский р-н), р. *Нюньга* (прав. приток р. Серая, Александровский р-н), р. *Шордога* (прав. приток р. Пиклия, Юрьев-Польский р-н), р. *Илинда* (лев. приток р. Суворощь, Гороховецкий р-н), р. *Коварда* (лев. приток р. Илевна, Муромский р-н), р. *Сердуга*, р. *Войнинга* (лев. приток р. Судогда, Гусь-Хрустальный р-н), оз. *Сеньга* (Петушинский р-н) и др. Гидронимы с данным формантом представлены на карте региона неравномерно, группами, что говорит о локализации финно-угорских племён на территории области.

- Формант *-еж*. Происхождение этого форманта не совсем ясно [9]. Гидронимов с этим формантом во Владимирской области всего два: озера *Братонеж* и *Демитеж* (Собинский р-н). Примечательно, что оба озера расположены всего в 8 километрах друг от друга.

- Формант *-ра*. По мнению А.В. Кузнецова, формант может служить уменьшительным суффиксом со значением ‘речка’ [4: URL], однако его могут включать в себя и названия озёр. Во Владимирской области около 2 % гидронимов с этим формантом: р. *Кестра* (прав. приток р. Ирмес, Суздальский р-н), р. *Мотра* (лев. приток р. Ока, Муромский р-н), оз. *Нефра* (Гороховецкий р-н), оз. *Юхра* (Вязниковский р-н), р. *Исахра* (прав. приток р. Рпень, Суздальский р-н), р. *Махра* (прав. приток р. Молокча, Александровсий р-он), р. *Чигера* (лев. приток р. Мурмага, Кольчугинский р-н), оз. *Канстра*, оз. *Техра*, оз. *Юхора* (Вязниковский р-н), оз. *Нефра* (Гороховецкий р-н), оз. *Войхра* (Камешковский р-н), оз. *Вахра* (Муром-

ский р-н) и др. Гидронимы с данным финно-угорским элементом встречаются только в северной части Владимирского региона.

- Форманты *-са/-ша/-жа*, имеющие значение ‘небольшая речка’ [5: 57, 72]. Гидронимов с этим формантом около 3%: р. *Палакса* (прав. приток р. Шорна, Кольчугинский р-н), р. *Подыкса* (лев. приток р. Нерль, Суздальский р-н), р. *Шоса* (прав. приток р. Нерль, Александровский р-н), р. *Вальша* (лев. приток р. Липня, Юрьев-Польский р-н), р. *Пекша* (лев. приток р. Клязьма, Петушинский, Кольчугинский, Юрьев-Польский р-ны), р. *Ворша* (лев. приток р. Клязьма, Собинский, Кольчугинский р-ны), р. *Выремша* (лев. приток р. Тома, Юрьев-Польский р-н), р. *Комша* (лев. приток р. Колокша, Юрьев-Польский р-н), р. *Куньша* (прав. приток р. Колпь, Гусь-Хрустальный р-н), р. *Анжа* (лев. приток р. Сабля, Александровский р-н), р. *Виржа* (лев. приток р. Колокша, Юрьев-Польский р-н), р. *Пажа* (лев. приток р. Пекша, Кольчугинский р-н), р. *Сужа* (прав. приток р. Печуга, Камешковский р-н) и др. Гидронимы с этими формантами расположены преимущественно на севере – северо-западе области.

- Формант *-ур* (около 2% гидронимов): р. *Ванчур* (лев. приток р. Поль, Гусь-Хрустальный р-н), р. *Вещур* (прав. приток р. Выкрос, Юрьев-Польский р-н), р. *Мокшур, Пынсур, Насмур* (прав. притоки р. Гусь, Гусь-Хрустальный р-н), р. *Сентур, Чистур* (лев. приток р. Гусь, Гусь-Хрустальный р-н) и др. Несмотря на замечание В.В. Бейлекчи, что данный формант характерен «…для Средней и Нижней Оки…» [1: 1272], гидронимы встречаются и в отдалённых от Оки территориях области.

Название р. *Киржач*, по мнению Е.М. Поспелова, происходит от сохранившегося в мордовском языке слова *керджи*, *кержи* – ‘левый’ (действительно, *Киржач* – лев. приток р. *Клязьмы*) [7: 202].

В основе гидронима *Нерль* лежит древний озёрно-речной термин *нер* (ср. озеро *Неро*); формант *-ль* может рассматриваться как краткая форма речного термина *лей*, принадлежавшего древнему финно-

угорскому населению. Возможно и более древнее, «дофинское» происхождение из индоевропейского языка, близкого к балтийским: основа *нер* сопоставима с литовским *nara* ‘поток’, а литовский суффикс *-el* может отражаться в виде *-ль-* [7: 287].

По поводу происхождения гидронима *Клязьма* существует несколько гипотез. Как указывает Е.М. Поспелов, эта река в источниках XII-XIV вв. неоднократно упоминается как *Клязма,* Сигизмундом Герберштейном в 1517 г. записана как *Clesma*, в Книге Большому чертежу, 1627 г. и в более поздних источниках – *Клязьма*. «По-видимому, все эти варианты представляют собой формы какого-то древнего названия, которое славяне, пришедшие в междуречье Оки и Волги, усвоили уже в искажённом виде, что затрудняет его объяснение. Некоторые исследователи сопоставляют название *Клязьма* с встречающимися на севере гидронимами типа *Нерезьма*, *Колозьма*, *Колежма* и т.п. В этих названиях выделяются довольно близкие по звучанию элементы *-язьма, -езьма, -озьма, -ежма*, которые гипотетически могут представлять собой варианты термина ‘река’ на каком-то вымершем финно-угорском языке. Однако остающаяся после отсечения элемента *-язьма-* основа *-кл-* совершенно непонятна и не поддается расшифровке. Но если допустить существование не зафиксированной источниками первичной формы *Колязьма*, то выделяемая основа *кол* имеет широкое распространение в гидронимии Севера и часто осмысливается как фин.-угор. ‘рыба’ [7: 206].

Дальнейшее изучение происхождения гидронимов на территории Владимирского края позволит представить особенности ономастического пространства региона, отражающие русскую ментальность, которая «…сложилась на протяжении длительного времени в постоянном отстаивании своей самобытности от враждебных ей духовных сил» [3: 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлекчи В.В. О финно-угорских топонимах в муромском Поочье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1270-1274.

2. Голубев В.И. Методика изучения и толкования географических названий Владимирской области или топонимия Владимирской области. Ковров, 2005.
3. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006.
4. Кузнецов А.В. Дославянские топонимы Тотемского края // Вологодская областная универсальная научная библиотека [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1to/tma/alm/ana/3.htm.
5. Морохин А.В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. Попов А.И. Географические названия. М.; Л., 1965.
6. Попов А.И. Материалы к топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск. 1949.
7. Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. 2 изд. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2002.
8. Синицын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. редактор Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016.
9. Ухов С. История Вятки как часть этнической истории восточной Европы [Электронный ресурс]. URL: http: // www.adsl.kirov.ru /project /articles /2011/07 /07/istorija.

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович (*Вологда*, *Россия*)
аспирант
Вологодский государственный университет
zaw1991@mail.ru

ТИПЫ УМЫШЛЕНИЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА XVII ВЕКА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВЕСНОГО РЯДА ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(на материале разножанровых текстов эпохи)

Аннотация. Статья является первым опытом приложения теоретико-методологических разработок Б.М. Энгельгардта к области диахронических исследований языка и ментальности семнадцатого столетия. Основное внимание уделено характеристикам умышления как особому типу словесного образования – словесному ряду, обладающему стабильностью, функциональностью и оценкой.

I. Предлагаемая работа – дань памяти выдающемуся теоретику словесности первой трети XX века, чьи разработки актуальны для современности. Статья приурочена к трем датам. Первая из них связана с годом рождения Б.М. Энгельгардта (1887), вторая – век назад (1917) упомянутый исследователь начал преподавать курс методологии литературы в «Вологодском педагогическом институте» [5], а третья – семь-

десят пять лет назад Б.М. Энгельгардт ушёл из жизни в блокадном Ленинграде. Дальнейшее изложение будет проводиться в призме теоретико-методологических разработок обозначенного автора, но с доминантой на интеграцию в общий поиск и тематику сборника материалов.

II. Согласно позиции Б.М. Энгельгардта, слово может быть рассмотрено как компонент, обусловливающий самостоятельное и независимое бытие литературно-художественного произведения, но только в том случае, если слово будет «*рассматриваться прежде всего как особого рода словесное образование*» [5: 32]. В свою очередь отметим, что это требование, перенесенное на иной материал, может соответствовать действительности в диахронических исследованиях, например, синтаксиса (Пешковский, 2001; Стеценко, 1972; Колесов, 2009 и другие) и словообразования (Ченнаккадан, 1991; Вендина, 2002; Морфемика и словообразование русского языка, 2002 и иные).

III. В концепции Б.М. Энгельгардта художественное произведение предстает как специфический «ряд» с двумя функциями: «*…с одной стороны, ряд этот может пониматься как мысль на известной стадии ее становления, а с другой – как коммуникация*» [5: 36]. В определенной степени такой подход выходил за пределы традиционных теоретических решений о связи языка и мышления (Аксаков, 1875; Потебня, 1999; Крушевский, 1889 и другие). Вместе с тем именно с «*коммуникативной точки зрения словесный ряд представляет собой обладающую особой закономерностью систему слов в их номинативных значениях, назначение которой – служить средством для выражения единоцелостных смыслов*» [5: 37]. В приведенном фрагменте, по указанию самого автора, уже заложено традиционное (для XIX века) определение языка. При этом в контексте проводимого исследования Б.М. Энгельгардтом выдвигается уточнение следующего характера. «*Теперь, зная, что язык есть только один из аспектов данного словесного ряда, мы можем видоизменить это определение, сказав: язык есть словесный*

ряд, рассматриваемый с коммуникативной точки зрения» [5: 37]. Раскрытие второй функции было приоритетно как демаркация исследовательского понимания от традиционного воззрения на объект лингвистики, и только после этого Б.М. Энгельгардт возвращается к первой. «*Здесь он* (словесный ряд – прим. З.А.) *выступает уже не как статическая система объективно данных средств выражения, а как динамическая система становящейся мысли, непрерывный процесс словесной объективации содержаний сознания*» [5: 42]. Приведенный фрагмент оказывается значимым при переносе его на исторический материал.

IV. В памятниках первой половины XVII века обнаруживаются характеристики человеческого умышления, которые могут быть проинтерпретированы как реализация словесного ряда. Его специфика заключается в том, что он ситуативно обусловлен. В частности, из пяти томов дореволюционных изданий («Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим») нами было обнаружено всего несколько десятков примеров (на фоне сотен текстов разного времени и содержания).

Стабильность словесного ряда может достигаться за счет включения его в системные отношения более высокого порядка, что отображено наличием антонимических отношений: «*по Государеву указу, того убойца пытаютъ, которымъ обычаемъ убивство учинилось,* ***умышленьемъ*** *ли, или пьянымъ дѣломъ* ***неумышленьемъ****?»* [2: 303]. Приведенный пример не является личным творчеством, поскольку взят из «Устава книги разбойного приказа» 1631 года, где присутствует следующее замечание: «*И 133 Октября въ 14 день бояринъ князь* ***Дмитрей Михайловичь Пожарской о томъ говорилъ съ бояры***» [2: 303]. Оппозиция умышление/неумышление была коллективно («соборно») прията и зафиксирована в тексте. Первый член противопоставления дан как сознательное, намеренное, контролируемое воздействие, в то время как второй связан с неуправляемым поведением.

V. Функциональность словесного ряда (передача содержания и средств для его отображения) позволяет вывести две типологии. Первая из них основана на критерии принадлежности. Умышление может быть «своим», «чужим» и «любым» («всяким»): «***своимъ умышленьемъ*** *не вчинати*» [3: 297] – «Наказъ Новгородскаго государства бояръ и воеводъ Якова Делагарди и князя Ивана Одоевскаго», 1612; «***по умышленью Вишневецкихъ и иныхъ пановъ***» [3: 255] – «Соборное послание Российских владык», 1606; «***по умышленью Полскихъ и Литовскихъ людей***» [3: 283] – Новгородский митрополит Исидор, 1611; «*и* ***всякого*** *лихого* ***умышленья***» [2: 219] – дьяк Иван Грязев. Во всех примерах подчеркивается, что у данных характеристик содержания ино-сознания есть свой носитель, конкретная группа лиц или единичная личность.

Вторая типология базируется на роли прилагательного, выступающего как зависимый член в словосочетании. По этому критерию характеристики умышления распределяются следующим образом (группы составлены от наибольшей к наименьшей совокупности).

1. **Злое**: «***злого умышленія*** *пакости не учинилось*» [1: 285] – Старцы Троице-Сергиева монастыря; ***«злымъ умышленіемъ***» [1: 316] – Смоленский архиепископ Сергий; «*велкимъ* ***злымъ умышленьемъ***» [1: 319] – Смоленские жители; «***умышляютъ*** *надъ нашимъ Московскимъ государьствомъ всякими* ***злыми умыслы***» [2: 4] – Михаил Феодорович Романов (1613); «*съ нѣкоего злого умышленья*» [2: 429] – Стрелецкий голова Гордей Пальчиков, 1614; «***злые умышленья***» [4: 1] – Крестоприводная запись Белозерцев, 1613 год; «***зломъ умышленьи***» [4: 22] – Игумен Матфей, 1613, г.; «*и по своему* ***злому умышленью***» [4: 284] – Новгородский митрополит Исидор и другие.

Отметим кратко, что в нашем материале присутствует синтаксически разорванная синкретема: «***умышляютъ*** *надъ нашимъ Московскимъ государьствомъ всякими злыми* ***умыслы***» [2: 4]. Этот пример позволяет предположить не только эстетическое измерение данных со-

четаний (Пименова М.Вас., 2007), но и этическое. Возвращаясь к основному изложению, необходимо оговорить, что данный тип умышления может иметь подтипы за счёт использования сложного слова.

1.1. **Злодейское**: «*по его де* ***злодѣйскому умышленью***» [2: 28] – Петр Головин, Терский воевода, 1614; «*и по его* ***злодѣйскому умышленью***» [2: 437] – воеводы Иван Одоевский и Семен Головин, 1614.

1.2. **Злохищное**: «*отъ* ***злохищного умышленья***» [4: 60] – Новгородский митрополит Исидор, 1614.

Вероятно, именно количественный критерий в данном типе позволяет вычленить «распространённые», коллективные оценки и акт индивидуального творчества – становление личностного смысла в образовании словесного ряда.

2. **Лихое**: «*и всякого* ***лихого умышленья***» [2: 219] – дьяк Иван Грязев, 1613 год; «***лихое*** *дѣло и* ***умышленье***» [4: 1] – Крестоприводная запись Белозерцев; «***лихого умышленья***» [4: 268] – Михаил Федорович Романов, 1644.

3. **Воровское**: «*его* ***воровское умышленіе***» [1: 286] – старцы Троице-Сергиева монастыря; «*про* ***воровское умышленье***» [1: 228] – Василий Иванович Шуйский.

Возникновение этого предиката, вероятно, может быть обусловлено социальным статусом, поскольку он выявлен нами из текстов высокопоставленных лиц, управленцев, принимавших важные решения. Впрочем, требуется более детальное исследование в предложенном ключе.

4. Подлинное: «*А то у нихъ* ***подлинно умышлено****, что имъ оманувъ всѣхъ и прелстя наша хрестьянская вѣра розорити*» [1: 228] – Василий Иванович Шуйский, 1609.

5. **Смертное**: «*умышляетъ великіе* ***смертные умышленія***» [1: 228] – старцы Троице-Сергиева монастыря. В настоящем примере также

вычленяется синтаксически разорванная синкретема: «***умышляетъ*** *великіе смертные* ***умышленія»*** [1: 228].

Вторая типология может быть продолжена, выявляя как коллективное, так и личностное в общей совокупности полученных характеристик. В качестве предварительного итога отметим, что сами по себе полученные образования – типологии – взяты непосредственно из самих памятников, а потому не являются «навязанными» или «перенесенными» из XXI века в век XVII.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. 2. 1598 – 1613. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. 470 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссиею. Т.3. 1613 – 1645. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. 523 с.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею. Т.1. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. 433 с.
4. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею. Т.2. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1846. 299 с.
5. Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 464 с.

ЛОМОВА Алина Ильинична
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
l.alina.i@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТОПОНИМИКЕ СУЗДАЛЬСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЙКОНИМОВ)

Одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований является изучение взаимоотношения языка и ментальности. В.В. Колесов в работе «Русская ментальность в языке и тексте» дает следующее определение: «Ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [3].

Отражение ментальности можно выявить при анализе различных разрядов лексики, в том числе наименований географических объектов – топонимов. В книге «Что такое топонимика» А.В. Суперанская пишет: «Топонимика – это отрасль лингвистики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий. Исторический компонент в топонимике обязателен. Но это не история государств и народов, а история языка. Ни одно историческое событие не отражается в языке непосредственно. Следы его могут быть лишь косвенно обнаружены в отдельных словах, поскольку язык представляет собой достаточно автономную систему…» [6].

Известный исследователь-топонимист В.А. Никонов отмечает, что географические названия существуют не изолированно друг от друга, а на пересечении рядов [4]. Ряды названий могут представлять собой разного уровня общности, как, например, лексическую семантику, морфологическую семантику и т.д. Целью нашей работы является лексическая семантика как отражение ментальности в топонимике Суздальского района Владимирской области на материале ойконимов, общее количество которых на территории данного региона составляет 152 наименования.

Среди данных единиц наибольшее количество составляют названия, образованные от антропонимов. Поселения называли именами и фамилиями первых жителей (*Алфериха, Аннино, Большое Борисово, Васильково, Глазово, Григорево*), фамилиями известных личностей (*Барское Городище, Борисовское, Воронцово, Павловское, Романово*), прозвищами (*Баскаки)* [7].

Ремесло как распространенная сфера деятельности человека прошлых веков и, как следствие, отражение ментальности русского народа также нашло свое отражение в названиях населенных пунктов, например: *Дровники, Зернёво, Маслёнка*, *Овчухи, Санино, Сизино, Смолино, Улово.*

Теологический компонент семантики как отражение православной ментальности содержат такие топонимы Суздальского района, как *Богослово, Воскресенская, Спасское, Спасское городище, Троица-Берег*.

Понятие *слава* в Суздальской топонимике характеризуется двумя энантиосемичными значениями. Положительная характеристика – ‘почетная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта’ – наблюдается в географических названиях *Вышеславское, Сеславское*, а негативная оценка – ‘слухи, молва’ – отображено в названии поселка *Ославское* [5].

Таким образом, в географических названиях заключается исконное содержание, которое важно для исследователей языка, по меньшей мере, в двух аспектах: как отражение истории языка и, конечно же, как отражение через историю языка русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирская область: Административно-территориальное деление. Владимир, 1981.
2. Земля Владимирская: географический словарь / Сост. Л.А. Фоминцева. Владимир, 1991.
3. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
4. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.
6. Суперанская А.В. Что такое топонимика. М.,1985.
7. Тиц А.А. По окраинным землям Владимирским. Владимир,1969.

МИХАЙЛОВА Ирина Сергеевна (*Красноярск, Россия*)

магистрант
Красноярский государственный педагогический университет
имени Виктора Петровича Астафьева
15mis15@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Статья посвящена изучению фольклора в рамках национальной культуры. Особое внимание уделяется проблеме определения понятий «ментальность» и «менталитет» и их взаимосвязи с национальной культурой. Проявление уникальности языковой картины мира подтверждается на материале, проработанном на основе текстов русских народных сказок.

При ознакомлении с произведениями фольклора необходимо учитывать взаимосвязь синхронии и диахронии как подходов к изучению устного народного творчества в целом. Такая корреляция обусловлена понятием о существовании фольклора во времени и пространстве.

Наличие особых характеристик у фольклора дает ему возможность отражать неповторимое мировоззрение каждого народа, его духовные ценности и ментальные установки. Наряду с этим в языке остается опыт национального представления о мире.

Из этого следует, что фольклор всецело является носителем и прямым отражением национального своеобразия и, как следствие, этнической ментальности, выраженной в языковых формах.

Ввиду рассмотрения проблемы отражения национального характера в произведениях народного словесного творчества в рамках данного исследования мы предприняли попытку разграничить два, довольно взаимосвязанных понятия **ментальность** и **менталитет**.

Рассмотрев различные подходы к определению ментальности, мы отдаем предпочтение трактовке данного понятия в формулировке В.В. Колесова, так как считаем, что именно такая дефиниция является наиболее ёмкой и может быть применима при исследовании в области лингвистики и литературоведения.

Итак, **ментальность** – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [9: 15]. Как видим, в данном определении также указаны основные направления и аспекты проявления ментальности.

Ментальность любого народа обнаруживает специфичные черты, присущие данному этносу, в чем и состоит характерная особенность ментальности в целом.

Исходя из приведенного выше заключения, можно сделать вывод о том, что национальное своеобразие народа неразрывно связано с такими понятиями, как мировоззрение, культура, искусство, в частности, литература. Наличие последнего компонента в списке подразумевает связь народа и языка.

В.В. Колесов наиболее полно представил в своем определении сущность менталитета, указывая при этом не только на характер его проявления, но и на внешние условия, отражающие связь народного поведения и социальных установок и роль национального языка.

Кроме того, ученый выдвигает понятие **этноментальное пространство**, заключающее в себе систему национальных традиций и ценностей, бытующих на определенной территории в конкретный исторический период.

Итак, **менталитет** представляет собой целостную систему национальных культурных ценностей, определяющих этническое своеобразие, выраженное во всех сферах его проявления.

Ментальность же, по большей части, является психологическим отражением индивидуальных характеристик представителя конкретного национального единства.

Если для менталитета основными показателями являются общность социальной группы и ее национальные традиции, то для ментальности важным аспектом служит психологический компонент, оценивающий ее проявление через характер, настроение и поведение носителя данной культуры, неотъемлемой частью которой является язык.

Таким образом, наличие множества трактовок анализируемых понятий говорит о их многогранности и сложности, тем самым, проявляется научный интерес исследователей, обусловливающий актуальность их разработок по данной проблеме.

С учетом стабильности этнической культуры представляется возможным назвать преобладающие черты русской ментальности, составляющие определенную систему устойчивых традиционных формул, из числа которых состоит большинство текстов фольклорных произведений.

Поэтому для более точного определения языковой картины мира необходимо иметь четкое представление о специфике данного национального языка, ведь именно в своеобразии и заключается уникальное ментальное представление об окружающей действительности. Таким образом, этническая языковая картина мира «*всегда уникальна*» [2: 31].

Во многих источниках при анализе проблемы проявления ментальности указывается термин «картина мира», не расширяющий конкретное его направление, а обобщающий видение национальных ментальных установок.

Несмотря на множество различных определений понятия «картина мира», мы резюмируем, что во всех случаях проявления ментальности и отражения национального своеобразия на первом месте выступает языковой фактор, являющийся основой культуры и этноса в целом.

Анализ фольклора в лингвокультурологическом аспекте предоставляет исследователям возможность обозначить помимо основных мотивов и смыслов, вспомогательные, связанные с этнической семантикой, что отражается в исторических, культурных и бытовых особенностях отдельного народа.

Лингвистика последних десятилетий утверждает взаимопроникновение языка и мировоззрений в народе. Исследование сказок предоставляет возможность раскрыть уникальность картины мира русской нации и ее сознания за время многих тысячелетий существования жанра фольклора в целом, где заключены различные стереотипы и ассоциации, через которые воспринимался окружающий мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бураго С.Б. Человек, язык, культура: становление смысла // Язык и культура. Киев, 1992. С. 3-9.
2. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования: Учеб. пособ. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 264 с.
3. Васильев А.Д. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка. Красноярск, 2015.
4. Волоцкая З.М., Головачева А.В. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. С. 218-219.
5. Воробьева М.В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях // Известия Уральского государственного университета. 2008. №55. С. 6-15.
6. Гудков Д.Б. Проблема изучения и описания русского культурного пространства // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2004. Вып. 8. С. 22-30.
7. Елисеева Ю.В. Семантические и лингвокультурные особенности атрибутивных характеристик персонажей русских сказок о животных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. С. 70-73.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002. 448 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
10. Кон И. К проблеме национального характера // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева. М., 1971. С. 18-32.

МНАЦАКАНОВА Диана Вячеславовна *(Москва, Россия)*

магистрант
Российский университет дружбы народов
diana-mnatsakanova@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА В ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ И АТРИБУТИВНЫХ ОБОРОТАХ
(на материале произведения А.С.Пушкина «Гробовщик»)

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы относительно теории синкретизма, а также исследуются проявления синкретизма в обстоятельственных и атрибутивных оборотах.

Появление понятия синкретизм относится к сравнительно недавнему времени. Вопросы, связанные с данным языковым явлением, являются причиной бесконечных дискуссий как для отечественных, так и для зарубежных лингвистов. Отсутствие единого определения данного термина служит причиной присутствия языковых затруднений, связанных с единицей синкретизм. Такими лингвистами, как Б. Дельбрюк,

Н.Н. Дурново, Р.О. Якобсон «синкретизм» трактовался как совпадение падежей, упразднимые различия между падежными флексиями, нейтрализация оппозиций в пределах одной парадигмы (*работа друга* – Р.п. ед.ч.; *вижу друга* – В.п. ед.ч.). Л.Ельмслев отчасти был солидарен с Р.О. Якобсоном в восприятии понимания синкретизма как нейтрализации. Но при этом Л. Ельмслев рассматривал данное явление как языковую категорию, устанавливаемую совпадением (результат устранения коммутации: совпадение В. и Р. падежей в мужском роде одушевленных существительных, например, игрока) и в синтагматике (результат устранения пермутации: совпадение значений И. и В. падежей в форме Р. падежа, например, помощь рабыне = 1) рабыне помогли; 2) помогли рабыне). О.С. Ахманова, в свою очередь, определяла синкретизм как нейтрализацию противопоставлений. В работе, написанной В.В. Бабайцевой, представлено следующее определение данного термина: «совмещение свойств, противопоставленных единиц языка, связанных между собой явлениями переходности».

Синкретизм – сложное лингвистическое явление, которое прекрасно сочетает в себе свойства полисемии и переходности, омонимии и нейтрализации, при этом используется как самостоятельное явление на всех уровнях языка. Рассматривать синкретизм как самостоятельное явление, безусловно, помогает занимаемая промежуточная позиция синкретизма в системе языковых средств. Она же и обеспечивает развитие и подвижность языковой системы.

Синкретизм имеет место практически во всех проявлениях языка. В лексике под синкретизмом понимается нерелевантность тех или иных дифференциальных признаков значения для данной лексемы. К примеру, в русском языке слова *тётя*, *дядя* не только могут иметь значения признак «кровное родство», но и формой обращения к посторонним лицам. Синкретизм в морфологии понимается как особенность структуры парадигмы, состоящая в омонимии означающих различных граммем в

ней. Здесь можно выделить в качестве примера падежный синкретизм (когда совпадают формы И. и В. падежей, например, *мышь*). Отечественных лингвистов привлекает больше изучение синкретизма на уровне синтаксиса.

Синтаксический синкретизм соответственно проявляется в системе членов предложения. Причиной тому является стремление к экономии речевых усилий, а также необходимость в выражении более сложной семантики.

Синкретизм в синтаксисе являлся объектом исследования таких ученых, как В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова, Л.А. Чернова и др.

Согласно мнению Л.Д. Чесноковой, синкретичные члены предложения составляют систему, центром которой является дуплексив (тип синкретичных предложений). Объясняется это тем, что в семантике дуплексив способен выразить одновременно два синтаксических отношения к двум грамматически разным лексическим единицам – к имени и к глаголу: по отношению к имени дуплексив проявляет атрибутивные отношения, а вот к глаголу – обстоятельственные или объектные.

По мнению Л.А. Черновой, к синкретичным членам предложения следует отнести 7 групп второстепенных членов предложений: 1) дуплексивы; 2) составные именные члены предложения; 3) различные обособленные члены предложения (такие как приложения, определения, обстоятельства), включающие полупредикативное значение; 4) необособленные определения, в случае если они связаны с двумя членами предложения; 5) второстепенные члены предложения, выраженные инфинитивом; 6) второстепенные члены предложения, выраженные именами существительными с предлогами, с двумя связями.

В.В. Бабайцева называет синкретизмом членов предложения – совмещение (синтез) в одном члене предложения вариативных признаков разных членов предложения и их функций. Лингвистом выявлены следующие факторы, которые определяют синкретизм членов предло-

жения: 1) несоответствие формы и содержания; 2) категориальные, лексико-грамматические и лексические значения сочетающихся словоформ; 3) синтаксические связи и отношения; 4) эллипсис подчиняющей словоформы.

Семантика синтаксических оборотов дуплексивна, состоит из сказуемого и второстепенных членов предложения (определения и обстоятельства). Обороты В.В. Бабайцева предлагает разделить на 2 группы: 1) обстоятельственные (деепричастный, инфинитивный и сравнительный); 2) атрибутивные (причастный и адъективный).

Ниже представлен анализ конструкции с синкретическими компонентами по обстоятельственной семантике обеих групп: обстоятельственные (деепричастный, инфинитивный и сравнительный); атрибутивные (причастный и адъективный) в произведении А.С. Пушкина «Гробовщик».

В повести А.С. Пушкина наблюдается равное количество оборотов как обстоятельственных, так и атрибутивных: ***Заперев лавку****, прибил он к воротам объявление о том, что дом продаётся и отдаётся внаймы, и пешком отправился на новоселье* (Пушкин. Гробовщик). Деепричастие совершенного вида *заперев* совмещает в себе признаки глагола и наречия. Оно является структурным и семантическим центром оборота. В качестве слова-распространителя выступает существительное *лавку*; данное слово уточняет, что именно запер. Как правило, предикативные семы в стержневых словах позволяют заменить оборот придаточным предложением. Вышеупомянутую полупредикативную синтаксическую единицу можно представить придаточной частью сложноподчиненного предложения: *Он прибил к воротам объявление о том, что дом продаётся и отдаётся внаймы, когда запер лавку* (придаточное обстоятельственное предложение со значением времени). Следовательно, семантика обстоятельственного оборота синкретична: слово *заперев* вбирает в себя компоненты сказуемого (значения действия) и второстепенного

члена предложения (обстоятельства). Но значение действия и обстоятельства неравнозначны. Значение обстоятельства является основным.

Деепричастные обороты в произведениях А.С. Пушкина разнообразны. Они выполняют функции обстоятельства: образа действия, времени, уступки, условия, причины.

В предложении *Приближаясь к желтому домику, …, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось* (Пушкин. Гробовщик) деепричастие *приближаясь* употреблено в функции обстоятельства образа действия.

Пожар двенадцатого года, (каким образом?) ***уничтожив первопрестольную столицу****, истребил и его жёлтую будку*»; *Господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен,* ***обедая с гостями****, все вместе угощали и помогали кухарке служить* (каким образом?); *У ворот покойницы уже стояла полиция и расхаживали купцы, как вороны,* ***почуя мёртвое тело*** (как?); *Наследник благодарил его рассеяно*, (каким образом?) ***сказав****, что о цене он не торгуется, а во всём полагается на его совесть* (Пушкин. Гробовщик).

Функция деепричастных оборотов в данных примерах – объяснить причину действия. Используя конструкцию, автор подчёркивает не только главное действие, но и ссылается на причину произошедшего, уточняет, по какой причине оно произошло и с чем это связано.

Немаловажную роль в повести Пушкина играют атрибутивные группы. Они отображают качества, признаки и свойства, которые относятся к предметам. Описанием можно выявить по каким нормам и параметрам выделяются слова из класса.

В предложении *Над воротами возвысилась вывеска, изображающего дородного Амура* ***с опрокинутым факелом*** *в руке, с подписью*… (Пушкин. Гробовщик) «с опрокинутым факелом» является атрибутивным оборотом. Он состоит из определяющего слова *опрокинутым* и определяемого существительного *факелом*. Здесь представлено словосочета-

ние с причастием. Способ подчинительной связи: согласование, так как зависимое слово согласуется в роде, числе и падеже с главным словом. Лексическая единица *опрокинутым* является синкретичной. Оно вбирает в себя функции глагола (*опрокидывать*) и описания (*опрокинутый*).

Аналогичный атрибутивный оборот наблюдается и в предложении: *Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин,* ***оглушенный их криком*** …(Пушкин. Гробовщик).

Просвещенный читатель *ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представители своих гробокопателей людьми весёлыми и шутливыми*… (Пушкин. Гробовщик). *Просвещенный читатель* – атрибутивное словосочетание. В его состав входят определяющее слово (*просвещенный*) и определяемое существительное (*читатель*). Лексическая единица, которая наделена промежуточными свойствами – просвещенный (глагол + описание). Способ подчинительной связи: согласование.

Также в рассматриваемом нами произведении встречаются атрибутивные обороты с синкретичными компонентами в словосочетаниях со связью примыкание, но такие случаи встречаются крайне редко. Например, …***и почти задавленный,*** *потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств* (Пушкин. Гробовщик). Атрибутивное словосочетание – *почти задавленный*. Два комбинирующих элемента образуют словосочетание без выраженных форм соединения. Данное словосочетание состоит из неизменяемого слова, наречия, и определения, которое в свою очередь обладает функциями глагола и прилагательного.

Таким образом, конструкции с синкретичными компонентами как по обстоятельственной, так и по атрибутивной семантике присутствуют в тексте в равных количествах. В ходе анализа была выявлена значимость синкретичных словосочетаний. От обстоятельственных оборотов

зависит речевая, семантическая емкость и выразительность. Атрибутивные обороты наделяют предложения экспрессией и динамизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Гробовщик // Сочинения в 3-х т. Т. 3. Проза. М.: «Художественная литература»,1987. С. 69-75.
2. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // НДВШ Филологические науки. 1983. № 5. С. 30-47.
3. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М., 2000. 640 с.
4. Чернова Л.А. Обстоятельство или определение? Основные типы синкретичных членов предложения // Русская словесность. 2003. № 8.
5. Чеснокова Л.Д. Синкретизм в сфере членов предложения // Филологические науки. 1988. № 4.

СМИРНОВ Олег Николаевич *(Владимир, Россия)*

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
dreamer.2014@bk.ru

ДИСПУТ КАК ФОРМА УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ
(к проблеме формирования понятия «языковая картина мира»)

Аннотация. Статья посвящена довольно новому вопросу об оправданности применения диспута как одной из форм совершенствования навыков устной диалогической речи учащихся в рамках актуализации понятия языковой картины мира.

В устной речи современных носителей языка можно обнаружить большое количество орфоэпических, грамматических, логических и этических ошибок.

Речь напрямую или через «посредников» связана с мышлением. Речь – результат мышления. Следовательно, в виде осторожного предположения можно выдвинуть тезис о том, что говорящий, в речи которого можно выявить орфоэпические, грамматические, логические и этические ошибки, «неправильно» мыслит.

Ещё более сложная связь обнаруживается между речью, языком и ментальностью. В современной лингвистике принято говорить о «языковой картине мира». Языковая картина мира – внутренняя форма языка. В свою очередь, внутренняя форма языка трактуется как специфический

для каждого языка способ отражения и представления в языке действительности, «языковое мировидение» [1: 476], то есть это результат отражения в языке и речи как ментальности целого народа, так и ментальности отдельного носителя. Следовательно, если человек говорит или пишет с ошибками, то это может свидетельствовать о том, что его ментальность подвержена или подвергается редукции.

Говорить о языке вообще и тем более о ментальности в школе необычайно трудно. Трудности могут заключаться или в недостаточной теоретической подготовке учеников, или в их скованности. К тому же вопрос о существовании языковой картины мира до сих пор является дискуссионным, и здесь может помочь особая форма организации учебного занятия – диспут.

Изначально диспут (по-русски – спор) применялся в религиозных целях: средневековые схоласты и учёные, применяя логические приемы, доказывали друг другу свои убеждения. Есть сведения, что Фома Аквинский с помощью логических рассуждений доказал существование Бога [2: 29-32].

В XX веке, когда чрезвычайно обострилась необходимость доказательства, диспут применяли довольно часто. В русских гимназиях учили искусству спора, опираясь на классическую риторику Аристотеля.

Ученики в подростковом возрасте испытывают острую необходимость аргументировать свои убеждения, что продиктовано их психологическими особенностями: потребностью в общении, потребностью в самоутверждении, поэтому неоценима роль диспута как формы организации учебной деятельности.

Вопрос о грамотной устной речи в настоящее время стоит особенно остро, поэтому компетенция составления устного высказывания на данный момент проверяется на государственной итоговой аттестации выпускников средней школы.

Предполагается, что устная часть будет состоять из трёх заданий: выразительного чтения текста, его обсуждения, диалога с учителем или компьютером и составление собственного высказывания на какую-либо тему.

Как показывает практика подготовки и проведения уроков развития речи, особую сложность вызывает второе задание устной части экзамена по русскому языку. Учащиеся не только не готовы к такой форме с психологической точки зрения, но и не обладают соответствующими знаниями, умениями и навыками. В этой связи будут полезными формы проведения учебного диалога.

Опрос среди учителей гуманитарных специальностей и студентов-филологов (всего было опрошено 18 специалистов и 18 будущих специалистов) показал, что диспут является непродуктивной формой организации учебной деятельности. 90% учителей никогда в своей практике не проводили уроков-диспутов. 30% учителей не находят диспут полезной формой организации учебной деятельности. 5% учителей, проанализировав свой опыт, пришли к выводу, что «диспут – это потерянное учебное время». 5% учителей продолжат давать уроки-диспуты.

Студенты-филологи старших курсов педагогического института с осторожностью относятся к такой форме, как урок-диспут. 80% студентов не изъявили желания использовать диспут в качестве формы организации учебной деятельности. 85% студентов не видят разницы между диспутом, дискуссией и дебатами. 1 студент проводил уроки-диспуты во время педагогической практики. 2 студента проводили уроки, совершенствующие навыки устной диалогической речи. Между тем, диспут, дискуссия, дебаты и полемика (формы диалога) – мощнейшие инструменты совершенствования навыков устной речи учащихся.

Для оценки эффективности уроков-диспутов мы разработали и апробировали систему количественных критериев для 8 классов:

1. ФГОС. Оценка показателей сформированности универсальных учебных действий:

1) личностные: ученики оценивали по 10-балльной шкале, было ли лично для них важно то, что обсуждалось на уроке;

2) коммуникативные: ученики оценивали своё включение в обсуждение, свои коммуникативные ошибки и свои сильные стороны на уроке (ученик определял, как он контактировал с другими учениками в течение урока, понравился ли ему ход ведения спора);

3) регулятивные: ученики оценивали по 10-балльной шкале свои коррективы в процессе обсуждения и подведения итогов.

2. Оценка сформированности речевых навыков: ученики заполняют личный журнал лингвистического самосовершенствования (какие новые навыки они приобрели в процессе диспута, какие новые аргументы изучили и как их применили).

3. Результат – в жизнь! Оцените применимость ваших знаний в повседневной жизни (способность правильно аргументировать) по 10-балльной шкале с комментариями.

Результаты оценки эффективности убеждают, что уроки-диспуты очень полезны для совершенствования навыков устной речи (по многим показателям ученики отмечают 7 баллов и выше). Личный журнал лингвистического самосовершенствования стал для учеников дневником их достижений: они видят, в чём они сильны и что им необходимо корректировать.

При подготовке и проведении уроков-диспутов необходимо учитывать несколько методических моментов, на которые указывают многие исследователи не только диспутов, но и других форм совершенствования навыков устной диалогической речи:

1. Урок-диспут очень долго готовится. Иногда он готовится несколько месяцев.

2. Диспут на уроке может возникнуть спонтанно: к этому учитель должен быть готов.

3. Диспут не должен перетекать в беседу «за жизнь», учитель должен пресекать пустословие.

4. Во время диспутов при обосновании своей точки зрения необходимо ссылаться на авторитетные источники.

5. Перед диспутом учитель должен дать минимальные теоретические сведения по риторике, аргументации (аргумент к личности, аргумент к тщеславию, литературный аргумент, количественный аргумент).

6. Во время диспута ученики должны соблюдать правила речевого общения, никого не оскорблять, не сквернословить.

7. Диспут должен завершиться подведением итогов: каждый ученик принимает участие в обсуждении.

Результаты оценки урока-диспута «Русский язык: застой или стремительное развитие» убедил, что такая форма проведения занятия оправданна (по 80% показателей были получены положительные результаты). Этот урок готовился в течение месяца. За месяц учащиеся получили задание найти факты употребления языка, противоречащие правилам, и определиться с выбором, какую позицию они будут отстаивать на диспуте («кризис», «эволюция», «прогресс»). В течение трёх недель до занятия они знакомились с научно-популярными изданиями по русскому языку И.Б. Левонтиной «Русский язык со словарём» [3] и «О чём речь» [4], М.А. Кронгауз «Русский язык на грани нервного срыва» [5], слушали и смотрели радио- и телепередачи, посвящённые проблемам современного русского языка, что помогло детям определиться с выбором. Затем учащиеся делились своим мнением и объединялись в группы. За неделю до занятия ученики искали авторитетные суждения, посвящённые современному состоянию русского языка, для аргументации

своей точки зрения. За день до занятия весь опыт был обобщён. Во время урока учащиеся разделились на три группы в соответствии с выбранной точкой зрения: «кризис», «эволюция», «прогресс». В течение урока учащиеся меняли свою точку зрения и переходили из одной группы в другую. В конце урока был сделан вывод о медленной, своеобразной эволюции русского языка, причём ученики приводили аргументы не только из лингвистики, но и из истории, обществоведения, литературы, искусствоведения, что говорит о интегрированной природе такой формы организации учебной деятельности, как урок-диспут.

Урок-диспут является продуктивной формой организации учебной деятельности. В современной школе он может быть использован не только как форма уроков развития речи, но и как продуктивный способ подготовки к устной части экзамена по русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
2. http://old.thirdmill.org/files/russian/23202~2_19_00_10-41-59_PM~SummaTheologia.doc.pdf.
3. Левонтина И.Б. Русский язык со словарём. М.: Азбуковник, 2010. 368 с.
4. Левонтина И.Б. О чём речь. М.: АСТ, 2016. 507 с.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, Corpus, 2012. 217 с.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Лекции

БОГДАНОВА Людмила Ивановна *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
libogdanova1@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БОГАТСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА» В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-04-00053

Аннотация. В статье рассматриваются составляющие феномена «богатство языка», прослеживается эволюция этого понятия со времён М.В. Ломоносова до наших дней. На основе деятельностно-смыслового подхода к языку исследуется проблема создания новых слов с целью заполнения лакун и обогащения семантического кода русского языка.

Любая нация осознаёт себя в языке. Национальное сознание, достигшее определённой стадии в своём развитии, связано с представлением о родном языке как языке богатом и совершенном. Проблема расширения словарного запаса, обогащения семантического кода русского языка является наиболее актуальной на данном этапе развития науки с учётом создания предварительной «кодификации содержательной стороны языкового знака» [6: 27]. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать эволюцию понятия «богатство языка» от М.В. Ломоносова до наших дней, определить на основе смыслового подхода наиболее значимые лакуны в русском языке и наметить пути их заполнения.

Как известно, М.В. Ломоносов, сопоставляя русский язык с другими языками, давал родному языку самую высокую оценку. В Предисловии к «Риторике» 1748 года, связывая совершенство языка с его географическим распространением, М.В. Ломоносов писал следующее: «Язык, которым Российская Держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем не единому Европейскому языку не уступает» [4: 283]. Такое утверждение было в

духе европейской филологической традиции того времени. На зарождение новых воззрений на русский язык указывало и перенесение на российскую почву общего для европейской филологической мысли топоса: различные совершенства приписываются новым литературным языкам, а перечень этих языков завершается похвалой собственному, соединяющему или долженствующему соединить все достоинства [2: 270].

Идея богатства языка включала в себя и представление о его красоте. Эталон красоты языка М.В. Ломоносов находил в древних книгах: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда ещё не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» [4: 581].

Отмечая богатство русского языка, М.В. Ломоносов не мог не замечать, что в языке того времени не было очень многих слов, нужных для точного обозначения новых понятий, новых объектов культуры, остро ощущалась нехватка не только строгих научных терминов, но и гиперонимов и гипонимов в театральной сфере, в области архитектуры, живописи и т.п. Так, в 1697 году П.А. Толстой, стольник Петра I, оказавшись за границей, пытался описать своё путешествие по городам Европы, но не находил нужных слов в родном языке. *Дома, театры, костёлы, замки*, *«всякие каменныя строения»* он обозначал одним словом с родовым значением – *палаты.* Даже *сцену* в «театруме» он называл «*палатами»*, а *ложи* – «*чуланами»*.

М.В. Ломоносов, осознавая нехватку точных терминов и обозначений для новых предметов и явлений, активно и целеустремлённо способствовал обогащению русского языка. Выдающаяся роль М.В. Ломоносова в создании русской терминологии неоднократно отмечалась историками точных наук. Научный язык начал зарождаться лишь при Петре I. Сначала он представлял собой почти исключительно заимствования из иностранных языков: *текен* – чертеж, *бер* – запруда, *дак* –

крыша и т.п. Стали появляться и такие научные термины, как *перпендикул* – маятник, *радис* – корень, *триангул* – треугольник, *кентр* – центр, *аддиция* – сложение» [5]. При введении новых терминов М.В. Ломоносов, как об этом свидетельствуют многие исследователи, прежде всего использовал исконное богатство общенародного словарного фонда русского языка, придавая словам и их сочетаниям, до него употреблявшимся в обиходном бытовом значении, новые, точные, терминологические значения. Таковы, например, термины *земная ось, удельный вес, магнитная стрелка, опыт, движение, наблюдение, явление, частица, кислота* и т.п. Взвешенно подходя к вопросу заимствований, М.В. Ломоносов стремился сблизить язык русской науки с западноевропейскими научными терминологиями, с одной стороны, используя интернациональную лексику, а с другой – образуя новые слова по типу соответствующих иноязычных терминов. Будущее показало, что учёный оказался прав, и неологизмы, им созданные, не только вошли в русский язык, но и относятся к числу наиболее употребительных в современном русском языке.

Проецируя идеи М.В. Ломоносова на современное состояние русского языка, можно отметить, что феномен богатства языка как часть мифологического сознания вовсе не устарел. Нередко можно слышать высказывания, в том числе и филологов, об исключительном богатстве русского языка по сравнению с другими языками, о его необыкновенной красоте и силе. Отметим, однако, что нередко такого рода высказывания имеют характер эмоциональной защиты своего языка, который чрезмерно перегружен заимствованиями.

Вопрос, касающийся выявления критериев определения богатства того или иного современного языка, достаточно сложен, несмотря на то, что он всё же имеет объективные основания, связанные с территориальной и ещё в большей степени с социально-стилистической дифференциацией языковых средств. Следует при этом отметить, что система

объективных критериев, позволяющих сравнивать языки с полным набором функций и стилей, к настоящему моменту наукой не выработана.

Хотя многие современные литературные языки можно считать по-своему богатыми, однако в любом, даже богатом языке, можно найти семантические области, более или менее освоенные языком, лексически и фразеологически детально разработанные и недостаточно разработанные. Индикаторами слабости и неразработанности тех или иных семантических участков являются либо иностранные заимствования, либо просто затруднения говорящих при попытке точно обозначить те или иные явления действительности [1]. В русском языке одним из «слабых» семантических участков является, в частности, сфера товаров и услуг. В этой сфере особенно остро ощущается явная нехватка как однословных гиперонимов, так и конкретных видовых обозначений, недостаток которых характерен для русского языка в целом. Гиперонимизация по праву считается важнейшим направлением в семантическом расширении слов, её влияние на развитие мышления трудно переоценить. Основным средством «закрытия» лакун в торгово-экономической сфере являются иноязычные слова. Стоит отметить, что до XX века заимствование могло носить «щадящий» характер, поскольку нередко происходило с помощью калькирования, что обогащало русский язык. Для современной эпохи в основном характерны прямые заимствования, во многом искажающие облик и звучание русской фразы, что тонко и иронично подмечено Тимуром Кибировым: *А брокер с дилером и славный дистрибьютер / Мне силятся продать «Тойоту» компьютер. / Вотще! Я не куплю.*

Не обозначены в русской лексико-фразеологической системе и многие другие сложные концепты, востребованные обществом на современном этапе. Ощущается недостаток слов, связанных с образованием, профессионализмом. Так, например, в современном русском язы-

ке нет устоявшегося обозначения для названия человека, выигравшего грант. Такого человека называют *грантодержателем, грантополучателем, держателем гранта* и др. Русский язык до сих пор не располагает нейтральным обозначением для человека, стремящегося добиться высоких результатов в своей деятельности, занять высокое положение в обществе. Так, слово *карьерист* в Словаре В.И. Даля вообще не было представлено, а в Словаре С.И. Ожегова оно дано с пометой *неодобр*.: ‘человек, который проникнут карьеризмом’ [7]. В Словаре под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (2000) уже снимается «идеологическая добавка» в значении слова *карьера* [8]. Но слово *карьерист* до сих пор сохраняет негативную оценку, хотя *карьера* в современном русском дискурсе используется преимущественно в положительных контекстах: *блестящая карьера, делать карьеру, добиваться карьерного роста* – всё это оценивается явно позитивно, но *быть карьеристом* – по-прежнему плохо (об этом свидетельствуют и данные опроса студентов).

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что «проницаемость языковой системы в отношении заимствуемых слов отчасти преобразует структурную основу русской ментальности» [3: 202]. При этом однозначно ответить на вопрос, каким образом можно было бы наиболее эффективно развивать и обогащать русский язык, представляется проблематичным. Однако наследие М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, Н.М. Карамзина открывает возможность для обогащения семантического кода за счёт сознательного воздействия на формирование литературного языка, в частности, путём создания неологизмов, закрывающих «зияющие» концептуальные лакуны русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Л.И. Иноязычное слово в контексте русской культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №4. С. 11-17.

2. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.

3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.Т. I – X. М. – Л., 1950-1959. Т. VII.
2. Мешчерский Е.В. История русского литературного языка. М., 2002 [электронный ресурс] www.gumer.info/bibliotek_Buks.
3. Милославский И.Г. Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №2. С. 27-37.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1970. 900 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

КОРОЛЁВА Инна Александровна (*Смоленск, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
innakor@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ
(на материале Смоленско-Белорусского приграничья)

Аннотация. В статье на материале топонимической лексики рассматривается национально-культурная специфика географических названий, содержащих в своих основах объемную лингвокультурологическую и историческую информацию, отражающую общие и специфические черты двух этносов – русского и белорусского. В частности, показывается особенность номинирования населенных пунктов в Смоленской области, приграничном регионе Российской Федерации.

Повышенный интерес к географическим названиям, проявляемый в настоящее время, закономерен. В русле антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания в центре многочисленных исследований – человек и окружающий его мир. Безусловно, топонимическая лексика – это тот благодатный материал, который и составляет основу окружающего человека ономастического пространства. Топонимические имена никогда не бывают случайными и лишенными всякого значения: это своеобразные и весьма ценные памятники истории и культуры народа. Особо интересны для исследования региональные названия, ибо в их основах содержится самая разноплановая информация, в определенной мере характеризующая и жителей края: социальная, историческая, культурологическая, этнографическая и, конечно же, лингвистическая [4: 262]. Особый интерес представляет изучение регио-

нальной топонимии приграничных регионов, к которым, в частности, относится Смоленская область, граничащая с Республикой Беларусь на протяжении 463 км. Смоленский регион соседствует с двумя белорусскими областями – Витебской и Могилевской [5: 73].

Приграничные территории (для Витебской приграничной зоны – это Велижский, Руднянский и часть Краснинского районов, для Могилевской – Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский, Ершичский районы), как и вся Смоленщина, относятся к местам древнего заселения. Еще до славян-кривичей, которые появились в VI веке, жили племена балтов и финно-угров, о чем свидетельствуют в топонимии края. Как отмечает Б.Н. Махотин, следствием древних межэтнических связей является насыщенность топонимии самыми разнообразными географическими названиями трех основных пластов – славянского, балтийского и финно-угорского, а в славянском пласте топонимии – русского и белорусского [6: 6].

Естественно, в основах топонимов приграничной смоленско-белорусской зоны имеются названия, отражающие древнюю национально-культурную специфику региона; при декодировании информативного наполнения основ древних географических названий выявляются сведения об уникальных контактах племен и народов, интересных исторических событиях, хозяйственной деятельности жителей, старых национально-культурных обрядах и традициях.

Помимо того, что топонимы представляют собой свернутый лингвокультурный текстовый код [3: 32], они имеют еще обширное информативное ономастическое поле. Многоаспектная и разноплановая информация, содержащаяся в любом имени собственном (ИС), реализуется только в речи[1: 37]. Эту информацию принято называть энциклопедической. Именно с ее помощью осуществляется связь имени с объектом и выявляется отношение говорящего к объекту. Это комплекс знаний о номинируемом объекте, доступный каждому члену языкового коллекти-

ва, пользующемуся данным ИС, но в разной мере: это зависит от степени эрудиции индивида, от его в некотором роде научной любознательности, ситуации общения [2: 18]. Именно объемность лингвистической и экстралингвистической информации и позволяет им быть единицами, репрезентирующими связь с культурно-историческими и национально-специфическими особенностями того или иного народа в контексте определенного времени [4: 262].

В память об известном российском ономасте Александре Васильевне Суперанской, долгие годы работавшей в Институте языкознания Российской академии наук, создана информационная система «Топонимия России», единая топонимическая база данных [8]. Этот электронный ресурс топонимики как области знания позволяет структурировать топонимическое пространство, которое А.В. Суперанская определяет как пространство, «которое заполнено в строго установленных местах названиями определенных типов, при этом каждому поколению известны не только свои современные географические названия, но и названия предыдущих эпох» [7: 15].

В разработке проекта приняли участие ведущие топонимисты России из разных регионов, в том числе и из Смоленска. Особо, как нам представляется, интересен материал приграничных территорий, какой и является, в частности, Смоленская область. Мы представили значимые, на наш взгляд, топонимы, системно описанные по соответствующим ресурсу моделям. В настоящей статье мы предлагаем образцы собранной и структурированной нами информации о приграничных топонимах Смоленской области, которая помещена на сайте.

Велиж

Регион: *Смоленская область*

Тип объекта: *Город*

Разряд: *Ойконим*

Общие сведения:

Ве́лиж – районный центр Смоленской области, расположенный в 116 км к северо-западу от Смоленска, на границе с Республикой Беларусь (Витебская область).

Упоминание в документах:

Одно из первых упоминаний о городе относится к XVI в.: «В лето 7044 апреля в 19 день князь Великий Иоан Васильевич и мати его Великая княжна Елена велели поставити город в Торопецком уезде на Велижском городище, город Велиж,… и доделать месяца июля, в третье лето государева его» [Царственная книга Ивана Грозного, 1536, С. 24].

Происхождение топонима:

Существует две версии происхождения названия: славянская и балтийская. Корень вел- можно связать с апеллятивом велий «большой», известным во всех славянских языках – так, возможно, в верхнем течении называлась река Западная Двина, на которой находится Велиж – Велья. Названия с формантом -еж (-иж), которые обозначают принадлежность населенного пункта к какому-либо объекту, например, реке Ве́лиж (старое название Вели́ж), встречаются на центральной русской территории (Себеж, Трубеж, Велишка и др.). Возможна и балтийская версия для названия гидронима Велижка (Велиж), реки, давшей название городу. Ее название связывают с названиями Велейка (бассейн Днепра), Вилейка (бассейн Немана), которые, скорее всего, имеют балтийское происхождение.

Словообразовательная модель*: Вел + иж*

Наименование жителей : *велижа́не, -ан; велижа́нин, -анина.*

Производные: *ве́лижский, -ая, -ое; и вели́жский -ая, -ое (устаревшее)*

Историко-культурная информация:

Город Велиж – исстари порубежная территория Русского государства. На протяжении всей второй половины XVI в. и в XVII в. он находился в зоне боевых действий русско-польских войн, переходил из

«рук в руки». Окончательно вошел в состав Русского государства в 1772 году. В дальнейшем входил в Полоцкое наместничество, был уездным городом Витебской губернии с крупной транзитной торговлей: из него транспортировали в Витебск, Ригу и далее за границу зерно, льнопродукты, коноплю, пеньку, кожи, лес. Славился город своими краснодеревщиками. В составе Смоленской области находится с 1937 года, граничит с Витебской областью Республики Беларусь [8].

Шумячи

Регион: *Смоленская область*

Тип объекта: *Посёлок*

Разряд: *Ойконим*

Общие сведения :

Центр Шумячского района, расположен в 105 км к югу от Смоленска, приграничная с Могилевской областью Республики Беларусь территория.

Упоминание в документах :

В памятниках деловой письменности порубежное местечко называлось несколько иначе – Шумяча: «И по пропуске отъ того фарпоста Радионъ у техъ крестьянъ показанную свою ношку и с воскомъ взявъ пошел в то местечко Шумячу прямою сухою дорогою чрезъ болото а те крестьяне поехали вокругъ болота сухою дорогою и въ том местечке Шумячи те два круга воску… продалъ… и при тои продаже случился быть того жъ местечка Шумячя моляр Филип…» [Российский государственный архив древних актов, ф. 763/1, 18 л. 4. 1751 г.].

Происхождение топонима:

Существуют две версии происхождения топонима. Авторы «Топонимического словаря Смоленской области» считают, что он получил название по гидрониму – речке Шумячке, прозванной так за шумное, быстрое течение. Есть и другая версия: название Шумячи связано с именем одного из потомков московского князя Дмитрия Шемяки,

бежавшего в Литву, Юрия Шемяки, который во второй половине XV века в своем уделе на западном берегу речки Шумячки построил усадьбу. Это и положило начало. Возможно, название водного объекта и именование князя, соединившись в фонетическом комплексе топонима, в состав которого вошел типичный измененный белорусский топоформант -ичи (-ячи), и дало название Шумячи.

Наименование жителей: *шумя́чцы, -цев; (редко) шумя́чец, -ца*

Производные : *шумя́чский, -ая, -ое*

Историко-культурная информация :

Порубежная земля взрастила известного всему миру писателя-фантаста Айзека Азимова (1920-1972). Он уроженец д. Петровичи[8].

Таким образом, мы сделали попытку показать, что в свете лингвокультурологии региональные топонимы, несомненно, следует рассматривать как важный пласт проприальной лексики, обладающий национально-культурной спецификой и отражающий мир, в котором существует человек, организующий его пространственное существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнов В.И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 15: Ономастика. Кн. 1, ч. 1: Имя и культура. М., 1993. С. 37 – 46.

2. Королева И.А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 31-39.

3. Королева И.А. Информативное поле имен собственных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. Вып.4. С. 16-22.

4. Королева И.А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: матер. междунар. науч. – практ. Конф. (Витебск, 27 мая 2011 года). Витебск, 2011. С. 261-264.

5. Королева И.А., Евсеева О.С. Из истории топонимов смоленско-белорусского приграничья с корнем красн- // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1 (37). С. 72-79.

6. Махотин Б.А. К живым истокам. Смоленск: ООО «Смядынь», 2011. 224 с.

7. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 180 с.

8. Сайт «Топонимия России». Режим доступа: http://onomastika.tw1.ru/index.php?id=32

ПИМЕНОВА Марина Васильевна *(Владимир, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ДИАХРОНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1

Аннотация. В статье обосновывается наличие «спиралеобразной» модели развития лексического значения (на материале единиц, выражающих оценку в диахронии): синкретизм – расчленение синкретизма – синкретизм на новом уровне развития языка.

Как известно, изучение древнейшего периода развития языка вызывает особую сложность. Это связано с тем, что для современного исследователя недоступна древняя «речь, погруженная в жизнь» [3: 136]. Единственное, что с той или иной долей вероятности отражает древнюю ментальность и свидетельствует о древнерусской языковой картине мира – древнерусский текст, отражающий особенности мировосприятия и мировоззрения. Однако приходится констатировать, что некоторые исследователи, изучая древнерусский текст (его *«речение»* – язык и *«разум»* – ментальность [7: 66-76]) используют положения современной когнитивной лингвистики и принципы общей теории текста («накладывая» на древний объект выявленные при синхронном анализе когнитивные единицы и текстовые категории [1; 10; 35]). Возникают сомнения в плодотворности подобного подхода, так как, во-первых, современные теории эксплицируют современные формы научного сознания/мышления, которые не совпадают с мифологическим мышлением древнего русича эпохи двоеверия, во-вторых, идя «от теории», исследователь неосознанно (или осознанно) «подгоняет» под нее объект, осовременивая и модернизируя его. Бóльшего доверия, как мы полагаем, заслуживают

попытки выявить особенности древнерусского текста и отражения в нем средневековой ментальности в направлении «от объекта».

Не претендуя на решение всего комплекса лингвистических проблем, рассмотрим один дискуссионный вопрос исторической лексикологии «от объекта»: модель развития лексического значения и выражение оценки в диахронии.

Следует отметить, что в имеющихся работах исследователей, как правило, априорно декларируется функционирование «прямолинейной» модели развития лексического значения «от простого к сложному» [16; 21: 27-28], «от прозаического к образному и поэтичному» [28: 217], «от конкретного к абстрактному/отвлеченному» [5: 14; 22: 109; 23: 59-60; 33: 182, 192; 36: 110; 37: 127], «от прямого значения к переносному» [6: 222; 18: 5-7], «… от эмпирийных значений к рациональным, а при наличии исходных рациональных значений – от признаков человека к признакам предмета или от признаков, присущих предмету, к оценочным характеристикам» [37: 127], «от нейтральных значений к оценочным» [24: 36], «от дескриптивного значения к оценочному» [34: 74], «от материального к духовному» [9: 57, 67, 69, 74, 89, 99, 127], «от низкого к высокому» [19: 60-61] и т.д., предопределенное имплицитно присутствующим в семасиологических исследованиях и лексикографических изданиях представлением о дискретной и симметричной организации лексических значений.

Однако в данную «прямолинейность» не укладываются факты, доказывающие наличие **синкретизма *(‘нерасчлененности’)* семантики** древнего слова, о которой пишут многие исследователи, используя различную терминологию. Ср.: «слитность предметного и качественного значений» [28: 65-66], «нерасчлененность древнего значения» [11: 85], единство полярных значений [17: 20]; «синкретическое сосуществование двух значений в корне» [32: 167]; «единство значений архаичного многозначного слова, косвенно засвидетельствованное материалами детского

мышления» [8: 368]; «… исконный семантический синкретизм славянского слова» [12: 145] и др.

Мы вслед за В.В. Колесовым полагаем, что ***синкретизм*** – это конституирующее явление для лексико-семантической системы, лежащее в основе «спиралеобразного» развития лексического значения. В древнейший «дописьменный» период «спираль-пружина» как бы сжата до плоского состояния в слове-синкрете [12: 145; 14: 43] – этимоне («дописьменном» концепте [31: 7]), значение которого связано с нерасчлененными понятиями: конкретным – абстрактным, дескриптивным – оценочным, символическим – образным и под. (**сигнификативная синкретсемия** – подробнее см. [26: 47-52]). Например, этимон **bolg-/*болог-* – ‘блестеть, сверкать, сиять’; ‘призывает, поклоняется’, ‘желанный, дорогой, ценный’, ‘религиозный обычай, обряд’, ‘господин молитвы’, ‘большой’, ‘горю, пылаю, накаляюсь’, ‘лучезарный блеск’, ‘полубожества – воплощения молнии’, ‘горю’ (Фасмер 1: 170-171, 188; Черных 1: 92; ЭССЯ 2: 173, 193-194); **dob-/*deb-* – ‘подходить, быть подходящим’, ‘соответствовать’, ‘быть удобным’, ‘изящный, красивый, милый’, ‘делаться ловким, сильным’; ‘храбрый, сильный, крепкий, плотный’ (Фасмер 1: 520-521; Черных 1: 258; ЭССЯ 4: 201-202; 5: 45-46); **kras-* – ‘жизнь, ее возобновление и поддержание’, ‘огонь’, ‘красота’, ‘молодость’, ‘веселье’, ‘блеск’, ‘свежесть’ [29: 35-36] (Фасмер 2: 367; Черных 1: 440; ЭССЯ 12: 95-97); **lěp-/*leip-* – ‘прилипающий, льнущий’, ‘соответствующий, подходящий’, ‘хороший’, ‘красивый’ (Фасмер 2: 485; ЭССЯ 14: 226-227); **svět-/*svęt-* – ‘цветение жизни’, ‘красота’, ‘любовь’, ‘веселье’, ‘святость’, ‘истинность, праведность, миропорядок’ и др. [29: 28-33] (Фасмер 3: 575-576; Черных 2: 145-146); **zъl-* – ‘изгибаться, кривиться, изворачиваться, кривить душой’, ‘черствый, бесчеловечный, строптивый, упрямый’, ‘надоедливый, наглый, грубый’, ‘косой’, ‘фальшивый, ложь’, ‘идет кривыми путями, петляет, спотыкается, падает’, ‘плохой’ (Фасмер 2: 99; Черных 1: 326).

От данных и подобных этимонов были образованы синкретсемичные единицы, например: существительные *благость, добро́та, лѣпо́та, красо́та, свѣтлость,* прилагательные *благый/-ий /-ой, добрыи, красныи, прѣкрасныи, лѣпыи, свѣтлыи, прѣсвѣтлыи, свѧтои, зълыи*, глагольные формы *красити, украсити, красити ся, красовати ся, освѣтляти, освѣщати, усвѣтити, уцвѣтити, просвѣщати, процвьсти*, наречия *благо*, *добро/добрѣ, лѣпо*, *красно/красьнѣ , свѣтло, свѧто* и др. (СлДРЯ 1: 220; 2: 476-480; 3: 14-25; 428; 4: 284-293, 456-459; Срезн. 1: 109-112, 674, 1007; 2: 1656, 3: 298-299; 1185; ЭССЯ 5: 40, 43-44; 12: 99-102; 14: 222-225).

Далее происходит постепенная трансформация семантического синкретизма («растяжение» семантической «спирали-пружины»), осуществляющаяся параллельно с формированием **ментализации** как концептуальной формы русской ментальности [12: 145; 15: 405-406], которая приводит, с одной стороны, к сужению-конкретизации синкретичного значения, с другой стороны, к расширению его лексического выражения при помощи основанных на метонимии минимальных единиц древнерусского текста – ***синкретем*** различных типов и видов (**структурно-синтагматическая синкретсемия** [26: 52]): **парных именований** (*день и нощь*, *добро и зло, душа и тѣло*, *сѣмо и овамо, хлеб да соль, гуси-лебеди*); **двандва** (*Борис и Глеб, Петр и Павел, Иван да Марья, Петр и Февронья*); **описательных глагольно-именных оборотов** (*въсѣсти на конь, взяти рать, отворити ворота, молитву сотворити, цѣловати крестъ*); **этимологических фигур**, или **figura etymologica** (*темень темнеется, мести метлой, ряды рядити красотою украсить, радоватися радостию, жить жизнию*); **устойчивых сравнений** (*акы агньци непорочьни, аки нощный вранъ на нырищи, яко голубь бѣлъ, акы звѣри дивии, акы нѣкаа ехидна*) и др. (подробнее см. [2; 4; 26: 52-69]).

Ряд синкретем, закрепляясь за тем или иным объектом, теряет дескриптивный компонент синкретичного значения и на **синтагматическом уровне** выражает оценку, то есть положительное/отрицательное отношение субъекта оценки к ценности, которое воспринимается как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующих в донациональную эпоху аксиологических представлений (*благо – добро – зло*).

Наш материал показывает, что ядерными эвалюативными (оценочными) единицами в древнерусском тексте являются словосочетания, содержащие особый показатель оценочности – указывающий на основание оценки **творительный падеж ограничения/отношения** при стержневом компоненте, обозначающем общее (мелиоративное или пейоративное) качество объекта оценки. Е.Ю. Рыкин выделяет следующие структурные модели данных сочетаний: краткое прилагательное + существительное (*хитръ дѣломъ и словомъ, храбръ душею и тѣломъ, хромъ невѣриемь, силенъ духомъ, лепъ душею*, *красна лицемъ, худи образомъ, зълъ лицемъ,*), полное прилагательное + существительное (*крѣпкий умомъ, терпеливый душею, твръдый вѣрою, смиреный умом*), страдательное причастие + существительное (*украшенъ житиемь, правдою облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ, съмысломъ вѣнчанъ*), существительное + существительное (*исполинъ силою, невѣжа словом, тѣлом человече, а душею аггеле*), глагол + существительное (*въздрадоватися душею, погыбе тѣломь и душею предавъся дьяволу*) [30: 107-112].

К ядерным средствам выражения оценки в древнерусском тексте относятся также сочетания **«качественное имя прилагательное + имя существительное»**, в которых на знак оценки указывает краткое/полное прилагательное, а на объект оценки – имя существительное. Если данные синкретемы восходят к фольклорному источнику, то они традиционно рассматриваются как сочетания с «постоянным эпитетом», например:

добрый молодец, красна девица, зелено вино, ясные очи, чистое поле, раздолие высокое, серыи вълкъ и др., а если встречаются в памятниках книжно-славянского типа (*свѧтыи храмъ*, *свѧтые иконы, свѧтая троица, благовѣрнии князь, безбожные татары, зловѣрный Мамай*) – как «устойчивый книжный атрибут» [20: 99]. Независимо от происхождения эти и подобные устойчивые сочетания имеют оценочную семантику, выражая общее значение ‘именно такой, какой должен быть’, ‘соответствующий норме/идеалу’.

В ряде контекстов в творительном падеже ограничения/отношения стоят синкретсемичные существительные (*доброта, красота, лѣпота, величество*) при действительных причастиях с корневыми элементами *блист-*, *сиj-,* которые указывают на «внешнее» (‘воспринимаемое зрением’) основание оценки. Например: *блистающася добротою, красотою и добротою сияюща, величьствомъ сияющь* [26: 84-85].

Встречаются также единичные случаи выражения мелиоративной оценки через отрицание возможности ее объективности (***«утверждение через отрицание»***) при помощи образованных от глаголов речи причастий страдательного залога, например: *несказьны лѣпотою, несказанна красотою, неизреченны добротою, неизреченна сладость* и т.д. [26: 83-84].

Кроме того, оценочное значение может выражаться в древнерусском тексте путем использования содержащих оценку функционально-семантических единиц текста – **эвалюативных словесных рядов** (франц. *evaluatif* – оценочный), связанных с оценкой того или иного объекта «…с точки зрения этики (или морально-этической характеристики), эстетики (‘красивый’ – ‘безобразный’), интеллектуальной сферы (‘умный’ – ‘глупый’), а также практической деятельности человека» [25: 297; 26: 92]. Например: «*Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ, книгами святыми*

утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ» (ПВЛ: 218, 226, 256). «*Бѣ же Василко лице(м) красенъ. очима свѣтелъ и грозенъ. хо[ро]бръ паче мѣры на ловѣ (х). ср(д)цемь лего(к). до бояръ ласковъ. никто же бо от бояръ кто ему служилъ. и хлѣбъ его ѣлъ. и чашю пилъ и дары ималъ. тотъ никако(ж) оу иного князя можаше быти за любовь его излише же слугы свои любляше. мужьство же и оу(м) в не(м) живяше. правда же и истина с ни(м) ходяста. бѣ бо всему хытръ и горазо умѣя. и посѣдѣ в добро́дньстви на отни столѣ и дѣдни*» (ПСРЛ 1: 467).

Дальнейший процесс трансформации *«речения»* и *«разума»* древнерусского текста приводит к следующему этапу расчленения синкретизма параллельно с формированием **идеации** как концептуальной формы русской ментальности [13: 15]. Данный процесс приводит к тому, что к XVI-XVII вв. за каждым производным словом как вариантом этимона-инварианта на **эпидигматическом уровне** постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения. Данные единицы могли быть образованы при помощи словосложения и аффиксации. Например: *бѣлообразныи, благолѣпие, благооухати, благоглаголание, добровольствие, добродавьць, доброличьныи, добродѣтель, доброумие, доброчьстнѣ, доброутробие, злозрачныи, краснолицыи, подобьнохвальнѣи, свhтлоукрашение, худорhчивъ; гърдитыи, доблесть, добротьныи, безлѣпо(т)ство, нелѣпыи, неподобство, безкрасие, красьба, красуется, освѣщати, оцѣстити, оухыщренъ, подобьныи, прѣукрашено, прѣухорошена, свѣтлость* и т.д.) (СлДРЯ 1: 115, 171, 175, 187-188, 190-191, 198, 220, 212-213, 363; 2: 477-485; 3: 7-25, 414, 420-422, 428; 4: 284-294; 6: 156-159, 321-324, 531-540; Срезн. 1: 54, 92, 100-108, 218-219, 470, 674-684, 1007, 1315-1318; 2: 210, 407-408, 437, 790-791, 1039-1042, 1472-1473, 1709-1710, 1681-1682; 3: 254, 292-299, 1018, 1185-1187, 1438).

В национальную эпоху развития русского языка (с XVII в.) и период современной концептуальной формы русской ментальности – **идентификации** [13: 15] начинается процесс формирования выражения оценки на **парадигматическом уровне**, который завершается, как показывает наш материал, примерно к концу XVIII в. путем складывания системы слов-инвариантов – гиперонимов/доминант синонимического ряда, вбирающих в свою семантику многочисленные производные донациональной эпохи: *хорошо – плохо* (общая оценка), *красиво – безобразно* (эстетическая оценка), *добро – зло* (этическая оценка), *вредно – полезно* (рациональная оценка), *приятно – неприятно* (вкусовая оценка), *радостно – грустно* (эмоциональная) и т.д. [37: 97-124].

Как известно, гипероним/доминанта включает в свою семантику значения всех согипонимов/членов синонимического ряда одновременно [27: 36-37], например: ***хороший*** (‘отличающийся положительными качествами, заслуживающий положительной оценки’) – *неплохой, недурной, недурственный, славный, ладный, сто́ящий, мировой, хоть куда, что надо, на большой палец, на ять*; ***плохой*** (‘лишенный положительных качеств, свойств, не удовлетворяющий предъявляемым требованиям, не заслуживающий положительной оценки’) – *нехороший, дурной, скверный, дрянной, худой, поганый, паршивый, аховый, никудышный, плёвый, хреновый*; ***красивый*** (‘совершенный по своей красоте’) – *прекрасный, очаровательный, восхитительный*, *симпатичный, привлекательный, миловидный*; ***некрасивый*** (‘лишенный красоты, привлекательности’) – *неприглядный, безобразный, уродливый, невзрачный, непривлекательный, несимпатичный*, *страшный* (Сл. син.: 26, 205, 277, 373). На наш взгляд, в данном случае можно говорить о проявлении **синкретизма** (‘***нерасчлененности***’) нового типа на новом «витке» спиралеобразного развития языка, отличающегося от синкретизма донациональной эпохи.

Табл. 1. Модель развития лексического значения и выражение оценки в диахронии

<table>
<tr><th colspan="3">Концептуальные формы русской ментальности
(по В.В. Колесову)</th></tr>
<tr><td>Ментализация</td><td>Идеация</td><td>Идентификация</td></tr>
<tr><th colspan="3">Хронологические рамки периода</th></tr>
<tr><td>«Дописьменная» эпоха – XI-XIV вв.</td><td>XV-XVII вв.</td><td>XVIII –XXI вв.</td></tr>
<tr><th colspan="3">Этапы развития значения и способы выражения оценки</th></tr>
<tr><td>1) Синкретизм, этимон/слово-синкрета (сигнификативная синкретсемия)</td><td rowspan="2">3) Расчленение синкретизма – производные единицы (словосложение, аффиксация)</td><td rowspan="2">4) Синкретизм на новом уровне развития языка – гипероним / доминанта синонимического ряда (сигнификативная синкретсемия)</td></tr>
<tr><td>2) Расширение формы и «сужение» (конкретизация) смысла – устойчивые единицы – синкретемы (структурно-синтагматическая синкретсемия)</td></tr>
<tr><th colspan="3">Основные типы отношений на лексико-семантическом уровне</th></tr>
<tr><td>Отношения манифестации (возникновение письменности)</td><td rowspan="2">Эпидигматические (ассоциативно-деривационные) отношения</td><td rowspan="2">Парадигматические отношения</td></tr>
<tr><td>Синтагматические отношения (на уровне текста)</td></tr>
<tr><th colspan="3">Примеры оценочных единиц</th></tr>
<tr><td>1) *bolg-/*болог-, *dob-/*deb-, *kras-, *lĕp-/*leip, *svět-,*zъl-; благость, доброта, красота, лѣпота, свѣтлыи, зълыи, худыи</td><td rowspan="2">Благолѣпие, добровольствие, добродавьць, доброумие, злозрачныи, краснолицыи, гърдитыи, красьба доблесть, нелѣпыи, неподобство, безкрасие</td><td rowspan="2">Хорошо – плохо (общая оценка), красиво – безобразно (эстетическая оценка), добро – зло (этическая оценка), вредно – полезно (рациональная оценка), приятно – неприятно (вкусовая оценка) и др.</td></tr>
<tr><td>2) хитръ дѣломъ и словомъ, смиреный умом, украшенъ житиемь, добрый молодец, чистое поле, свѧтыи храмъ, величьствомъ сияющь, неизреченна сладость</td></tr>
</table>

Таким образом, развитие лексического значения на материале выражения оценки в диахронии можно представить в виде «спиралеобразной» модели: синкретизм ***этимона/ слова-синкреты*** (**сигнификативная синкретсемия**); расчленение синкретизма при помощи устойчивых

словосочетаний (***синкретем***) и производных единиц (**структурно-синтагматическая синкретсемия**); синкретизм ***гиперонима/доминанты*** синонимического ряда (**сигнификативная синкретсемия** на новом уровне развития языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI-XVII вв.). Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 2006. 240 с.
2. Артамонова М.В. Парные именования в древнерусском тексте: Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2005. 171 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
4. Богрова К.М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: семантика и структура: Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2012. 180 с.
5. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М. Добросвет-2000, 2004. 304 с.
6. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1957. 321 с.
7. Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М.: Наука, 1998. 223 с.
8. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с. (Классики отечественной филологии).
9. Киынова Ж.К. Славянизмы в русском языке: историко-культурное и семантико-стилистическое своеобразие: Дис. …д-ра филол. наук. М., 2014. 350 с.
10. Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. Волгоград: ВГПУ, 1997. 260 с.
11. Ковтун Л.С. О неявных семантических изменениях // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С.81-90.
12. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: ЛГУ, 1989. 295 с.
13. Колесов В.В. История русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
14. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40-49.
15. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
16. Кузьмин И.В. История лексико-семантических групп квантитативных и люминальных прилагательных в русском языке XII-XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах: Дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 202 с.
17. Ларин Б.А. Лексикология, история слов и лексикография // История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. М.: Просвещение, 1977. С. 11-42.
18. Лукина Г.Н. Прилагательные с первичным значением вкусового признака в древнерусском языке XI-XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: Наука, 1966. С. 5-18.
19. Малыгина Г.Е. Содержание и семантическая структура концепта ‘ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ’ в текстах книг Ветхого Завета: Дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 180 с.
20. Михайловская Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI-XIV вв.: Нормативный аспект. М.: Наука, 1980. 253 с.

21. Мохаммад Мохаммадиан суте. Предложно-падежные конструкции с предлогом «от» в современном русском языке: структурно-семантический аспект: Дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 189 с.

22. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93-109.

23. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Казань: КГУ, 1987. 152 с.

24. Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (Имена прилагательные): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1983. 40 с.

25. Пилипенко Н.В. Эвалюативное описание в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет») // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 297-300.

26. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с. (Филологические исследования).

27. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19.-48.

28. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551с.

29. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. 243 с.

30. Рыкин Е.Ю. Сочетания с творительным ограничения как средство выражения оценки в древнерусском тексте. Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2015. 196 с.

31. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры. 1997. 824 с.

32. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Наука, 1976. С. 147-179.

33. Черемисина Н.В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. Калининград: КГУ, 2000. С. 175-192.

34. Чернякова Т.А. Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных) // Славянская филология: Имя и глагол в исторической перспективе / Научн. тр. Т. 558. Рига: Латв. ун-т, 1991. С. 72-81.

35. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

36. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: ЛГУ, 1979. 134 с.

ИСТОЧНИКИ

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста и коммент. О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI - начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 23-277, 418-451.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей: В 2 т. М., 1962.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.: В 10 т. / РАН. Институт русского языка; Гл. ред. Р.И. Аванесов (Т. I-IV); И.С. Улуханов (Т. V-VI); В.Б. Крысько (Т. VII-XI). М., 1988-2016.

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. и доп. М.: Знак, 2003.

Сл. син. – Словарь синонимов: справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь русского языка: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева (Вып. 1-30); А.Ф. Журавлева (Вып. 31-40). М.: Наука, 1974-2016.

ШУЛЕЖКОВА Светлана Григорьевна (*Магнитогорск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический университет
имени Григория Ивановича Носова
shulezkova@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ (УСК) ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА*

Аннотация. Корпус УСК общеславянского литературного языка Средневековья – надёжная база для выявления истоков мировоззрения современных славян. Диахронический анализ судеб УСК при системном комплексном подходе с применением не только сравнительно-исторического и структурно-семантического методов, но и методик, выработанных лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой, поможет вскрыть закономерности формирования ядра менталитета граждан современной России.

Корни множества идиом, образных выражений славянских национальных языков, в том числе русского, кроются в текстах, выполненных на общеславянском литературном языке, который в отечественной науке со времён Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова принято называть *старославянским.* В старославянских памятниках функционирует несколько тысяч устойчивых словесных комплексов (УСК). Системное изучение этого фразеологического пласта древнейшего литературного языка славян – одна из важнейших задач современной славистики. Дело не только в необходимости всестороннего научного описания важнейшей

* Работа выполнена при поддержке Гранта в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы от «3» ноября 2016 г. № 09.Z71.25.0152

составляющей одного из сакральных языков средневекового христианского мира, но в расширении курса старославянского языка разделом по фразеологии. Старославянский язык преподают студентам-филологам и слушателям воскресных православных школ России, а также будущим славистам в европейских и американских университетах. Однако сведений по фразеологии нет ни в одном учебнике по старославянскому языку, как нет и ни одной монографии с описанием корпуса старославянских УСК и ни одного полного фразеологического словаря старославянского языка.

Такое положение вещей вызвано как объективными, так и субъективными причинами. К числу объективных можно отнести труднодоступность в течение длительного времени самих старославянских рукописей, хранящихся в библиотеках, частных коллекциях, архивах и монастырях разных стран. Даже тогда, когда эти памятники публиковались, их тиражи были небольшими, а в индексах, если они и сопровождали издаваемые тексты, никогда не предусматривалось включения в общий реестр УСК. Кроме того, первые издания старославянских памятников (XIX – начала XX столетия) относятся ко времени, когда фразеология как наука ещё не приобрела самостоятельного статуса. В XIX в. материал, извлечённый из старославянских текстов, попадал в церковнославянские словари, где не соблюдался хронологический принцип и старославянские языковые единицы включались составителями по такому же принципу, что и слова из памятников, возникших на различных славянских землях с XII по XVIII в. К числу подобного рода трудов относится “Lexikon linguae slovenicae veteris dialecti” – «Словарь древних диалектов словенского языка», изданный в 1850 г. австрийско-словенским ученым Францем Миклошичем. В нём содержится 15000 слов из 69 церковнославянских рукописей и опубликованных книг религиозного содержания. В работе 1865 г. (“Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum” – «Старославянско-греко-латинский словарь») Ф. Миклошич придержи-

вался тех же принципов лексикографирования и лишь расширил круг привлекаемых источников. Параллельная работа шла и в России. В 1858–1861 гг. увидел свет «Словарь церковнославянского языка» (в двух томах) А.Х. Востокова. В нём нашли отражение материалы 130 рукописей и изданных памятников славянской письменности XI–XVIII вв. Фиксируя и описывая в словарях данные текстов разных веков и изводов, слависты создавали своеобразные тезаурусы, не стремясь отграничивать собственно старославянские слова и обороты от массы единиц, возникших в различных изводах церковнославянского языка XII–XVIII вв. Но это объяснимо. Ко времени создания подобных словарей было опубликовано, например, только 118 листов Супрасльской рукописи (1851 г., Ф. Миклошич), из Клоцова сборника – лишь Триентская часть (1836, В. Копитар) и т.д. Другие памятники «ждали своего часа». Лишь в 1879 г. В.И. Ягич издал Зографское евангелие, в 1883 г. – Мариинское евангелие, в 1890 г. им были изданы Киевские листки.

Церковнославянские словари XIX в. не имели прямого отношения к старославянскому языку в современном понимании этого термина. Не случайно в 1929 г. на Международном конгрессе славистов в Праге был поставлен вопрос о создании подлинного старославянского словаря и словарей церковнославянских изводов (тезаурусов). И такая работа началась.

В 1955 г. в Германии произошло знаменательное для славистики событие: Л. Садник и Р. Айтцетмюллер опубликовали первый собственно старославянский лексикографический труд – «Краткий словарь к древнецерковнославянским текстам» (L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten (Heidelberg, 1955) [31]. В это же время при Чехословацкой Академии наук началась, затем продолжилась в Чешской Академии наук и к 1997 г. завершилась масштабная работа над 4-томным “Slovník(ом) jazyka staroslověnského”, переизданным в СПбГУ в 2006 г. В этом словаре толкуются, сопоставляются с

греческими, латинскими, чешскими, русскими все слова, обнаруженные в 83-х старославянских и церковнославянских рукописях XI – XVI вв. [32].

В 1989 г. слависты смогли познакомиться с первой тетрадью «Этимологического словаря старославянского языка» (Etymologický slovnik jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlova – A. Erhart – I. Janyšková. Seš.1-18. Praha, 1989–2016–), работа над которым успешно продолжается: в 2016 г. опубликована уже тетрадь № 18 [30]. В 1994 г. увидел свет «Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, где даётся толкование 10000 слов, извлечённых из 18 старославянских («классических», по терминологии авторов) памятников [22]. Настоящим событием для всех славистов стало появление великолепно выполненного при Болгарской Академии наук двухтомного «Старобългарского речника» (София, 1999–2009), в котором описан лексический фонд памятников, появившихся в X – XI вв. на болгарской земле [20].

Таким образом, к началу XXI в. ситуация кардинально изменилась, и не только в сфере лексикографии. Технический прогресс открыл доступ историков языка к ценнейшим памятникам старины. Часть из них оцифрована и стала доступной для интернет-пользователей, другая часть, к которой относятся даже такие уникальные рукописи, как считавшийся утраченным фрагмент Синайской псалтыри, найденный в 1975 г. во время пожара в тайнике монастыря Святой Екатерины (Син пс нов); Ватиканское евангелие X в., обнаруженное болгарским учёным Тр. Крыстановым в 1982 г. в Ватиканской библиотеке под греческим текстом XIII в. (Ват), и Новгородский кодекс первой четверти XI в., открытый в 2000 г. российскими учёными во время раскопок под Новгородом (Новг). Тексты их подготовлены к печати и изданы. Наряду со словарями старославянского языка всё это создало благоприятные условия для всестороннего изучения общеславянского литературного языка славян Средневековья. Поэтому вполне логичным на этом фоне выглядит по-

явление монографических исследований по лексике старославянского языка (см. [27; 8; 13]). И всё же задачу системного описания фразеологического фонда старославянского языка ещё только предстоит решить. Помимо объективных причин, о которых упоминалось выше, существуют и субъективные обстоятельства, препятствовавшие и продолжающие препятствовать реализации этой задачи. На два из этих препятствий указала Р.М. Цейтлин во вступительной статье к «Старославянскому словарю (по рукописям X–XI вв.)», посвящённой построению словарной статьи. Она пишет, во-первых, о чрезвычайной сложности отграничения старославянских устойчивых словосочетаний от свободных словосочетаний, во-вторых – об ограниченном количестве самих текстов, где анализируемое словосочетание может встретиться, например, только один раз [22: 52].

Здесь следует сделать одно существенное замечание. И «Старославянский словарь» 1994 г., и монографии по старославянской лексике опираются лишь на памятники, объявленные *классическими*, или *каноническими,* на основании единственного признака, отличающего их от прочих рукописей, выполненных в X–XI вв. на общеславянском литературном языке Средневековья: они были созданы на болгарской земле представителями болгарской культурной элиты. Не вдаваясь в детали достаточно серьёзного спора по поводу оценки всех прочих памятников (западнославянских и восточнославянских) как «косвенных» источников изучения старославянского языка, которые, якобы, можно привлекать лишь для уточнения отдельных деталей при описании подлинно старославянских (то есть «древнеболгарских») слов, выскажу по этому поводу несколько замечаний. «Подвижники времён Кирилла и Мефодия верили, что они работают во имя единства славян, просвещённых отныне единой верой» [25: 32]. Язык переводов Кирилла и Мефодия предназначался для всего славянского мира (см. об этом: [24: 17; 9а: 2-4] и др.). Когда мы говорим о языке кирилло-мефодиевских переводов, вопрос об этни-

ческой основе его происхождения уходит на второй план. «Ни одно из славянских наречий IX в. не смогло бы выполнять те функции, которые выпали на долю сконструированного солунскими братьями языка. Ставя кирилло-мефодиевский сакральный литературный язык в один ряд с живым разговорным языком IX в. (как это делает, например, Тр. Крыстанов [14: 231]), исследователь невольно принижает значимость колоссального лингвистического труда славянских просветителей» [29: 256].

В принципе большинство современных славистов сходятся в том, что основой для кирилло-мефодиевских переводов послужил один из диалектов именно болгарского языка. Но язык, созданный солунскими братьями, стал использоваться в качестве сакрального, литературного не только в Болгарии. Он был принят и в других государствах православной Славии, получившей название Slavia Orthodoxa [24], в том числе в Киевской Руси, пусть на столетие позднее, чем в Болгарии. О близости восточнославянских памятников, особенно Остромирова евангелия, к кирилло-мефодиевским переводам неоднократно писали наши отечественные учёные – А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов. Из современных российских исследований в этом плане особо следует отметить фундаментальные работы конца XX – начала XXI в. Е.М. Верещагина [9; 10 и др.].

Однако попытки пересмотреть историю возникновения письменности у славян, начатые в конце XIX столетия, продолжаются (см., например, замечание А.И. Горшкова о том, как некоторые болгарские учёные даже предлагают назвать русский литературный язык «древнеболгарским языком русской редакции» [11: http]. С этим связано стремление вытеснить из числа источников изучения общеславянского литературного языка Средневековья все восточнославянские рукописи XI в., что можно расценивать как субъективную причину, по которой изучение фразеологического корпуса старославянского языка осложняется.

Старославянские идиомы и неидиоматические УСК, конечно же, появлялись в иллюстративных зонах церковнославянских и древнерусских словарей, если составители привлекали в качестве примеров употребления того или иного слова фрагменты из рукописей X–XI вв. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский цитировал не только древнерусские источники, но и старославянские – Клоцов сборник (Клоц), Супрасльскую рукопись (Супр), Остромирово евангелие (Остр). В цитатах из Остромирова евангелия, например, находим УСК **цѣсарьство Божіѥ** [21, т. 1: 140], **отъ мрьтвыхъ въскрьснꙋти** [Там же: 408], **вѣрꙋ ѩти** [Там же: 490], **великъ дьнь** [Там же: 770], **зъло сътворити** [Там же: 1002] и многие другие. В «Старославянском словаре» 1994 г. можно встретить под особым значком УСК, где в роли одного из компонентов выступает инициальная лексема. Так, словарная статья **имѣти** заканчивается перечнем из 25 оборотов, среди которых **бѣсъ имѣти, водьны тряждъ имы, миръ имѣти, мѣсѧчьны зълы нєдѫгы имѣти, стоудъ имѣти, въ чрѣвѣ имѣти, чѧсть имѣти** и пр. [22: 260]. Гораздо более последовательно УСК привлекаются в структуру словарных статей «Старобългарского речника», изданного Болгарской Академией наук в 1999–2009 гг. [20]. Правда, его составители использовали только данные памятников (как религиозных, так и светских), созданных в древней Болгарии. Тем не менее, достаточно посмотреть на блоки УСК, сопровождающие фундаментально описанные лексемы древнеболгарского языка, чтобы убедиться в богатстве фразеологического фонда древнейшего литературного языка славян. Только при глаголе **творити** указано около 50 УСК: **творити благодѣть, творити блѫдъ, творити бѣдѫ, творити виновьнъ, творити врѣдъ, творити дѣти, творити живъ, творити жрьтвѫ, творити зъло, обидѫ творити, отъвѣтъ творити, пакости творити, пользѫ творити, прикупъ творити, прѣлюбы творити, ржгъ творити, съпѣшениѥ творити, съвѣтъ творити, любы творити,**

лѫкы творити, трѫдъ творити комоу, хоулѫ творити, вѣ творити и др. [20, т. 2: 930-934].

Кирилл и Мефодий придали четвёртому сакральному языку Средневековья гибкость, выразительность и терминологическое совершенство греческого, но грамматическую систему и основной словарный фонд заимствовали у самих славян. Лексемы праславянского происхождения *сынъ, мати, отьць, домъ, миръ, доуша, свѣтъ, свѧтъ, правъ, слово,* включённые как компоненты в состав сверхсловных неологизмов, участвовали в создании абстрактных философско-религиозных терминов и обогащали свою семантическую структуру символическими семами.

Выбор метода при изучении УСК древнейшего литературного языка славян зависит от целого ряда обстоятельств. Исследователь может ставить перед собой разные задачи, и каждый раз ему придётся выбирать между узким кругом всем известных методов и разнообразным набором всевозможных методик и приёмов анализа. Кроме того, он определяет, остановится ли он на синхронном рассмотрении свойств избранного объекта, либо начнёт изучать его судьбу в диахроническом ключе.

Когда речь идёт о языке в целом, тем более таком, как старославянский, жизнь которого представлена считаемыми текстами ограниченного времени (X–XI вв.), создаются благоприятные условия для комплексного синхронного анализа системы УСК в целом. Эта идея может найти воплощение во фразеологическом словаре с толкованием значений каждой сверхсловной единицы, характеристикой её грамматических свойств, её происхождения; с учётом всех её связей (парадигматических и синтагматических); с выявлением синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических и других отношений. Учитывая значимость старославянского языка для развития русского литературного языка и его влияние на формирование мировоззрения славян, именно такого типа

словарь может стать базой для диахронического анализа истоков ключевых концептов и закономерностей складывания менталитета современных граждан России. Полевая методика, разработанная в сфере когнитивной лингвистики, обогащённая приёмами, оправдавшими себя в сравнительно-исторической и структурно-семантической лингвистике, а также элементы лингвокультурологического анализа помогут исследователю в решении этой важной задачи.

До сих пор историки языка занимались либо судьбой отдельных УСК, встречающихся в старославянских текстах (таких, как **блѫдьный сынъ, сладъка жизнь, въ главѫ ѫгълоу, ни на йотѫ**); либо группами УСК, объединённых общим компонентом (**ветъхыи, сынъ, великъ** и пр.); либо УСК-вербализаторами какого-либо концепта («**Мѫченичество**», «**Прѣстѫпление** и **наказание**», «**Вѣра**», «**Цесарьство небесьное**» и «**Цѣсарьство земьное**», «**Праздьникъ**» и т. д.); либо предикативными единицами типа заповедей господьних / божьих (**Не убии; Не сътвори себѣ коумира; Не възжелаи жены ближьнаго своего; Чьти отьца твоего и матерь твоѭ** и пр.).

Естественно, при изучении этого материала специалисты используют проверенные опытом приёмы сравнительно-исторического и структурно-семантического методов, включая методику компонентного анализа, разработанную в рамках структурализма. Сам отбор старославянских УСК для подобного анализа предопределяется интересом исследователей к тем единицам, которые, пройдя через столетия, живут в современных славянских языках, в том числе и в русском, поэтому для большинства работ данной тематики характерен диахронический подход при изучении судеб УСК.

На современном этапе мирового языкознания фразеология, сформировавшаяся как самостоятельная наука в конце 1940-х – начале 1950-х гг., использует достижения мирового языкознания, хотя и не создавше-

го единого, признанного всеми лингвистами метода, однако обогатившая лингвистов новыми, достаточно эффективными методиками языкового анализа. Стремление фразеологов расширить исследовательский «инструментарий» привело одну часть из них в лоно когнитологии (см. работы [1; 2; 6: 7-42; 3] и др.), другую – в лоно культурологии (см. работы [12; 23: 238-269; 7: 4-14, 776-782] и др.), третья стремится создать новые комплексные методики анализа уже внутри самой фразеологии, учитывая достижения самых разных лингвистических направлений (см., например, [16; 26; 28] и др).

Одна из таких комплексных методик предложена С.Л. Андреевой. В качестве объекта изучения она избрала процессы трансформации лишь одной фразеологической единицы (ФЕ) – *хрустальный дворец*. Однако «ключевым аспектом» её исследования стал «поиск современной методики изучения «поведения» в коммуникативном пространстве вообще ФЕ, а не одной сверхсловной языковой единицы. Исследовательница вторгается в область когнитивной дериватологии и лингвокультурологии, не отказываясь от традиционных приёмов, предложенных в своё время в рамках сравнительно-исторического, и структурно-семантического языкознания. Все варианты и трансформы, обнаруженные в многочисленных источниках, она рассматривает сквозь призму словообразовательных гнёзд, строящихся по фреймовому принципу; а синхронический анализ привлекаемого материала, отражающего жизнь оборота в современном русском языке, она гармонично сочетает с диахроническим анализом, касающимся судьбы ФЕ в предшествующие периоды её функционирования.

С.Л. Андреева наблюдает за «поведением» оборота *хрустальный дворец* в речевом потоке, используя достижения корпусной лингвистики с её новыми технологиями обработки языкового материала. Важнейшие дифференциальные свойства ФЕ – устойчивость и воспроизводимость – «испытываются на прочность»: варьируется её компонентный состав,

нарушается привычная сочетаемость или обычный порядок расположения компонентов, в новых контекстах ФЕ обретает новые семы, «корректируется» и обогащается её семантика и т. д. «Погружаясь в новую научную парадигму», С.Л. Андреева не просто описывает варианты и трансформы функционирующей ФЕ с точки зрения структурно-семантической, этимологической и стилистической. Привлекая методики когнитивной лингвистики, она анализирует когнитивные модели каждого из компонентов и когнитивную модель само́й ФЕ. Именно эти когнитивные модели, как убедительно доказывает исследовательница, служат базой для появления новых вариантов и трансформ ФЕ и в то же время обеспечивают пределы её варьирования и трансформации, переступив которые носитель языка разрушает ФЕ, лишив её устойчивости в том значении, в каком она понималась В.Л. Архангельским [5: 164]. Работа С.Л. Андреевой доказывает справедливость выводов А.Н. Баранова и Добровольского о том, что «…появление новых данных – радикальное расширение эмпирической базы – существенно влияет и на развитие теории фразеологии. Метод, как это часто бывает, не просто используется для сбора и обработки данных, но позволяет поставить новые задачи и тем самым радикально меняет теорию» [6: 238]. Свою методику анализа трансформационных процессов в сфере фразеологии Андреева создаёт на основе методики пропозиционально-фреймового моделирования словообразовательных гнёзд, разработанной учёными Кемеровской дериватологической школы, возглавляемой Л.А. Араевой [4]. Она считает, что «словообразовательное гнездо (СГ) предстаёт в виде особым образом структурированной единицы хранения знания, которая проливает свет на структуру формирования языковой картины мира» [3: 53].

Предложенная С.Л. Андреевой методика анализа ФЕ дала ответы на ряд вопросов фразеологии. Она доказала, что, выполняя роль компонента ФЕ, слово не «десемантизируется», не перестаёт быть элементом

лексической системы и остаётся «в рамках когнитивного пространства, в котором существуют обычные слова» [Там же: 152]. В то же время функционирование в качестве компонента ФЕ «расширяет когнитивное пространство этой лексемы за счёт потенциально возможного подключения когнитивного пространства другого компонента ФЕ [Там же]. Кроме того, «выявление фреймовых структур при изучении фразеологии полезно не только для исследования семантики ФЕ и/или семантики речевых высказываний <…> но и для интерпретации и прогнозирования трансформаций ФЕ и её компонентов» [Там же: 148], а устойчивость и воспроизводимость ФЕ – «это результат закрепления в памяти носителя языка определённой пропозиционально-фреймовой конструкции» [Там же: 149], которая и предопределяет границы трансформации сверхсловной языковой единицы.

В 1973 г. один из крупнейших специалистов в области славянской фразеологии с сожалением писал: «ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не отграничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии» [16: 21]. Прошло 40 лет, и сегодня можно найти немало образцов диахронических исследований, посвящённых судьбам отдельных групп сверхсловных языковых единиц и русского, и древнерусского языков. Разработана и уникальная комплексная методика, основанная на новейших достижениях отечественной славистики. К числу достижений в этой области, несомненно, относятся работы М.Вас. Пименовой. Три её работы последних лет представляют собой теоретическую и методологическую программу диахронического исследования сверхсловных языковых единиц: «Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрИи» 2011 г. [17], «Типология русской ментальности в диахронии» 2012 г. [18], «Устойчивые единицы в диахронии и концептуальные формы ментальности» 2016 г. [18].

Выделим наиболее важные положения концепции М.В. Пименовой, имеющие непосредственное отношение к теме лекции. Она вполне справедливо считает, что «перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена, историки языка лишь прослеживают развитие отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (в лучшем случае до XVII в.), в современных продолжающихся толково-переводных словарях подобные сочетания приводятся спорадически, не системно» [19: 429]. Исследовательница характеризует в данном случае положение дел с изучением древнерусского фонда УСК. Но аналогичная оценка, быть может, ещё более критичная, применима по отношению к степени изученности старославянского корпуса УСК. Нельзя не согласиться с автором, утверждающим, что «Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставительном аспекте» – перспективное направление развития когнитивной лингвистики» и что «особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий» [Там же: 58].

Подводя итоги, можно сказать, что в современной отечественной лингвистике сложились все условия и выработана адекватная методология для решения одной из важнейших проблем славистики – комплексного системного описания фразеологического фонда старославянского языка как базы для диахронического лингвокультурологического и когнитивного исследования истоков и закономерностей формирования менталитета граждан современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 272 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 150 с

3. Андреева С.Л. Судьба оборота *хрустальный дворец*: методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2016. 183 с

4. Араева Л.А., Денисова Э.С., Оленев С.В. Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство. Исследования по словообразованию. М.: Едиториал URSS, 2011. 400 с.

5. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 1964. 315 с.

6. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 312 с.

7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. 784 с.

8. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

9. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 314 с. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. Изд-во Директ-Медиа, 2014. 316 с. Режим доступа: https://www.directmedia.ru/book_252565_istoriya_vozniknoveniya_drevnego _obscheslavyanskogo_yazyika/ (дата обращения: 03.10.2017).

6. Верещагин Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями. М.: «Индрик», 2012. 520 с.

7. Горшков А.И. Старославянский и древнерусский литературный язык. Ботаник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: archive.is/JiVfI (дата обращения: 20.09.2017)

8. Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индрик, 2006. 360 с.

9. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 224 с.

10. Кръстанов Тр. Славянският палимпсест в Cod. Vat. Gr. 2502. Парадокси на кирило-методиевската мисия, итало-българска следа и аксиома за езика. В сб.: In honorem Τριανταφγλλο: Юбилеен сборник в чест на 60 годишнината на проф. д. фил. Н. Христо Трендафилов. Отг. ред. В. Панайотов. Шумен, 2013. С. 221–248.

11. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Костромск. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008. 455 с.

12. Мокиенко В.М. Историческая фразеология, этнография или лингвистика // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 21-34.

13. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С.19-47.

14. Пименова М.Вас. Типология русской ментальности в диахронии // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 19 (652). С.185-193.

15. Пименова М.Вас. Устойчивые единицы в диахронии и концептуальные формы ментальности // Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Белград: Институт за српски језик САНУ, 2016. 425-438.

16. Старобългарски речник / отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов». Т. I. 1999. 1028 с.; Т.II. 2009. 1326 с.

17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893 – 1903.

18. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

20. Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации // ВЯ. 1997. № 2. С. 16-23.

21. Трубачёв О.Н. В поисках единства. М.: Наука, 1992. 186 с.

22. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исследоват. словарная лаб. МаГУ; отв. ред С.Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 424 с.

23. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

24. Шулежкова С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным. Очерки о судьбах библейских крылатых выражений. М.: Флинта: Наука, 2013. 204 с.

25. Шулежкова С.Г., Михин А.Н. Ватиканское евангелие X века и общелитературный язык средневековой Славии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №2(56). 2017. С. 252-261.

26. Etymologický slovnik jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlova – A. Erhart – I. Janyšková. Seš. 1-18. Praha : Nakladetelstvi Československé Akademie Věd : Akademie Věd České Republiki, 1989 – 2016.

27. Sadnik L. und Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag, 1955. XX + 341 S.

28. Slovnik jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz: t. 1-4. Praha : Nakladetelstvi Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiki, 1958–1997; 2-е изд. репр.: Словарь старославянского языка: в 4 т. СПб.: СПбГУ, 2006.

ИСТОЧНИКИ

Ват: Кръстанов, Тр., Тотоманова А.-М., Добрев И. Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Cr. 2502 / Т. Кръстанов, А.-М. , И. Добрев. София: СИБАЛ, 1996. 216 с.

Зогр: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / edidit V. Jagić. Berolini: Apud Weidmannos, 1879. 174 p.

Киев: Київські глаголичні листки. Найдавніша пам’ятка слов’яньскої писемності / В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1983. 140 с.

Клоц: Clozianus. Staroslověnský sbornik tridentský a innsbrucký / k vydání připravil A. Dostal. Praha : Nakladatelstvf Československè Akademie věd, 1959. 399 s.

Мар: Мариинское четвероевангелие / Памятник глаголической письменности / трудъ И. В. Ягича. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. 607 с.

Новг: Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. № 5. 2001. С. 3-25.

Остр: Остромирово евангелие 1056 –1057 г. Иждивеніемъ Потомственнаго Почетнаго Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. 2-е (фототипическое) изд-е. СПб.: Фото-Литографія А. Ф. Маркова, Невскій просп., № 34, 1889. 294 с.

Син пс: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. / приготовил к печати С. Северьяновъ // Памятники старославянскаго языка. Т. IV. Петроград: Россійская гос. акад. тип., 1922. 393 с.

Син пс нов: Tarnanidis, C. The slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catharine’s Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki: St. Catherine's Monastery at Mount Sinai and the Hellenic Association for Slavic Studies, 1988. P. 87–90, 249–282.

Супр: Супраслъски или Ретков сборник / Й. Заимов. Увод и комментар на старобългарски текст; М. Капалдо. Подбор и комментар на гръцкия текст. Т. I – II. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1982–1983.

Доклады

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
avalekseev74@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы описания в лексикологии и лексикографии культурной значимости слова, культурной коннотации, символических значений. Приводятся примеры лексико-семантического синкретизма в древнерусском языке, затрагивается проблема словарного разграничения лексических значений.

Культурную значимость слова составляют те смысловые компоненты, которые определяются местом этого слова в поликодовой системе знаков конкретной, исторически сложившейся культуры. Слово непосредственно входит в подсистему вербальных знаков – в систему естественного языка. Однако естественный язык должен рассматриваться как одна из подсистем (один из кодов) культуры – особой семиотической системы. В ситуации ритуализованного общения реалия действительности, обозначаемая словом, оказывается элементом предметного кода, и в процессе культурной коммуникации возникает наложение двух семиотических кодов (языков культуры) – ведущего, то есть вербального, и вспомогательного, то есть предметного.

Понятие культурной значимости опирается на понятие значимости лингвистической (valeur), которая рассматривалась Ф. де Соссюром как место знака в системе других знаков и определялась как «элемент значения», выявляемый в рамках тех или иных знаковых оппозиций, понятный «лишь при поддержке того, что существует вне его» [19: 146, 148].

Культурная значимость, как и значимость лингвистическая, выявляется в результате сопоставления знаков, однако реализуется не в границах одного лишь естественного языка, но в пределах всей культуры как совокупности взаимопроницаемых языков (знаковых систем). Для возникновения культурной значимости необходимо, чтобы предмет действительности, объект лексической номинации, выступал одновременно в качестве культурного знака. В этом случае к нему может быть применен термин «артефакт», «семиофакт» или «символ культуры» – последний термин является общепринятым.

Например, основным лексическим значением древнерусского слова **городъ** было ‘крепость, крепостные стены’. При этом соответствующий артефакт обладал как прагматической, утилитарной, так и символической ценностью, являлся знаком культуры. Система княжеской власти в Древней Руси опиралась на города, то есть укрепленные поселения, крепости, военно-административные центры. Города поддерживали управление полезными в финансовом отношении территориями, обеспечивали лояльность населения [10: 191]. В архитектурном знаковом коде древнерусской культуры города являлись символами безопасности жизни, государственной власти, богатства и благополучия князя.

На лексическом уровне такая культурная значимость, в частности, выражалась посредством сочетания лексемы **городъ** / **градъ** с глаголами **дати**, **ѧти** и их производными. Эти глаголы обладали синкретичным значением, в основе которого был материально-физический образ: передача из рук в руки предметов, движимого имущества. Такое действие воспринималось как модель и в других типах коммуникации, что вело к диффузному расширению значения. В сочетаниях типа **дати** / **яти градъ** / **городъ** дополнительным средством указания на культурную значимость были притяжательные местоимения. Рассмотрим подробнее контекст, в котором реализуется синкретичная семантика: *Ѿселѣ имемсѧ въ єдино с(ь)рдце. и блюдем Рускыѣ земли. кождо да держить*

ѡтчину свою. С(вѧ)тополкъ Кыевъ. Изѧславль Володимерь Всеволожь. Д(авы)дъ и Ѡлегъ. и Ярославъ. и С(вѧ)тославъ. а имже роздаялъ Всеволодъ городы. Д(авы)ду Володимерь. Ростиславичема Перемышьль. Володареви Теребовль Василкови. 87-87об. Лаврентьевская летопись.

В данном примере представлено последовательное сужение объектов княжеского действия: *блюсти землю – дьржати отьчину – роздаяти городы.* Лексические значения существительных связаны метонимически и соответствуют последовательной цепочке культурных артефактов, знаков культуры, в которой наиболее конкретный образ является означающим для последующих, более отвлеченных объектов. Иными словами, крепость оказывается символом вотчины, вотчина – символом государства (власти). В результате у слова **городъ** формируется культурная значимость, которая надстраивается над непосредственным лексическим значением: **городъ** => {‘крепость’ => ‘имущество, отчина (наследственное владение)’ => ‘княжеская власть, русское государство’}. Культурная значимость слова развивается по принципам символического семиозиса: первичное означаемое слова становится означающим для вторичного означаемого. В связи с этим культурная значимость может рассматриваться как культурная коннотация слова: Р. Барт утверждал, что именно коннотативная система использует «знаки другой системы в качестве означающих», и предлагал в связи с этим называть символическое значение коннотативным [4: 303].

Без учета культурной значимости (культурной коннотации) слова невозможно понимать специфику его употребления в ту или иную историческую эпоху. Между тем исторические словари крайне редко отражают в толкованиях культурную значимость или составляющие ее символические значения. В частности, в отношении слова **городъ** существующие словари не указывают ни коннотацию государственной власти, ни синкретизм значения ‘крепостная стена – населенный пункт’. Семемы ‘стена, крепость’ и ‘населенный пункт’ и в Словаре русского языка

XI–XVII вв., и в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. разграничиваются как самостоятельные значения, хотя анализ примеров показывает, что эти семемы регулярно диффузно совмещаются в контексте. Именно такое совмещение позволяет выражать культурную значимость ‘город (то есть крепостная стена) как защита людей (войска), военный объект, символ княжеской власти и древнерусского государства’.

Культурная значимость слова (культурная коннотация) находит отражение в исторических словарях в том случае, если называемый предмет утратил утилитарную функцию и превратился в культурный символ – эмблему. Например, для слова **дьржава** Словарь русского языка XI–XVII вв. указывает следующую семантику: «1. Владычество, сила, могущество (правителя, монарха). [...] 2. Власть, правление. [...] 3. Золотой шар с крестом наверху, служивший эмблемой власти. [...] 4. Удел, княжество, владение. [...] 5. Страна, государство, держава». Культурная коннотация сформулирована здесь в структуре третьего значения только потому, что это значение реализуется в известном ритуале, который многократно зафиксирован и может непосредственно наблюдаться. Данный ритуал является средством выражения культурного символического семиозиса: (1) [государь принимает **державу**, т.е. держит в руках шарообразный предмет] => (2) ‘держит в руках, то есть устанавливает порядок родной земли’ => (3) ‘становится верховным правителем страны’. В приведенной схеме элементы (2) и (3) являются соответственно внутренней формой ритуала и его актуальным значением. Эти элементы образуют культурную значимость слова **дьржава**, основное значение которого должно быть, с учетом символического синкретизма, определено следующим образом: **дьржава** – ‘государство, страна [номинативная часть], управляемая единолично верховным правителем, который собственноручно устанавливает порядок в родной (то есть принадлежащей и наследуемой как личное имущество) земле – удерживает свое владение [коннотативная часть]’.

Если культурная значимость лексики, связанной с ритуалом, так или иначе отражается историческими словарями, то в остальных областях культуры символическая, знаковая функция артефактов почти не учитывается лексикографами. Это объясняется определенными традициями и принципами, сложившимися в отечественной исторической лексикографии. После издания «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (с 1890 г. по 1912 г.) лексикологами и историками языка осознавалась необходимость издания более подробного и совершенного словаря, и начало ему было положено в 1925 году усилиями А.И. Соболевского [1: 16], который стал и первым составителем картотеки древнерусского словаря (КДРС).

Однако дальнейшая судьба и картотеки, и словаря оказалась и долгой, и драматичной как по причинам политическим, так и вследствие собственно языковедческих дискуссий. Древнерусский словарь должен был начать издаваться с 1936 г. под редакцией Б.А. Ларина, с 1952 г. под редакцией С.Г. Бархударова и С.П. Евгеньевой, с 1965 г. под редакцией С.Г. Бархударова и Г.А. Богатовой, с 1966 г. (на базе новой картотеки) под редакцией Р.И. Аванесова. Но все эти издания остались только проектами, и в итоге уже в 70-80-е гг. стали издаваться сразу два древнерусских словаря: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (с 1975 г.) и «Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. (с 1988 г.); оба эти издания не завершены и на момент написания данного обзора.

Из всех несбывшихся и осуществленных проектов в наибольшей степени был направлен на отражение культурной семантики проект Б.А. Ларина. Однако даже в этом проекте предполагалось учитывать не культурную коннотацию, а информацию о денотате: Б.А. Ларин предлагал «расширить и пополнить узко-филологическую обработку материала <...> экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры…» [14: 120]. В то же время представители Ленинградской лексикографической школы признавали

необходимость совместного изучения «языка и идеологий» [14: 120], в этом отношении очень интересным решением нам представляется запланированное в этом проекте словаря использование визуальных изображений – ангелов, бесов, (небесного) града Иерусалима и др. – в качестве иллюстраций к словарям. Тем самым в лексикографическом источнике мог быть показан символический принцип языковой и общекультурной коммуникации: «символическое изображение может быть таким же важным и опорным, как образ вещи» [14: 122].

Однако возобладала иная концепция древнерусского (исторического) словаря. Основной задачей для русской исторической лексикографии по факту сделалось – и остается до сих пор – расширение источниковедческой базы словаря и картотеки, что, разумеется, является чрезвычайно важным и необходимым с позиций исторического языкознания. Однако семиотическая проблематика при таком подходе оказалась отодвинутой на второй план, вполне в духе младограмматической философии языка: высокий авторитет исторического словаря русского языка и сегодня обеспечивается, по мысли авторов, прежде всего «точным исследовательским инструментарием и опорой на позитивное знание» [13: 10]. Можно утверждать, что подобный подход во многом опирается на школу Ф.Ф. Фортунатова, «которая формировалась в русле классического младограмматизма, с характерным для него ироническим отношением к острым проблемам общей теории языка, в частности, к таким, как язык и мышление, язык и реальность» [8: 73].

Однако не вполне ясно, каким образом при указанном подходе возможно достигать «углубления семантической разработки слов» [13: 15]. Вместе с тем современные исследователи закономерно замечают, что издаваемые в настоящее время древнерусские словари не могут, собственно говоря, считаться историческими, поскольку «представляют собою статическое описание лексики и семантики, хотя бы и совмещающее лексический материал разных временных “срезов”. Они дают све-

дения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой этой динамики в открытом виде читателю не предъявляют» [2: 138]. В результате не отражается и динамика культурной значимости слова, которая, как показывают приведенные примеры, может в процессе символического семиозиса обособляться от номинативной части и становиться основой самостоятельного, вторичного значения.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать особую структуру словарной статьи. В частности, предлагалось выделить особую часть словарной статьи, в которой бы отражались особенности «функционирования реалий, идей, представлений в условиях данной цивилизации, данного общественного уклада, функционирования референта – слова в условиях данной историко-культурной и языковой ситуации» [7: 51]. Понимание таких задач вело отдельных лексикографов, вопреки общей тенденции, к признанию древнерусского символизма: «Чтобы раскрыть всю полноту значений слова, необходимо выяснить также его значение в системе духовных и культурных ценностей народа. В определенной языковой культуре и традиции слова нередко получают новое, символическое значение» [3: 49]. Динамическая структура лексической семантики объясняется символическими свойствами слова. Поэтому для создания полноценно исторических словарей необходимо ввести в лексикологию и лексикографию лингвистическую теорию символа, что неизбежно должно вести к отказу от позитивистских установок и привлечению к лексикографическому описанию культурологического контекста.

Исследование отдельных слов и лексико-семантических групп показывает, что культурная значимость может и должна выявляться как у конкретно-предметной лексики, так и у слов, обозначающих отвлеченные, в том числе духовно-нравственные явления. Причем те значения, которые разграничиваются словарями, в условиях древнерусского син-

кретизма устойчиво совмещались в одном контексте и при таком диффузном употреблении соотносились как номинация и культурная коннотация – ср. рассмотренные выше семемы ‘крепостная стена’ и ‘военно-административный центр, защищенное поселение’. Таким же является соотношение двух лексических значений существительного **чудо**: большинство словарей современного русского языка разграничивают значения ‘сверхъестественное, необъяснимое явление’ (1) и ‘нечто небывалое, необычное, удивительное’ (2) / ‘о том, кто (или что) изумляет, восхищает своими свойствами, достоинствами’ (3) – толкования и иерархия значений даются по [18: 1170]. Подобное разграничение закономерно для современного языка, поскольку является итогом исторической филиации семантики слова. Однако в древнерусском языке указанные семемы синкретично совмещаются, и номинативные признаки – ‘сверхъестественное, необъяснимое явление’ – сопровождаются признаками культурной оценки – ‘небывалая красота явления, вызывающая удивление и восхищение’. Ср. примеры (подчеркнуты маркеры культурной коннотации): *Сиа внутреняя добродѣтели святых калугер житиа паче мирскоѣ власти <u>сияють</u> чюдесы*. Кирилл Туровский [6]; *…от великих чюдесъ. обышедше же церковь … бысть глас изутрь, яко <u>аггелескъ</u>.* Киево-Печерский Патерик [6]. Впрочем, указанная коннотация, связанная с внутренней формой слова **чудо**, встречается в древнерусских памятниках в единичных контекстах. По результатам анализа древнерусских текстов (Житие Алексия человека Божия, Житие Феодосия Печерского (по Успенскому сборнику), Сказание о Борисе и Глебе, Сказание о чюдесах Владимирской иконы Богородицы, сочинения Кирилла Туровского, Киево-Печерский Патерик (по списку конца XV в.)) установлено, что основными признаками культурной значимости древнерусского **чуда** являются следующие: ‘обращение к Богу при явлении чуда (молитва)’; ‘реализация воли Бога, в том числе освященная (через касание священного предмета) вода как средство трансляции воли Бога’; ‘обращение к

святым при явлении чуда’; ‘осознание нравственного закона в результате явления чуда’. Ср. актуализацию признака ‘молитва’: *…тому чюдо испълнь ужасти … видѣ пръподобнааго Феодосия … молитву къ Богу прилѣжьно творяща…* Житие Феодосия Печерского [5].

Культурная значимость (культурная коннотация) может быть выявлена и при анализе такой, казалось, бытовой номинации, как **столъ**. В древнерусском языке словари фиксируют его многозначность, которую можно разделить на два блока значений – фактически на два синкретичных образа. Рассмотрим эти образы, используя толкования и примеры двух исторических словарей – [20: 516], [17: 76]. 1. **Столъ** как предмет для сидения: ‘скамья’, ‘судейское кресло’, ‘трон епископа’, ‘трон княжеский или царский’, ‘трон Господний’, ‘колесница [то есть передвижная скамья – А.А.]’. 2. **Столъ** как предмет для размещения на нем других предметов: ‘накрытый (застеленный) стол (поверхность)’, ‘стол со священными предметами (мощами)’, ‘стол для богослужения (аналой)’, ‘стол с пищей’, ‘стол с напитками’, ‘стол для торговли’. Внимательный анализ некоторых примеров показывает, что в них реализуются символические значения: ‘трон – власть’ в Изборнике 1073 г.: *на столѣ посади и сему законъ дасть, по немуже живыи и ц(а)рствуетъ ц(а)рство цѣломудрьно*; ‘трон – объект власти (территория)’ в приписке к ОЕ 1057 г.: *Изяславу же кънязу тогда прѣдрьжящу обѣ власти … правляаше столъ о(тьц)а своего*. Второй образ **стола**, ‘место размещения предметов’, эксплицирует культурную значимость значительно позднее: ‘застеленный стол – угощение’ в деловом тексте – Польск. д., XV в. (см. ниже).

Широкий обзор древнерусских контекстов показывает, что первоначальный образ **стола** связан почти всегда с вертикальной опорой: это преимущественно предмет для сидения (чаще всего ‘трон = предмет для сидения, расположенный на возвышении’) и это в единственном найденном контексте ‘аналой’. Обязательный признак ‘вертикальный → высокий’ давал основания для реализации культурной значимости {‘вы-

сокое место’ => ‘место власти’}. Древнерусская часть национального корпуса [15] показывает 190 вхождений лексемы **столъ**, из них 170 приходится на древнерусские летописные памятники, и еще 12 содержатся в переводной исторической хронике – в Истории иудейской войны. Во всех примерах корпуса, кроме двух, реализуется прямое или символическое значение ‘высокое место для сидения (трон) / место власти’.

Летописные примеры показывают, что для реализации символического значения используются устойчивые конструкции (синтагменные формулы). В Повести временных лет обычным, регулярно воспроизводимым является употребление с глаголом **сѣсти** и с притяжательными формами, ср.: *поиди сѣди Кыевѣ на столѣ ѡтни*. Лаврентьевская летопись (ЛЛ), 45 об.; *сѣде Кыевѣ на столѣ ѡтьни и дѣдни*. ЛЛ, 48 об.; *и Всеславъ с(ын)ъ ѥго сѣде на столѣ ѥго*. ЛЛ, 52 об. – и т.п. Во всех подобных случаях реализуется символическое значение **столъ** {‘трон’ => ‘власть (управляемая территория, удел)’}: глаголом актуализируется означающее символа, притяжательными формами – означаемое. Итак, древнерусское **столъ** – это прежде всего ‘высокий стул’, но не ‘накрытый стол’. Значения, связанные со вторым образом, почти во всех случаях либо возникают в контексте как спорадический результат перевода с греческого, либо представляют собой научный артефакт, т.е. результат некорректной интерпретации, либо являются фактом старорусского языка.

В Словаре русского языка XI-XVII вв. [17: 78] приведен для иллюстрации значения ‘прилавок, торговое место’ контекст Мстиславова Евангелия. В нем древнерусский образ стола используется при толковании известного евангельского фрагмента: *И въшьдъ Ис(оус)ъ въ ц(ьркъ)вь нача изгонити продающая и купующая въ ц(ьр)кви и трапезы тържьникъ и столы продающиихъ голуби расыпа.* Мк. 11:15. Мст. ев. 150. В словаре в качестве второго примера к значению ‘прилавок, торговое место’ предлагается контекст из документа 1648 г.: *Воевода… дал…*

против рыбного ряду… мѣстечка под стол вдоль двѣ сажени, поперег тож. Калуж.а. 36. Для этого старорусского контекста толкование ‘широкий стол, используемый для торговли: прилавок’ вполне уместно: это, как можно понять из фрагмента, квадратная плоскость с размером стороны немногим более четырех метров. Однако для первого примера толкование ‘прилавок’ является явным анахронизмом. По сути дела, объединенные словарем два примера не имеют между собой ничего общего: второй контекст отражает факт старорусского языка, реализацию значения ‘стол для торговли’ на основе образа ‘застеленный, широкий стол’. Первый же пример требует отдельного комментария.

Удивительно, что цитируемый словарь указывает греческое соответствие τάς καθέδρας, однако совершенно не учитывает его семантику. Ни в каких источниках мы не находим свидетельств того, что греческое καθέδρα могло обозначать предмет мебели, соотносимый со столом для торговли, ср.: ‘место для сидения или процесс сидения’ [9: 644]; ‘сиденье, стул или скамья; логовище, нора; сидение, сидячее положение; сидение без дела, бездействие’ [11: 849]; ‘место для сидения, седалище, основание колонны; сидячее положение, бездействие, заседание; стул учителя, трон’ [23: 851]; ‘сиденье; стул (учителя, священника или епископа, в том числе священный, апостольский и т.п.); уборная; седло; сидячее положение, заседание, неподвижное положение, ожидание’ [22: 687]; ‘сиденье, скамья; место’ [16: 110]. Таким образом, наиболее точный перевод греческого καθέδρα в двух фрагментах, посвященных изгнанию торгующих из храма, представлен в синодальном тексте Евангелия: …*и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей…* Мф 21:12; …*и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул…* Мк 11:15. В старославянском тексте на месте καθέδρα в обоих фрагментах – **сѣдалище** [21: 678], и эта же лексема сохраняется в церковнославянском языке (для современного языка такой вариант, конечно, не очень удачен и в плане семантики, и в плане стилистических осо-

бенностей). Между тем в новом русском переводе в обоих фрагментах, как ни печально, так же используется лексема **прилавок**. Подобную трактовку и в словаре, и в переводе можно, видимо, объяснить исключительно собственным домысливанием евангельской ситуации со стороны современных авторов: если есть торговля, то должен быть и прилавок.

Между тем понимание культурной значимости древнерусского слова **столъ** помогло бы сразу исключить толкование ‘прилавок (широкая поверхность для размещения предметов)’ для древнерусского периода. Образ широкой поверхности стал актуальным для слова **столъ** только в старорусский период, что подтверждается широким распространением именно в это время соответствующих культурных коннотаций. Ср. символическое значение {‘застеленный предмет мебели, подготовленный к трапезе’ => ‘ритуальный / ритуализованный прием пищи’ => ‘принадлежность к выделенной социальной группе’}: *Государь деи нашъ король велѣлъ вамъ быти завтра у себя у стола.* Польск. д. 1560 г. [17: 77]. Подобная культурная коннотация является принадлежностью и современного концепта **стол**: «широкая доска, застланная скатертью по случаю праздника или знаменательного события» [12: 331].

Таким образом, признаки культурной значимости (культурной коннотации) не только уточняют смысл слова, располагаясь в толковании за номинативной частью. Знание культурной значимости позволяет корректно распределить типовые контексты в структуре полисеманта. Это справедливо для рассмотренных выше слов **городъ**, **дьржава**, **чоудо**, **столъ**, а также для многих других лексем, входящих в поликодовую семиотическую систему древнерусской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахина Л.Ю. История картотеки // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2004. 814 с.

2. Бабаева Е.Э. Полисемия: диахрония в синхронии (к вопросу о построении семантической истории слова) // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 137-154.

3. Бабурина К.Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. М., 1997. № 3. С. 48-52.

4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.
6. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с.
7. Богатова Г.А. Эволюция внеязыковых связей слова и историческая лексикография (Постноминационная часть словарной статьи) // Вопросы языкознания. М., 1981. № 6. С. 50–62.
8. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет-2000, 2000. 302 с.
9. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репр. изд. М.: ГЛК, 2011. 1370 с.
10. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1999. 448 с.
11. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: ГИС, 1958. 1043 с.
12. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П–Я. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
13. Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI-XVII вв.): проблемы и перспективы // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 3-19.
14. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря. Вводная заметка // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 114-125.
15. Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/
16. Ньюман Б. Греческо-русский словарь Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2002. 196 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.: Наука, 2008. 303 с.
18. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 17. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1965. 2126 с.
19. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
20. Срезневский И.И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. 3. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1912.
21. Старославянский словарь (По рукописям X-XI вв.). Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
22. Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: At The Clarendon Press, 1961. 1568 p.
23. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Oxford University Press, 1996. 2436 p.

АЛИЕВ Тельман Асадович *(Владимир, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@rambler.ru

ПАРОНИМЫ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возникновении паронимов в результате параллельного образования прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* и производными от них *-ическ-*, *-ичн-* в русском языке.

В 60-е годы XX в. началась активная разработка вопросов паронимии, хотя изучение паронимов имеет свою историю и ее начало следует искать в работах древних греков. Термин «пароним» был предложен Аристотелем, который называл так производные слова (греч. παρά – *около, возле, рядом* и ὄνομα – *имя, название*).

Вообще проблема паронимии в русском языке, в широком смысле слова, привлекает внимание филологов уже давно. Однако до сих пор лингвистическая сущность паронимии продолжает оставаться недостаточно исследованной, не существует единого мнения по многим вопросам в отношении природы паронимических явлений, и поэтому оценка самого факта паронимичности по-прежнему остается отнюдь не бесспорной. Содержание, вкладываемое в понятие парономичности, не совпадает у разных исследователей. Отсутствует общепринятое определение термина, соответствующее всем необходимым критериям и полностью отражающее паронимию как «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [2: 368]. «Паронимами называются слова, близкие, но не тождественные по звучанию, различные в смысловом отношении и ошибочно употребляемые в речи одно вместо другого» [6: 74].

Одной из причин возникновения паронимов русского языка следует назвать параллельные образования.

«В связи с тем что паронимы – один из источников речевых “трудностей”» [2: 368], умение различать в смысловом и стилистическом отношении параллельные словообразовательные структуры – одно из условий повышения культуры речи.

В настоящей статье рассматриваются параллельные образования прилагательных в русском языке с суффиксами *-н-* и *-ск-* и производные от них.

«В конце XVIII – нач. XIX вв., так же как и в предшествующее время, суффикс *-ск-* был продуктивен в образовании прилагательных толь-

ко от основ существительных. Этим он существенно отличался от суффикса *-н-*, сочетавшегося с основами разных частей речи» [1: 376].

В древнерусском языке вплоть до XVII века обычно от основ неодушевленных существительных (редко одушевленных) могли образовываться относительные прилагательные с суффиксами *-ьн-* (*-н-*), *-ен-*, *-ск-*, *-еск-*, *-к-*. Нередки были и параллельные образования с этими суффиксами, например: *азямный – азямский, базарный – базарский, ароматный – ароматский, астрологичный – астрологический, балахонный – балахонский, бѣсовный – бѣсовский, болванный – болванский, бунтовный – бунтовнический, великоденный – великоденский, властелин(н)ый – властелинский, властельный – властельский, властинный – властинский, балахонный – балахонский, многоячный – многояческий, многочеловечный – многочеловеческий, мучительный – мучительский* и др. [4].

Во многих случаях эти и подобные параллельные образования выступали как равнозначные, о чем свидетельствуют примеры из различных памятников древнерусской письменности [4].

Иногда различие параллельных образований использовалось для дифференциации прилагательных, произведенных от многозначных или омонимичных существительных (ср. *мирской* и *мирный* и под.). Прилагательные на *-ичн-* и *-ическ-* подверглись не только семантической, но и стилистической дифференциации.

Среди параллельных образований с суффиксами *-ск-* и *-н-* и производными от них (в зависимости от значения и строения производящей основы) можно выделить несколько групп.

1. Паронимы-прилагательные с суффиксами *-ск-* (*-еск-*) и *-н-*, *-ическ-* и *-ичн-*, образованные от существительных с основой на согласный с конкретным значением предмета, реже лица. Параллельные образования с суффиксами *-ск-* и *-н-* от конкретных существительных с ос-

новой на согласный нами выделены от немногочисленных одушевленных существительных, обычно названий лиц.

Прилагательные *интеллигентский* и *интеллигентный* совпадают в относительном значении, но прилагательное с суффиксом *-н-* выступает и в качественном значении – «образованный, культурный», от него образовано существительное со значением свойства – интеллигентность. Есть и такие параллельные образования, которые совершенно разошлись в значении, чему способствовала утрата семантической соотносительности одного из прилагательных с производящим существительным; так, прилагательное *кардинальский* указывается при существительном *кардинал***,** в то время как *кардинальный* не соотносится с данным существительным и имеет значение: «самый важный, существенный», т.е. значение качественного прилагательного; *автоматический* – «являющийся автоматом или осуществляющийся с помощью автомата», *автоматичный* – «отличающийся автоматизмом»; *артистический* – «свойственный артистам, характерный для них», *артистичный* – «очень искусный»; *микроскопический* – «производимый с помощью микроскопа», *микроскопичный* – «очень малый, видимый только в микроскоп»; *нервический* – «легко возбудимый, болезненно раздражительный, беспокойный (нервная женщина), порывистый, судорожный», *нервный* – «полный беспокойств, волнений, действующий на нервную систему человека». Можно привести еще несколько примеров: *синонимический – синонимчный; фактический – фактичный; эгоистический – эгоистичный; эпизодический – эпизодичный; реалистический – реалистичный; органический – органичный; ритмический – ритмичный; пессимистический – пессимистичный; анахронический – анахроничный*.

Прилагательные данной группы с суффиксом *-ичн-* закрепились лишь в качественном значении, прилагательные же с суффиксом *-ическ-* обычно выступают и в относительном, и в качественном значениях.

2. Параллельные образования с производными суффиксами *-ическ-* и *-ичн-, -атическ- и -атичн-* образуются от заимствованных существительных на *-а*: *гигиенический – гигиеничный; гипотетический – гипотетичный; катастрофический – катастрофичный; драматический – драматичный.*

Одни из этих образований равнозначны (*катастрофическое* и *катастрофичное положение*, *гипотетическое* и *гипотетичное предположение*), другие лишь частично совпадают в значении (так, *драматичный* равнозначно прилагательному *драматический* лишь в значении «тяжелый, безвыходный», хотя прилагательное *драматический* имеет ряд других значений), третьи вовсе не совпадают в значении (*гигиеничный*, например, имеет значение качественного прилагательного, *гигиенический* – относительного).

3. Паронимы-прилагательные с суффиксами *-ск-* и *-н-,* образованные от существительных со значением лица и осложненные суффиксом *-тель-*: *исполнительский и исполнительный, покупательский и покупательный, попечительский и попечительный, просветительский и просветительный* и др.

Прилагательные с суффиксом *-ск-*, указывается в словаре [5] как прилагательные к соответствующим существительным на *-тель,* выступают в значении относительных прилагательных (выражают отношение к лицу или группе лиц), прилагательные же с суффиксом *-н-* обнаруживают большую связь с глагольной основой (*покупательный*, *просветительный*) и выражают отношение к действию или же за ними закрепляется качественное значение (*исполнительный работник*, *просительный взгляд*).

4. Значительное число паронимов появилось в результате параллельного образования прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-н-* от заимствованных существительных на *-а* с отвлеченным значением, основа которых оканчивается на *-ик-* (с чередованием к → ч перед суффиксом):

*эстетическ**ий** – эстетич**ный**, эротическ**ий** – эротич**ный**, эпическ**ий** – эпич**ный**, экономическ**ий** – экономич**ный**, этическ**ий** – этич**ный**, экзотическ**ий** – экзотич**ный**, фантастическ**ий** – фантастич**ный**, техническ**ий** – техник**ный**, схоластическ**ий** – схоластич**ный**, специфическ**ий** – специфич**ный**, динамическ**ий** – динамич**ный**, критическ**ий** – критич**ный**, архаическ**ий** – архаич**ный**, диалектическ**ий** – диалектич**ный**, критическ**ий** – критич**ный**, лирическ**ий** – лирич**ный**, меланхолическ**ий** – меланхолич**ный**, методическ**ий** – методич**ный**, механическ**ий** – механич**ный**, пластическ**ий** – пластич**ный**, полемическ**ий** – полемич**ный**, политическ**ий** – политич**ный**, практическ**ий** – практич**ный**, романтическ**ий** – романтич**ный*** и др. В словах *нечеловеческий – нечеловечный* и *дружеский – дружный* перед суффиксами *-еск-*, *-н-* происходит чередование к → ч, г → ж.

В абсолютном большинстве случаев параллельные образования не совпадают по значению: значение прилагательных с суффиксом *-еск-* шире (они совмещают относительные и качественные значения); прилагательные с суффиксом *-н-* выступают лишь в качественном значении, от каждого из них образуется существительное с отвлеченным значением свойства (*динамичность, критичность* и др.).

Однако среди параллельных образований этой группы есть равнозначные: *проблематический* и *проблематичный, патетический* и *патетичный*. Обе пары даются в словаре [3] как равнозначные с пометой «книжные». У прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-н-* в каждой паре на первый план выступает качественное значение (*патетическ**ий*** и *патетичный стиль* – «*страстный, взволнованный стиль»; проблематическое и проблематичное дело* – «*маловероятное, сомнительное дело»*).

5. Паронимы-прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-*, *-истическ-* и *-истич-*, соотнесенные с существительными на *-изм.* В большинстве прилагательных этой группы присутствует в производящей основе суффикс *-ист- (идеалистический и идеалистичный, национали-*

стический и националистичный, авантюристический и *авантюристичный* и под.), поэтому следует предположить, что образование этих прилагательных шло от существительных – названий лиц на *-ист* с помощью суффикса *-ическ-* и *-ичн-.*

Об этом свидетельствует и факт отсутствия *-ист-* в прилагательных, образованных от существительных, в которых этого суффикса нет, хотя они также обозначают лицо и соотнесены по значению с существительными на *-изм* с указанным значением: *патриотический* и *патриотичный* (патриот, патриотизм), *педантический* и *педантичный* (педант, педантизм).

В большинстве случаев параллельные образования с данным суффиксом не совпадают по значению: прилагательные с суффиксами *-ическ-*, *-истическ-* выступают в значении относительных, прилагательные с суффиксами *-ичн-*, *-истичн-* имеют лишь качественное значение, от них образуются отвлеченные существительные на -ость- со значением свойства. В ряде случаев в словаре [5] параллельные образования даются как равнозначные (*индивидуалистический* и *индивидуалистичный, националистический* и *националистичный*). Но и в этих случаях, думается, есть некоторая разница: прилагательные на *-ическ-, -истическ-* обнаруживают более тесную связь с существительными – названиями лиц *(патриотический подвиг – подвиг патриота, патриотичный поступок – поступок, проникнутый патриотизмом*).

Наконец, есть параллельные образования прилагательных, соотнесенных одновременно с конкретными существительными на *-изм* и другими существительными. В этом случае прилагательные на *-ическ-* являются относительными прилагательными, но в одном из значений могут приобретать значение качественное. Прилагательные на *-ичн-,* выступая лишь в качественном значении, совпадают с прилагательными на *-ическ-* только в одном из его значений. Так, прилагательное *механический* является относительным прилагательным к существительным

механика и *механизм***,** но, кроме того, оно выступает в значении «машинальный, автоматический», и в этом последнем значении совпадает с прилагательным *механичный.* Такое же соотношение наблюдается между прилагательными *органический* и *органичный.*

6. Паронимы-прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-,* образованные от иноязычных существительных на *-ия*, широко представлены в русском языке: *ассиметрический – ассиметричный, апатический – апатичный, анемический – анемичный, аллегорический – аллегоричный, автобиографический – автобиографичный, академический – академичный, анемический – анемичный, бюрократический – бюрократичный, исторический – историчный, анархический – анархичный, аристократический – аристократичный, симпатический – симпатичный, симметрический – симметричный, энциклопедический – энциклопедичный, антиисторический – антиисторичный, категорический – категоричный, комический – комичный, истерический – истеричный.*

С точки зрения значения, параллельные образования данной группы не представляют собой полного единства. Одни из них равнозначны (*асимметрический* и *асимметричный, аллегорический* и *аллегоричный, гармонический* и *гармоничный*), другие совпадают в одном из значений качественной характеристики, причем в этом случае прилагательные на *-ическ-* по значению шире (совмещают относительное и качественное значение): *демократический* и *демократичный, дипломатический* и *дипломатичный, поэтический* и *поэтичный.* В ряде случаев образования на *-ическ-* пополняют специальную терминологию: *демократический лагерь*, *дипломатический корпус*, *анемический больной* и др.

7. Паронимы-прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* в образованиях со связанной основой. Наконец, среди параллельных образований с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* можно отметить прилагательные со связанной основой, например: *категорический* и *категоричный*, совпадающие в значении *«решительный, не терпящий возражений»* (прила-

гательное *категорический* имеет еще значение «безусловный»), равнозначны *концентрический* и *концентричный* (имеющий общий центр).

Итак, параллельные образования с суффиксами *-ск-* и *-н-* и производными от них в современном русском языке, как и в языке предшествующих периодов, существуют, но если раньше такие образования часто выступали в одном и том же значении, то в современном русском языке в большинстве случаев такого совпадения не наблюдается: прилагательные с суффиксом *-н-* и производными от него закрепились в качественном значении (от них, как правило, образуются отвлеченные существительные на *-ость* со значением свойства), а прилагательные с суффиксом *-ск-* и производными от него, развивая качественное значение, сохраняют свое основное значение относительных прилагательных; кроме того, они пополняют специальную терминологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных. М.: Наука, 1964.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2008. 944 стр.

4. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 1 – 18. М.: Наука, 1975 – 1992.

5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 1 – 17. АН СССР. Ин-т рус. яз. М.-Л.: Наука, 1950-1965.

6. Современный русский язык: Учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» / Р.Н. Попов и др. М. 1967.

7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Ок. 145 000 слов. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А – П. 856 с.

8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Ок. 145 000 слов. М.: Рус. яз., 1985. Т. 2. Словообразовательные гнезда. Р – Я. Производные слова, размещенные в гнездах. Одиночные слова. 886 с.

БОГРОВА Ксения Михайловна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (на материале памятников письменности XI-XVI вв.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания Словаря устойчивых сравнений как минимальных единиц древнерусского текста и предлагается образец словарной статьи.

В лингвистической науке XX-XXI вв. исследования в области исторической лексикографии приобретают особую актуальность. В указанный период в Институте русского языка Академии наук были составлены толковые словари: «Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.», «Словарь русского языка XI-XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.». Кроме того, были изданы «Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой и «Фразеологический словарь старославянского языка» под редакцией С.Г. Шулежковой.

Необходимость лексикографического описания устойчивых сравнений древних текстов продиктована, на наш взгляд, следующими факторами.

Во-первых, с помощью сравнения человек познаёт окружающий мир. Приём сопоставления двух понятий (известного и неизвестного) является одним из древнейших приёмов, в результате которого между понятиями возникают отношения подобия (в этом случае возникает сходство по одному признаку) или тождества (совпадение всех признаков) [1: 18]. Напомним, что любое сравнение представляет собой трёхчленное единство, в котором выделяется предмет сравнения (то, что

сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и основание сравнения (признак, по которому сравниваются понятия).

В древнем тексте одним из способов выражения сравнения являются устойчивые сравнения (УС). УС выполняет характеризующую функцию и является выраженным посредством сравнительного оборота с союзами *яко*, *ако*, *аки*, *акы*, *якоже* лексико-семантическим и грамматическим единством трёх и более компонентов, обладающим синкретичным значением признака, которое возникает при сопоставлении двух денотатов, связанных отношениями подобия, и формируется на базе древней языковой картины мира, отражающей мифологическо-синкретичное мышление средневекового человека [1: 11].

Во-вторых, УС, обладая семантической целостностью и относительной устойчивостью состава, является одной из минимальных единиц древнерусского текста. В научной литературе представлены классификации минимальных единиц древнерусского текста, основанные на различных принципах (Орлов, Костючук, Селиванов). С точки зрения структуры были выделены структурно-семантические модели – *синкретемы* (термин М.Вас. Пименовой) парадигматического, эпидигматического и синтагматического структурно-семантических типов.

К синкретемам парадигматического структурно-семантического типа относятся следующие виды: а) **парные именования** – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц, реализующих нерасчлененное значение парности (*радость и веселие*); б) **двандва** – устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами (*Петръ и Павелъ*).

Синкретемы эпидигматического структурно-семантического типа представлены **этимологическими фигурами**, являющимися объединенными общим корнем именами существительными и родственными

им прилагательными / глагольными формами (*свет светлый, видеть видение*).

К синкретемам синтагматического структурно-семантического типа относятся сочетания, соединенные подчинительной связью. 1) атрибутивные сочетания: а) словосочетания с **постоянными эпитетами** (*добрый молодец, красна девица*); б) словосочетания с **устойчивыми книжными атрибутами** (*великый князь, святый духъ*); 2) глагольные синкретемы: а) **описательные глагольно-именные обороты** (*сътворити миръ, взятии победу*); б) **конструкции с императивом**, выражающие благопожелания / проклятия (*дажь Богъ, будь здоров*); 3) **предикативные конструкции**: а) интенсифицирующие (*бысть сѣча зла*); б) аксиологические / выражающие оценку (*съвръшенъ разумом*); 4) **устойчивые сравнения** (*акы волци*) [8: 58-60].

Следует отметить, что все синкретемы характеризуются следующими семантическими признаками: 1) синкретичным значением, основанным на метонимии; 2) синтагматическим (линейным) характером проявления отношений между знаками; 3) способностью к объединению в синонимические ряды; 4) особой связью значения с денотатом, предопределяющей особенности семантики минимальных единиц древнего текста [Там же: 53].

В-третьих, УС помогают реконструировать древнюю языковую картину мира. Под языковой картиной мира понимается «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [11: 15].

Особенностью средневековой языковой картины мира является синкретизм, понимаемый как «исконное соединение разнородных элементов, существующих продолжительное время на основе нерасчлененности» [8: 34]. Подобная нерасчлененность становится возможной благодаря двойственному восприятию действительности на логико-понятийном и образно-чувственном уровнях. В УС синкретизм проявляется в нерасчлененности информативного, символического и прагматического значений. Следовательно, при лексикографическом описании древних УС важно определить именно синкретичное значение анализируемой синкретемы, что не может не вызвать некоторых трудностей.

При определении значения УС мы опирались, прежде всего, на древнерусский текст, который отражает средневековую языковую картину мира и представляется в виде соединенных остриями конусов: верхний является символом образа Бога, внутренним миром, нижний – внешним миром, а соединяющая их часть – толкователем, проводником Слова Божия [9: 15]. Кроме того, учитывались библейские символы и их прагматическое значение.

В настоящее время единственным опытом лексикографического описания устойчивых единиц в диахронии является, насколько нам известно, толково-энциклопедический «Фразеологический словарь старославянского языка», изданный в 2011 г. в издательстве «Флинта-Наука», который содержит описание свыше 500 единиц, причем это «только пятая часть фразеологического корпуса старославянского языка, выявленного в памятниках X-XI вв.» [10: 8]. Авторы-составители словаря – сотрудники Научно-исследовательской словарной лаборатории и преподаватели кафедры общего языкознания и истории языка МаГУ (С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, И.В. Петрова, В.Ф. Хайдарова, А.А. Осипова, А.Н. Михин, О.В. Франчук, И.С. Клинкова. Д.З. Сулейманова, О.С. Климова, О.В. Гневэк) – в качестве источников используют древнейшие славянские рукописи X-XI веков. Как отмечает

редактор словаря проф. С.Г. Шулежкова, объектом описания являются «*сверхсловные языковые единицы*», обладающие устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры, не исключающей вариантности; воспроизводимостью в качестве готовых единиц языкового общения; постоянным, закрепленным за данным словесным комплексом значением. Эти УСК могут иметь как переносное, идиоматическое значение, так и прямое, вытекающее из реальных значений компонентов» [Там же: 15-16]. Следует отметить, что устойчивые единицы древнерусского текста до сих пор не подвергались лексикографическому описанию.

При составлении словаря минимальных единиц необходимо определить порядок их расположения. Порядок расположения устойчивых сравнений в словаре может быть различным: алфавитно-гнездовым [2; 6; 7; 10] и тематическим [4]. В большинстве словарей устойчивых сравнений представлен алфавитно-гнездовой принцип расположения статей, «при котором поисковые слова, называющие объект сравнения, располагаются в алфавитном порядке, а в словарное гнездо попадают все сравнения, которые включают в себя поисковое слово» [3: 4]. Однако данный порядок не дает «полной возможности показать системные связи ключевых слов (носителей «антропоморфной» информации)» [5: 9], а также «разбрасывает» «близкие по концепту, синтаксической структуре и вариантам вокабулы по удаленным друг от друга фрагментам словаря» [Там же]. В тематическом словаре устойчивые сравнения объединяются в смысловые, тематические, гнезда, при этом в качестве поискового выступает слово, называющее признак сравнения [3: 5].

Обобщая лексикографический опыт, в состав словарной статьи мы включили следующие «зоны»:

1) заголовочную часть, в которой представлено устойчивое сравнение в возможных вариантах (**ЯКО АГНЯ / АГНЯ НЕПОРОЧНО / АГНЯ**

НЕПОРОЧНО И БЕЗЛОБИВО / АГНЬЦИ НЕПОРОЧЬНИ / НЕЗЛОБИВЫЕ АГНЬЦЫ (5)[1]);

2) стилистическую помету, указывающую на происхождение устойчивого сравнения (*Библ.* [2]);

3) толкование значения сравнения (*О кротком, смиренном человеке, мученике*);

4) иллюстративный материал (*Поваръ же Глѣбовъ, именьмь Търчинъ, изьмъ ножь и имъ блаженааго и закла и яко агня непорочьно и безлобиво* (Сказ. Бор. Гл.: 294); *И то єму глаголавшю и моливьшюся о грѣсѣхъ своихъ к Богу и сѣдящю єму за столпомъ вьсходнымь, и на долзѣ ищущимь єго, и узрѣша и сѣдяща, яко агня непорочно* (Пов. убиении));

5) антонимо-синонимические блоки (*Син.*: яко овца на заколенье, яко овча на сънедь);

6) фиксацию в современных словарях (◊ **Кроток (кроткий, послушен, послушный) как агнец**. *Устар. Книжн.* Об очень кротком, смиренно послушном и ласковом человеке [6: 13]; **кроткий, смирный, тихий, покорный как ангел**. *Книжн*. *Одобр*. или *Ирон*. Об очень кротком, послушном человеке [3: 135]).

Приведем образцы словарных статей.

БОРОВЕ (4)

АКИ БОРОВЕ / БОРОВѢ ВЕЛИЦѢИ / БОРОВѢ ВЕЛИЧѢИ. *Фолькл. О большом количестве воинов*. *И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ* (ПВЛ: 270); *Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полки половецкии, акы боровѣ* (Ипат. лет.).

Син.: *аки тучи силнии.*

ВОДА (8)

---

[1] Цифрой в скобках обозначено количество употреблений устойчивых сравнений в исследуемых текстах.

[2] В словарных статьях используются следующие пометы:
Библ. – устойчивое сравнение библейского происхождения
Фолькл. – устойчивое сравнение, фольклорное по происхождению

АКИ ВОДА МОРСКАА / ВОДА МНОГА / ВОДУ / ВОДУ СИЛНУ. *Фолькл. О большом количестве пролитых слез, крови и под.* *Жалостно видѣти и грько посмотрити человечьскаго кровопролитна – **аки морскаа вода*** … (Сказ. Мам. поб.: 162, 180); …*Батый пленилъ Рускую землю, безвинную кровъ пролия, **аки воду силну***… (Сл. Мерк. Смол.: 204); …*самого же вкругъ оступиша около **аки вода многа***… (Лет. пов. Кулик.: 126); ***Княгини же его беспрестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, аки воду***… (Гал.-Волын. лет.: 408).

Син.: *яко из бочек, яко быстринам, яко потокъ, яко рѣка, яко рѣка силная, аки рѣчьную быстрину, яко струю.*

ЗВЕРЬ (12)

ЯКО ЗВѢРЬ / СВѢРПЫЙ ЗВѢРЬ / ЗВѢРЬЕ СВѢРЬПИИ / ЗВѢРЬЕ ДИВИИ / ЛЮТИИ ЗВѢРИЕ. *Фолькл. О жестоких воинах, врагах.* *И се нападоша **акы звѣрьє дивии** около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь* (ПВЛ: 148); *Батый же, **яко свѣрпый звѣрь** возьярися, повелѣ заклати, и закланъ бысть безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивымъ; Скомондъ бо бѣ волъхвъ и кобникъ нарочитъ, борзъ же бѣ, **яко и звѣрь**, пѣшь бо ходя повоева землю Пиньскую, иныи страны* (Гал.-Волын. лет.: 304, 306).

Син.: *яко волкъ, яко левъ, яко пардусъ, яко рысь.*

◊ **Как [дикий (лютый)] зверь**. *Неодобр*. О крайне жестоком, свирепом, озлобленном человеке [6: 137]. **Бросаться / броситься (набрасываться / наброситься, накидываться / накинуться) как [дикий (лютый)] зверь**. *Неодобр*. О сердито, озлобленно или свирепо набросившемся на кого-л. (с угрозами, упреками, кулаками) человеке [Там же].

В заключение отметим, что Словарь устойчивых сравнений будет способствовать актуализации знаний о составе древних текстов, а также поможет в определении ментальных особенностей русского человека, поскольку именно признаки, являющиеся отражением русского характе-

ра, закрепляются в языке и становятся компонентом устойчивой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богрова К.М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура: Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2012.

2. Лебедева Л.А. Словарь устойчивых сравнений русского языка. Краснодар, 1994.

3. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2003.

4. Лебедева Л. А Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. Краснодар: Куб. гос. ун-т., 1998.

5. Мокиенко В.М. О словаре старославянской фразеологии // Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц. Проспект / Под ред. С.Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск: ООО «Издательство ЭЛПИС»; Магнитогорск. гос. ун-т, 2006. С. 5-13.

6. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.

7. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. М.: Русский язык, 1984.

8. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007.

9. Пименова М.Вас., Артамонова М.В. *Речение* и *разум* древнерусского текста. Часть I. Владимир: ВГПУ, 2008.

10. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 единиц / Отв. ред. С.Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011.

11. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.

ИСТОЧНИКИ

Гал.-Волын. лет. – Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент. О.П. Лихачевой // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 236-424, 564-602.

Ипат. лет. – Летописные повести о походе князя Игоря. Из Ипатьевской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XII век. М., 1980.

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 28-232.

Лет. пов. Кулик. – Летописная повесть о Куликовской битве / Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Салминой // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 112-130, 549-552.

Пов. убиении – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с.

Сказ. Бор. Гл. – Сказание о Борисе и Глебе / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 278-302.

Сказ. Мам. поб. – Сказание о Мамаевом побоище / Подгот. текста В.П. Бударагина и Л.А. Дмитриева, пер. В.В. Колесова, коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 132-188, 552-558.

Сл. Мерк. Смол. – Слово о Меркурии Смоленском / Подгот. текста и пер. В.В. Колесова, коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 204-208, 560-561.

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eknikvar@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРИСУБСТАНТИВНЫМ ИНФИНИТИВОМ

Аннотация. В статье содержится попытка обосновать появление в русском языке конструкции с присубстантивным инфинитивом, относительно недавно возникшей и прошедшей путь от окказионального явления до идиоматичной единицы.

Всегда интересен вопрос, как, когда, почему возникают в языке крупные лингвистические конструкции. В поисках закономерностей системы построения синтаксических структур ученые постепенно приходили к необходимости выделять и называть отдельные конструкции, в определенной степени регулярно, постоянно функционирующие в составе простого предложения. Среди задач современной структурно-семантической лингвистики актуальны следующие: попытаться прояснить причины возникновения этих конструкций в языке, охарактеризовать их структуру и семантику, предположить перспективы их развития.

Одной из таких структур стала конструкция с присубстантивным инфинитивом (далее КПИ) [2: 17]. Считается, что термин принадлежит А.А. Барсову, который впервые так назвал структуру еще в 1891 году и Грамматика которого опубликована в издательстве МГУ только в 1981 году [1: 119].

Наше объединение состоит из двух элементов – существительного и зависимого инфинитива (желание *учиться, стремление победить, просьба остановиться, нож … резать рыбу*).

В настоящее время эта конструкция весьма многообразна. Это значит, что в качестве опорного слова может быть использовано значительное количество существительных, среди которых принято выделять три группы: модальные, каузативные и конкретные. В качестве зависи-

мого элемента может выступать любой инфинитив. Вместе с тем круг модальных существительных довольно широк. В конструкции функционируют существительные со значением желательности, возможности, стремления совершить действия (*возможность, желание, привычка, боязнь, готовность* и др.): ***Противно*** *своей* ***привычке опаздывать***, *Пьер в этот день, вместо восьми без десяти минут, приехал к Бергам в восемь минут без четверти* (Л. Толстой); *Сестре Ян не сказал ни о суде над ним, ни обо всей училищной истории не то чтобы* ***из боязни огорчить*** *или* ***рассердить*** *ее – а так, по привычке быть одному со своими делами* (З.Н. Гиппиус). К модальным оказываются приближенными каузативные существительные (*просьба*, *приказ, предложение, приглашение* и др.): «…*Всемилостивейшее* ***приглашение*** *высочайшего монарха* ***побывать*** *при возможном случае в его резиденции нельзя понимать иначе, как* ***желание*** *императора увидеть еще раз эти танцы и дать* ***возможность поглядеть*** *их своей августейшей супруге* (А. Куприн). Очень редко в качестве опорного в КПИ может выступать конкретное имя существительное (*нож*, *ключ*, *щетка* и др.): *Поди-ка принеси* ***огоньку запечатать*** *письмо* (Н.В. Гоголь).

По мнению Б.П. Страхова, изучавшего тексты XII-XVII веков на предмет функционирования в них инфинитива, инфинитив, примыкающий к имени существительному, в XII веке крайне редко встречался в текстах, и в XVII веке он встречался относительно нечасто [7: 12]. Однако в начале XIX века такие конструкции вошли в обиход и заняли свое законное место в русском языке, стали обычным явлением.

В XIX веке конструкция быстро завоевывает пространство письменных текстов. Об этом свидетельствуют памятники эпистолярного жанра, произведения художественного плана, отдельные документы делового письма. Иноязычность модели подтверждается тем фактом, что адресаты и адресанты, вполне вероятно, владели французским и немецким языками, в которых наша конструкция была обычным явлени-

ем. Вполне закономерным выглядит предположение о том, что КПИ могла появиться в конце XVIII-начале XIX веков как аналогия подобных конструкций в европейских языках, своего рода калька. Известны современные исследования параллельных явлений в области русского и немецкого языков, а также русского и английского, русского и финского, в которых подтверждается факт взаимопроникновения отдельных конструкций из одного языка в другой [4: 12; 6: 9].

В XX веке конструкция становится настолько обычной, что на ее основе возникает целый ряд идиом. Устойчивые неразложимые сочетания глагольного характера *имел намерение уехать, изъявил желание учиться* находят ученые в составе русского предложения [3: 306]. П.А. Лекант относит к глагольным фразеологизмам сочетания типа *задался целью напугать, имел обыкновение целоваться* [5: 79].

Конструкция с присубстантивным инфинитивом обнаруживает сходство с синтаксическим построением, в котором инфинитив примыкает не к существительному, а к фразеологической единице, в которую входит это существительное: *Эта простая, казалось, просьба до такой степени была не ко времени сейчас, что у него не повернулся бы язык* ***заговорить*** *об этом с Проценко* (К. Симонов). Таких конструкций, которые осознаются как идиомы, в современном русском языке много: *не повернулся язык* ***сказать***; *не поднялась рука* ***ударить***. Такое положение вещей говорит о том, что КПИ прочно вошла в русский язык.

Ко всему сказанному остается добавить, что в современных переводах КПИ встречается настолько часто, что можно считать, она даже обедняет язык этих переводов, существенно снижает их качество.

На наш взгляд, такие наблюдения над крупными конструкциями, функционирующими в русском предложении, могут иметь значительную объяснительную силу для установления их возникновения, пребывания в речи, квалификации как языкового явления.

ЛИТЕРАТУРА
1. Барсов А.А. Российская грамматика. М.: МГУ, 1981.
2. Варюшенкова Е.Н. Синтаксические функции присубстантивного инфинитива в предложении. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950.
4. Кузьмичева И.А. Механизмы экспликации обстоятельственных функций английского инфинитива. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Архангельск, 1999.
5. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М, 1986.
6. Садовникова И.Д. Присубстантивный инфинитив в ранненовонемецком и современном немецком языке. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1986.
7. Страхов Б.П. Синтаксические функции инфинитива в древнерусском языке. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1947.

ВИНОГРАДОВ Даниил Вадимович *(Сеул, Республика Корея)*

кандидат филологических наук, assistant professor
Hankuk University of Foreign Studies
daniil_vinogradov@icloud.com

К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ: СЛАВЯНИЗМ *BURLAC* В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы семантической эволюции заимствованных слов на примере анализа значения слова **бурлак** в русском и румынском языках. Проведенное исследование показало, что румынский язык «законсервировал» до настоящего времени одно из значений слова, уже утраченное в русском языке (языке-источнике).

Общеизвестно, что заимствование слов из других языков всегда служило одним из самых активных способов пополнения лексического запаса подавляющего большинства языков. При этом принципиальный характер имеет то, что выбор языка-источника заимствуемых слов определяется прежде всего экстралингвистическими, то есть не имеющими прямого отношения к лингвистике, факторами. Так, если в древнейшую эпоху своего существования русский язык (точнее, древнерусский, *общевосточнославянский язык*) активно заимствовал лексику угро-финского, тюркского и скандинавского происхождения, то после принятия христианства активные заимствования начинаются из греческого языка. Польские заимствования в XVIII веке сменились на заимствова-

ния из голландского, немецкого и французского языков, а также, при их «посредничестве», из латинского и греческого, а уже в следующем столетии на первое место в качестве источника заимствования новых слов вышел французский язык, далеко оттеснив все остальные. Со второй же половины XX века и вплоть до настоящего времени доминирующее положение занял английский язык, обогащающий буквально на наших глазах родной язык каждый год новыми словами.

При этом, по остроумному выражению одного лингвиста, характер отношений русского и английского языков напоминает дорогу с односторонним движением: если из английского языка в русский только за последние годы вошло несколько сотен слов, то заимствования обратного характера за весь период языкового взаимодействия весьма незначительны. Разумеется, такое доминирование английского языка вполне объяснимо, учитывая положение англоговорящих стран в мире, уровень их технологического и культурного развития. Однако такое же положение мы увидим, если проанализируем двусторонние процессы лексических заимствований, имевшие место между русским языком и языками Западной, Центральной и Южной Европы.

Лишь румынский язык является исключением в этом отношении. За всю историю своего существования он столь активно впитывал в себя слова приходивших с ним в соприкосновение славянских языков, что славянизмы, как известно, стали одним из основных слагаемых лексической системы румынского языка.

Одним из заимствованных слов-славянизмов является в румынском языке слово **burlac**. Слово фиксируется в румынском в двух значениях: 1) ‘бурлак’ и 2) ‘холостяк’.

Кроме того, в румынском языке фиксируется целый ряд однокоренных с **burlac** слов. Это глагол **burlrci**, имеющий два значения: ‘оставаться холостым, вести жизнь холостяка’ и ‘бурлачить’, а также существительное **burlrcie** – ‘холостяцкая жизнь’ и ‘бурлачество’ [1: 115]. См.

также определения, приведенные в румынских словарях: «Dictionarul explicativ al limbii romane» и «Noul Dictionar al Limbii Romane».

Нужно заметить, что наличие в языке нескольких производных свидетельствует о том, что слово существует в данном языке уже некоторое время и не является чужеродным для его носителей.

Если значение ‘бурлак’, фиксируемое у румынского слова **burlac**, вполне ожидаемо, то каким образом у него возникло значение ‘холостяк’? Было ли оно изначальным или развилось уже в румынском языке, на новой почве?

Казалось бы, отсутствие значения ‘холостяк’ у русского слова **бурлак** свидетельствует именно о втором варианте семантической эволюции слова, однако, чтобы правильно ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к истории русского языка.

Современный Большой академический словарь русского языка дает следующее определение слова «бурлак»: «В старину – рабочий (обычно из оброчных крестьян), входивший в артель, которая тянула вручную на бечеве суда против течения реки» [2: II: 265]. Словарные определения, представленные в других словарях (СУ, БТС, ТСРЯ 2008), не значительно отличаются от только что приведенного, лишь МАС несколько расширяет значение за счет указания дополнительного способа передвижения судов, «забытого» впоследствии составителями БАСа: «В старину: рабочий на реке, входивший в какую-л. артель, которая передвигала суда при помощи бечевы или гребли» [3: I: 126].

Однако реальное значение и употребление слова **бурлак** в истории русского языка было гораздо шире.

Этимология слова не устанавливается однозначно. А. Преображенский признает, что это слово «неизвестного происхождения» [4: I: 54]. М. Фасмер, предполагая исходным значением слова собирательное значение «рабочая артель с твердым уставом» и возводя слово к немецкому языку, оговаривается: «толкование слова представ-

ляется затруднительным» [5: I: 245 – 246]. Рассматривая существующие гипотезы происхождения слова, Н.М. Шанский останавливается на одной из них, наиболее, на наш взгляд, убедительной, так как она учитывает дальнейшее семантическое развитие слова. Н.М. Шанский предполагает, что **бурлак** – это собственно русское суффиксальное производное от несохранившегося слова *бурло* «крикун, шумный человек» < «орудие для произведения шума или речи» [6: I: 233]. Этимология подтверждается данными диалектов и простонародного языка. Например, «*Бурлило*. Простон. Шумливый, неспокойный человек» [7: I: 90], «*Бурлаченье*. Грубое обращение, невежественные поступки», «*Бурлачить*. Поступать по-бурлацки, грубо, невежественно» [там же]. Ср. также «*Бурлак (бурлака)* – это «холостяк разгульной жизни», тот, «кто много бурлит» [8: 14], *Бурлаковать* – «вести холостую и разгульную жизнь», *бурлачиться* – «привыкать к буйной жизни» [там же] и т.п.

На базе данного этимологического значения закономерно развивается впервые зафиксированное в исторических словарях следующее значение слова: «бездомный, бессемейный человек, нанимающийся на сезонные работы; бродяга» [9: I: 356]. Показательны иллюстрации к определению из СРЯ XI – XVII вв. Первая из них относится к 1670 г.: «*А съ нимъ де воровскихъ донскихъ казаковъ человекъ съ сорокъ боевого люду да бурлаковъ человекъ со ста*». Вторая – к 1683 г.: «*И собралось съ нимъ всехъ с 3000 человек и болши, и въ томъ же де числе многие были казацкие бурлаки и запорожские хохлачи и иные многие гулящие люди*». Интересна также иллюстрация к прилагательному **бурлацкий** в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.»: «*Вдоль по бережку лежат головы, все солдатские лежат, бурлацкие*» (Истор. песни) [10: I: 307].

Рассказывая о древнейшем периоде колонизации славянами территорий, населенных финно-угорскими народами, известный российский этнограф и исследователь севера Е.В. Барсов в конце XIX века исполь-

зует слово **бурлак** в этом же значении: «Таким образом, первая форма колонизационного движения на север была форма, вполне соответственная новгородскому ушкуйничеству, или движению новгородских удалых добрых молодцев или удалых бурлаков молодых, и притом еще в отдаленные времена Тацита» [11: 179].

Близкое к первоначальному значение сохраняется еще в XIX в. на севере и северо-западе, а также на юге России: **бурлак** – это крестьянин, покинувший дом для заработка денег [12: 7]; [13: 12]; [14: 17]; [15: II: 218 – 219]; [16: 72]. Причем в Словаре архангельского наречия А. Подвысоцкого указывается также значение: «холостой, не женатый человек» [13: 12].

Вероятно, в XVIII веке у слова **бурлак** в ряде регионов России, наряду с сохраняющимся значением «бродяга, нанимающийся на сезонные работы» [17: II: 169], развивается более узкое, профессиональное значение «наемный работник (из бедняков) на речном судне» (там же), «работник на водоходных судах по Волге и другим рекам» [18: I: 386].

Можно предположить, что новое значение слова появилось благодаря освоению водных путей и развитию речного судоходства, которое способствовало возникновению постоянного и устойчивого спроса на узко специализированных работников.

Определенным образом обобщение значений этого слова дается в «Толковом словаре...» В.И. Даля: **бурлак** – «*вост.* вообще, крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особ. на речные суда; || *южн.* неженатый, холостой, одинокий, бездомок, шатун, побродяга; || буйный, своевольный, грубый, дикий» [19: I: 143].

Таким образом, в XVIII – XIX вв. бурлак – это не только буйный, своевольный и грубый человек, но и наёмный рабочий, преимущественно на речных судах.

В современном украинском языке сосуществуют две формы слова **бурлак**. Наряду с формой **бурлак**, имеющей значение ‘бурлак’, фикси-

руется форма **бурлака**, имеющая разговорный характер употребления и обладающая значением ‘бобыль’ [20: 49]. Таким образом, наряду со значением, которое встречается и в современном русском языке, украинский язык сохранил более раннее значение, лишь «снизив» сферу его употребления до разговорного стиля.

Обращение к истории русского языка позволило не только открыть первоначальное значение слова **бурлак** и показать ту длительную семантическую эволюцию, которое претерпевало это слово на протяжении нескольких столетий, но и дать утвердительный ответ на вопрос, было ли фиксируемое в современном румынском языке значение ‘холостяк’ присуще славянизму **бурлак** изначально.

Таким образом, румынский язык не развил нового значения у заимствованного слова **бурлак**, а сохранил, наряду с более новым ‘работник на судне’, и старое значение – ‘холостяк’. Подобная «консервация» значений слов в диалектах или других языках известна лингвистам, но, к сожалению, на практике исследователи довольно редко обращаются за материалом к языкам, не находящимся в близких родственных отношениях, как, например, румынский и русский, которые в составе индоевропейской семьи языков относятся к разным языковым группам – романской и славянской соответственно, однако такое обращение может принести подчас неожиданные и интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Румынско-русский словарь / Под ред. Б.А. Андрианова, Д.Е. Михальчи. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953.
2. Большой академический словарь русского языка / Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 1-10. СПб., 2005–2009, изд. продолж.
3. Словарь русского языка. Т. 1-4. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981 – 1984.
4. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I-II (М., 1910-1914).
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. Т. I-IV. М., 1964 – 1973.
6. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Выпуск 2. М., 1965.
7. Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1–4, СПб., 1847.
8. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

9. Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 1–27. М., 1975–2006, изд. продолж.
10. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Вып. 1. СПб., 2004.
11. Барсов Е.В. Об Олонецких древностях // Олонецкий Сборник. Вып. третий. Петрозаводск, 1894. С. 170-186.
12. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
13. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
14. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
15. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1 – 12. Л., 1967 – 1996.
16. Григорович И.М. Словарь Западно-русского наречия. СПб., 1851.
17. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–17. Л.; СПб., 1984–2007, изд. продолж.
18. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789 – 1794.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. I–IV. СПб.-М., 1880 – 1882.
Украинско-русский словарь; 3-е изд. Киев: Наукова думка, 1975.

ГОНЧАРОВ Пётр Андреевич (*Мичуринск, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
СТРЫГИНА Екатерина Львовна (*Мичуринск, Россия*)
кандидат филологических наук, стараший преподаватель
Мичуринский государственный аграрный университет
goncharovpa2015@yandex.ru
stry16@mail.ru

ПАРЕМИИ И ИХ ФУНКЦИИ В РАССКАЗАХ В. ШУКШИНА «СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВАГАНОВА», «ОХОТА ЖИТЬ»

Аннотация. В статье анализируются функции паремических выражений в рассказах В. Шукшина, анализируются причины и цели их включения в художественный текст, исследуется функция пословиц и поговорок в новеллистике выдающегося писателя.

Глубоко национальное творчество В.М. Шукшина характеризуется оригинальным стилем, вместившим в себя, наряду с авторским словом, значительное число восходящих к фольклору пословиц и поговорок. Они, входя в монологическую и диалогическую составляющую рассказов без изменений или в частично перефразированном виде, в значительной мере усиливают их выразительность. Писатель изучал и знал традиции, обычаи, жизнь русского человека и стремился предельно досто-

верно воссоздать колоритное слово своего героя, обращая внимание читателя на его речь, мышление, специфику мироощущения, отразившиеся, в числе прочего, в пословицах и поговорках.

«Под пословицами в широком смысле <…> понимают краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение» [6: 11]. Их поэтические свойства, такие как экспрессивность, оценочность, эмоциональность, дидактичность, обобщенность значения обусловливают их полифункциональную природу. В пословицах и поговорках помимо прочего воплощаются чувства, духовный мир, характер человека; его умение сопереживать, любить, глубоко чувствовать. В литературно-художественных текстах пословицы и поговорки выполняют несколько основных функций: оценочно-характеризующую, экспрессивную, функцию обоснования, подкрепления суждения и речевой характеризации и субъективизации авторского повествования. Благодаря их включению речь персонажей становится более простой, естественной, приближенной к народной первооснове. За счет вкрапления паремий в текст художественного произведения происходит значительное обновление системы традиционных литературных средств, обогащение их новыми художественными приемами.

«Утопический склад мышления» [2: 189] крепил веру Шукшина в действенность меткого народного слова. Также исследователи творчества В.М. Шукшина полагают, что «самобытность творческой индивидуальности этого мастера слова обусловлена прежде всего его прочной связью с народным творчеством, что позволяет ему в более емких и сжатых формах отобразить духовное томление его героев-чудиков в тесноте будничной жизни» [8: 21]. Шукшин стремился тонко уловить настроение, в котором пребывает человек в данный момент, хотел предельно точно изобразить чувства своего героя в момент жизненного

разочарования, радости, грусти, печали или горечи утрат. В том числе поэтому Шукшин широко включает художественные средства устного народного творчества для создания портретно-психологической и речевой характеристики.

Л.Н. Скаковская отмечает по этому поводу: «Фольклорные изобразительно-выразительные средства используются как художественные способы воссоздания колорита и изображения людей прошлых эпох» [8: 17]. В.М. Шукшин родился и вырос в деревне, ему очень дорог и близок образ простого русского человека, его широкая душа, простота в общении, естественность в поведении, любовь к родному краю, традициям, нравам. В связи с этим В.А. Апухтина пишет: «Живительным источником, почвой творчества В.М. Шукшина стали воспоминания и личный жизненный опыт писателя. Художническая память В. Шукшина исключительна, уникальна. Ей присущи острота зрения и слуха, цельность восприятия мира, многообразие которого предстает в широком и мощном потоке» [1: 17]. Писатель хотел предельно приблизить речь своих персонажей к народной, просторечной для достижения эффекта ее естественности. Поэтому она не мыслится без вкрапления различных пословиц и поговорок, поскольку они несут в себе народную оценку жизни.

Обратимся к рассказу «Страдания молодого Ваганова» (1972), где главным героем является выпускник юридического факультета, молодой работник районной прокуратуры, Георгий Константинович Ваганов. Со студенческих лет он влюблен в свою однокурсницу Майю Якутину, которая во время учебы в институте вышла замуж за талантливого физика. Но, несмотря на это, герой продолжает хранить в тайном уголке своего сердца дорогой и любимый образ девушки. Вдруг, неожиданно для себя, Ваганов получает письмо от Майи, в котором сообщается о том, что семейная жизнь Майи «дала трещину» и девушка хочет навестить своего старого друга, побывать в его краях, провести с ним отпуск. Прочитав письмо, Ваганов предается воспоминаниям о любимой девушке, казав-

шейся уже давно потерянной для него и вдруг снова обретенной, как «дар судьбы».

Шукшин чаще всего оставляет своих героев один на один с памятью, во власти нахлынувших воспоминаний о переживаниях, которые люди проносят через всю жизнь. Аналогичная ситуация происходит с главным героем рассказа.

Майя писала в письме, что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного поездить – повидать страну: «*Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встреть меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно? <…> Ну – ну – ну – легче, матушка, легче, – с удовольствием думал молодой Ваганов, – подожди пока цыпляток считать*» [9: Т. 3, 32].

Шукшин прибегает к своеобразной аллюзии, намеку на пословицу, зафиксированную в «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова: «Цыплят по осени считают» [6: 485].

Смысл используемого персонажем выражения: «подожди пока цыпляток считать» сходен с указанной пословицей, которая имеет переносный смысл, ее значение никак не определяется смыслом составляющих компонентов. Ваганов, читая письмо от любимой девушки, думает о том, что уж слишком быстро Майя приняла решение за двоих, не предполагая отказа с его стороны. Герой же, в свою очередь, считает, что только от него зависит налаживание отношений после значительного промежутка времени. Ваганов больше уверен в своих чувствах, нежели в ее, он более серьезно относится к письму, чем Майя, и считает, что от того, как он ответит на письмо, будет зависеть дальнейший ход событий. В душе Ваганова происходит борьба между чувствами и разумом, он понимает, что такая девушка, как Майя, не способна любить, поддержать в трудную минуту, а он готов на многое ради нее. Герой считает,

что любовь друг к другу, доверие, понимание – должны быть обоюдными. Со стороны Майи этого не будет.

Необходимо отметить, что речевой образ Майи включают в себя усредненные клише городской речи: «милый Жора», «позволь пожить у тебя с неделю», «мечтала побывать в тех краях». Шукшин незаметно сталкивает эту стертую, усредненную, а потому и неприятную ему речь с простой, естественной речью Ваганова и его подследственного. «Стертые» слова девушки контрастируют с естественной речью героя. Но неизвестно еще, что победит: «стертая» ложь или «естественная» правда.

Автор изображает Майю Якутину в параллели с женой Павла Попова. Но в одном случае – это зло в маске, в другом – зло, снявшее маску. Девушка пока еще не показывает своего истинного лица, пытается выглядеть доброй, честной, чистой, лишь бы добиться поставленной цели, чтобы Ваганов ей поверил. Жена Павла Попова уже не боится показаться злой, корыстной, готовой очернить мужа, в любую минуту всю вину свалить на него:

– Вы представляете, товарищ Ваганов, житья нет: как выпьет, так начинает хулиганить. К какому-то Мишке меня приревновал!.. Дурак необтесанный. <…>. – Он все на свете забыл! Ничего – спомнит. Дадут года три – спомнит, будет время.

Шукшин не ограничивается единичным включением пословицы в текст, достаточно часто вводя их в диалог персонажей. Иногда диалог является центральным звеном рассказа. Благодаря включению в диалог пословицы создается яркий колоритный образ персонажа, не похожий ни на какой другой. В качестве примера рассмотрим диалог между Георгием Константиновичем Вагановым и Павлом Поповым, пришедшим за помощью.

– На кой же черт мы иногда женимся? – спросил Ваганов… – Это другой вопрос. – Попов говорил свободно, убежденно – правда, наверно, думал об этом. – Семья человеку нужна, это уж как ни крутить.

Без семьи ты – пустой нуль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, чтоб была сила – терпеть все женские выходки… – Но есть же… нормальные семьи! – Да где?! Притворяются, сор из избы не выносют. А сами втихаря… бушуют. – Ну, елки зеленые! – Все больше изумлялся Ваганов. – Это уж совсем… мрак какой-то» .

Диалог происходит между образованным, окончившим институт Вагановым и простым рабочим Павлом Поповым. Речь Попова проста, естественна, но в то же время нравоучительна. Он считает, что не существует идеальных отношений между полами, без скандалов и упреков. Эту мысль выражает используемая им поговорка: «сор из избы не выносят», которая в данной ситуации имеет переносный смысл. По мнению Павла, и в «нормальных» семьях происходят различные конфликты, только они «не выносятся» из дома на суд соседей.

В своей философии Попов уверен полностью и не приемлет других суждений по этому поводу. Только его доводы – скорее путь к примирению, покорности с выпавшей ему долей, Ему не свойствен оптимизм, надежда на лучшее. Но в то же время он не злопамятен, готов терпеть разные выходки жены ради детей, семьи. Ваганов не соглашается с суждениями Попова, так как не понимает, как можно всю жизнь подстраиваться под другого человека, терпеть унизительное отношение, ведь когда-нибудь настанет такой момент, что чаша терпения переполнится и все негативное, скрывавшееся в душе, выплеснется наружу. Это и произошло в семье Попова.

По мнению Ваганова, жена должна быть и подругой: в трудную минуту поддержать, помочь. Каждый из персонажей остается при своем мнении. Слишком уж они разные и в воспитании, и в рассуждениях о смысле семьи. Павел изображается приземленным человеком, довольствующимся малым, пытающимся жить в соответствии с традициями. Ваганов выступает против его убеждений, видит смысл семьи не только в том, чтобы она «была, как у всех», а во взаимопонимании, доверии,

согласии. Он не приемлет полного отчуждения между супругами, живущими каждый сам по себе.

В приведенном рассказе имеют место и элементы биографии писателя, связанные с его непростыми семейными отношениями.

Значительную часть шукшинского рассказа занимает диалог между героями. В статье «Проблема языка» В.М. Шукшин писал: «Прямая речь позволяет мне крепко поубавить описательную часть: какой человек? Как он думает? Что хочет? В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке – послушав его. Тут он не соврет – не сумеет, даже если захочет» [3: 80].

Диалог в шукшинских рассказах часто составляет ядро повествования. Обратимся к анализу диалога между Никитичем, охотником, который всю свою жизнь провел в тайге и считает себя безраздельным хозяином этого «большого», «белого» царства, и лагерником, бежавшим из тюрьмы (рассказ «Охота жить», 1968).

– Ты чего рассерчал-то на меня? – Не врите! Не обманывайте людей, святоши. Учили вас терпеть? Терпите! А то не успеет полюбиться и тут же штаны спускает – за бабу хляет, гадина. Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить. Врешь? Получай… – Не погань ся! – строго сказал Никитич. – Пустили тебя, как доброго человека, а ты лаяться начал. Обиделся – посадили! Значит, было за что. Кто тебе виноват?! Парень скрипнул зубами. Промолчал. – Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой харкать. Здесь тайга: все одинаковые. Помни это. <…> Знаешь, говорят: молодец – против овец, а спроть молодца – сам овца. Найдется и на тебя лихой человек.

Никитич изображается опытным, зрелым человеком. Всю свою жизнь он провел в тайге, она стала ему домом, и старик ни за что на свете не променял бы ее на город. Герой соблюдает вековые обычаи, подчиняется общепринятым нравственным устоям: не предаст, в труд-

ную минуту обязательно поможет, поделится последним. Он даже приютил у себя в избушке бежавшего лагерника. Никитич считает, что беглец поймет свои ошибки, начнет жизнь заново, а бог, возможно, простит его за содеянное.

Из диалога между двумя героями следует, что Никитич не желает мириться с доводами молодого человека о том, какой должен быть бог на самом деле, учит быть сдержанным, терпимым к окружающим, «не лезть на рожон». В увещеваниях Никитич даже прибегает к резким выражениям типа: «не поганься», «лаяться начал», «злобой харкать», лишь бы остепенить парня в ответ на его нападки.

Никитич считает, что на каждого человека, в том числе и на лагерника, найдется другой человек, более лихой, напористый, который, в свою очередь, поставит его на место. Охотник уверен в том, что лагерник слишком уж смел и самоуверен перед человеком, который не сможет дать ему отпор, значительно слабее физически. Но все-таки Никитич даже в глубине души не подозревает о том, как жестоко расплатится с ним лагерник за совершенное добро.

В разговоре с лагерником Никитич употребляет пословицу: «молодец – против овец, а спроть молодца – сам овца». Аналогичная пословица имеется и в «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова. Она построена на антитезе и имеет форму поучительного наглядного противопоставления. В ней достигнута предельная выразительность и смысловая обобщенность; в то же время пословица всегда иносказательна, способствует раскрытию жизненной позиции героя. Меткое ее использование главным героем освещает его внутренний мир, как бы предсказывая события, разворачивающиеся в произведении.

Речь Никитича представляется читателю ясной, простой, но в то же время мудрой, содержательной, естественной. В.А. Пищальникова отмечает по этому поводу: «Яркая речь Никитича вызывает неизменный интерес у городских жителей, привыкших к бесконечным разговорам, ча-

сто создающим иллюзию духовной жизни или, по крайней мере, намерение нравственного существования, ведь многие основные сферы деятельности современного городского человека не дают возможности для реализации личности, а требуют лишь подчинения заведенному порядку» [7: 119].

Никитич дает еще один шанс молодому человеку исправиться, начать новую жизнь, уж больно стало жаль старику молодость, силу, красоту парня. Но, говоря ему о том, что, может, он и до воли не добежит – «сломит голову», Никитич недооценивает беглеца. Лагерник не стал дожидаться, когда на него найдется сильная рука, которая его остановит. Он убивает при этом Никитича как последнего свидетеля, причем убивает в спину и бежит навстречу «красивой жизни», о которой помнил и в тюрьме. Дойдет ли он до своей воли после содеянного, сможет ли с этим жить?

Следующую пословицу находим в реплике Никитича:

– Март – он ишо свое возьмет. – Какой март? Апрель ведь. – Это по-новому. А по-старому – март. У нас говорят: марток – надевай двое порток.

Никитич изображается сведущим охотником, знающим народные приметы, полагающим, что март не зря принято считать первым месяцем весны, может быть, достаточно холодным.

Шукшин широко использует в своем рассказе народные речения: «охота жить» – название самого рассказа, «найдется и на тебя лихой человек», «только развесь уши», «такие турусы разведет», «все псу под хвост» и т.п.

Они создают гармонию повествования в тексте. Пословица оказывается своеобразным камертоном, по которому настраивается слово, начиная от названия до финала, где звучит двусмысленная фраза лагерника, обращенная к убитому старику: «Так лучше, отец. Надежней». Это подчеркивает кощунство происшедшего, бесчеловечность, которую

можно соотнести с отцеубийством. Старик поведал лагернику свою историю из жизни о том, как он соблазнил девушку, которая родила от него ребенка. Никитич ничего больше о них не знал, после того как соблазненная им девушка вместе с родителями покинули те края. Он чувствовал этот грех за собой всю свою жизнь.

Словно карая за содеянный в юности грех, судьба посылает в избушку Никитича лагерника. Ведь за все в жизни надо платить: старик, соблазнивший в молодости девушку и оставивший ребенка без отца, погибает от руки лагерника. И лагерник, совершивший в своей жизни убийство, уже никогда не обретет в своей душе спокойствия, умиротворения, не будет счастлив, так как этот слишком тяжелый «груз» преступлений будет постоянно давить, не останется забытым.

В.Ф. Горн в книге «Василий Шукшин: Штрихи к портрету» пишет по этому поводу: «Цель писателя не только в передаче индивидуальной речи персонажа, а и в стремлении воспроизвести в непринужденной форме своеобразие мышления, мироощущения человека из народа» [5: 122].

Выше рассмотрены лишь два рассказа В.М. Шукшина, в которых активны русские пословицы и поговорки. Наблюдения свидетельствуют, что широкое использование в монологической и диалогической речи персонажей пословичных и близких к ним речений выступает одной из наиболее ярких черт, характеризующих отбор средств языковой выразительности, присущих именно В.М. Шукшину. Значительная смысловая роль пословиц и поговорок, имеющая место в его рассказах, демонстрирует тесную связь его творчества с народной поэзией. Более того: вновь актуализируется утверждение, что «фольклор является частью мировосприятия» [4: 50] многих шукшинских героев. Паремии помогают Шукшину воссоздать народную этику, с её позиций изобразить и оценить драматические и самые трагические повороты человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА
1. Апухтина В.А. Проза В.Шукшина. М.: Высшая школа, 1981.
2. Варламов А.Н. Шукшин. М.: Мол. гвардия, 2015.
3. Василевская Л.Н. Типы речи и композиционно-речевые приемы в рассказах В.М. Шукшина. // Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул: Алтайский госуд. университет, 1994.
4. Гончаров П.П., Гончаров П.А., Стрыгина Е.Л. Разин и «разинский тип» в прозе В.М. Шукшина. Монография. – Мичуринск-Наукоград: МГПИ, 2010.
5. Горн В.Ф. Василий Шукшин: Штрихи к портрету. М.: Просвещение, 1993.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
7. Пищальникова В.А. Особенности менталитета жителя сибирской деревни, выявляемые в анализе речевых характеристик героев В.М. Шукшина. // Творчество В.М.Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул: Алтайский госуд. университет, 1994.
8. Скаковская Л.Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX в. Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Тамбов, 2004.
9. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. / Сост.: Л.Федосеева-Шукшина; коммент. Л.Аннинского, Л.Федосеевой-Шукшиной. М.: Мол. гвардия, 1985.

ЖЕЛОНКИНА Тамара Петровна (*Калининград, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
zheltoma@mail.ru

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(на материале английского и русского языков)

Аннотация. Статья посвящена одному из способов словообразования – редупликации. Это явление хорошо описано в плане диахронии. На наш взгляд, описание его на современном этапе – начало 21 века – представляет не меньший интерес. Увеличилось количество сфер деятельности человека, при описании которых как в английском, так и в русском языке используется редупликативная лексика.

Общеизвестно, что языки являются постоянно видоизменяющимися и обновляющимися системами. Сферой реализации вышеупомянутых изменений является лексика, в том числе и словообразование. И сами словообразовательные средства во всех языках постоянно изменяются, эволюционируют. Предметом исследования данной статьи является основанная на редупликации звукоподражательная лексика современного английского и русского языков.

Редупликация как один из способов образования новых слов в английском и русском языках представляет собой фономорфологический способ образования нового слова посредством удвоения начального

слога или целого корня [4: 408]. И вновь образованное слово приобретает ярко выраженную стилистическую коннотацию, где повтор имеет функцию модификации значения компонентов слова. По мнению лингвистов, редупликативные образования следует отнести к субстандартной лексике [1: 87].

Редупликация неоднократно исследовалась в диахронии: ее изучали в сравнительно-историческом плане А. Мейе, А.Ф. Потт, Э. Сепир; в отечественном языкознании изучению редупликации уделяли внимание В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Д.Н. Овсянико-Куликовский. Общелингвистическая характеристика редупликации и ее развитие в диахронии на материале английского языка описаны в работах Д. Болинджера, Л. Блумфилда, О. Есперсена, Е. Найды. И значительно меньше исследований этого интересного явления проводится в плане синхронии.

Следует заметить, что, несмотря на типологическую общность данного явления, редупликация проявляется по-разному в английском и русском языках. Она многообразна как по структуре, так и по семантике. Такой способ слово/формообразования, основанный на удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение морфем, всегда влечет за собой асимметрию плана выражения и плана содержания: одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения. Такой прием служит средством варьирования лексического значения, выражая среди прочих такие значения, как интенсивность, дробность, уменьшительность [2: 79; 4: 408]. Например, англ. *goody-goody* ‘пай-мальчик', *chit-chat* 'болтовня'»; рус. *тяп-ляп, туда-сюда.*

Семантические функции редупликации многообразны: от выражения грамматических значений до изменения лексической семантики. Семантической универсалией, по мнению ученых [6: 173], является использование удвоения для передачи интенсивности признака. Напри-

мер, в англ. *hubba hubba* ‘восклицание со значением восхищения или одобрения’, рус. *крепко-накрепко.* Удвоение используется для передачи предметных значений – множественности, разнообразия и сходства; для передачи значений качеств – как степени качества; для описания процессов – как длительности и многократности. [6: 190]. Например, *белый-белый ‘очень белый', давным-давно* 'очень давно', *шуры-муры ‘*отношения между противоположными полами’. Столь широкое распространение повторов в различных языках объясняют отсутствием сдерживающих факторов в виде строгого соответствия литературным нормам словопроизводства, синтаксически нормированной организации высказывания, этических соображений [3: 102]. Как отмечает О.Б. Пономарева, типичная для таких словоформ эмоциональная экспрессивность просторечия «отражает специфику менталитета, психологические особенности поведения и эмоционального состояния социальных групп населения, характеризующихся низким социальным, образовательным уровнем и возрастными особенностями больших групп молодежи, которым свойственна бравада, отрицание авторитетов, ирония и высмеивание общепринятых стереотипов» [7: 54]. Примечательно, что нейтральная лексика и структуры литературного языка зачастую неадекватны желанию эмоционального выражения, стандартные рамки лишь препятствуют свободному общению, в связи с чем количество субстандартных новообразований постоянно увеличивается. Такая лексика присутствует в разных понятийных сферах, но она недолговечна, т.к. веяния времени, мода, социальные перемены ускоряют смену использующихся просторечий, а на смену им приходят новые, более ценные информативно [7: 81].

Слова-повторы служат средством выражения человеческих эмоций. Это чаще всего – восклицания: англ: *ahoy there ‘*эй там!’; *holy moley '*вот это да*!’;* рус*: ё-моё; ну-и-ну!* Редупликативы используются в различных сферах человеческой деятельности – например, в музыке: англ. *go-go ‘*популярные молодежные танцы', *Ga-Ga* ‘название ансамбля’*;* рус*:*

На-На ‘название музыкальной группы’*; хип-хоп* ‘музыкальный стиль’. Примеры из других сфер: англ: *gender-bender* ‘устройство, меняющее разъемы проводов’*, ro-ro* ‘тип судна – ро-ро, т.е. судно с бескрановой погрузкой’*, hi-fi* ‘устройство с высокой точностью воспроизведения звука’*, wi-fi* ‘беспроводной доступ в Интернет’*, walkie-talkie* ‘переносное переговорное устройство’; рус: *хай-фай, лузер-юзер* ‘некомпетентный пользователь компьютера’.

Редупликативное словообразование используется в рекламе. Некоторые производители используют редупликацию в названии своего продукта: *Kit-Kat* ‘корм для кошек’*, Pall-Mall* ‘марка сигарет’*, M&M’s* ‘название конфет’. Использование повтора в названии способствует продвижению товара, т.к. благодаря такому названию продукт запоминается и лучше продается.

Исследователи отмечают, что слова-повторы широко используются в обсценизмах 'непристойной лексике' и в эвфемизмах [8: 5].

Слова повторы несут как положительную, так и отрицательную оценку. Редупликаты с негативной оценкой приобретают оттенок иронии: англ. *hoity-toity* ‘комментарий в адрес надменного поведения’*, silly-willy* 'пустышка, глупышка, недалекий человек'*, wishy-washy* ‘ много «воды», а сути мало’*, coo-coo* ‘ненормальный, «с приветом» человек’); рус*: ширли-мырли* ‘ерунда, чушь'*), руки-крюки* ‘неуклюжий, неловкий – о человеке’*, шито-крыто* ‘скрытно, негласно’*, там-сям* ‘в разных местах’. Повторы с положительной коннотацией: англ*. tip-top* ‘отлично, высшего качества’*, win-win* ‘взаимовыгодный’*, dilly-dally* ‘бездельничать’*, willy-nilly* ‘волей-неволей’*, blah-blah* ‘и тому подобное, бла-бла’*, nitty-gritty* ‘повседневный и жизненно необходимый’*;* рус. *страсти-мордасти* 'о том, что вызывает страх или ужас’*, еле-еле* ‘с трудом, с большими усилиями', *рожки да ножки* ‘ничего, пусто’, *то да сё* ‘разное’.

Заимствования английских редупликативных образований служат своеобразным кодом доступа в молодежную среду, является экономич-

ным способом наименования при сохранении энергии на поиски эквивалента в русском языке [1: 76].

В значениях английских редупликатов последних лет происходят заметные изменения, переосмысление значения. Например, *happy-slappy* имело прежде значение 'обалдевший, очумевший от счастья', тогда как теперь это слово употребляется в значении 'снять на видео, как бьют кого-то, а потом разослать это видео другим'. Например, *pickelly – hickelly* прежде имело значение 'дома, расположенные вкривь и вкось', а теперь употребляется в значении 'деревенщина'. *Culture vulture* прежде использовалось со значением 'знаток искусства', а теперь – 'хищник, делец от искусства', *rat-race* прежде означало 'бесплодная деятельность, погоня за успехом', в современном английском – значение 'ожесточенная конкуренция', *fuddy-duddy* – прежде означало 'отсталый, консервативный человек', теперь употребляется в значении 'вышедший из моды – об одежде'.

В английских словах-повторах с союзом «и» также отмечены смысловые изменения. Так, *flotsam and jetsam* имело значение 'обломки корабля, выброшенные на берег после шторма', теперь используется в значении 'иммигранты, чужие люди'. Выражение *high and dry* прежде употреблялось применительно 'к кораблю, выброшенному на берег'. В современном английском оно употребляется со значением 'без средств к существованию, «на мели»'.

В заключение следует сказать, что повтор – как предельный случай редупликации продолжает служить словообразовательным целям как английского, так и русского языка, и подчиняться его законам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Т.М, Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 135 с.

2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.

3. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа,1974. 175 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 708 с.

5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во УРСС, 2004. 436 с.
6. Оглоблин А.К. Материалы по удвоению в мадурском языке // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
7. Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками): Монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
8. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. Баранова А.Н., Добровольского Д.О. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
9. Словарь ABBYY Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь – ABBYY Software, 2004.
10. Oxforddictionarycom – http://www.oxforddictionaries.com/definition/english.

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна *(Санкт-Петербург, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАКАЗАНИИ В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI-XVII ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена особенностям семантики и функционирования существительных *наказание* и *казнь* в обиходном русском языке XVI-XVII вв. Рассматривается распад семантического синкретизма лексемы *казнь*, формирование у слова нового значения, закрепление значения ‘наказание’ за существительным *наказание*.

По данным картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.», в различных по жанру письменных памятниках этого периода функционируют два существительных со значением ‘наказание’ – *казнь* и *наказание*. Оба слова известны в древнерусском языке, хотя существительное *казнь* фиксируется как более древнее [13 I: 1178; II: 290].

Система наказаний преследовала в качестве одной из основных целей устрашение, «чтобы иным на то смотря, не повадно было так делать» [6: 29]. Виды наказаний могли быть различны: *А кому за такие вины бываютъ* ***наказания****, сажаютъ въ тюрмы, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ* [7: 37]; *И апрѣля въ 5 день б. кн. И.Б. Репнинъ съ товарыщи приказали подъячему Кириллу Рылкову учинить*

***наказанье**, бить батоги и сидѣть ему въ молодыхъ подъячихъ за то, что онъ государевы грамоты конецъ отодралъ* [15: 50]. Наказания были индивидуализированными, зависели, согласно Соборному Уложению 1649 года, от совершенного преступления: *А сыщется про то допряма: и тому учинити **наказание** смотря по вине* [12: 58]. Наказание предполагало исключительно личную ответственность: «*А будет которая жена про измену мужа своего, или дети про измену же отца своего не ведали…: и их за то не казнити, и никакова **наказания** им не чинити*» [12: 29]. Длиться наказание могло неопределенное время, это зависело от воли того, кто его устанавливал: *И **наказанье** де ему [Миронке Щеке] по моему [Б.И. Морозова] указу было, и посажен де в тюрьму до моево указу* [14: 140].

Если наказание концептуализировалось в языковом сознании носителя языка XVI-XVII вв. в целом так же, как в современном русском языковом сознании, то концептуализация представления о казни отличалась.

Это существительное, с одной стороны, употреблялось в тех же памятниках, что и *наказание*, имело то же значение: *И мы то ево [изменника князя Семена Ростовского] злодейство сыскавше, и еще милостиво над ним учинили **казнь** свою* [10: 40]; *И октября в 7 день по боярскому приговору изменником Михалку Долгорукому, Петрушке Бунакову, Сенке Глебову, Данилку Яблочкову по сей записи измена их чтена и **казнь** сказана, и по торгом кнутом биты, и к плахе приведены, и указ и у плахи велено их попом поновить* [11: 119]. Однако чаще рассматриваемое значение актуализируется и одновременно конкретизируется в ряде фразеологизмов. Так, *приводить к казни* означает ‘подвергать наказанию’: *Въ нынѣшнемъ, государь, во 121-мъ году какъ Ивашко Заруцкой взял городъ Кропивну, и я холопъ твой былъ в полону у него и пытанъ розными пытками, и **къ казни приводили** и животишка, государь, поимали безъ остатку* [9: 124]. Устойчивое сочета-

ние *быть в казни (от кого-л.)* выступало в роли формулы грамот и имело значение ‘быть наказанным (кем-л.)’. Как синонимичная данной использовалась формула *быть в великой опале и в казни (от кого-л.)*, имевшая усилительное значение: *И вамъ быти от государя царя и великого князя въ великой опале и въ казнѣ* [4: 199]. Фразеологизм *(быть) в казни* означал ‘быть признанным виновным, заслуживающим наказания’: *А побьютца на поле в пожоге, или в душегубстве, или в розбое, или в татьбѣ, ино на убитом исцово доправити, а сам убитои* ***в казни*** [1: 27]. Фразеологическая единица *под казнью* имела значение ‘под страхом наказания’. Принятая юридическая практика нашла отражение в формуле *быть в казни и продаже кому-л. от кого-л.*, что подразумевало уплату штрафа в пользу великого князя, а затем наказание. Очень распространенный вид наказания – битье кнутом на торговой площади – получил название *торговая казнь*: *А будет кто… вшед в церковь Божию, учнет говорити непристойные речи патриарху… или игумену и священническому чину, и тем в церкви Божественному пению учинит мятеж… и тому безчиннику за ту его вину учинити* ***торговая казнь*** [12: 22].

С другой стороны, существительное *казнь* в интересующий нас период активно функционирует в значении ‘лишение жизни как высшая мера наказания’: *Аще кто бьетъ отца и матерь, отъ церкви и отъ всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градцкою* ***казнью*** *да умретъ* [5: 30]; *За то их [острогожского полковника и его советников] воровство и за измену казнить смертью, хто какие* ***казни*** *по своим воровским винам доведутца* [8: 58]. Но данное значение можно выделить лишь на синтагменном уровне, путем контекстуального анализа. В редких случаях существительные *казнь* и *наказание* противопоставляются в одном контексте, что позволяет четко дифференцировать их значения: *И по тому статейному списку тем тюремным сиделцом за*

их воровство, хто чево довелся: ***казни*** *или* ***наказания*** *— учинить по указу великих государей и по соборному уложенью* [3].

Чаще всего существительное *казнь* в рассматриваемом значении употребляется в составе фразеологизма *смертная казнь,* что также показательно: *Указъ за какие вины кому чинити* ***смертная казнь*** [12: 323.]; *А по нынешней твоей великого государя грамоте острогожских черкас полковника Ивашка Дзиньковского и ево советников, пущих к тому воровству и к измене завотчиков, которые по сыску доведутца* ***смертные казни****, велено вершить: преж обсечь руки по локоть, а ноги по колено, а после казнить смертью, повесить, тотчас безо всякого мотчания* [8: 58].

Устойчивое выражение *отдать смертную казнь* означает ‘помиловать’: *И того ж часу государь, царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии для печалованья матери своей великой государыни… Марфы Ивановны изменников князь Михаила Долгоруково с товарыщи пожаловал,* ***смертную*** *им* ***казнь отдал****, казнить их не велел, и пожаловал государь, велел их освободить* [11: 120]. Фразеологизм *под (за) смертной казнью* имеет значение ‘под страхом наказания в виде лишения жизни’: *Его црского величества указ пришел в Новгородъ* ***за смертною казнью*** *чтоб нихто из рускихъ людеи перебѣщиков или свѣискихъ подданных не приимал* [2: 81]; *И по дорогамъ поставилъ заставы* ***подъ смертною казнию*** *[Годунов], чтобъ никто о томъ убиении подлинные вѣдомости не сказалъ* [7: 2].

Таким образом, в обиходном языке Московской Руси XVI-XVII вв. параллельно функционируют два однокоренных существительных, вербализующих представление о наказании. В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что семантика существительного *казнь* находится в стадии становления полисемии и распада синкретизма значения. Значение ‘наказание’ постепенно закрепляется за существительным *наказание*, за счет этого происходит «снятие» данного зна-

чения с лексемы *казнь*. В свою очередь, за существительным *казнь* закрепляется новое значение ‘лишение жизни’, которое рассматривается в памятниках этого времени как высшая мера наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. СБ. Веселовский. М.: Наука, 1975. 437 с.

2. Вести-Куранты 1642–1644 гг. / изд. подг. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1976. 400 с.

3. Галиуллин К.Р., Дмитриева Р.Т. Казанский край: Словарь языка памятников 4-й четверти XVII в. Режим доступа: http://www.klf.kpfu.ru/kazan/4_4_17/index.php

4. Дела тайного приказа. Кн. 2. СПб., 1908 // РИБ. Т. 22. 888 с.

5. Домострой / Изд. подг. В.В. Колесов и В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. 741 с.

6. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков: Прогресс ЛТД, 1994. 234 с.

7. Котошихин Г.О. О России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859. 260 с.

8. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. 665 с.

9. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпцы печатного приказа / Под ред. Л.М. Сухотина / Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1-202.

10. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 197-204.

11. Поход А. Лисовского. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г). // Памятники истории восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995. С. 104-123.

12. Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959. 503 с.

13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Типография императорской академии наук, 1903. 272 с.

14. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б.И. Морозова. Ч. 2. М.; Л.: АН СССР, 1936. 227 с.

15. Шумаков С. Официальные акты (1628–1701 гг.) // Чтения ОИДР. М. 1908. Кн. 4. Отд. 1. С. 38-111.

КИЛИНА Лилия Фаатовна *(Ижевск, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
ЗАЙНУЛЛИНА Саида Радиковна *(Ижевск, Россия)*
кандидат филологических наук, старший преподаватель
Удмуртский государственный университет
kilin_74@mail.ru
s.r.zajnullina@gmail.com

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ДОБРЫИ* В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Аннотация. В статье описываются особенности функционирования членных форм прилагательного *добрыи* в русских летописях. Высказывается мысль о зависимости семантической структуры исследуемой единицы от ее синтагматической функции в контексте. Особое внимание уделяется изучению порядка слов в сочетаниях прилагательного *добрыи* с существительными.

О связи лексики и грамматики пишут многие исследователи, в частности Ю.П. Князев говорит о том, что «большинство значений, описываемых в грамматике, лежит в промежуточной зоне, где грамматическое в той или иной мере совмещено с лексическим» [3: 43]. Интерес к исследованию лексико-грамматических особенностей имен прилагательных в диахроническом аспекте обусловлен тем, что «в истории прилагательных сошлись и сложно переплелись факторы синтаксические, морфологические, словообразовательные, семантические» [1: 28]. Именно поэтому, анализируя семантическую структуру древнерусских прилагательных, нельзя не учитывать особенности их функционирования в синтагме, так как «древнее имя предстает перед нами как семантическое единство в разнообразии синтагматических функций» [1: 31].

В данном отношении отдельного внимания заслуживают оценочные имена, и прежде всего *благо / добро*. Причем *добро (добрыи)* выражает более широкий спектр оценок, поскольку «именно оно и было использовано как языковое выражение, с одной стороны, сущностного атрибута Бога, а с другой – того хорошего, что соотносится еще и с человеком» [2: 69].

В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования прилагательного *добрыи* в текстах русских летописей, представленных в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html).

Рассмотренные нами летописные примеры свидетельствуют о том, что реализация того или иного значения прилагательного зависит от нескольких факторов, в частности от условий контекста и сочетаемости. Роль имени в синтагме обусловлена также грамматической формой, что можно показать на примере употребления членных форм прилагательного *добрыи*.

На различие в семантике членных и нечленных образований в истории языка указывает В.В. Колесов. Ученый отмечает, что «только новые формы местоименных определений развивали новые значения», и иллюстрирует данное высказывание примерами из древнерусского языка: «Слово *богатъ* имело одно значение, *богатый* – уже четыре, *добръ* ‘надежен’ – *добрый* ‘доброкачественный’, *старъ* ‘ветхий’ – *старый* ‘прежний’ и т.д.» [4: 227]. Именно способность членных имен прилагательных сочетаться с целым рядом существительных и выражать новые смыслы обусловливает интерес исследователя к данным формам.

Большая часть членных форм прилагательного *добрыи* употребляется в летописных текстах в сочетании с одушевленными существительными (*кнАзь, жена, пастухъ, человЬкъ* и др.). Прилагательное в подобных случаях выражает положительную нравственную оценку и относится к лицу, обозначаемому существительным: *се же ре(ч) соломонъ. ѡ прелюбодЬица(х). ѡ* ***добрыхъ*** *же* ***женахъ*** *ре(ч). дражьши. есть каменья многоценьна(г)*[3] [Повесть временных лет].

[3] Здесь и далее примеры из летописей приводятся в упрощенном графическом виде.

Прилагательное *добрыи* в сочетании с существительным, обозначающим лицо, выполняет в тексте функцию приложения, в случае если данное сочетание употребляется после имени собственного:

- *Литва же wбЬщасА емоу тако створити. и ркоуче. Володимере* ***добрыи кнАже****. правдивыи можемъ за тА голову своЬ сложити* [Волынская летопись];
- *прорЬченье блжнаго wца нашего федосья* ***добраго пастуха*** *іже пасАше словесныя wвца* [Повесть временных лет].

Характеристика лица может быть более детальной, в таком случае мы встречаем атрибутивные сочетания, в которых *добрыи* выступает в паре с близким по значению уточняющим прилагательным: *и ту оубиша Володимера Двдовича.* ***добраго*** *и кроткаго* ***кънАзА*** [Суздальская летопись].

Следует также обратить внимание на порядок слов в интересующих нас примерах. Преобладание препозиционного употребления прилагательного *добрыи* в них не является случайным: «Именно с качественных прилагательных началось развитие новых сочетаний с препозицией определения; выражая постоянный признак, они стали обозначать содержание понятия, представленного существительным» [4: 123].

В ходе исследования летописных примеров мы определили, что прилагательное *добрыи* в препозиции сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными. В сочетании с неодушевленными отвлеченными существительными оно имеет значение ‘благой’ *(доброе дело, добрая мысль)* [6]: *недооумЬю чимъ похвалити тА* ***добраго*** *твое(г)* ***житья*** *і въздержанья* [Повесть временных лет].

Добрыи в указанном значении может выступать и в постпозиции:

- ***дЬла*** *ваша* ***добрая****. прославАть wца вашего иже есть на нбсЬ(х)* [Киевская летопись];
- *сьи же оумръ во* ***исповЬдании добрьмь****. покааньемь расыпа грЬхы своя млт(с)нАми иже есть паче всего и кь смрти*

вьспомАнутьсА и ***покаяньемь добрымь*** *wч(с)тить грЬхы. якоже пророкъ* [Повесть временных лет].

Появление членной формы *добрыи* в постпозиции может быть обусловлено желанием акцентировать внимание читателя на предмете оценки (*дЬла добрая*), а также включением прилагательного в состав атрибутивного устойчивого сочетания, указывающего на «денотат, соответствующий норме, идеалу» (*исповЬдание доброе, покаянье доброе*) [5: 63]. В дальнейшем за краткой формой прилагательного в постпозиции закрепилось значение предиката (временный признак – *миръ добръ*), а за полной формой в препозиции – значение определения (постоянный признак – *добрыи миръ*). Употребление же членной формы в постпозиции, на наш взгляд, следует связывать с тем, что прилагательное как морфологически самостоятельная часть речи на данном этапе развития древнерусского языка еще только формируется.

Прилагательное *добрыи* в летописях в редких случаях способно согласовываться с конкретными, как правило, неодушевленными существительными, в подобных сочетаниях прилагательное имеет значение ‘хорошего качества’ (*плодъ добръ, сукно доброе*) [6]: *ВолодимЬръ же присла* ***конь*** *свои емоу.* ***добрыи*** [Волынская летопись]. Постпозиция прилагательного *добрыи* в приведенном примере грамматически обусловлена наличием нескольких определений, относящихся к слову ***конь***.

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы:

1. Членные формы имен прилагательных активно участвовали в выработке новых способов языкового выражения смысла, поскольку обладали более широкими возможностями сочетаемости по сравнению с нечленными формами.

2. В изучаемый период развития языка членная форма прилагательного начинает выполнять функцию собственно определения и выступает в препозиции по отношению к определяемому существительному. Особенно последовательно обозначенный порядок

слов отражается в сочетаниях прилагательного *добрыи* с одушевленными существительными (*добрыи кнАзь, добрая жена, добрыи человЬкъ*).

3. Постпозиционное употребление членной формы в летописях следует объяснять стремлением автора подчеркнуть значимость признака, а также недостаточно развитой противопоставленностью функций членных и нечленных форм прилагательных. Неслучайно постпозиционное употребление *добрыи* обычно встречается в сочетаниях с неодушевленными существительными, которые позднее, чем одушевленные, подверглись процессу грамматикализации (*конь добрыи, домъ добрыи*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2003. 390 с.

2. Дронова Л.П. История становления общеоценочной лексики русского языка: семантика положительной оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Колл. монография / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с. (Серия «Монографии»; вып. 10).

3. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с. (Studia philologica).

4. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.

5. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: репринт. изд.: в 3 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893 // Этимология и история слов русского языка. Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij (дата обращения: 27.10.2017).

КОЛОСОВА Елена Ивановна *(Казань, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент

ГИМРАНОВА Татьяна Александровна *(Казань, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
hkolosova@yandex.ru
tbychkova@mail.ru

БОРЬБА «НОВОГО» И «СТАРОГО» В ЯЗЫКЕ: УСТРАНЕНИЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Аннотация. В статье на примере истории одного глагола **искать** будет дан исторический комментарий развития грамматической синонимии в языке, прослежена динамика развития семантики глагола, а также показаны пути устранения нежелательной грамматической синонимии в диахронии.

Устранение нежелательной синонимии в языке, как известно, процесс длительный и неравномерный. Действующий в литературном языке процесс устранения форм с чередованиями в основах и выравнивание их по образцу I продуктивного класса коснулся разных глаголов (**алкать, капать, черпать, махать, искать, брехать** и др.), на определенном этапе языкового развития у этих глаголов была зафиксирована грамматическая синонимия форм настоящего времени, каждый глагол этой подгруппы имеет свою историю развития и взаимодействия форм, причины устранения и сохранения грамматической синонимии форм у глаголов данного типа также весьма различны. Явление грамматической синонимии форм, основанное на первоначальном стремлении к унификации глагольных основ в парадигмах, у ряда глаголов было устранено вследствие дифференциации появившихся параллельных форм настоящего времени у глаголов. Развитие синонимичных форм шло по нескольким направлениям, следуя общей тенденции устранения нежелательной синонимии, т.е. дифференциации форм либо семантической, либо стилистической, иногда одна из форм выходит из активного употребления, что в дальнейшем приводит к абсолютной ее утрате [Колосова, Гимранова 2016]. Каким образом происходило устранение грамматической синонимии путем выпадения одного из показателей? Предпринятое исследование исторического прошлого языка по-

казало, что устранение нежелательной синонимии шло по двум направлениям 1) утрата исконной непродуктивной формы и, как следствие, переход глагола в I продуктивный класс; 2) отказ от появившейся продуктивной формы и стойкое сохранение глагола как непродуктивного по способу образования личных форм в языке.

Ко второму типу можно отнести историю общеупотребительного глагола **искать**. На современном этапе развития глагол воспринимается как непродуктивный с одной формой настоящего времени **ищу**, которая считается единственно возможной и правильной. Это подтверждают данные словарей русского языка XX века. **Искать, ищу:** 1. *кого-что.* Стараться найти или обнаружить. Искать упавшую иголку. Искать нужную книгу. Искать правду. Искать глазами кого-нибудь (стараться увидеть). 2. *кого-что и что.* Стараться получить. Искать защиты. Искать работы. Искать помощника. 3. *без доп.* Стремиться к чему-нибудь новому, (в науке, искусстве). 4. *что с кого-чего или на ком-чем.* **Предъявлять иск к кому-нибудь** *(спец.)* [Ожегов 1990].

В целом следует признать, что глагол имеет стандартный набор значений, который сохранился со времени функционирования глагола в древнерусском языке. При сопоставлении материала словарных статей современных словарей и данных, собранных И.И. Срезневским, можно обнаружить сходство и различие. Если набор значений примерно одинаков, за небольшим исключением, то парадигма настоящего времени представлена двумя параллелями: **ищꙋ** и **искꙋ**. **Искать, ищꙋ** и **искꙋ**: **Аще ли есть не имовитъ (створивый оубиство) и оускочитъ же, да ищютъ его, дондеже ѡбращетьсѧ; аще ли ѡбращтьсѧ, то оубиенъ будетъ.** Дог. Игор. 945 г.

– спрашивать, просить; – призывать;

– разспрашиватъ; – домогаться судом, вести иск;

– домогаться; – зарабатывать.

Не ищемъ на подвиги на брати въмѣстися. Мин. пут. XI в. 47.

Искати лиха – зложелательствовать

Сꙋдъ искати – начинать иск судом [Срезневский 1893-1912].

Нельзя не отметить наличие грамматической синонимии у глагола уже на ранних этапах развития языка. Авторы Словаря русского языка XI-XVII веков пошли дальше: они, не изменяя качественно значений глагола, вводят в словарную статью «третью» форму на -аю: **Искати, иску, искаю и ищу** 1. Искать, разыскивать. **Христа бо иская, приидохъ на мѣсто сиє.** Ж. Сер. Нур., XVII в. ~ 1584 г. **Искати главу** – искать в голове (насекомых). 2. Стремиться, хотеть, пытаться что-либо сделать. **Нє ищємъ на подвиґы на брати вымѣстися.** Мин. Пут.,47-Х3 в. 3. Стараться получить что-либо, домогаться чего-либо. • **Искать великого княжения** – добиваться великокняжеской власти. • **Искать чьей-либо головы** – добиваться чьей-либо гибели. 4. Добиваться судом чего-либо, предъявлять иск на что-либо. // Расспрашивать. **Искать вины** – обвинять. **Искати судъ** – просить судебного разбирательства [СРЯ 1975].

Вероятно, появление этой формы можно объяснить контаминацией форм разных глаголов, так как еще И.И. Срезневский отмечал существование глагола **искаґати** с продуктивной формой **искаю**, которая, по-видимому, была отнесена к глаголу **искати**: **Искаґати, искаю** – истощить. **Иже лѣтъними недоуґы искаґавши(м) телеса.** Диоптр. Филип. [Срезневский 1893-1912].

Может вызывать недоумение соединение двух разных глаголов, так как значение ‘истощить’ у глагола **искаґати**, казалось бы, совершенно не соотносится с имеющимися глагольными значениями **искати**. Можно предположить, что сыграла роль близкозвучность глаголов **иска(ґа)ти**, а может быть, для жителей XI-XVII веков были и другие причины для объединения этих глаголов, например, в значении ‘добиваться чьей-либо гибели’, т.е. уничтожения, физического истощения. Так или иначе, но существование грамматической синонимии форм у глагола в период XI-XVII вв. остается неизменным.

Возможно, стойкое сохранение непродуктивного образования объясняется закрепленностью в более ранних по времени памятниках древнерусской письменности, так как пример с формой на -аю, приведенный авторами Словаря русского языка XI-XVII вв., относится к концу XVI – началу XVII века.

Явное предпочтение непродуктивной форме *ищу* в письменном языке приводит к тому, что к концу XVIII века у глагола остается только она. При этом нет упоминания и о "старой" форме *иску:* **Ищу** 1. В пространственном смысле значит: употребляю средства к обращению чего, найти стараюсь. **Что ищете живаго съ мертвыми**? Лук. XXIV.5 **Онъ ищетъ случая къ своему обогащенію. Гонители да постыдятся, Что ищутъ зла душѣ моей.** Ломоносов. 2. В приказном наречии: доправляю по суду на ком что нибудь принадлежащее себе, или по праву притязаемое, так же требую удовлетворения в чем. **Онъ ищетъ столько иску на своемъ противникѣ.** 3. По правилам науки тщусь достигнуть познанием до чего. **Альхимисты тщетно ищутъ философскаго камня.** 4. В соединении с неокончательным наклонением значит: стараюсь делать что. **Иной ищетъ обогатиться неправеднымъ образомъ. Враги мои ищутъ погубить меня** [САР 1789 г.].

В произведениях ближайшего по времени поэта – А.С. Пушкина – отмечается только непродуктивная форма, которую следует признать нормой литературного языка XIX в. Пушк: **Искать** 1. Стараться найти, обнаружить (что-нибудь скрытое, утраченное, потерянное). *Перен.* В пустынной тьме что **ищут** робки очи? С1 6.34. Стихи мои **ищут** тебя по всей России // – Я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал – да мне все идет на перекор. Пс 49.37. 2. Стараться убедиться в наличии чего-нибудь (кого, чего). Мертвец в России очутился, Он **ищет** новости какой, // Но свет ни в чем не преминился. Все идет той же чередой. С1 51.22. 3. Добиваться, стараться достигнуть чего-нибудь, получить что-нибудь, стремиться к чему-нибудь. К нему приближилась *она.* // Уста прекрасной **ищут** речи. КП 11.226 [Словарь языка Пушкина 1954].

Таким образом, можно утверждать, что глагол к концу XVIII века полностью устранил нежелательную синонимию путем утраты параллельных форм *искаю – иску.* Во всех последующих словарях глагол представлен

только исконной формой *ищу* и до нашего времени остается непродуктивным по способу образования личных форм.

Своеобразная картина представлена в говорах. По материалам Словаря русских народных говоров следует отметить, что и в говорах у глагола **искать** используется литературная форма *ищу,* хотя, естественно, значения совпадают не полностью. Такое совпадение форм, очевидно, может быть расценено как подтверждение тому, что устранение грамматической синонимии у глагола в литературном языке произошло достаточно давно (XVIII в.), и результаты его прошли в современные говоры, так как было выбрано "верное направление". О наличии в говорах грамматической синонимии у глагола свидетельствуют материалы, собранные под руководством акад. Обнорского С.П.: **искать**: 3-е мн. **искают**. Вятский (губ. и у.) и Котельнический у. (Зел); Уржум (Магн.): **искаишь**? **Искайте, искаю**. Донская обл. (Сол.25; ВЗЛ 7,12) [Обнорский 1953: 9].

Вероятно, процесс устранения синонимии в говорах прошел чуть позднее, чем в литературном языке, но все-таки он был завершен в пользу непродуктивного образования. Это подтверждает тот факт, что языковое сознание носителей русского языка находится в постоянном поиске оптимальных путей развития форм и значений и не всегда "новое" признается лучшим и вытесняет "старое".

ЛИТЕРАТУРА

1. Колосова Е.И., Гимранова Т.А. Динамика развития глагольных параллелей в русском языке (грамматическая синонимия форм настоящего времени). Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век«, 2016. 196 с.

2. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: АН СССР, 1953. 252 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 ООО сл. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М.:Русский язык, 1990. 921 с.

4. Словарь Академии Российской. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наукь, 1789. В 6 т.

5. Словарь русского языка XI-XVII вв./ Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1975.

6. Словарь языка Пушкина. М.: АН СССР, 1956. В 4-х т.

7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Отд-ие русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1893-1912. В 3 т.

КРАСОВСКАЯ Нелли Александровна *(Тула, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Тульский государственный педагогический университет
имени Льва Николаевича Толстого
nelli.krasovskaya@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается лексика, называющая почвы, угодья, выбранная из «Топографического описания Тульской губернии. 1803 г.» В.А. Лёвшина. Делается вывод о том, что рассматриваемые лексические единицы в современном языке имеют ограниченное употребление. В основном они относятся к диалектным или к просторечным.

Предметом рассмотрения в рамках данной статьи становятся некоторые лексические особенности «Топографического описания Тульской губернии. 1803 г.». Автором названного уникального издания является В.А. Лёвшин, который принадлежал к старинному русскому дворянскому роду. Имение Лёвшиных в селе Темрянь Белевского района Тульской области до настоящего времени не сохранилось, и имя В.А. Лёвшина уже практически не известно нашим современникам. С 1773 по 1826 г. Лёвшин издал около 90 книг. Одной из особенностей В.А. Лёвшина была способность быстро откликаться на те задачи, которые вставали в различных областях общественной жизни России. Эта особенность ярко проявилась в его деятельности в Вольном Экономическом Обществе (ВЭО), созданном в 1765. В 1803 году Лёвшин составил для ВЭО «Топографическое описание Тульской губернии». Оно до настоящего времени является, по определению специалистов, одним из лучших топографических описаний губерний в России.

Топографическое описание как жанр находится на стыке истории, экономики и географии и объединяет специфические российские произведения научного характера определенного исторического периода (80-е гг. XVIII в. – начало XIX в.). Однако нас интересует не столько жанр, слог и стиль документа, сколько языковые особенности, а именно лекси-

ческие факты, с которыми мы встречаемся на страницах «Топографического описания» В.А. Лёвшина.

Скажем о том, что язык указанного произведения В.А. Лёвшина мало подвергался рассмотрению (см. об этом, например, Красовская Н.А. [2]). В рамках данной статьи мы останавливаемся на лексике, связанной с характеристикой и обозначениями земельных участков, угодий, типов почв. Наше внимание привлекли лексические единицы, которые вводятся в текст «Топографического описания…» без помет, ссылок и авторских комментариев. Можно предположить, что данные лексемы не воспринимались В.А. Лёвшиным как ограниченные в употреблении, он не видел необходимости давать при них пояснения. Однако в наше время, когда прошло уже более двух веков с момента выхода в свет «Топографического описания…», осмысление ряда лексических единиц существенным образом поменялось. Попытаемся разобраться с двухсотлетней судьбой некоторых слов.

Существует большая проблема в определении функциональной принадлежности слова с точки зрения диахронии. Невозможно точно сказать, являлась та или иная единица ограниченной в употреблении территориально или стилистически. Это вполне понятно, потому что само становление литературной формы русского языка – длительный и сложный процесс. Обратимся к конкретным примерам.

В современном русском языке лексема **дача** употребляется в разных значениях, которые представлены в словарях как омонимы: 1. Действие по глаголу дать. 2. Загородный дом для летнего отдыха городских жителей. 3. Часть лесничества, выделяемая в самостоятельное хозяйствование || Участок земли под лесом. [5, т. 1: 367.] Обратим внимание на последний приведенный нами омоним. В рассматриваемой работе В.А. Лёвшина мы довольно часто сталкиваемся со словом **дача** в значении ‘надел, участок земли’, причем данная лексема употребляется автором, не указывая на местные (этнографические) особенности или раз-

новидности. У Лёвшина встречаем такие контексты: *«…В дачах села Давыдова и далее по разным местам в Козельской округе»* [3: 18]; *«Сенокосы в дачах селений, при реках лежащих и разливами оных затопляемые, впрочем, название лугов отличаемые, приносят травы лучшия, изобильнейшия и нежнейшее сено»* [3: 20]. Слово **дача (дачка)** в настоящее время зафиксировано нами в Воловском районе Тульской области в значении ‘надел земли’: *«Дачку дали, там свекла совхозная, ходили и пололи, и тяпали», «Дачки все давали, дачка – это надел»* (д. Пруды, Волов.). В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) находим и слова **дача** и **дачка** в подобном значении: «ДАЧКА… 1. Из названий угодий, частей поля. … Том., Снегирев, 1910» [4, вып. 7: 279-280]. Можно предположить, что данное слово не воспринималось В.А. Лёвшиным как диалектное, а использовалось им как общеизвестное. В наши дни данная лексема в значении ‘надел земли’ употребляется как диалектная, о чем свидетельствуют полевые записи и материалы диалектных словарей.

Неоднократно в тексте работы В.А. Лёвшина встречается лексема **кряж**: *«Самый удобнейший сего роду к хлебопашеству кряж в округе сей простирается по сторонам большой дороги из губернского города к Москве к смежностям округ Алексинской и Каширской»* [3: 19]; *«Вообще в округе этот кряж сух»* [3: 20]. Как видим из приведенных примеров, в текст работы данное слово вводится без каких-либо пояснений. В современных словарях лексема имеет следующие значения: «1. Цепь невысоких гор…2. Толстый, короткий обрубок древесного ствола; чурбан… 3. *Разг*. О крепком, коренастом человеке…» [5, т. 2: 142]. Отметим, что ни одно из значений, представленных в современном словаре, не соответствует употреблению В.А. Лёвшина. В диалектных словарях мы находим среди множества значений то, которое больше всего близко работе В.А. Лёвшина: «1. Кряж… Участок пахотной земли... Казан., 1897…» [4, вып. 15: 362]. Указанное толкование напрямую связано с тем, которое представлено в «Словаре русского языка XVIII века»: «КРЯЖ (-

жь)... 1. *Территория, часть материка…* || *Участок земли по ее хозяйственной ценности.* …» [6]. Следовательно, данная лексема в значении ‘участок земли’ или ‘участок пахотной земли’ сейчас вышло из активного употребления, но осталось в диалектной речи.

Подобная судьба наблюдается и у слова **пажить**. У В.А. Лёвшина встречаем: *«…исстари поселенные в оных казаки, пушкари и стрельцы, также и городския церковнослужители имеют во оных свои пажити и сенокосы…»* [3: 21]. В «Словаре русского языка» находим при данной лексеме помету *трад-поэт*.: «…Трад-поэт. Луг, поле…» [5, т. 3: 11]. В СРНГ данное слово тоже отмечается с несколькими значениями и с указанием региона их бытования: «Пажить... Выгон, пастбище, луг. Слов. Акад. 1822. Тамб., Ряз., Яросл., Влад.» [4, вып. 25: 141]. Можно предположить, что современное употребление указанной лексемы нельзя считать только территориально ограниченным, оно может встречаться и в других подсистемах русского языка, но то, что это слово с течением лет также сменило сферу своего употребления на более ограниченную, – бесспорно.

В следующем контексте мы находим лексему **болотина**: *«Родники сии обыкновенно исходят в почвах либо каменистых, или глинистых с песчаностию, либо на местах рухлых, и составляют болотины»* [3: 29]. В «Словаре русского языка XVIII в.» указанное слово уже дается с пометой *прост*.: «БОЛО́ТИНА*… Прост. Болотистое место, топь…»* [6]. С такой же пометой мы находим данное слово и в «Словаре русского языка»: «Болотина… *Прост*. Болотистое место» [5, т. 1: 105]. Однако отметим, что в подобном значении мы встречаем лексему **болотина** и в диалектном словаре. Так, СРНГ дает: «1. Болотина... 1. Небольшое болото, низкое, болотистое место…» [4, вып. 3: 78]. Можно поэтому говорить о том, что данная лексема относится в современном русском языке к лексике ограниченной сферы употребления, либо характеризуется как просторечная, либо как диалектная.

Остановимся на еще одном примере: *«На мокрединах и болотных местах растут березы, ольхи, изредка осины»* [3: 183]. Обратимся к семантике слова **мокредина**. В СРНГ находим: «1. Мокредина… Болотистое, сырое место…» [4, вып. 18: 207-208]. Указанная лексема без каких-либо помет встречается в «Словаре русского языка XVIII в.»: «МОКРЕДИНА... *Мокрое, низкое, сырое место»* [6]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля встречаем данную лексему: «…тул. мокредина – лужа, мочежинка, болотце» [1: 563]. Таким образом, уже в середине XIX в. данное слово фиксировалось как территориально ограниченное, следовательно, можно предположить, что и В.А. Лёвшин употреблял его как диалектное.

Рассмотрев небольшое количество лексем, выбранных из работы В.А. Лёвшина «Топографическое описание Тульской губернии. 1803 г.» и относящихся к тематической группе «Почвы, угодья», мы можем сделать выводы о том, что сам текст произведения дает возможность наблюдать использование лексики, относящейся к разным функциональным сферам. На том основании, что в проанализированных нами примерах не присутствует авторских пояснений и толкований, мы можем полагать, что та или иная лексема была довольно распространенной и могла быть понятна всем читающим данное издание. Однако определенным возражением может служить то, что ученый-энциклопедист описывает реалии Тульского края, сам является уроженцем Тульской губернии, поэтому вполне закономерно появление в речи территориально ограниченных единиц. Рассмотренные нами примеры свидетельствуют и о том, что большинство из них в современном употреблении относятся к диалектным или к просторечно-диалектным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 2: И-О. М.: АСТ: Астрель, 2007. 1278 с.

2. Красовская Н.А. Диалектная лексика в «Топографическом описании…» В.А. Левшина // РЯШ. 2012. № 2. С. 92-95.

3. Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула: Пересвет, 2006. 391 с.
4. Словарь русских народных говоров. М.-Л.: Наука (продолжающееся издание).
5. Словарь русского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1981-1984.
6. Словарь русского языка XVIII в. Электронный ресурс: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/. (дата обращения 07.09.2017).

ЛЕВИЦКИЙ Андрей Эдуардович (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
andrelev@list.ru

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ (на материале английского языка)

Аннотация. Статья посвящена раскрытию основных тенденций развития системы языковых средств выражения градуальности в английском языке. Постоянное пополнение и обновление состава языковых средств выражения градуальности доказывает необходимость пополнения этого класса единицами с эмоционально-экспрессивной окраской, маркирующих разговорно-бытовой стиль общения, расширяющих свою валентность и теряющих свою логико-предметную семантику.

Градуальность содержит кванты информации об оценке человеком явлений, событий, действий, признаков с позиции определённой шкалы оценки, существующей в сознании индивида. Это необходимо для осуществления разных видов деятельности, так как в повседневной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью оценки признаков и качеств объектов окружающей его действительности. Градуальность отражает реальную ментальную способность человека, поскольку напрямую связана с выявлением сущностных свойств определенных предметов, явлений, состояний, действий, признаков и их оценкой [4; 5], которые взаимодействуют с процессами обработки полученной информации и ее интерпретации, а следовательно, оценки в соответствии со своими целями, задачами, желаниями, устремлениями и условиями, в которых действует [3: 4-13]. Находясь в материальном мире, люди градуируют свои чувства, одушевленные и неодушевленные объекты, их признаки, состояния или действия. Человеку необходимо знать, каким образом и

до какой степени данная сущность отвечает его требованиям и как / когда он может на нее полагаться, т.е. использовать в своих целях. Таким образом, градуальность призвана фиксировать определенное качество, степень, меру признака, свойства предмета, явления, состояния или действия.

Важную роль играет наличие определенной нормы сравнения как стереотипного явления. Рассматривая норму в аспекте градуальности, мы сталкиваемся с видовой нормой, сравнивая однородные предметы; нормой пропорции при сравнении соотношений параметров признака в предмете и их положения в пространстве; нормой ожидания; ситуативной нормой, зависящей от конкретных особенностей ситуации общения. Понятие нормы, относительно которой определяется асимметрия объектов, оказывается связанной с когнитивными способностями индивида и отражает антропоцентрическую ориентацию пространственной, временной и ценностной оси. Индивидуальные же отличия в понимании нормы предполагают указание на интерпретацию оценочного суждения, поскольку оценка наиболее подвержена воздействию ситуативных факторов и зависит от основных черт языковой личности. Элементами индивидуального сознания являются практические знания, составляющие жизненный опыт человека, а также его воображение – особенности восприятия, моторной активности, культуры, ментальной образности. В зависимости от степени развитости указанных качеств в сочетании с важностью некой сущности индивид может существенно детализировать концептуально важную информацию на основе функций предметов, их местоположения, качества и основных характеристик. Итак, любая форма, состояние или действие обладают инвариантным признаком воспроизводимости в определенных пределах, способствуя тому, что образ, ассоциируемый с конкретными показателями, закладывается в память индивида. На этой основе и происходит идентификация неких сущностей и вербализация информации о них.

Так, информация о градуальности признаков, состояний и их качеств вербализуется такими языковыми единицами: лексическими (*formidable, attractive)*, характеризующимися оценочностью; лексико-грамматическими (наречиями степени – *They seemed pretty wasted [G. Wilder]*); фразеологическими (*Car was skidding like anything [A. Christie]*); словообразовательными (аффиксами градуальности – *Actually they got a little over-excited [G. Wilde]*), морфологическими (формами степеней сравнения прилагательных и наречий – *I've suddenly realized how very much fonder I am of her than I knew [A. Christie]*) и синтаксическими (*You do look smart; I knew it was no good talking, she had it in for me good and proper [J. Fowles]; How perfectly lovely! [A. Christie])* средствами.

В основе градуальности лежит своеобразное оригинальное сравнение двух сущностей – инвариантной (известной, базовой) и новой, приближающейся к первой по основной из них. Таким образом, данный концепт позволяет реализовать и номинативную стратегию, т.е. некая сущность может получить новое градуированное наименование (*Suddenly one of the shell-like things unfurled insectile wings [S. Sheldon]*); сохранить в своем языковом воплощении указание на предмет сравнения (*Edward – you're icy cold [A. Christie]; My mouth was as dry as stone and I had trouble speaking [S. Leighton]);* либо быть квалифицирована как инвариант с несущественными, градуированными отклонениями (*… this guy sort of sat down next to me … [G. Wilder]; No matter – leaving the Yorkshire Grey around six, two guys are coming in, drunk as hell, asking me where the action is [K. Brooks]*).

Наиболее распространёнными вербализаторами градуальности выступают формы степеней сравнения прилагательных и наречий, а также наречия степени. Именно с их помощью продуцент высказывания фиксирует градуированное представление о неком предмете, явлении, свойстве, состоянии или действии. Вместе с тем, учитывая активное пополнение наречий степени за счёт единиц других классов слов есть

смысл несколько расширить объём и значение единиц. Считаем целесообразным объединить эти лексические единицы в единый функциональный класс квалификаторов.

Как показывает анализ словарных и литературных источников, квалификаторы образуются от различных основ, обозначающих эмоции. Многие квалификаторы образовались от слов, обозначающих страх, ужас и другие неприятные эмоции: *frightfully, awfully, terribly, deadly.*

Оксюморонные словосочетания типа современных *awfully glad, frighfully nice* известны еще со времен древней Греции. Сейчас же пополнение функционального класса квалификаторов сопровождается некоторой вульгаризацией языка, терпимостью к словам и выражениям, которые ранее считались просторечными или даже нецензурными. Так, *damn* и его производные до Первой мировой войны расценивались как непечатные (в романе Дж. Голсуорси “Собственник” вместо *damned* пишется *d--d*). Еще большим табу считалось *bloody*. Эти слова, как правило, заменялись эвфемизмами типа *darned, blessed*, *blooming* и т.п. Однако в наши дни в англоязычной художественной литературе, в периодической прессе квалификаторы *damn, damnable, goddam, bloody* употребляются довольно часто: *“You know damn well you‘re not going blind, so stop hamming it up” [D. Francis]; I call it damned rude [N. Spain]; Damnable how hard it was to recall anything [P. Abrahams]; “He’s got this goddam superior attitude all the time,” Ackley said [J. D. Salinger]*. Их появление в языке отражает мощный эмоциональный заряд, который они несут, что наряду с развитием коммуникативной толерантности (термин Л.П. Крысина [2: 62]) «открывает двери» в этот класс слов коллоквиализмам со сниженной стилистической коннотацией *(a jot, a fig, fucking* и т. п.).

В переносном значении, выражая эмоциональную оценку или эмоциональное усиление, квалификаторы изменяют как свое логико-предметное значение (собственно семантику), так и стилистические ха-

рактеристики. Появление новых значений квалификаторов проходит под воздействием эмоционального фактора, что, в свою очередь, способствует их превращению в коллоквиализмы со сниженной стилистической коннотацией.

Широкое употребление квалификаторов приводит к отрыву их от связи с бывшим денотатом; затемнению их логико-предметного значения и приобретению значения, синонимичного традиционным квалификаторам; изменению валентности и сочетаемости этих слов; изменению их функционально-стилистической принадлежности.

Сопоставляя данные положения с положениями, высказанными Э.С. Азнауровой [1: 265-276], мы приходим к выводу о том, что функциональные изменения у квалификаторов и их стилистическая переориентация представляет собой преобразования их характеристик, приводящих к изменению их стилистического статуса, сужению сферы их функционирования, перемещению на стилистической шкале.

В последнее время, особенно в разговорной английской речи, заметна активизация перехода в функциональный класс квалификаторов прилагательных (в том числе – адъективированных причастий) и существительных. При этом такие слова утрачивают конкретную семантику исходных единиц и приобретают в ряде случаев чуждую для этих прототипов валентность. Так, многие прилагательные и существительные (например, *a shade, a trifle, dead, awful, stone*) наряду с логическим значением приобретают при определенных функциональных условиях эмоционально-оценочное значение. Не следует смешивать квалификаторы-слова с теми единицами, к которым они генетически восходят: наречия (*very, slightly, faintly* и др.); прилагательные (*close, good* и др.); местоимения (*somewhat, this, some, that* и др.); существительные (*brand, a bit, a mite* и др.). Ср.: *I like it* <u>*a lot*</u> (квалификатор) : : *We paid her* <u>*a lot*</u> (существительное); *She will be* <u>*something*</u> *of a beauty* (квалификатор) : : *We saw*

something on the floor (местоимение); *He was a bit stiff* (квалификатор) : : *We did a bit of calculation* (существительное).

Никакой другой класс языковых единиц не обладает такой широкой грамматической валентностью и, более того, не проявляет столь очевидно тенденцию к ее расширению: *I very much doubt whether he could pay (E.Waugh); "But maybe I could ease up your situation some" (E.Leonard); "But I'll pick a bit up, to be going on with"(J. B. Priestley); It cost him damn near four thousand bucks (J. D. Salinger); With an almost animal cry he buried his face /…/ (H. Robbins); "He's a New-Yorker enough to appreciate it" (E.McBain); They were paying half as much again for the same sort o'stuff, veneers and inlays, not a bit better, here in London (J.B.Priestley); "Almost too heavy" (W. Golding).* Квалификаторы представляют одно из главных средств выражения градуальности как характеристики качества, состояния и действия по степени их проявления. Будучи используемыми часто в разговорной речи, они быстро становятся "стертыми" и нуждаются в замене. Пополнение и обновление состава языковых средств выражения градуальности демонстрирует активность выражения субъективной оценки явлений, состояний и свойств предметов мира, окружающего человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент: Фан, 1973. 405 с.
2. Крысин Л.П. Языковая норма: жесткость vs. толерантность // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 57-65.
3. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.
4. Barsalou L.W., Huttenlocher J., Lamberts K. Basing Categorization on Individuals and Events // Cognitive Psychology. 1998. Vol. 36. № 3. P. 203-272.
5. Rehder B. Categorization as Causal Reasoning // Cognitive Science. 2003. Vol. 27. № 5. P. 709-748.

ПИЛИПЕНКО Наталья Викторовна
(*Набережные Челны, Россия*)
кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы
МБОУ «СОШ № 41»
nataliapilipenko@rambler.ru

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ОПИСАНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена структуре и семантике описаний в древнерусском тексте.

Мышление человека организовано таким образом, что, познавая какую-либо реальность, он стремится выделить «замеченные им признаки предмета и на этой основе создаёт себе представление о вещи в целом» [1: 543]. Соответственно, *описание* представляет собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности.

Как известно, человек в каждую эпоху его эволюции имеет своё специфическое восприятие объективно существующего мира, обусловленное спецификой образа жизни и культуры. Сознание средневекового человека, например, в отличие от современного, не способно было к «чрезмерной отвлечённости, столь свойственной нашему времени» [2: 14]. Человек еще не мог «разъять» описываемый предмет «на дробные признаки» и передать их через «впечатление автора» [3: 170], поэтому описания в древнерусском тексте подсказываются не мироощущением, а мировоззрением древнего автора.

Структурную основу описаний в древнерусском тексте составляют формульные конструкции, то есть определённые формально-структурные схемы, воспроизводимость которых связана с нормативностью текста-образца [4: 188]. Для их обозначения мы вводим термин *дескриптивные словесные ряды* (типа *Бяху же хлѢби оны тепли суще и мягци*).

Дескриптивные словесные ряды представляют собой линейную, обладающую относительной смысловой и структурной законченностью последовательность двух логически зависимых друг от друга элементов:

номинативного элемента, обозначающего объект действительности, который подвергается описанию (в примере, приведенном выше, – *хлѣби оны*), и дескриптивного элемента, содержащего собственно описание означенного объекта действительности (*тепли суще и мягци*).

Номинативный элемент может иметь разное грамматическое выражение: может быть выражен собственным / нарицательным, одушевлённым / неодушевлённым именем существительным в именительном падеже (*БѢ же* ***Глѣбъ*** *милостивъ на убогия и страньнолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ* [ПВЛ]); именем существительным в косвенном падеже (***Еупатия*** *крѣпка исполина* [Пов. о раз. Ряз. Бат.]); притяжательным прилагательным (*за обиду* ***Олгову****, храбра и млада князя* [Сл. о полку Иг.]); местоимением (*И* ***та*** *бѣ мудра зѣло* [Суды Сол.]); сочетанием слов (***Князи же, племя Ростиславле****, милостиви суть и до хрестьянства добрѣ* [Пов. о бит. на Лип.]).

Позиция номинатива в дескриптивном словесном ряду также может быть различной. По отношению к дескриптивному элементу номинатив может быть препозитивен (***старца*** *сѣда брадою* [Жит. Зос. и Савв. Солов.]); постпозитивен (*на великие и пространные, и гладкие, зѣло веселые* ***луги*** [Ист. о вел. кн. Моск.]); может находиться внутри дескриптивного элемента (*зѣло злообразна* ***мужа****, черна и перната, и устрашае болящаго* [От жит. преп. Савв.]) или «разрываться» дескриптивным элементом (***слугу своего*** *доброго вѣрного,* ***именемь Ратчьшю*** [Гал.-Вол. лет.]).

Дескриптивный элемент служит для характеристики объекта описания. В зависимости от морфологического выражения дескриптивного элемента дескриптивные словесные ряды можно разделить на четыре типа:

1) *Дескриптивные словесные ряды с адъективной дескрипцией*, в которых в качестве дескриптивного элемента выступает сочетания «ка-

чественное прилагательное + существительное» (*Потом приидет ти человѣкъ,* ***красенъ лицемъ,*** *вдай же ему в руцѣ все оружие свое* [Сл. Мерк. Смол.]); «прилагательное в именной форме + наречие меры и степени» (*Обрѣт мѣсто* ***зѣло красно*** *на строение монастырю близъ рекы Москвы, именемъ Симоново* [Жит. Серг. Рад.]); «имя прилагательное + существительное» (*Царь великий князь взем благословение и прощение от духовнаго отца своего,* ***мужа добродѣтелна****, Андреа именем* [Казанск. ист.]); парное именование (*Ерей бѣ нѣкто именемъ Илия,* ***смиренъ и кротокъ велми*** [Измарагд]) или одиночное имя прилагательное (*Бѣяше же и супружница ему именемъ Ирина, и та* ***благочестива сущи*** [Жит. Мак. чуд.]).

2) *Дескриптивные словесные ряды с вербативной дескрипцией*, в которых в качестве дескриптивного элемента выступает глагольная форма (причастие, глагол), одиночная или сочетающаяся с именем существительным, стоящим в форме винительного / родительного / творительного падежа, например: *И избрав старца нѣкоего именем Павла,* ***чином священничества подобнѣ украшена,*** *и дасть им игумена* [Жит. Зос. и Савв. Солов.]; *И се по съмотрению Божию* ***пооблачилося*** *небо, и* ***сънидe*** *дъждь* [Жит. Феод. Печ.] и т.п.

3) *Дескриптивные словесные ряды с субстантивной дескрипцией*, в которых в качестве дескриптивного элемента выступает имя существительное или сочетание со значением ограничения, например: *Прилучи же ся в то время старець Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие,* ***художествомъ часовникъ*** [Расск. о смерти Пафн. Бор.]; *И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ* ***ратай****, а Авѣль* ***пастух*** [ПВЛ].

4) *Дескриптивные словесные ряды с неоднородной дескрипцией*, в которых дескриптивный элемент выражен последовательностью морфологически разнородных компонентов, например: *И видѣх против себе идуща от монастыря прямо старца* ***велика, сѣда власы, браду имуща велику*** [Жит. Арс. Кон.].

Дескриптивный элемент может употребляться в предикативной и атрибутивной функциях. Анализ языкового материала показал, что к ядерным дескриптивным конструкциям относятся словесные ряды, в которых дескриптивный элемент выступает в предикативной функции. Например: *Василко бо бѣ* ***возрастомъ середний, умомъ великъ и дерзостью*** [Гал.-Вол. лет.].

В отдельных словесных рядах дескриптивный элемент употребляется в атрибутивной функции, в таких случаях он оказывается включённым в повествовательную микротему в качестве описательного сообщения, а номинативный элемент выполняет двойную функцию: номинации объекта описания и номинации субъекта или объекта действия. Например: *Приидоша к нему два мужа* ***свѣтлы зѣло образом****, влекуще за собою кережу, полну хлѣбов и мукы и масла* [Жит. Зос. и Савв. Солов.].

Описания в древнерусском тексте отличаются единообразием и краткостью. Они не дают детального представления об объекте описания и чаще всего сводятся к указанию на какую-нибудь деталь. Единообразие описаний в древнерусском тексте достигается не только с помощью структурной оформленности дескриптивного ряда, но также за счёт повторяемости одной и той же семантически несвободной фразы или одиночной лексемы, входящих в словесный ряд в качестве дескриптивного элемента. Например, при описании внешности чаще всего используются синкретемы *красенъ лицемъ*, *красенъ / великъ тѣлом* или синкретсемичные прилагательные *красно*, *великъ* [5: 53]; при описании одежды используются прилагательные и причастия, указывающие на ветхость, изношенность одежды: *худостный, ветхий*, *раздранный, растерзанный* (подобные описания являются визуальной репрезентацией аскетического образа жизни объекта описания); при описании местности – лексемы, реализующие значение ‘пустынный, безлюдный, необитаемый’ (*пусто*, *пустынно*, *пустыня*), если описание входит в агиографический текст; в текстах же других жанров, как правило, для описания

местности чаще всего используются дескриптивные словесные ряды, в состав которых входят лексемы, реализующие значение ‘красивый, богатый’.

Следует также указать, что описанию в древнерусском тексте подвергается объект, имеющий идеологически важное для средневекового человека значение, поэтому номинативный элемент получает символический смысл. Например, описание материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками, представлено описаниями таких предметов, как храм, монастырь, христианские реликвии – объектов не просто важных, но священных для верующего человека; или описанием хлеба, для русского человека являющегося не просто едой, а символом еды, а соответственно и символом жизни; описание природы представлено описаниями природных явлений, имеющих символическую связь с описываемыми событиями – они предвещают благоприятный или неблагоприятный исход каких-либо событий или объясняют действия персонажа; описание одушевленных объектов представлено описаниями только тех людей, которые как-то повлияли на ход истории (делом или словом, молитвой) или явились нравственным примером для окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.

2. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 312 с.

3. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.

4. Пименова М.Вас. Типология русской ментальности в диахронии // Вестник МГЛУ. 2012. 19 (652). С. 185-193.

5. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Гал.-Вол. лет. – Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста и пер. О.П. Лихачевой // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 400; 306.

2. Жит. Арс. Кон. – Житие Арсения Коневского / Подгот. текста Н.А. Охотиной-Линд, пер. А.Г. Боброва // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб.: Наука, 2005 // http://lib.pushkinskijdom.ru (дата обращения 26.11.2016).

3. Жит. Зос. и Савв. Солов. – Жития Зосимы и Савватия Соловецких / Подгот. текста Р.П. Дмитриевой, пер. О.В. Панченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб.: Наука, 2005 // http://lib.pushkinskijdom.ru (дата обращения 26.11.2016).

4. Жит. Мак. чуд. – Житие... Макария чудотворца, игумена, создавшего обитель... Колязино именуемой / Подгот. текста и пер. М.А. Федотовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, 2003. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru (дата обращения 18.12.2016).

5. Жит. Серг. Рад. – Житие Сергия Радонежского / Подгот. текста Д.М. Буланина, пер. М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 382.

6. Жит. Феод. Печ. – Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста и пер. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 390.

7. Измарагд – Из «Измарагда» / Подгот. текста и пер. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 60.

8. Ист. о вел. кн. Моск. – История о великом князе Московском / Подгот. текста А.А. Цехановича, пер. А.А. Алексеева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, 2001. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru (дата обращения 26.11.2016).

9. Казанск. ист. – Казанская история / Подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 514.

10. От жит. преп. Савв. – От жития преподобного отца Саввы… / Подгот. текста и пер. М.А. Федотовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, 2003. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru (дата обращения 18.12.2016).

11. ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 212; 104.

12. Пов. о бит. на Лип. – Повесть о битве на Липице / Подгот. текста и пер. Я.С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 124.

13. Пов. о раз. Ряз. Бат. – Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста и пер. И.А. Лобаковой // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 192.

14. Расск. о смерти Пафн. Бор. – Рассказ о смерти Пафнутия Боровского / Подгот. текста и пер. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 482.

15. Сл. Мерк. Смол. – Слово о Меркурии Смоленском / Подгот. текста и пер. В.В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 204.

16. Сл. о полку Иг. – Слово о полку Игореве / Подгот. текста и перевод О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 376.

17. Суды Сол. – Суды Соломона / Подгот. текста и пер. Г.М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 74.

РЫКИН Евгений Юрьевич *(Владимир, Россия)*

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

СОЧЕТАНИЯ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ И МЕНТАЛИЗАЦИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ФОРМА РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1

Аннотация. В статье рассмотрен ряд особенностей проявления ментализации как одной из концептуальных форм русской ментальности на материале специальных эвалюативных единиц – сочетаний с творительным падежом ограничения.

Необходимо отметить, что вопрос об отражении в языке представлений о мире является одним из наиболее разрабатываемых в современной лингвистике (см. труды Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Т.В. Маркеловой, М.В. Никитина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, В.К. Харченко, А.Д. Шмелева и др.). Однако диахронный аспект данной проблемы, на наш взгляд, мало затронут в современных исследованиях. В частности, недостаточно изучен вопрос, связанный с особенностями проявления концептуальных форм русской ментальности на материале эвалюативных (оценочных) минимальных единиц древнерусского текста.

В.В. Колесовым выделяются три концептуальные формы русской ментальности. Первой формой по хронологии (XI-XIV/XV вв.) является *ментализация* – «…наполнение словесного знака образным смыслом» [10: 405]. На этапе ментализации происходит разработка объема понятия, что связано с развитием метонимических переносов (ассоциацией по смежности). В период *идеации* (XIV/XV-XVII вв.) разрабатывается содержание понятия, а также развиваются метафорические переносы (ассоциации по сходству). Третью форму русской ментальности

В.В. Колесов называет *идентификацией*. В период *идентификации* (XVII/XVIII-XXI вв.) происходит объединение объема и содержания понятия и заканчивается формирование лексического состава общерусского языка [9: 15].

В данной статье мы рассмотрим более детально первую форму русской ментальности – ментализацию. Материалом нашего исследования послужили специальные оценочные единицы древнерусского текста – сочетания с творительным падежом ограничения, которые представляют собой устойчивые выражения, состоящие из слова со значением качественного признака (прилагательного, реже – существительного, глагола или причастия) и зависящего от данного слова существительного в форме творительного падежа, при этом значение существительного ограничивает область проявления признака, названного главным компонентом (например, *высокъ ростомъ*). Сочетания с творительным ограничения вместе с другими словесными формулами (устойчивыми сравнениями, парными именованиями и др.) являются одними из основных единиц древнерусского текста.

На языковом уровне ментализация проявляется в том, что между языковыми единицами формируются синтагматические отношения, которые основаны на линейном характере речи. М.Вас. Пименова предлагает к лексико-семантическим единицам синтагматического уровня относить в том числе устойчивые сочетания слов и словосочетания, которые, по мнению исследователей (В.В. Колесов и др.), являются минимальными единицами древнерусского текста. По наблюдениям М.Вас. Пименовой, в минимальных, семантически несвободных единицах древнерусского текста находит свое выражение структурно-синтагматическая синкретсемия, «при которой одно синкретичное значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами)» [11: 50]. К числу подобных минимальных единиц отно-

сятся и сочетания с творительным ограничения, которые на синтагматическом уровне выражают значение оценок разных видов.

Наш материал показывает, что в сочетаниях с творительным ограничения, употребляемых в древнерусских текстах, представлены следующие типы оснований оценок (по классификации Н.Д. Арутюновой [1]): сублимированный тип (в который входят этическая и эстетическая оценки), сенсорный тип (эмоциональная и интеллектуальная оценки) и рационалистический (нормативная оценка). Необходимо заметить, что бóльшая часть сочетаний с творительным ограничения в нашем материале относится к одной из двух групп: к сочетаниям с эстетической оценкой или к сочетаниям с этической оценкой.

К сублимированному (абсолютному) типу основания оценки относится оценка, «основанная на архетипе (норме, образце, примере), на потенциальных требованиях, предъявляемых к объекту оценки» [1: 76]. В данную группу включаются этические и эстетические оценки. Этическая оценка представляет собой «частнооценочное значение, ориентированное на передачу представлений об этике – о соблюдении этических правил и их нарушении» [21: URL]. Зависимые компоненты в сочетаниях с творительным падежом ограничения, выражающих этическую оценку, выражены чаще всего абстрактными существительными: *Прославляетъ бо господь славящаа его, якоже въистину сего блаженнаго и добляго мужа,* ***высокаго житиемь****, чуднаго в добродѣтелехъ* [8: 440]; *И в дьни тыи нелзе прѣходити никаможе, и бѣ моляся Богу* ***крьпкый*** *той* ***душею*** [8: 544]; *Бяшеть бо у них воевода Тит, вездѣ* ***словый мужьствомь*** [2: 382]; *Не дѣти бывайте умом, но* ***злобою млади*** *будите, а умом же свершении* [15: 488]. Под эстетической оценкой М.Вас. Пименова понимает «отношение субъекта оценки (положительное / отрицательное / нулевое) к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху представления о красоте-безобразии в рамках

картины мира данного социума» [11: 3]. Приведем примеры: *Видѣв же науклиръ жену Еустафиеву, яко* ***красна*** *бѣ* ***лицемъ*** *зѣло* [19: 232]; *И видѣв ю* ***добру*** *сущю* ***лицемъ*** *и смыслену велми* [12: 74]; *И ужасеся Ной и Ниръ, зѣло бяше бо отрокъ* ***свѣршенъ тѣломъ****, глаголаше усты своими и благословяше Господа* [18: 116].

Сенсорный тип оценочного основания связан «с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим» [1: 76]. К сенсорному типу относятся эмоциональные и интеллектуальные оценки. Эмоциональная оценка – это такой вид оценки, в качестве оснований которой берутся эмоции и чувства. Данная группа представлена устойчивыми выражениями с главным компонентом *одержим*, которые обозначают вовлечение человека во власть эмоций, названных существительным в форме творительного падежа: *Отьць же много зьрѣв и чюдився, и хотя познати и´,* ***страхъм и радостию объдьржимь*** [22: 238]; *Созомен глагола ему,* ***страхом одьрьжим и радостью*** [7: 166]; *Тольми же* ***гнѣвъмь одрьжима****, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити и́, дондеже изнеможе* [14: 312]. К интеллектуальной оценке относится «частнооценочное значение, нацеленное на раскрытие интеллектуальных способностей человека» [21: URL]. Приведем примеры сочетаний с творительным ограничения, выражающих интеллектуальную оценку, в древнерусском тексте: *И* ***силнии умомъ****, его богатство разумное приемлюще, преплавают и възвращаются* [5: 30]; *К сему прииде блаженный Феодосие, младъ сый възрастомь,* ***разумомь*** *же* ***старъ*** [8: 458]; *Клюк же в немь не бѣ, ни льсти, но* ***простъ умом****, не воздая зла за зло* [12: 214].

Наш материал показывает, что все немногочисленные случаи проявления рационалистической оценки в сочетаниях с творительным падежом ограничения сводятся к одному подтипу – нормативной оценке, поэтому можно обозначить данный тип основания оценки как нормативно-рационалистический. Нормативная оценка – это понятие, «содержанием которого являются имеющиеся у субъекта оценки представления о

должном» [4: 41]. Приведем примеры сочетаний с творительным ограничения, выражающих нормативно-рационалистическую оценку: *И аще убо когда приношаше кто дѣтищь болен, каковѣм убо* ***недугомъ одръжимъ*** *бяше* [8: 470]; *Стоню съ слзами,* ***томимъ болѣзнию*** *недуга моего* [20: 190]; *Аще толко отвержетца Амир царь правдою вѣры своея, и днесь креститьца во святое крещение, и иного вам зятя таковаго не обрѣсти, занеже славою славенъ и* ***силою силенъ*** *и мудростию мудръ и богатествомъ богатъ* [3: 36]; *Еупатей же,* ***исполинъ силою****, и разсѣче Хостоврула на полы до седла* [13: 192].

Необходимо отметить, что связность древнерусского текста держится на устойчивости минимальных единиц-синкретем, причем устойчивость сочетаний с творительным ограничения в период ментализации представлена даже на фонетическом и графическом уровнях. Так, сочетание *крѣпъкъ тѣлъмь именно в таком графическом написании представлено в следующих контекстах: …Свѣтяся цесарскы,* ***крѣпък тѣлъмъ****, вьсячьскы украшен акы цвѣтъ цвьтый въ уности своей, в ратьх хръбъръ, въ съвѣтѣх мудр и разумьн при вьсемь и благодать Божия цвьтяаше на немъ* [17: 302]; *Оному о томь не послушающю ея, и якоже многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити ѝ, бѣ бо и* ***тѣлъмъ крѣпъка*** *и сильна, якоже и мужь* [6: 310].

Таким образом, в период ментализации формируются синтагматические отношения между языковыми единицами. Древнерусский текст строится из устойчивых, семантически несвободных единиц, в которых проявляется особый тип отношений – структурно-синтагматическая синкретсемия. К подобным единицам относятся сочетания с творительным ограничения, которые на синтагматическом уровне выражают синкретичное значение оценки. Нужно отметить, что таким образом на синтагматическом уровне происходит расчленение синкретичного значения, которое

(расчленение) далее, в период идеации, как показано в [16], переходит на эпидигматический уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

2. Галицко-Волынская летопись // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 236-425.

3. Девгениево деяние // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 28-65.

4. Ефанова Л.Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке (Ч. I. Структура нормативной оценки) // Вестник ТГПУ. 2008. № 2. С. 41-44.

5. Житие Константина-Кирилла // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999. С.22-65.

6. Житие Феодосия Печерского // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 305-392.

7. Из «Изборника» 1076 года // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999. С.136-167.

8. Киево-Печерский патерик // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 412-623.

9. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Академия, 2005. 672 с.

10. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 325 с.

11. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

12. Повесть временных лет // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 24 - 277.

13. Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 184-199.

14. Поучение и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997. С.434-455.

15. Пчела // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 486-519.

16. Рыкин Е.Ю. Особенности проявления идеации как концептуальной формы русской ментальности (на материале сочетаний с творительным падежом ограничения) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26-28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С.412-418.

17. Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 279-304.

18. Сказание о Мелхиседеке // БЛДР. Т. 3. СПб., 1999. С.114-119.

19. Сказание об Евстафии Плакиде // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 226-245.

20. Слова и поучения Кирилла Туровского // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С.158-197.

21. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Назрань, 2010 // http://dic.academic.ru.

22. Чудеса Николы Мириклийского // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999. С.216-253.

ШЕТЭЛЯ Виктор Мечиславович
(*Москва, Россия – Варшава, Польша*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
szetela@mail.ru

О СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА *ПРОПАГАНДА* В ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Аннотация. Термин *пропаганда* является термином, своими истоками относящимся к зарождению христианства и укреплению римско-католической веры. Однако наиболее частотное свое употребление в совершенно новых смыслах термин *пропаганда* получил в XIX веке. В новой все время изменяющейся геополитической ситуации в России и Европе происходили изменения в употреблении и значении этой единицы. Тексты XIX века показывают функциональные возможности употребления этого термина от конфессионального значения и «распространения нового учения» до значения «распространения вредных революционных идей». В докладе даны примеры употребления этой единицы в газетах, художественной литературе и других источниках XIX века. Показаны случаи фиксация новых значений в словарях этого времени.

Ю.С. Сорокин в своей монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века» отметил: «Из терминов, ранее имевших лишь конфессиональный смысл, а в 30 – 40 гг. получивших на Западе и у нас более широкое значение, отметим такие слова, как пропаганда, догмат…» [21: 479]. Термин *пропаганда* (от лат. propaganda и глагола propagare – ‘распространять’) действительно первоначально имел «конфессиональный смысл», по-разному объясняемый словарями: ‘**Пропаганда**, *Лат*. или *Конгрегация пропаганды*; славной в Риме трибунал, для распространения веры учреждения’ [25: 467]; ‘Духовное общество, основанное в Риме для распространения Римско-Католического исповедования’ [19: 544]; ‘Духовное общество, для распространения христианства, основанное папою Григорием XV в 1622 году’ [12: 281]; ‘Училище для миссионеров, посылаемых для проповедования христианской веры’ [17: 53]. Эти значения слова *пропаганда* получают подтверждение в русских текстах этого времени. См.: *Опасения русских, чтобы с принятием христианства из рук Византии не поставить себя в зависимость от нея, до известной степени создали даже благоприятную почву для римской* ***пропаганды*** [23: 735], а также в пу-

тевых заметках: *Двое были испанские монахи, один француз и один китаец, учившийся в знаменитом римском училище* ***пропаганды*** [10: 260].

Сохраняя предыдущие значения, словари указывают и на значение ‘распространение нового толка, или учения’ [19: 544], что недалеко до смысла ‘политического вольнодумства’, см.: ‘вообще всякое распространение политического и религиозного учения: В Риме основана папою 1622 году Григорием XV «конгрегация для пропаганды веры»’ [16: 220]; ‘распространение в обществе или в народе известных идей’ [5: 533]; ‘распространение новых религиозных или политических мнений’ [12: 281]; ‘распространение какого-либо учения, религиозных верований или политических начал’ [15: 138]; ‘распространение новых политических и других убеждений и правил; лат. propagare (рассаживать)’ [1: 18]; ‘распространение мысли, учения или предмета для приобретения сторонников’ [4: 265].

Последнее толкование наиболее близко объясняет значение слова *пропаганда* в текстах изданий, сочувствующих революционным и социалистическим преобразованиям, с одной стороны, и в правительственных изданиях, подобным «Московским ведомостям», с другой. Правда, тематика этих высказываний с употреблением слова *пропаганда* в определенный промежуток времени была связана с польским национально-освободительным движением, которое имело и сочувствующих и противников. См.: *При таком стремлении польских революционных* ***пропаганд*** *были напрасны все прежние усилия положить в Кракове прочное основание порядку и миру* [6: 980]; *Центральный демагогический комитет в числе различных мер к будущему восстановлению Польши предпринял* ***пропаганду*** *посредством лекции, освятив это дело именем Мицкевича, дорогим для каждого славянина* [7]; *С особенною и вполне, конечно, бескорыстною любовью является большинство нашей журналистики на страже русских интересов в крае, где так*

сильно, хотя и скрыто действует анти-русская ***пропаганда*** [8: 1]; *Польская партия так много, так дерзко рассчитывает на свою ловкость и силу в деле* ***пропаганды*** [2: 24]. Слово *пропаганда* употребляется и в текстах народовольческого толка, издаваемых за пределами государства, **затрагивающих внутренние дела российского общества,** см.: *Интересно, что масса сразу окрестила рабочих-социалистов именем „студентов", как бы намекая на их отчужденность, и эта кличка лишь самое последнее время начала заменяться названием „социалист". Понятно, что при таком взаимном отношении самая* ***пропаганда*** *не могла иметь большого успеха* [9: 1]. Внутренние дела общества затрагиваются и в официальной, но подцензурной печати, см.: *Это были или местные дворяне, почти сплошь мелкопоместные, которые тяготили своих крепостных, выжимая из них последние соки, или чиновник… Это значительно облегчало Беркутову его* ***пропаганду*** *ненависти* [24: 94]. Подобные значения слова *пропаганда* видны в текстах художественной литературы, напр.: *Если это и удерживало доселе Владислава предаться вполне коварным внушениям польской* ***пропаганды****, так это было чувство, это была надежда, охватившая вполне его душу* [11: 44]. Справки о слове *пропаганда* можно навести кроме того в: [20: 1250]; [14: 354]; [15: 138 – 139]; [22: 376]; [26].

В широком употреблении находились и производные от слова *пропаганда*: *пропагандист*, *пропагандировать*, *пропагандизм*.

Пропагандист – 'так называются члены тайных политических обществ, распространяющие правила свободомыслия и революции. Им приписывают все революции с 1789 г.' [16: 220]; 'занимающийся пропагандой' [5: 533]; 'члены тайных обществ для распространения какого-либо учения: политического или религиозного' [18: 720]; 'распространители идей или предметов' [4: 265]: *Вы ренегаты православия, а потому*

вы не можете не быть фанатиками, ***пропагандистами****, иезуитами* [3: 48]. См.: [20: 1251]; [14: 354]; [15: 138 – 139].

Пропагандировать – ‘распространять учение или предмет’ [4: 265]. Ср.: *спропагандированный*: *Мы начинаем ближе присматриваться к положению этих* ***спропагандированных*** *рабочих в среде их товарищей* [9: 1].

Пропагандизм – ‘Страсть к распространению новых идей, новых правил’ [12: 281]; ‘Страсть к распространению новых идей’ [13: 578].

На примере слова *пропаганда* и его производных можно определить характер и причину изменений семантики этого термина. Подобный путь семантических изменений прошло в русском языке слово *прокламация* и упомянутое Ю.С. Сорокиным слово *догмат*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко И.К. Политический словарь. Толкователь к последним событиям. Одесса: Типография Я.М. Сагала, 1905. 25 с.

2. Вестник западной России. Историко-литературный журнал, изд. К. Говорским (Вильна), 1863. Т. III. Кн. XI. Отд. III. С.24.

3. Вестник юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал, изд.К. Говорским (Киев), 1863. Т. I. Кн. 3. С.48.

4. Виноградов А.М. Словарь иностранных слов. Одесса, 1907. С. 265.

5. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. СПб., Киев, Харьков, 1912. 745 с.

6. Газета «Московские ведомости». М., 1846. № 143. С. 980.

7. Газета «Московские ведомости». М., 1863. № 35.

8. Газета «Голос». М., 1867. № 271. С.1.

9. Газета «Земля и Воля!». Прага, 1879. № 4. С.1.

10. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / Комм. К.И. Тюнькина. М.: Правда, 1985. С.260.

11. Лажечников И.И. Внучка панцырного боярина // Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб., 1899. Т. 4. С.44.

12. Михельсон А.Д. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861. С. 281.

13. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов. 12-ое изд. СПб., М., 1898. Стб. 578.

14. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб., 1896. Стб. 354.

15. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1997. 832 с.

16. Настольный словарь по всем отраслям знания / Под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова. СПб., 1864. Т. III. Стб. 220.

17. Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе. М.: Изд-во К.Андерса, 1861. С. 53.

18. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н.Чудинова. СПб., 1894. С.720
19. Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. III. С. 544.
20. Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1961. Т. 11. 1842 стб..
21. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века. М., Л., 1968. 565 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 376.
23. Шмурло Е. Католицизм в России // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XIV А. С.735 – 739.
24. Щедрин Н. (М.Е.Салтыков). Пошехонские рассказы // Щедрин Н. (М.Е.Салтыков). Собрание сочинений. М.: Правда, 1951. С.5-142.
25. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1806. Вып. III. С. 467.
26. Skobel F.K. O skażeniu języka polskiego w dziennikach i w innych pismach, osobliwie w Galicji. Spostrzeżenia i uwagi F.K. Skobla. Poczet 2 – 3. Kraków, 1874 – 1877.

Сообщения

БОРКОВА Полина Константиновна *(Владимир, Россия)*

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ «Андреевская СОШ»
vladlingvist@yandex.ru

МЕТАФОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.К. НИКИТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются метафоры как эффективное средство выражения художественной мысли в произведениях С.К. Никитина.

Явление метафоричности привлекает пристальное внимание исследователей не случайно. Это объясняется, прежде всего, общим интересом к изучению текста в широком смысле этого термина, стремлением дать лингвистическое обоснование и толкование различным стилистическим приемам, которые создают экспрессивность текста. Привлекают исследователей и проблемы, связанные с экспрессивностью языка и речи. При современном подходе факты изучаются не изолированно, а в контексте, так как, по образному выражению В.В. Виноградо-

ва, именно в условиях контекста происходит «насыщение слов смысловыми излучениями» [4: 188].

Цель данного исследования – рассмотреть употребление метафоры в произведениях Сергея Никитина и доказать ее значимость для более полного понимания текста.

В связи с поставленной целью был определен круг следующих задач:

1) изучить лексику произведений С.К. Никитина;
2) определить сущностные характеристики метафор;
3) сделать практический анализ.

В зависимости от того, как связаны предметы, действия, признаки, и различают несколько типов переноса наименования: метафору, метонимию и синекдоху. В нашем исследовании нам важно более подробно изучить метафору.

Использование автором метафор помогает глубже понять характеры персонажей, их отношение к происходящему, окружающую действительность. Метафора дает возможность не только увидеть, но и услышать, а главное – почувствовать, поскольку среди метафорических переносов можно выделить такие, при которых прилагательные, обозначающие внешние, воспринимаемые органами чувств, признаки, могут использоваться для обозначения психических состояний, моральных качеств человека, например: *низкий поступок, легкий характер, широкая душа* [7].

При анализе метафор отдельных авторов, писателей можно обнаружить тематическое единство метафор, которое обусловлено определенной творческой задачей, особым индивидуальным видением мира, которое отражает авторское пристрастие к чему-либо.

В произведениях «Весна, старый писатель, маленький мальчик и рыжая собака», «Терновник», «Леший», «Осенние листья» С.К. Никитина обнаружено 69 слов с явным переносным значением. Такое количество

говорит о том, что автор использует в тексте слова с переносным значением только в определенных случаях, когда есть, например, сходство по цвету *(каштановая шерсть, рыжая хвоя, изумрудная озимь)*, близости формы *(большой праздник, маленький случай)*, по внешнему виду *(с крутой спиной).*

Слова с *метафорическим* переносом в художественных текстах С.К. Никитина служат для образности, эмоциональной окраски, выступают как средство номинации.

Можно разделить метафоры на два вида: с резкой («живой») образностью и стёртой («потухшей»). Со стёртой образностью в текстах насчитывается всего 9 метафор (с определенным контекстом). Основное назначение таких метафор – номинация предметов, признаков или действий, а не выражение отношения к нему. Например, метафора *ветер свистит* является звуковой метафорой, которая часто передает оттенок таинственности, загадочности, но в данном контексте *(«Стоит только представить глухие осенние ночи в заброшенной деревне, где вокруг ни огня, ни звука, лишь неприкаянный* ***ветер свистит****…»)* он не отображен ярко. Автор использует данную метафору в «бытовом» значении, которое закрепилось в языке и не имеет пометы «перен.» в толковых словарях. Подобные языковые метафоры, послужившие источником возникновения у слова нового значения, чаще всего необразны, поэтому их называют «сухими», например: *«Жизнь моя прошла, как <u>большой праздник</u>»; «Скоро, скоро ветер нанесет из лесу и садов на <u>озерную гладь</u> разноцветных листьев…»; «Стоит только представить глухие осенние ночи в заброшенной деревне, где вокруг ни огня, ни звука, лишь неприкаянный <u>ветер свистит</u>…»; «Слова были самые примитивные, но грустная, исполненная доброго сострадания к несчастной Маше мелодия необыкновенно соответствовала настроению этого осеннего дня, и казалось, что, слушая ее, лесу хорошо ронять свои <u>блеклые листья</u>…».*

Метафоры с «потухшей» образностью являются довольно часто употребляемыми выражениями, общепринятыми, их переносное значение редко улавливается. А слова с «живой» образностью используются автором намного чаще, их большинство (60). Индивидуальные метафоры, создаваемые писателем, основаны на олицетворении, овеществлении, на сходстве цвета. Так, в произведении «Мой знакомый леший» читаем: *«Озеро уже курилось туманом, и за его лохматой шевелящейся пеленой жили какие-то звуки: что-то тихо булькало, скрипело и посвистывало».* Писатель указал на сходство тумана с тлеющим дымом, указывая, что озеро им покрывалось. Также автор не называет признак сходства по цвету серого дыма и оттенка тумана, но читатель его предполагает.

Индивидуально-авторские метафоры в толковых словарях обычно не фиксируются. В большинстве случаев для понимания значения таких переносов необходим контекст: *«Утром сквозь частый березняк желто светило на снег туманное солнце, и в колеях дороги, в каждой впадинке, за каждым комком лежали синие тени»; « Ничего не случилось в это утро: опять, как вечно, синим мартовским светом весна заглянула в глаза всему живому…»; «В ухоженных шарообразных кронах яблонь, среди тёмной листвы, висят восковато-желтые плоды…»; «Над соломенной крышей риги серыми хлопьями летают вороны…»; «Скоро, скоро ветер нанесет из лесу и садов на озерную гладь разноцветных листьев, испятнает ее пестро и ярко, а там и первый мороз охватит ее морщинистым ледком…»; «Есть в лесах моей родины озерцо Светленькое. Оправдывая свое название, оно еще издали сверкает, как россыпь битого зеркала, но стоит заглянуть с берега в его глубину, как оно приобретает прозрачно-малахитовый оттенок»; «Под чистым, словно отвердевшим небом летела паутина».*

Использование автором метафор с резкой образностью говорит о наличии его идиостиля.

Можно выделить следующие функции метафор:

● Общепоэтическая образная содержит скрытое сравнение, имеет характеризующее свойство, возникает в определенном контексте, обладает особой выразительностью, например: *«Мальчик даже плакал перед сном в постели, когда вспоминал этот шарф; ему казалось, что ночь и холод за окном никогда не пройдут и люди больше не увидят друг друга в этой ледяной тьме»; «Мы выходим уже при полном сиянии осеннего утра*»; *«Не знаю ничего упоительней ходьбы налегке босиком в жаркий летний день по такой дороге, когда между пальцами пыхает пуховая горячая пыль...; «Железная дорога была далеко, километрах в пятнадцати, а этот отголосок большого мира еще яснее давал почувствовать, какой кристальной тишины стояла над лесами ночь».*

● Оценочная функция эмотивно нейтральна, она реализуется в способности метафор передавать оценку на основе сходства, создавая целостный образ: *«Почему-то особенно тяжело ему было видеть, как писатель наматывает на шею длинный узкий шарф – наматывает и наматывает окостенелыми руками...»; «Уходит оно далеко за изволок, к пенистым купам лип и вязов той деревни*, *куда мы держим путь...»; «Зимой стекла были сплошь покрыты лапастыми морозными узорами, и за ними ничего не было видно...».*

● Номинативная или назывная. Эту задачу выполняют метафоры с «потухшей» образностью: *«В ухоженных шарообразных кронах яблонь, среди тёмной листвы, висят восковато-желтые плоды…»;*

В отдельную группу следует выделить метафорический перенос по цвету: *золотые солнечные блики, синий мартовский свет, каштановая шерсть, невысокое солнце в густо-синем небе, облако оранжево-серой*

пересохшей пыли, нежно-зеленый ковер озимой, каскад искусственных озер блещет синеватым никелем, фиолетовый прозрачный пар и др.

Используя метафорический перенос, С.К. Никитин эмоционально насыщает свои произведения. Как видно из выше представленной классификации, автор использует чаще общепоэтическую образную метафору и метафорический перенос по цвету, можно предположить, что они являются основным приемом словесного художественного творчества С.К. Никитина. Благодаря этому, в данных произведениях автор создает новые, необычные и очень яркие образы, которые наполнены выражением, эмоциями, способствующими оказывать влияние на читателя. Метафора в произведениях С.К. Никитина крайне естественна, обоснована и соответствует логике и законам языка. Всё это является индивидуально-авторским достоянием владимирского писателя.

Итак, настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть лексику произведений С.К. Никитина. Следует отметить, что предназначение данного исследования состоит в его дальнейшем расширении. Необходимо изучать лексику и других произведений С.К. Никитина, так как только тогда будет возможно законченное представление об особенностях языка автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 606 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: Просвещение, 1963. 211 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1978. 2800 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. 1233 с.
7. Жданова Л.А. Однозначные и многозначные слова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studsell.com/view/96037

БУКИНА Лилия Михайловна *(Коломна, Россия)*
аспирант
Государственный социально-гуманитарный университет
lilehka1985@gmail.com

СПЕКТР КЛАССИФИКАЦИЙ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК МНОГОГРАННОГО И НЕОДНОРОДНОГО ЯВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье речь идет о существовании в современной лингвистике множества классификаций заимствований, в основу которых положены различные принципы (степень ассимиляции, частота употребления, наличие или отсутствие эквивалента, степень освоенности, способ усвоения и проникновения, принцип происхождения и др.).

Заимствование рассматривается языковедами пристально и под разными углами зрения как многогранное и неоднородное явление на современном этапе существования естественного языка вообще, как процесс и как результат взаимодействия конкретных языков в частности.

Исследователи, интересующиеся проблемой языкового взаимопроникновения, выстраивают ряд различных классификаций этого лингвистического явления. Очевидно, что в их основу положены различные принципы: степень ассимиляции (И.В. Арнольд, И.М. Крейн, С.В. Мангушев, Ю.С. Сухорукова), частота употребления, наличие или отсутствие эквивалента (Е.В. Маринова), степень освоенности (И.Б. Голуб, А.В. Калинин, Б.А. Серебренников, Д.С. Лотте), способ усвоения и проникновения (В.Н. Ярцева, И.В. Арнольд, Дж. Бонфанте, Ю.С. Маслов), генетический принцип (Л.П. Крысин, Н.С. Арапова, А.И. Дьякова, Э.Ф. Володарская, Е.Н. Шагалова) и др. Все классификации вызывают неподдельный интерес, заслуживают отдельного внимания и требуют тщательного изучения, сравнения, сопоставления.

Изучение проблемы вхождения иноязычного слова в язык-реципиент порождает ряд вопросов, связанных со степенью ассимиляции. Так, в зависимости от частоты и сферы употребления О.К. Мжельская предлагает разделить все заимствования на собственно заимствования, усвоенные слова, неусвоенные слова, укоренившиеся слова, экзотизмы, варваризмы. В числе прочих дискуссионным момен-

том выступает предположение о том, что среди заимствованных лексических единиц предлагается выделять две группы: ассимилированные и неассимилированные слова [5]. Исследователи предлагают называть заимствованием только ассимилированные лексемы, неассимилированные же слова именуются иностранными. Согласно словарю социолингвистических терминов, заимствованные слова – это слова, полностью приспособленные (в фонетическом, грамматическом, семантическом отношении) к системе заимствующего языка, которые на современном этапе уже не воспринимаются как чужеродные элементы. В свою очередь, иностранные слова сохраняют некоторые специфические особенности в звуковом, морфологическом облике, в семантике. К ним относится безэквивалентная лексика (слова, в значении которых сохраняются ярко выраженные семантические компоненты, маркирующие их как чужеродные лексические единицы: этнографизмы, регионализмы, экзотизмы и варваризмы) [2: 156].

По способу проникновения заимствования подразделяются на устные и письменные (О.С. Ахманова, И.Г. Добродомов, Д.Э. Розенталь, В.Н. Ярцева и др.). В Словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя устное заимствование рассматривается как заимствование через разговорное общение в условиях контакта с носителями другого языка, тогда как письменное осуществляется через книги, периодическую литературу и официальные документы [6: 87]. Для более ранних исторических периодов до появления и распространения письма более характерны устные заимствования. В современную эпоху они появляются в результате бытовых контактов между носителями разных языков. Важно, что при устном заимствовании по сравнению с письменным лексема претерпевает больше трансформаций в своем облике и легче усваивается. Письменные заимствования появляются в языке через фиксированную письменную речь и благодаря более тщательному изучению соответствующего языка. Книжные заимствования сохраняют фо-

нологические и морфологические особенности родного языка и сложнее усваиваются в языке-приемнике.

Ж. Багана, однако, подразделяет заимствования на устные и письменные по иному признаку – не по способу проникновения, а по способу усвоения, определяя их как непосредственные и опосредованные. Под непосредственными заимствованиями понимаются иноязычные лексические единицы, «переходящие из системы одного языка в систему другого языка в результате взаимодействия двух языковых коллективов через устную или письменную речь. Опосредованные заимствования – заимствования, производящиеся через третий язык» [1: 10]. Так, например, к опосредованным заимствованиям относятся французские слова, появившиеся в английском языке в результате норманской оккупации английской территории Вильгельмом Завоевателем в XI веке.

Способ проникновения заимствований в язык-приемник может разделить их также на прямые и косвенные (О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, И.Г. Добродомов, А.В. Калинин). Под прямым заимствованием понимается процесс перехода слов в язык-реципиент непосредственно из языка-источника, а под косвенным – переход через язык-посредник.

Значительное место в систематизации и типологизации заимствований занимает принцип происхождения. Так, в зависимости от языка-источника заимствования можно разделить на англицизмы (из английского языка), германизмы (из немецкого языка), испанизмы (из испанского языка) и т.п. Лидирующее место среди этих видов заимствований принадлежит англицизмам, проникающим сегодня во все языки мира. Их ассимиляция, адаптация и акклиматизация происходят достаточно легко, носители различных языков принимают их и употребляют в своей речи, отказываясь от эквивалента, существующего в родном языке.

Не менее актуальными критериями при анализе заимствований являются наличие или отсутствие эквивалента в языке-приемнике. И тогда уместно говорить об эквивалентных и безэквивалентных заимство-

ваниях, другими словами, о тех, у которых есть дубликат в языке-рецепторе, и о тех, у которых дубликата нет. К примеру, к группе безэквивалентной лексики Е.В. Маринова относит экзотизмы [4]. Это заимствованные из чужих языков слова, входящие в безэквивалентную лексику, обозначающие свойственные чужим народам и странам реалии, не столько раскрывающие чужую культуру, сколько символизирующие ее [2: 463]. Термин определенно указывает на инородность, чуждость слова в системе языка-реципиента.

Степень освоенности (И.Б. Голуб, А.В. Калинин, Б.А. Серебренников и др.) заимствований языком-реципиентом дает основания для другого принципа рода их группировки, при этом классы могут отличаться как качественно, так и количественно. Например, в монографии Б.А. Серебренникова «Общее языкознание» заимствования подразделяются на освоенные и неосвоенные [7: 218]. А.В. Калинин подразделяет их на полностью освоенные, экзотизмы и варваризмы [3: 102].

Итак, наличие большого количества классификаций заимствований свидетельствует об отсутствии единого взгляда ученых на эту проблему. Представленный спектр типов заимствований доказывает существование проблемы типологизации заимствований в лингвистике. Ученые предлагают классификации, в основу которых положены разные принципы. Одни отличаются логичностью и объективностью (по способу проникновения и усвоения заимствования, по степени их усвоения), другие выглядят достаточно спорными, условными и субъективными (например, по признаку давности заимствования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана Ж., Бондаренко Е.В. Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах: Монография. М.: Инфра-М, 2012. 149 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 487 с.
3. Калинин А.В. Лексика русского языка: Учебное пособие. М.: МГУ, 1978. 320 с.
4. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008. 495 с.
5. Мжельская О.К. Заимствования как результат взаимодействия языков и некоторые направления их изучения // Омский научный вестник. 2007. № 5-59. С. 115-117.

6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
7. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 597 с.

ВЕРЗИЛОВА Арина Александровна (*Иваново, Россия*)
аспирант
Ивановский государственный университет
arinaver_1991@mail.ru

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РАЗРЯДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ (*по душе, не пара, до лампочки* и т.п.)

Аннотация. В статье представлены материалы и комментарий к истории формирования в русском языке разряда фразеологических единиц с общим значением оценки (*по душе, не пара, до лампочки* и т.п.). Анализ данных словарей русского языка показал, что такие единицы фиксируются в русском языке с XV в. Постоянное пополнение данной группы фразеологизмов новыми единицами, а также все более активное использование их в речи указывает на то, что в языке значение оценки становится частью категориальной семантики и формирует особый лексико-грамматический разряд в составе идиом.

В современном русском языке выделяется особая группа фразеологических единиц с общим значением оценки. К данной группе фразеологизмов относятся единицы типа: ***по нраву*** *кому что* ‘устраивает кого-либо, совпадает с желаниями кого-либо’, ***по руке*** *кому что* ‘вполне подходит, удобно, соответствует по своим размерам, форме, весу и т.п.’, ***в цвет*** *кому что, кому кто*, ***не пара*** *кому кто* ‘не подходит в каком-либо качестве, в каком-либо отношении’, ***не компания*** *кому кто* ‘не подходит как товарищ, приятель’, ***до лампочки*** *кому что* ‘безразлично что-либо’, ***по фиг(у)*** *кому кто, кому что* ‘абсолютно безразлично’ и др. Такие фразеологические единицы выделяются учёными в отдельный лексико-грамматический разряд предикативно-оценочных [8: 26] или адверби-ально-предикативных [4: 12] фразеологизмов.

Исследуемые фразеологизмы объединены общим значением оценки лица, предмета или действия. «Специфика их значения заключается в том, что они выражают обобщённую характеристику лица,

предмета или действия, характеристику в целом без указания на конкретные признаки, свойства. Такое значение представляет собой оценку лица, предмета или действия, которая исходит извне, от субъекта, характеризующего предмет или действие с точки зрения «хорошо-плохо», «полезно-вредно», «приятно-неприятно» и т.д.» [8: 28].

Такая оценка может быть положительной («хорошо», «полезно», «приятно» и т.п.), отрицательной («плохо», «вредно», «неприятно» и т.п.), а также выражать безразличие («безразлично»). Исходя из этого, можно выделить три разновидности предикативно-оценочных фразеологических единиц: 1) фразеологические единицы со значением положительной оценки (***к лицу*** *кому что,* ***на руку*** *кому что,* ***по душе*** *кому кто, кому что,* ***по плечу*** *кому что,* ***под стать*** *кому кто, кому что* и др.); 2) фразеологические единицы со значением отрицательной оценки (***не компания*** *кому что,* ***не модель*** *кому,* ***не фасон*** *кому,* ***не пара*** *кому кто,* ***не чета*** *кому кто,* ***не указ*** *кому кто, что,* ***ни к чему*** *кому что* и др.); 3) предикативно-оценочные фразеологизмы со значением безразличия: ***все равно*** *кому что,* ***до лампочки*** *кому что,* ***до фонаря*** *кому что,* ***до фени*** *кому что, все* ***трын-трава*** *кому,* ***до порогу*** *кому кто, что* и др.). Особо следует отметить, что некоторые предикативно-оценочные фразеологические единицы при употреблении в речи приобретают отрицательное значение путём прибавления частицы *не*, причем для одних единиц характерно преимущественное употребление без *не*, для выражения положительной оценки (***к лицу*** и *не* ***к лицу***, ***по душе*** и *не* ***по душе***, ***по плечу*** и *не* ***по плечу*** и др.), для других – преимущественное употребление с *не*, т.е. для выражения отрицательной оценки (***по карману*** и *не* ***по карману***, ***по зубам*** и *не* ***по зубам***, ***по нутру*** и *не* ***по нутру***, ***по нраву*** и *не* ***по нраву*** и др.).

Такие фразеологические единицы в предложении выступают обычно в роли сказуемого двусоставного предложения и сочетаются с существительными, заменяющими их местоимениями, инфинитивом в

функции подлежащего, ср.: *Такому человеку уже объясняй, не объясняй – ему всё* ***до лампочки*** (А. Геласимов. Год обмана); *Наш генерал – молодец,* ***не чета*** *тебе, старому деду* (В. Ажаев. Далеко от Москвы); Т*акая задача* ***по плечу*** *лишь большевикам (*И. Гроссман. Жизнь и судьба); *Матери коньки были не* ***по карману*** (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); *А кто будет этот контроль проводить и докладывать, ей было* ***без разницы*** (П. Алешковский. Козлы и бараны); *В такой день ходить за охотой* ***не модель*** *(*А. Куприн. Зачарованный глухарь); *[Старик:] Дай отдохнуть. Али тебе мешаю? [Каменщик:] Не мешаешь, а торчать тут* ***не к чему****.* (М. Горький. Старик).

Предикативно-оценочные фразеологические единицы в современном русском языке составляют сравнительно небольшую группу единиц (около сотни) в отличие, например, от глагольных или адвербиальных фразеологизмов. Однако данный разряд фразеологизмов активно пополняется новыми единицами: *Ему наши жалости* ***до лампочки*** (Ю. Бондарев. Тишина (1973)); *Арендаторам это собрание явно* ***в кассу*** (О. Андреева. Стланная стлана (2014)). Вследствие этого возникают вопросы, связанные и историей формирования и особенностями функционирования данного разряда единиц в русском языке.

Для решения этих вопросов необходимо привлечение исторических материалов, прежде всего данных исторических словарей русского языка. С этой целью нами были просмотрены следующие словари: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [5], «Словарь русского языка XVIII в.» [6], «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [1], «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [2], «Полный церковнославянский словарь» Г. Дьяченко[3].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» нами были отмечены следующие единицы (здесь и далее формы даются по источнику, буквой «Е» обозначается «ять»): ***не веремя, не въизмогу, не легкость, по лЕпотЕ, не къ лицу, не въмЕру, не въ мочь, къ мысли, по мысли,***

по нраву, всё однако, без омЕны. В «Словаре русского языка XVIII в.» были обнаружены следующие фразеологические единицы: ***по зубам, не ко двору, не по душЕ, по вкусу, хоть брось, по карману, по плечу***. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля были зафиксированы такие предикативно-оценочные фразеологизмы: ***ко двору***, ***по душе***, ***не по мысли***, ***по нраву***, ***всё однако***, ***всё одно***, ***по плечу***, ***все равно***, ***не рука***, ***по руке***, ***по сердцу***, ***по силам***, ***не под силу***, ***по совести***, ***в честь***. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко такие единицы не фиксируются.

Полученные данные позволили выделить три разновидности фразеологизмов с общим значением оценки. К первой разновидности отнесем единицы, которые употребляются в русском языке без каких-либо существенных изменений на протяжении длительного времени (нескольких столетий): ***по плечу, по нраву, по душе*** и др., ср.: *[Степан:] Найди себЕ такую же глупую жену, каков твой работник Фадей; так и будет тебЕ* ***по плечу*** (Я. Княжин. Сбитенщик (1798)); *– Кажется, эти лопаты Вам* ***не по плечу****, Ваше Проявительсто! – Зато они будут* ***по плечу*** *вам с Костей, – сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей.* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)); *Не искалъ на Ивашки тое земли въ ту шесть лЕтъ,* ***не вереме*** *нам было, господине, татарове у насъ были* (Арх. Стр. I (1470)) [5: 85]; *Детство – это* ***не время*** *для забав* (В. Роньшин. Сибирские огни (2013)); *Теперь должен запасать ложки плошки ведра котлы..., и все приносят ко мнЕ кому* ***по душЕ*** *и* ***по карману*** (ПсмХмн. (1769)) [6: 45]; *Непонятно, кто ей больше* ***по душе****: присевшие, чтобы поболтать и отдохнуть, взрослые или ползающие дети* (Интернет-форум (2002)).

Ко второй разновидности отнесем фразеологические единицы, которые длительное время употребляются в русском языке, но в процессе функционирования претерпевают определенные изменения, ср. в «Сло-

варе русского языка XI–XVII вв.»: ***Все однако*** – всё равно, безразлично. *То мнЕ* ***все однако*** (Lud., 77. 1696 г.) [5: 285]; в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечаются ***всё однако*** и ***всё одно*** с одинаковым значением ‘безразлично’: Гов. вм. одинако и одинаково, одно и то же, все одно, равно, или однаково. Все однако, ***все одно***, равно [1: 673]; во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова ***всё однако*** уже не фиксируется, только фразеологическая единица ***всё одно (едино)***: **Всё одно [едино].** Прост. Одинаково, безразлично. Ср. всё равно (в 1 знач.). *[Катерина:] Для меня, маменька,* ***все одно****, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.* Островский, Гроза [7:76]. Со значением ‘безразлично’ в данном словаре фиксируется единица ***всё равно***: **Всё равно.** Одинаково, безразлично. Ср. всё одно *[Петрушке] было совершенно* ***все равно****, похождение ли влюбленного героя, просто букварь, или молитвенник, – он все читал с равным вниманием.* Гоголь, Мертвые души [7: 76].

К третьей группе отнесем фразеологические единицы, которые не сохранились в современном русском языке: ***Не въизмогу*** – не под силу, не по возможности. *Крестьянишкомъ то дЕло стало* ***не в-ыз-могу***. Псков.а., 1637 г.» [5: 179]; ***Не легкость*** – трудно, тяжело. *Того же лѣта опять князь великои ходил под Смоленскъ с нарядом, а князь Михаило Кислица с новгородцами и со псковичи шол чрез Полоцко к государю под Смоленскъ; а все то было псковичам* ***не легкость****, тѣх людей поднимая.* Псков. лет., XV, 1511 [5: 192]; ***Не въ мочь*** – не под силу. *Имъ караулы и посылки и подводы и городовые…подѣлки стали однимъ имъ* ***не в мочь****, и бредутъ розно*. Ворон.а., XVI, 1680 [5: 284]; ***Всё однако*** – всё равно, безразлично. *То мнЕ* ***все однако***. Lud., 77. 1696 г.[5: 285]; ***По лЕпотЕ*** – как подобает. *Не* ***по лЕпотЕ*** *отъ нихъ чтомъ*. Зин. Отен. сл.ч. Ионы Новг., XVI–XVII» [5: 209].

Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить о том, что выделяемый в современном русском языке лексико-

грамматический разряд фразеологизмов с общим значением оценки возникает в языке на определённом этапе его развития и начинает активно функционировать, пополняясь новыми единицами и формами. Хотя часть единиц по разным причинам уходит из языка, основной корпус таких фразеологизмов активно употребляется в живой речи на протяжении длительного времени. Увеличение числа таких единиц в современном русском языке свидетельствует о том, что общее значение оценки, которое выражают эти единицы, всё больше актуализируется в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978.
2. Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского: в 6 т. СПб.: Типография императорской академии наук, 1893.
3. Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: ДАРЪ, 2007.
4. Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А.И. Молоткова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв.: Т. 1–28 / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975.
6. Словарь русского языка XVIII в.: Вып. 1–18 / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 1984.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.
8. Хуснутдинов А.А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Иваново: Иван. гос. ун-т., 1993.

ИВАНОВА Ирина Александровна *(Владимир, Россия)*
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
irina.ivanova-iwano@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СИНКРЕТЕМ С СЕМАНТИКОЙ ЭМОЦИЙ

(на материале летописных повестей о монголо-татарском нашествии)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей ментальности, которые выражаются в памятниках древнерусской письменности в значениях синкретем с эмотивной семантикой.

Язык – важнейший компонент культуры.
В.В. Колесов

Эмоции являются неотъемлемой частью нашей жизни. Они составляют всё разнообразие психологических состояний человека, определяют его поведение. Человеческая деятельность опирается на те или иные эмоции, которые испытывает человек, занимаясь ей. Это то, что делает нашу жизнь по-настоящему «живой» и непохожей на другие, ведь каждый переживает определённые события по-своему, в соответствии со своим темпераментом и характером.

Особенности эмоционального опыта любого человека обусловливаются не только его индивидуальными физиологическими и психологическими качествами, но и принадлежностью к той или иной национальности. Желаем мы того или нет, а национальные особенности, выраженные в менталитете, влияют на наше эмоциональное поведение. Поэтому, занимаясь исследованием психологии человека, в частности, сферы эмоций, нельзя не учитывать понятие ментальности. «Ментальность выражает нечто более или менее устойчивое – привычки, пристрастия, коллективные эмоции» [1: 2].

Человек выражает эмоции как посредством невербальной активной деятельности, так и посредством речи, языка. Ведь язык является главным средством общения, а эмоции – это результат социальной деятельности человека. Поэтому особенности

ментальности, заложенные в эмоциональной составляющей психологии человека, можно выявить с помощью языка. Мудрость народа, его эмоциональный опыт, его сознание – всё заложено в языке. «Собственно, в языке, посредством слова, мы и воспитываем себя как народ. Потому что язык – проявление обыденного сознания» [3: 5]. Заботясь о языке, мы позаботимся и о сохранении неповторимости и чистоты ментальности, которая влияет на все сферы жизни человека, в том числе, как было сказано выше, и на эмоциональную её составляющую. «А нация, которая утеряет свой подлинный, свой исторический язык, утеряет, вероятно, и свою собственную психологию» [3: 4].

«Русский национальный характер сформировался под влиянием следующих причин: 1. Принятие православного христианства от Византии. 2. Татаро-монгольское иго, следы которого глубоко врезались в память русского народа. 3. Расположение России между цивилизациями Запада и Востока, что стало глубинной основой ее двойственности. Стоя одной ногой в Европе, а другой в Азии, Россия вобрала в себя черты и западной, и восточной цивилизаций» [1: 3].

Исследование ментальности, выражающейся в эмоциях, мы решили провести на основе материалов древнерусской письменности, в частности, летописных повестей о монголо-татарском нашествии. Мы считаем, что вернее всего выразит особенности менталитета древняя культура, не подверженная в такой мере влиянию западных культур, как современная. Эмоции, преобладающие в мировосприятии нации, представлены здесь в самом неподдельном виде и передают цельность мировоззрения наших предков. Они поражают своей глубиной и яркостью. Причем произведения древнерусской письменности являются и историческим документом, это значит, что в них мы сможем проследить особенности эмоционального состояния народа и его менталитета в свете исторических событий, эпохи, которые оставляют

отпечаток на психологии народа. В этом и есть ценность данных текстов.

«Для лингвистов интерес представляют языковые средства, используемые для выражения эмоций говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего» [4: 5]. Поэтому следует определить, какая единица языка послужит материалом для изучения эмоций. Работая с эмоциональной окраской текста, мы прежде всего обращали внимание не на отдельные слова, содержащие в своём значении семы эмоций или экспрессивные коннотации, а на целые синтагмы, потому что они обладают более сильной конотативной значимостью. М.Вас. Пименова в своей монографии «*Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте» выделяет следующие минимальные лексические единицы древнерусского текста:

1) синкретемы парадигматического структурно-семантического типа:

- парные именования;
- двандва;

2) синкретемы синтагматического структурно-семантического типа:

а) атрибутивные сочетания:

- словосочетания с постоянными эпитетами;
- словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами;

б) глагольные синкретемы:

- описательные глагольно-именные обороты;
- конструкции с императивом;

в) предикативные конструкции:

- интенсифицирующие;
- аксиологические / выражающие оценку;

г) устойчивые сравнительные обороты;

3) синкретемы эпидигматического структурно-семантического типа:

- этимологические фигуры.

Такие конструкции М.Вас. Пименова называет синкретемами (корень *синкрет-* + суффикс *-ем-*). Этот термин «находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета, синкретизм, синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема* и под.» [5: 55]. В анализируемых нами текстах (летописные повести о монголо-татарском нашествии) мы встретили следующие синкретемы с семантикой эмоций: парные сочетания, словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты и интенсифицирующие предикативные конструкции.

Так, встреченные нами парные сочетания, такие как *плачь и туга*, *страх и трепетъ, плачь и вопль, в плачи и велици вопли* обладают отрицательной эмотивной семантикой, они ярко передают настроение народа во время описываемых в летописи событий. Страдание народа, его бедственное положение перед лицом татар – всё нашло отражение в языке данного текста, в частности, в семантике данных конструкций. Вообще, в русской ментальности большое место уделяется категории страдания. Страдание понимается русскими как способ очистить душу и возвысить её. «После страдания человек становится душевно более тонким, способным сочувствовать и сострадать другим» [1: 4]. Поэтому такое явное усиление отрицательной эмоциональной окраски текста является не только выражением настроений, вызванных военными распрями, но и всего понимания русскими страдания как ценного, необходимого его душе внутреннего процесса, возвышающего его в минуты ударов судьбы. Встречаются даже такие конструкции, как триады *страх, и колѣбанье, и бѣда;* и такие конструкции, которые

состоят из последовательного ряда четырёх членов: *грозу, и страхъ, и трепетъ, и недоумѣние*. Они в ещё большей степени указывают на склонность русских к актуализации и идеализации страдания.

Интенсифицирующие предикативные конструкции *бысть плач велик, бысть радость велика* показывают, что русские склонны и к преувеличению эмоций. Это тоже является одной из особенностей русского менталитета. Склонностью к преувеличению вообще, в том числе и своих эмоций, характеризуется русский человек. Если он радуется, то его радость не знает границ, если его охватила грусть, эта грусть всеобъемлюща. Это, скорее всего, является одним из следствий его «широкой души». «Только меру бы соблюдать. Но с принципом меры у нас слабо всегда…» [2: 364]. В языке это выражается посредством определений со значением преувеличения (*великым, многы*) и при помощи определений, сходных по семантике с определяемым словом и добавляющих дополнительную окраску его значению (*жалостныя слезы*).

Описательные глагольно-именные обороты представлены в данном тексте одним примером: *слезы испущающа*. Он говорит о душевной чувствительности русских, их высокой способности к состраданию, когда проблемы государственного масштаба находят отклик в душе каждого человека и вызывают у него искренние эмоции.

Итак, мы видим, что с помощью анализа текстов летописных повестей о монголо-татарском нашествии можно выявить особенности ментальности русского народа. Ведь именно в период военных распрей эмоции человека проявляются в наивысшей степени, когда они уже перестают быть индивидуальным элементом внутренней жизни отдельного человека, теряют личностные окраски, сливаются во всеобщее настроение народа и образуют единый эмоциональный фон, определяющий особенности поведения отдельного человека и объединяющий нацию на основе этих особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова В.Г., Филиппова Я.В. Ментальность русского народа: традиции и революция. Н. Новгород: ННГУ, 2008. 12 стр.
2. Гачев Г.Д. Ментальность народов мира. М.: Эксмо, 2003.
3. Колесов В.В. Гордый наш язык. 2-е изд., перераб. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. 352 стр.
4. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: ВГУ, 1990.
5. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

КУРДЕЛЯС Анастасия Андреевна *(Красноярск, Россия)*

магистрант
Красноярский государственный педагогический
университет имени Виктора Петровича Астафьева
shagratka-dimmuborgir@rambler.ru

ВЕРОЯТНЫЕ ИНТЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Аннотация. В предлагаемой статье отображаются результаты лингвистического исследования и интерпретации эвфемизмов в русскоязычных и англоязычных СМИ. Анализ включает в себя определение видов эвфемистических единиц, принципов их использования и вероятных интенций их целеполагания.

Цель работы – попытка исследования вероятных интенций в процессе эвфемизации публичной речи путем лингвистического анализа русскоязычных и англоязычных заголовков печатных СМИ. Актуальность темы продиктована интересом современного языкознания к проблемам этого круга. В исследованиях таких ученых, как Б.А. Ларин, А.М Кацев, А.Д Васильев, обращается внимание на особенности использования эвфемизмов в речевой коммуникации. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. сопоставить известные определения понятия «эвфемизм» в отечественных и зарубежных трудах;
2. выполнить лингвистический анализ текстов отечественных и зарубежных СМИ на политические, спортивные, экономические темы;

3. установить и сравнить вероятные интенции целеполагания, средства, принципы использования эвфемизмов на уровне исследуемых языков.

Материалом исследования послужили заголовки информационно-аналитических статей, опубликованных в современных русскоязычных и англоязычных газетах – таких, как «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсант», «The Guardian», «The Workers Vanguard», «The Telegraph» за 2011-2017 годы.

В лингвистике эвфемизмы стали изучаться начиная с XIX века. Данной теме уделяли внимание А. Мейе, С. Видлак, Ш. Балли. Работы А. Майера, изучавшего табу и эвфемизмы в античном обществе, привлекли внимание ученых к этому явлению в первой половине XX века. Современная лингвистика постоянно нуждается в обеспечении новых материалов для исследования, поскольку динамичные изменения социокультурного фона влияют на систему языка, поэтому условия активного функционирования политкорректной лексики за последние десятилетия повлияли на частотное использование эвфемизмов, ставших объектом пристального внимания.

Рассмотрим семантизацию понятия в трудах отечественных ученых: «Эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [7: 199]. Данное понятие определяется как способ, маскирующий обозначения неприятных явлений. Б.А Ларин называет эвфемизмами «подставные», но отвлекающие дозволенные и пристойные наименования, превращающие злые качества и действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные, то есть как некую разновидность вербальной магии [5: 102]. Рассмотрим определение понятия с точки зрения зарубежных источников. H.A. Rawson утверждает, что эвфемизм обозначает слова, использующиеся вместо болезненных и обидчивых выражений

[11: 1]. В Кембриджском международном словаре английского языка термин эвфемизм определяется следующим образом: «Применение слова или фразы использующейся, чтобы избежать упоминания другого слова или фразы, которые более сильные и честные, но более неприятные и оскорбительные» [8: 8].

Обычно выделяются следующие цели (причины) эвфемизации речи:

- стремление избежать коммуникативных неудач, которые приводят собеседника к дискомфорту;
- вуалирование, маскировка существа дела по причине боязни огласки антигуманной деятельности;
- стремление скрыть смысл во избежание напряженности и конфликтности сторон.

Основные сферы применения эвфемизмов – политическая, общественная, экономическая деятельность. Следует заметить, что статьи, посвященные политическим темам, являются более актуальными, и эвфемия оказывается довольно распространённым и эффективным средством реализации феномена политкорректности. При исследовании эвфемизации речи важно понимать, что семантические параметры лексической замены зависимы от интенционального горизонта. Исходя из данного утверждения следует, что задача интерпретации эвфемизмов имеет свои особенности, поскольку адресант не предупреждает аудиторию о том, что он «эвфемизирует». В письменной речи эвфемизм могут сопровождать выражения или кавычки, маскирующие коммуникативное намерение говорящего, позволяющие ему выдать свои слова за чужие с целью снятия с себя ответственности.

Перейдем к лингвистическому анализу. В публикации «Независимой газеты» с названием «*Женщины из "полиции нравов" ИГИЛ в Сирии вспоминают коллаборационизм, страдания и побег*» используется слово *коллаборационизм*, который является эвфемизмом и использован

вместо слова *предательство*. «**Коллаборационизм** – вм. Предательство. Предательское сотрудничество с врагами своей родины» [6: 157]. Слово относится к наименованию преступлений и их последствий. Происходит процесс смягчения лексической единицы, цель которого – вуалирование, маскировка существа дела по причине боязни огласки антигуманной деятельности.

Заголовок «*Силы группировки вооруженных сил России и Таджикистана уничтожили на полигоне Ляур крупное моторизованное бандформирование*» раскрывает содержание статьи о том, что «в кратчайшие сроки воздушный десант уничтожил подходящее подкрепление "боевиков". Существительное *бандформирование* употреблено вместо словосочетания *незаконное вооруженное формирование***.** «Бандформирование – вм. Незаконное вооруженное формирование. Криминал.соц. эвф., фикс. как эвф. посл. пяти лет XX в.» [6: 62]. Существительное принадлежит к наименованию преступлений и их последствий. Семантическое вуалирование слова смягчает негативную оценку по отношению к значению слова, которая могла бы появиться при первоначальном прочтении заголовка, если автор статьи использовал бы словосочетание *незаконное вооруженное формирование*. Необходимость смягчения продиктована явлением психологической уместности, которое определяется осторожным отношением к слову и с его непосредственным ассоциированием. Эвфемизм воспринимается как новая единица и первоначально не ассоциируется в сознании человека с негативной информацией.

Рассмотрим заголовки статей, опубликованных в англоязычных газетах. «*It's Time Russia Published Its Dodgy Chemical Weapons Dossier*» – «*Пришло время для публикации российского досье по поводу нечестного химического оружия*». Эвфемизм *dodgy* в значении 'указание на что-то незаконное и запретное' (пер. с англ.) [9: 113] используется вместо броского слова *risky* – *рискованный* путем эквивалентной замены.

Цель использования эвфемизма – вуалирование истинных последствий незаконных действий страны.

Название «*UK economy settling into above-trend stable growth*» – «*Экономика Англии регулируется в тенденцию стабильного роста*». Эвфемистическое словосочетание *stable growth – стабильный рост* относится к экономической сфере деятельности и используется вместо сочетания *медленный рост* (пер.с англ.) [11: 265]. Эвфемизм является отрицательным, поскольку он преуменьшает реальную действительность экономического положения страны. Употребление происходит с целью камуфлирования негативного явления в жизни государства.

Изучив заголовки информационно-аналитических статей, мы отмечаем следующее:

- использование эвфемизмов обусловлено требованиями к выполнению социальных норм, соблюдению политической корректности, а также к соблюдению принципа психологической уместности;
- освещение политических тем в СМИ является, очевидно, приоритетным и диктует все большее появление и употребление политических эвфемизмов как в русском, так и в английском языках;
- наиболее употребительным способом образования эвфемизмов в заголовках печатных СМИ является маскировка семантического компонента. Популярность этого способа объясняется тем, что он позволяет коммуникатору не выдавать за правду явную ложь, а лишь слегка размыть границы самой правды за счет вуалирования истинного значения слова;
- больше всего языковые замены использовались в русскоязычных изданиях с целью маскировки истинного смысла сообщения, во избежание огласки чьей-либо негативной деятельности, для привлечения внимания к тексту и исключение последствий, приводящих к психологическому дискомфорту и коммуникативным неудачам. В англоязычной периодике главными целями были вуалирование истинного смысла со-

общения для предотвращения чьей-либо незаконной деятельности и основанной на страхе потери репутации; транквилизирующий эффект, предотвращающий появление психологического дискомфорта и обход последствий, которые могут привести к конфликтам между странами или разными группами населения одной страны, а также соблюдение политической корректности.

Подводя итоги, мы полагаем, что эвфемизмы должны быть предметом исследования, прежде всего, в таких научных областях, как политическая лингвистика и медиалингвистика. Интенсивное употребление единиц-эвфемизмов в печатных СМИ приводит к их популяризации и проникновению в широкое употребление, а следовательно – и к вероятной корректировке общественного мнения и изменениям активного словарного запаса носителей языка. Следует отметить, что количество и частотность эвфемизмов напрямую связаны с уровнем культуры социума, а также зависят от активного функционирования лексики в определенный период времени. Исходя из этого, мы утверждаем, что эвфемизации речи присущ процесс эволюции в рамках понятий времени и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация // Политическая лингвистика, 2010. № 2. С. 101-108.
2. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., Флинта-Наука. 2003. 224 с
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учебное пособие к спецкурсу. Л.,1988. 80 с.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1-2. С. 28-49.
5. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общего языкознания. М.,1977. С. 110.
6. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. М.: Высшая школа, 2006. 161 с.
7. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. 879 с.
8. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001.
9. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995.
10. New Oxford Thesaurus of English: New York: Oxford University Press Inc.2000.
11. Rawson H.A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk: New York. 2002.

НЕБОСОВА Анна Сергеевна (*Владимир, Россия*)

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МАОУ «Гимназия № 73»
nebosova-anna@rambler.ru

ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ XVIII-XIX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена историческому комментированию употребления форм множественного числа существительных в текстах XVIII-XIX веков. В работе анализируются лирические произведения А.Н. Радищева, Г.Р. Державина, А.Д. Кантемира с целью выявления тенденций в употреблении форм множественного числа.

Данное исследование посвящено изучению форм множественного числа существительных. Изучением данных словоформ занимались многие отечественные лингвисты: В.М. Марков, Л.А. Булаховский, С.П. Обнорский, В.В. Виноградов, В.И. Чернышев, А.М. Иорданский.

Как известно, в древнерусском языке наблюдалось не два числа, а три – единственное, множественное, двойственное. «Наличие трех чисел было унаследовано древнерусским языком от праславянского, в котором это, в свою очередь было общеиндоевропейским наследством» [2: 287].

Следует отметить, что наличие трех чисел было присуще не только существительным, но и другим частям речи – прилагательным, глаголам, местоимениям, причастиям.

В древнерусском языке, как пишет В.В. Иванов в «Исторической грамматике русского языка»: «шесть типов склонения выделялись по формам множественного числа. Но на протяжении истории русского языка общее сближение типов склонений, разрушение старых отношений и установление новых выразилось во множественном числе в том, что старые различия в падежных формах, связанные с многотипностью склонения, были утрачены».

Нормы употребления форм множественного числа существительных в художественных текстах XVIII-XIX веков мы можем обнаружить в филологическом труде М.В. Ломоносова «Российская грамматика» 1755 года, которая представляет собой первый печатный свод правил по русскому языку.

Для написания работы было рассмотрено 3 наставление «О имени», в нем 2 глава «О склонениях».

Так, по мнению М.В. Ломоносова, в русском языке четыре склонения существительных:

1 склонение: существительные мужского и женского рода на -а, -я;

2 склонение: существительные мужского рода на –ъ, -й, -ь и существительные среднего рода на -е, -ие, -о;

3 склонение: существительные среднего рода на –я;

4 склонение: существительные женского рода на –ь.

В каждом склонении Ломоносов выделяет формы единственного и множественного числа существительных и описывает их нормы.

Далее рассмотрим особенности употребления форм множественного числа в художественных текстах А.Н. Радищева, Г.Р. Державина, А.Д. Кантемира. При анализе форм множественного числа существительных мы применяли нормы, зафиксированные М.В. Ломоносовым в его грамматике.

Так, при употреблении существительных 1 склонения в форме множественного числа мы обнаружили одну ненормированную форму:

Пространства из пустыней мрачных

Исторг – и твердых и прозрачных

Первейши семена всех тел…

(Радищев А.Н. «Вольность»)

1) Из пустыней – сравниваем с литературным вариантом: из пустынь. В ДРЯ это существительное относилось к а* -склонению и в форме Р.п. мн.ч. должно было иметь нулевую флексию.

2) Флексия –ей появляется в результате взаимодействия а* - склонения с i* - склонением.

3) Автор в своем стихотворении использует архаичное окончание для стилизации речи.

При употреблении существительных 2 склонения в форме множественного числа, мужского рода мы обнаружили ненормированную форму:

Ночь была прохладная, светло в небе

Звезды блещут, тихо источник льется,

Ветры нежно веют, шумят листами

Тополы белы.

(Радищев А.Н. «Сафические строфы»)

1) Тополы – сравниваем с литературным вариантом: тополи. В ДРЯ это существительное относилось к i* -склонению и в форме И.п., мн.ч. должно было иметь флексию –и.

2) Флексия –ы появляется в связи с выравниванием по твердому варианту.

3) Автор в своем стихотворении использует архаичное окончание для стилизации речи.

В лирических текстах Державина была выявлена следующая ненормированная словоформа:

Небесные прошу я силы,

Да, их простря сафирны крылы

Невидимо тебя хранят…

(Державин Г.Р. «Фелица»)

1) Крылы – сравниваем с литературным вариантом: крылья. В ДРЯ это существительное относилось к о*-склонению и в форме В.п., мн.ч. должно было иметь флексию –а(я).

2) Данная флексия возникла по причине распространения вариантных окончаний в результате взаимодействия о* - склонения с ŭ*- склонением.

3) Автор в своем стихотворении использует архаичное окончание с целью версификации (для поддержания рифмы).

Ненормированное употребление существительных 2 склонения множественного числа мы обнаружили в Дательном падеже у Кантемира А.Д.:

Слепа фортуна ведет их, здравых,

Як стоока,

В старость глубоку по путех правых,

Без порока.

(Кантемир А.Д. «METAPHRASIS PS. 36»)

1) По путех – сравним с литературным вариантом: по путям. В ДРЯ это существительное относилось к і*-склонению и в форме Д.п. мн.ч. должно было иметь флексию –ям.

2) Флексия –ех появляется по причине унификации флексий для существительных всех склонений Дательном – Творительном – Предложном падежах множественного числа в результате выделения склонения существительных множественного числа в особый, 4, тип склонения на базе флексий существительных с ā*.

3) Автор в своем стихотворении использует архаичное окончание для стилизации.

Итак, в результате проведенного анализа словоформ множественного числа существительных в художественных текстах XVIII-XIX вв. мы пришли к следующим выводам.

В основу исследования были положены 596 единиц, вычлененных из лирических произведений А.Н. Радищева, Г.Р. Державина, А.Д. Кантемира. Из них порядка 20 употреблений продемонстрировали отступление от грамматической нормы образования формы множественного

числа существительных. Наиболее употребительными являются формы множественного числа существительных 2 склонения в Именительном и Винительном падеже, а наименее употребительными – существительные 3 склонения.

Наблюдаются следующие тенденции в употреблении форм множественного числа: появление вариантных окончаний в результате взаимодействия склонений (перуны – перунов, пустыней – пустынь, родителев – родителей); выравнивание флексий мягкого варианта под флексии твердого варианта (тополы – тополи); унификация флексий для существительных всех склонений в Дательном – Творительном – Предложном падежах множественного числа (по путех – по путям, солнцев – солнц).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990.
3. Иванов В.В., Потиха З.А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1978.
4. Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
5. Шмелев Д.Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.

ПЕТРОВА Наталья Сергеевна (*Владимир, Россия*)
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (на материале произведений Владимира Солоухина)

Аннотация. В статье рассматриваются выраженные посредством метафор ментальные особенности русского человека, нашедшие отражение в произведениях В. Солоухина.

В ментальности российского человека заложена глубинная тяга к воображаемому совершенному, справедливому будущему миру, способность высоко ценить этот мир, стремиться к нему и жить в этом воображаемом мире [2]. Задаваясь вопросом проявления ментальных при-

знаков в произведениях Владимира Солоухина, мы ставим перед собой такие задачи: классифицировать проявление ментальных свойств русского человека в основных сферах его жизнедеятельности и описать способы передачи свойств русской ментальности через использование автором средств художественной выразительности текста.

Понятие ментальности настолько многогранно, что исключает возможность ограничения в устоявшиеся рамки языка. Ментальные свойства русского человека могут проявляться через познание. Человек может познавать окружающий мир, строя при этом индивидуальную и общую картину мира, или, наоборот, через окружающую действительность человек может познавать себя. Ментальные свойства русского человека в наибольшей степени проявляются в его отношениях с основными средами его жизнедеятельности [1].

Человек может проявлять ментальные свойства через свое отношение к природе и через восприятие природы. В произведениях Владимира Солоухина мы видим природу с разных ее сторон. Природа может очаровывать своей красотой. Например, в предложении *Еще день-два, и все* ***вспыхнет*** *яркими зелеными* ***цветами*** (Свидание в Вязниках) автор передает свое восхищение природой с помощью метафоры *вспыхнет цветами*; в примере *Кажется даже, что задние* ***травы привстают на цыпочки****, тянутся изо всех сил, чтобы обязательно, хотя бы из-за плеч товарищей, поглядеть в воду* (Белая трава) метафора-олицетворение *травы привстают на цыпочки* помогает создать чарующий образ «живой» природы; в контексте ***Река*** *была особенный* ***мир****, с таинственной тенью под кустами* (Кувшинка) Владимир Солоухин передает красочность каждого явления природы. В данном примере автор сравнивает реку с таинственным миром, который придает природе особую загадочность. Предложение *Когда я остался один среди молчаливых холмов под темным, но все-таки прозрачным небом, привольно раскинувшись на спине, когда* ***звезды заиграли*** *надо мной, мне стало*

как-то спокойнее (Кувшинка) позволяет сделать вывод о том, что для Владимира Солоухина красота природы неразрывно связана с внутренней гармонией. Именно неразделимая связь души и природы является одной из ментальных особенностей русского человека.

Образ природы может раскрываться через темные, мрачные тона и настроения. Например, в предложении *Такая* ***низкая и тяжелая чернота*** *зимнего* ***неба нависла*** *над всей землей* (Каравай заварного хлеба) образ зимнего неба передается через оценочные прилагательные и темную цветовую палитру. Не только цветовая палитра позволяет В. Солоухину создать образ природы, но и метафоры, которые придают этому образу некую таинственность: *Валерию я увижу на фоне* ***черных зубцов*** *заречного* ***леса*** (Кувшинка). Следует отметить, что в произведениях В. Солоухина метафоричность нередко соседствует с гиперболизацией, например: ***Крупные капли дождя разбивались*** *о землю,* ***превращаясь в пыль и мельчайшие брызги»*** (Летний паводок).

Таким образом, ментальные свойства русского человека показаны через отношение автора к природе. В. Солоухин описывает природу с разных сторон: он видит в ней красоту, таинственность, очарование, но в то же время находит и темные, мрачные тона, описывая черноту леса и неба. Несмотря на это автор восхищается и с большим очарованием передает и описывает состояние природы.

В произведениях Владимира Солоухина встречаются примеры того, как метафоры, в основе которых лежат свойства, приписываемые человеку, могут передавать ментальные признаки русского народа. Например, в контексте *Можно подумать, что я тогда же таким вот образом* ***разложил*** *на части* ***лицо*** *Серафимы* (Серафима) автор обращается к способности русского человека мыслить образами и передавать настроения чувствами; метафора ***ребра*** *мои слегка* ***потрескивали и похрустывали*** (Комбинированный вагон) передает физическое состояние героя, сопровождаемое эмоциональным; пример *Мы теперь*

стали вольные птицы, ***руки*** *наши* ***развязаны*** (Девочка на урезе моря) иллюстрирует один из важных аспектов проявления русского менталитета – чувство свободы, которое передается метафорой *руки развязаны*.

По мнению Т.А. Хроленко, менталитет состоит не столько из идей, сколько из чувств, настроений, мнений, впечатлений, подсознательно управляющих человеком [1: электронный ресурс]. Эмоции и настроения В. Солоухин передает с помощью метафор, в основе которых лежит эмоциональная составляющая человеческого характера и менталитета в целом. Например, метафора *у меня* ***обрывалось сердце*** (Каравай заварного хлеба) передает чувственное, эмоциональное состояние; в контексте ***Кровь стыда и позора бросилась*** *мне в лицо* (На лыжне) метафора описывает чувство вины, испытываемое человеком; пример *Мне хотелось поглядеть ему в глаза. Интересно, что я увидел бы в них:* ***безысходную усталость и тоску****, мольбу либо* ***огненную, кровавую ненависть*** *вместе с* ***болью и злостью бессилия*** (Зимний день) демонстрирует свойственную русскому человеку огромную эмоциональность, проявляющуюся во всех чувственных аспектах человеческой жизни. Отражая эмоциональное состояние русского человека, автор использует широкие, развернутые метафоры, тем самым помогая читателю понять чувственное состояние героев.

Таким образом, метафоры в произведениях Владимира Солоухина выражают ментальные признаки русского человека: особое отношение к природе, проявляющееся только в гармонии человека с природой, способность русского человека мыслить образами и передавать настроения чувствами, которыми наполнена русская душа; а также особое чувство свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. [Электронный ресурс] - http://www.universalinternetlibrary.ru/book/28897/ogl.shtml (дата обращения: 27.10.2017).

2. Сабирова Л.А. Своеобразие проявления русской ментальности в конкретно-историческом контексте общественного развития [Электронный ресурс] – http://www.dslib.net/soc-filosofia/svoeobrazie-projavlenija-russkoj-mentalnosti-v-konkretno-istoricheskom-kontekste.html#5706222 (дата обращения: 27.10.2017).

ХОХЛОВА Ирина Александровна *(Владимир, Россия)*

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
khokhlova.ir2017@yandex.ru

АКТЫ СОГЛАСИЯ В МЕНТАЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале драматургии А.Н. Островского)

Аннотация. Статья посвящена теоретическому значению актов согласия как многоаспектной семантической категории, проявляющейся на фоне характеристик языковых средств, распространенных в человеческой речи и реализующих коммуникативные цели говорящего.

В речи человека проявляются его индивидуальные качества, особенности темперамента, воспитание, образование, условия окружающей обстановки. Запечатленные в речи личностные качества коммуникантов можно обнаружить и описать и на основе полученных результатов составить представление о ментальных признаках народного сознания, о конкретном человеке, конкретной эпохе [4: 14].

Основными видами реплик в драматических произведениях являются реплики согласия и возражения; все они определенным образом организованы с точки зрения синтаксиса. Согласие – более многомерное явление, чем конструкции возражения, поэтому оно требует большего внимания. Модальный план средств выражения согласия дает право говорить об их антропоцентрическом характере. Согласие как многоаспектная семантическая категория проявляется на фоне характеристики языковых средств, актуализирующих свое значение в аспекте коммуникативно-прагматической парадигмы [3: 65].

Сразу следует оговориться, что жанр драматургии характеризуется определенной известной особенностью: в пьесах авторы демонстрируют

речь героев, свойственную устной манере общения, в то время как в прозе мы видим обычно речь от лица рассказчика или литературного героя. И в этой речи «разговорность» является средством создания художественного образа, средством выражения ментальности.

Сравнивая толкование понятия «согласие» в словаре С.И. Ожегова, приходим к выводу, что эта конструкция не может употребляться в речи в виде простых разговорных «ага», «да», а несет в себе целый поток информации с различными стилевыми оттенками.

1. «**Согласие** – разрешение, утвердительный ответ на просьбу. *Дать согласие на что-нибудь. С согласия начальника* (имея его ~). *Молчание знак согласия* (посл.)»

2. «**Согласие** – единомыслие, общность точек зрения. *Прийти к согласию*. Гражданское *согласие* (отсутствие конфронтации в обществе)».

3. «**Согласие** – дружественные отношения, единодушие. *В семье царит полное согласие*».

4. «**Согласие** – соразмерность, стройность, гармония. *В оркестре нет согласия*»[2: 436].

Согласие связано с психологией, жизненной позицией, возрастной группой, менталитетом, внутренним состоянием и сиюминутным настроением говорящего. Отмечая различные ситуации диалогового общения, а также вышеуказанные признаки, можем выделить согласие спонтанное, намеренное, вынужденное, примирительное, необходимое и др.; человеческая форма общения всегда сопровождается выбором этой самой формы, в нашем случае формы акта согласия.

Драматические пьесы А.Н. Островского дают богатый материал для рассмотрения проблемы речевой реплики согласия как многоплановой единицы речевого акта. В ответ на вопрос встречаются нечленимые предложения, состоящие из слов «да», «да» с частицей, «да» с обращением к собеседнику, из устойчивых сочетаний. В

вопросительных предложениях, репрезентирующих согласие, подчеркивается необходимость его логического выделения, требуется выяснить сведения о наличии/отсутствии согласия, устранить неясность во взаимоотношениях, познать характер оформления согласия в конкретном речевом акте и выразить к нему отношение. Отдельные конструкции оказываются близки к просторечным, другие – к нейтральным. Предположим, нейтральные: «*Уж само собой*» и «*Уж как не знать*» («Гроза» 1859 г.).

В других случаях согласие не является ответной репликой на вопрос; оно может выступать параллельным рассуждением в соответствии мысли собеседника. Например: «*Еще бы не дико*» («Гроза») – частица «не» употребляется в неполном предложении без отрицания. «Еще бы не» – это усилительно-выделительная конструкция, возможно просторечная. Усилительно-выделительным средством также можно считать повтор: «*Слышал, слышал, сударь*» («Гроза»). Повтор использует автор, подчеркивая размышления и ход мыслей героини.

«*Может, и доживем*» («Гроза») – это ответ на своего рода пожелательное предложение. Это не просто согласие, а разговор в унисон, размышления героини (Феклуши). Согласие сопровождается вводным словом «может», что позволяет употреблять односоставное предложение.

Анализируя конструкции согласия, можно прийти к выводу о том, что согласие связано с различными сторонами осознания человека себя в обществе, в манере выражать себя. Очевидно, что феномен согласия является одним из заметных и уникальных фрагментов языковой картины мира, а речевой этикет – важная составляющая любой национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баделина М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств. Иваново, 1997. 23 с.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. 436 с.

3. Реброва П.В. Способы выражения согласия/несогласия в русском языке на примере коммуникативного акта просьбы // Молодой ученый. 2012. №3. С. 262-265.
4. Свиридова Т.М. Категория согласия/несогласия в русском языке: Автореф. дисс. …докт. филол. наук. Елец, 2008. 14 с.
5. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: На материале текстов немецких политических интервью: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
6. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков). Воронеж, 1995. 112 с.

ЧЕРНИКОВА Софья Александровна *(Владимир, Россия)*

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ «СОШ № 21»
krutovo@mail.ru

ОБОЗНАЧЕНИЕ ОРАНЖЕВОГО И КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТОВ В ТРАВНИКАХ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются лексические единицы, обозначающие оранжевый и коричневый цвета в рукописном травнике Ивана Бирюкова XVII в. и в современных травниках: выявляются состав данных лексико-семантических групп и развитие семантики слов.

Л.А. Глинкина дает такое определение травнику: «Народные травники представляют собой рукописные сборники непостоянного состава, состоящие из отдельных статей, посвященных описанию растений и их полезных для человека свойств. Самые ранние из сохранившихся до наших дней списков относятся к XVII в., самые поздние – к началу XX в.» [10].

М.Вас. Пименова констатирует наличие нескольких точек зрения на происхождение и содержание народных травников: В.М. Флоринского, который «подчеркивает народный характер травников» и «относит первые травники к XV веку», Л.Ф. Змеева, утверждающего, что «травники сравнительно новое явление», связанное с распространением «астрологических бредней», В.Ф. Груздева, говорящего «о неоднородности травников по их содержанию и происхождению. Он считает, что часть травников

принадлежит переводной литературе и предназначается для аптекарей, а часть относится к русской народной лечебной литературе» [5].

Источниками нашей работы послужили тексты разных временных периодов: XVII в. – рукописный неопубликованный травник нижегородского мещанина Ивана Гавриловича Бирюкова (РНБ. F. VI.16. 35 л.); XX-XXI вв. – современные травники А. Подоляка и О. Филатова. Предметом изучения стали цветообозначения в данных травниках.

Следует отметить, что «цвет – свойство света вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения» [2], имеющее огромное значение для повседневной жизни человека. Наименования цвета менялись в различные исторические эпохи. Как отмечает В.В. Колесов, «можно документально установить, что пятьсот лет назад такого-то слова не было или оно употреблялось совсем в другом значении… Слова, возникая в языке, вступают в сложные и противоречивые отношения друг с другом, сходятся и расходятся, расцветают и теряют краски, каждый раз отражая постепенное познание мира говорящим на этом языке народом» [3].

В исследуемом травнике Ивана Бирюкова весь ЛСГ цветообозначений условно можно разделить на три группы: наименования основных («чистых») цветов, периферийных (смешанных) и «относительных», указывающих на цвет при помощи сравнения с какими-либо явлениями или предметами окружающего мира, что, вероятно, указывает на отсутствие специального слова для данного оттенка.

Рассмотрим недостаточно изученные группы, обозначающие «смешанные» оранжевый и коричневый цвета.

Н.Б. Бахилина указывает, что «оранжевый цвет (как ядерный компонент группы) сформировался сравнительно недавно, в древнерусском языке для обозначения этого цвета используется

сложное слово *рудожелтый*…» [1]. Говоря об этимологии первого компонента сложного слова, Н.М. Шанский пишет: «*Руда*. Общеслав. Образовано от той же основы, что *ръдѣти* – ‘рдеть’. *Руда* – буквально ‘красная’» [11]. Н.Б Бахилина отмечает, что «история слова *рудой* в русском языке сложна и не вполне ясна. Древние русские памятники слова *рудой* не знают. Нет его в памятниках деловой письменности XV-XVII в. … и в литературе XVIII в. слово *рудой* не встречается. Словарь Срезневского, Словарь Академии Российской этого слова не дают. Слово появляется в русской художественной литературе только в XIX-XX в., а современные словари дают его с пометой «областное». Вместе с тем есть косвенные свидетельства о его бытовании в языке. Так, в русском языке по крайней мере с XV в. известно и очень употребительно прилагательное *рудожелтый*, обозначающее смешанный красно-желтый цвет, видимо, такой, который мы сейчас называем *оранжевым*» [1]. В разных словарях данное цветообозначение имеет разную дефиницию: «красновато-желтый» [8], «желтый с красноватым оттенком, рыжий» [11], «оранжевый, красновато-желтый» [7].

Н.Б. Бахилина также указывает, что возникновение наименования этого «смешанного» цвета «…связано с практическим потребностями (описание цвета тканей, одежды, обуви), но со временем сфера его употребления расширяется, и можно говорить о неограниченной сочетаемости слова… Однако [оно] не становится абстрактным цветообозначением для смешанного красно-желтого цвета. Со временем оно вытесняется из языка, во-первых, потому что оно сложное прилагательное, подчеркивающее неопределенность слова, во-вторых, первая часть сложного слова становилась неясной и сохранилась лишь в говорах, в-третьих, появилось слово-синоним *оранжевый*» [1].

В травнике Ивана Бирюкова цветообозначение *рудожелтый* достаточно частотно, например: *«цвет* ***рудожелт»*** (л. 5об.), *«цветъ* ***рудожелтъ****»* (л. 20). Приведем примеры контекстов: «*Одоленъ*

Холостой ростетъ при ровномъ месте, при камени черном, при сильных местахъ и по лугамъ старымъ, ростомъ в локоть, видом голуба, листъ осокой продолговатъ, цветъ ***рудожелтъ****, корень великъ искрасна»; «Храбрецъ ростетъ при полъникахъ, при старыхъ местахъ, при озерахъ, ростомъ велика, зелѣна иживетъ суховата листъ, цветъ* ***рудожелтъ****, корень белъ волосатъ*» [9].

Коричневый цвет обозначается чаще всего колоронимами *коричневый* и *бурый.*

О происхождении наименования *коричневый* исследователи пишут следующее: «вост.-слав., образовано с помощью суффикса *-ев-* от *коричный*, являющегося в свою очередь производным с суффиксом *-н-* от *корица*» [13], «относящийся к коричному дереву, дающему коричную кору» [8].

Слово *бурый,* как считает Н.М. Шанский, является «др.-русск. заимствованием из тюркских языков; тюркск. *бур-* ‘рыже-красный’ представляет собой переоформление перс. ‘красно-коричневый’, который восходит к индоевропейскому ‘блестящий, светло-коричневый’» [13]. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова указано, что «*бурый* – серовато-коричневый или черный с красноватым отливом (о масти)» [11]. Н.Б. Бахилина пишет, что «…прилагательное *бурый* как цветообозначение отличается неопределенностью, оно довольно расплывчато и называет оттенки коричневого цвета разной интенсивности и разной степени смешанности с другими цветами. Следует допустить, что в древнерусском языке, да и в новое время прилагательное *бурый* в общем играло роль современного абстрактного цветообозначения *коричневый*» [1].

В исследуемом рукописном травнике нет наименования *коричневый*, как, впрочем, и «чистого» *бурого*, есть лишь его оттенки, например: *«Корень красенъ* ***бурчеватъ****»* (л.12 об.); *«****искрасна бура****»* (л.12 об.); *«****избура****»* (л. 11); *«Корень* ***изкрасна бурчеватъ****»* (л. 10 об.):

«*Ацосенъ ростетъ в лесахъ и по косогорамъ... Корень* ***изкрасна бурчеватъ****, пригодна корень отъ зубной болезни»; «Медведь. Корень великъ съотросками* ***избура****», «Конской щавель ростетъ на прелыхъ местахъ, ростомъ в стрелу и выше, листъ продолговатъ, а х концу остръ, цветъ походитъ на конопель,* ***искрасна бура****, а какъ отъцвететъ, то наверху будутъ семичьки»; «цветочьки лозорѣвыѣ, корень красенъ* ***бурчеватъ****, крюкомъ или что раковой плѣскъ дугой*» [9].

Сравним текст рукописного травника XVII в. с травниками современного периода (XX–XXI вв.).

Во-первых, в современных травниках упор делается не на описание растения (цвет венчика, стебля, корня), а на рецептах («…*3 ч. л. цветочных головок клевера, 250 мл воды*», «…*Взять 3 стакана зрелых плодов*...») [12].

Во-вторых, многообразие обозначений цвета, как это было в травнике Ивана Бирюкова, заменяется указанием лишь на самые основные «приметы»: цвет цветка («*Цветки мелкие,* ***зеленоватые****…*», [6]; «…***синие*** *цветки…*»; «*цветки* ***белые*** *с* ***лиловыми*** *жилками…*» [12]), а иногда – листьев или сока, совсем редко – корня.

Цветообозначение *рудожелтый* уступает место современному абстрактному колорониму *оранжевый* («*Цветочные корзинки… желтого* или ***оранжевого*** *цвета…*» [6]; «…*содержится* ***оранжевый*** *млечный сок…*»), а *бурый – коричневому* («…*а в середине* ***красновато-коричневый****…*» [6]; «…*корень имеет* ***коричневый*** *цвет…*» [12]).

В заключение следует отметить, что в исследуемом рукописном травнике Ивана Бирюкова употребляется довольно большое количество цветообозначений, что может быть связано с появлением в XVII в. интереса к цвету. Можно говорить о том, что постепенно формируются гиперонимы для лексико-семантической группы цветообозначений (во всяком случае, для цветов основных), хотя и сохраняются некоторые

обозначения, отсутствующие в современной системе колоронимов (*рудожелтый, искрасна бура, червленый* и др.). В травниках современного периода употребляется относительно ограниченное количество цветообозначений, сфера применения которых достаточно узка: цветок, сок, листья, вероятно, это связано с ненадобностью всестороннего описания лекарственного растения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
2. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М., 2002. 1632 с., ил.
3. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М.: Просвещение, 1982. 191 с.
4. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
5. Пименова М.Вас. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы: Дис. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1987. 206 с.
6. Подоляк А. Травник. Описание 300 лекарственных растений и способы их применения. М.: Эксмо, 2015. 598 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв.: В 29 т. / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2004.
8. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3-х т. Репринтное издание. М.: Книга, 1989. 5237 с.
9. Травник Ивана Бирюкова. XVII в. РНБ. F. VI.16. 35 л.
10. Травник XVIII века (тобольский вариант) / Науч. ред. Л.А. Глинкина. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 251 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: «Астрель: АСТ: Хранитель», 2008. 1054 с.
12. Филатов О.А. Новейший травник. М.: «Крылов», 2008. 400 с.
13. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 541 с.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Лекции

АЛТАБАЕВА Елена Владимировна *(Москва, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени Климента Аркадьевича Тимирязева
evaltabayeva@mail.ru

КОНЦЕПТ *ЖЕЛАНИЕ* В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация. В работе рассматривается проблема представления желания как одного из значимых для русской ментальности концептов. Выявляются особенности его концептуального содержания, отражающего национально специфицированные способы восприятия мира, рассматриваются различные ментально обусловленные виды желания говорящей личности.

В каждом человеке заключен мир его желаний, психологически мотивированный, социально детерминированный и ментально обусловленный, с одной стороны, индивидуальный и непредсказуемый, с другой. Проблема языкового представления этого мира как формы воплощения национальной ментальности необычайно сложна, поскольку желания, направленные на обладание тем, чем субъект в данный момент не располагает, всегда ирреальны и пребывают в том или ином из «возможных миров» сознания и подсознания человека – особого фрагмента общей картины мира. Желания личности репрезентируются с помощью особой системы разноуровневых способов и средств, формирующих самостоятельную языковую категорию – категорию оптативности [1: 69-100]. В основе категории оптативности лежит концепт *ЖЕЛАНИЕ* как особое ментальное образование, генерирующее категориальный смысл желательности осуществления действия в сознании говорящего. *ЖЕЛАНИЕ* представляет собой концепт национального языкового сознания, занимающий определенное место в картине мира и репрезентируемый соответствующими языковыми средствами, которые используются говорящим для выражения желания того, чтобы некая потенциальная, пози-

тивно оцениваемая субъектом ситуация возымела место в действительности.

В ментальном пространстве русской языковой личности картина ее желаний занимает важное место. По определению В.В. Колесова, ментальность – «это миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает в себе и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. В русской традиции столь широкое понимание ментальности имело свой термин: д у х о в н о с т ь» [3: 74].

Именно *«миросозерцание в категориях и формах родного языка»*, регулирует и отношение индивидуума к желаемому объекту, равно как и характер самого объекта, что в целом помогает личности установить свои ценностные критерии (*здоровье, карьера, слава, деньги, власть, свобода, любовь, искусство, мораль, мир, дети, семья…*). Действительно, человек желает, как правило, того, на что сориентирована его система ценностей, сочетающая в себе социально детерминированное и индивидуальное. При этом когнитивный механизм концептуализации [2: 37] желаний всегда одинаков: из множества объектов реальной (или ирреальной) действительности субъект выбирает некий объект (ситуацию), который предпочитается другим и осмысливает его в виде предмета желания. Формирующееся желание определенным образом воздействует на субъекта, который, во исполнение желаемого, может воздействовать на других лиц вербальными и невербальными средствами. Вербализованное желание является результатом когнитивного процесса категоризации [2: 38], в который включена и ментальная составляющая.

Причина и основа всякого желания – закономерности и особенности взаимодействия индивидуума с внешним миром, по сути, это взаимодействие двух миров: мира «Я» и мира «не-Я». Еще Ф.И. Тютчев тон-

ко и поэтично выразил эту доминанту личности: «Два мира властвуют от века, Два равноправных бытия. Один объемлет человека, Другой – душа и мысль моя».

Не будет преувеличением утверждать, что желания правят миром. А вот на вопрос, сам ли человек владеет своими желаниями или они имеют власть над ним, наверное, никому не удастся ответить однозначно. Но если человек в чем-то и властен над желаниями, то это в том, что он всегда может найти способ обнаружить их, выразить, вербализовать. Говорящий, выражая свои желания, стремится реализовать себя как личность. Наверное, субъекту крайне важно, сформировав и сформулировав собственные желания, понять, чего он хочет, и руководствоваться этим в своей дальнейшей деятельности. Поэтому ментальная обусловленность мира человеческих желаний сочетается с индивидуально-психологическими особенностями личности, что не может не отражаться как в системе способов представления желаний как в языке, так и в содержании соответствующего концепта.

Концепт *ЖЕЛАНИЕ* в русской ментальности соотносится с такими концептуальными пространствами, как *ВОЛЯ, СУДЬБА, СОВЕСТЬ, ДУША, ТЕЛО, ЛЮБОВЬ, ТОСКА, ГРУСТЬ* и др. Желания личности формируются не только на основе телесных потребностей (еда, питье, сон…), но и в результате осознания потребностей эмоционально-интеллектуальных, т.е. не могут существовать вне определенных национально-культурных условий. И человек, и его желания, сущности динамические, диалектические, и так же, как изменяется окружающий мир, изменяются и желания.

В русской ментальности желание обнаруживает двоякую природу: оно представлено и как состояние, и как интенция: и статически, и динамически. С одной стороны, желать чего-либо – это находиться в состоянии желания, а с другой стороны, желать – значит хотеть сделать что-либо, предпринять какие-либо усилия в плане осуществления желаемо-

го. Для классического русского языкового сознания традиционно выражение желания, как правило, безотносительно к его осуществимости / неосуществимости: *Клянусь! давно бы я оставил этот мир: Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир, И улетел в страну свободы, наслаждений* (А.С. Пушкин), – либо с указанием на то, что оно заведомо неосуществимо: *Я много строк моих, О Лета! В тебе желал бы окунуть И утаить их как-нибудь И от себя и ото света…* (Е.А. Баратынский), – либо неосуществимо в силу каких-то причин: *Хочу, чтоб труд мой вдохновенный Когда-нибудь увидел свет; Хочу – и снова затрудненье!* (М.Ю. Лермонтов).

Характерно, что в философии русского языкового сознания изначально заложена программа неосуществимости, бесплодности, обреченности желаний мыслящей личности в несправедливо устроенном обществе, хотя душевные движения последней свидетельствуют об обратном. Достаточно вспомнить пушкинские строки: «*О нет, мне жизнь не надоела, Я жить люблю, я жить хочу!* Душа не вовсе охладела, утратя молодость свою» или лермонтовское «*Выхожу один я на дорогу…*», где главным для лирического героя является желание сна – сна-забвения, сна-успокоения. Развернутое выражение диктумной части оптативного предложения демонстрирует масштабный, многоплановый объект желания героя: *Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша, вздымалась тихо грудь, Чтоб весь день, всю ночь, мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб вечно зеленея, темный дуб Склонялся и шумел* (М.Ю. Лермонтов).

Заметим, что для русского человека бывает не столь важно осуществить желание, важнее пожелать и надеяться на «самоосуществление» своего желания либо просто так, самого по себе, либо с помощью какой-то чудодейственной силы, как, например, в сказках: – *Кабы я была царица, говорит одна девица, то на весь крещеный мир приготовила б я*

пир; Говорит старику старуха: Воротись, поклонися рыбке. Не хочу быть вольною царицей, Хочу быть владычицей морскою…» (А.С. Пушкин). Желания зачастую прямо не соотносятся с объективными обстоятельствами (фантастическое или метафорическое желание): *Э, да что там, весь посад сейчас бы расцеловал: как же не расцеловать, когда в первый раз надет китель с погонами, с ясными пуговицами* (Е.И. Замятин). Связь с действительностью вполне возможна (реалистическое желание) при наличии, помимо самого желания, еще и намерения его осуществить: *Со смешанным чувством досады […] и желания найти хоть какое-нибудь развлечение, Вронский оглянулся на отошедшего господина* (Л.Н. Толстой).

Мир желаний личности обусловлен множеством различных факторов и выступает одной из важных составляющих нашего бытия и духовной жизни. Система ценностей личности, складывающаяся на основе ее желаний, обусловлена не только положением данной личности или социальной группы в обществе, но и архетипическими формами сознания, проявляющимися в национальной ментальности. Этому явлению в свое время дал характеристику В.В. Колесов: «…ментальные «архетипы» складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения. Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь, например, в духовном пространстве языка. Складывается впечатление, что громче всех о ментальности говорят люди, утратившие – при незнании своего языка – национальную идентичность» [3: 74].

Для постижения национальной ментальности важно в том числе понимать, что ценностная иерархия, культивируемая в данном социуме, становится приоритетом личности. Именно социум и условия существования в нем в значительной степени предопределяют желания личности. В их концептуальном содержании и языковом представлении, тем не менее, сохраняется «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека» [4: 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. М., 2002. 310 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов, 2014. 236 с.
3. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // В.В. Колесов. Слово и дело. СПб., 2004. С. 72-86.
4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. 624 с.

АРИСКИНА Ольга Леонидовна *(Саранск, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Мордовский государственный университет
имени Николая Платоновича Огарёва
ariskina@list.ru

ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ГРАММАТИКАХ XVI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена выявлению ценностных установок в текстах первых грамматик церковнославянского языка. Исследование языковой личности грамматистов прошлого, ключевых концептов, нашедших отражение в языковедческих трудах XVI в., позволяет воссоздать картину мира русского Средневековья и продемонстрировать ее воспитательный потенциал для современного образования.

Занимаясь исследованием языковой личности (ЯЛ) лингвистов прошлого, мы изучаем не только метаязык лингвистики XVI в. и эволюцию научных знаний о языке, но и ценностные установки того времени, пытаемся воссоздать языковую и культурную картины мира, определить ментальный базис, на котором они строились.

В исследовании мы опираемся на концепцию языковой личности Ю.Н. Караулова [11], на теорию концепта В.И. Карасика [10], а также на наши работы, посвященные исследованию языковой личности лингвистов прошлого [2; 3].

Начиная с XVI в. появляется ряд грамматических работ о языке. Долгое время первые языковедческие труды славян были практически не изучены (первым исследователем, который попытался проследить развитие лингвистической мысли славян, был П.С. Кузнецов [12]). Между тем, XVI в. можно назвать началом просветительской эпохи: «В море неграмотности, которое раскинулось на территории Великого княжества

Литовского, в Средние века появились маленькие островки культурной жизни – белорусские и украинские города» [4: 3].

В данной статье мы опишем предпринятую нами попытку исследовать средневековую ментальность на материале трех лингвистических трудов XVI в., напечатанных с периодичностью в пять лет, – Грамматики славянского языка (1586 г.) [6], Адельфотиса (1591 г.) [1] и Грамматики Лаврентия Зизания (1596 г.) [5; 9].

Грамматика славянскаго языка 1586 г. [6] является в настоящее время библиографической редкостью. Автор этого языковедческого труда неизвестен до сих пор.

Произведение учеников Арсения Элассонского «Грамматика доброглаголиваго Еллинословенского языка АДЕЛФОТИΣ» [1] вышло из братской типографии, что отразилось в ее заглавии, породившем мнение о наличии двух титульных листов, двух названий. Многие лингвисты предпочитают до сих пор называть ее греческим словом «Адельфотис», хотя некоторые исследователи считают, что, поскольку греческое слово «адельфотис» переводится на русский язык как «братство», речь идет не о названии, а об издателе [4: 171-172]. Авторы книги предприняли попытку представить грамматические правила славянского языка по образцу греческого. Однако из анализа содержания книги видно, что не всегда в ней существовали параллельные тексты греческого и церковнославянского языков. Н.Б. Мечковская предполагает, что «трактовка греческого и славянского языков в качестве единого «еллинославенского» языка связана с представлениями о внутреннем тождестве языка сакральных книг одной религии разных народов» [13: 41]. Об этом же пишет В.М. Живов: «Проблема грамматического описания соотносится с вопросом о достоинстве славянского языка. Признание за славянским языком культурного статуса классического языка "греко-славянского" мира диктует славянскому языку необходимость достижения равного с греческим (или с латынью) достоинства. Это, в свою очередь, требует от

славянского языка той же грамматической организованности, которая свойственна классическим языкам, что закономерно приводит к описанию славянского языка по грамматическим моделям греческого и латинского языков» [7: 92-93].

Если львовская грамматика 1591 г. была задумана как двуязычное произведение, то «Грамматика славенска» [9 (цит. по [5])] Л. Зизания считается церковнославянской. Видимо, так думал и сам грамматист: «Зри же яко первая есть словенская грамматіка». Однако Д.Б. Захарьин видит в данном лингвистическом труде пересечение греческих, церковнославянских и латинских традиций [8: 57]. Есть версия, что Лаврентий Зизаний непосредственно участвовал в создании львовской грамматики 1591 г., поэтому его работа должна была стать естественным продолжением этой учебной книги на более высоком уровне [4: 175].

Анализ вербально-семантического уровня ЯЛ авторов этих трудов представил средневекового языковеда верующим, миролюбивым человеком, помыслы которого устремлены ввысь, к совершенству, к Богу. У него позитивное мышление, оптимистический взгляд на мир, на жизнь души. Его интересуют высокие материи: мысль и речь. Большое количество используемых слов с обозначением мыслительных и речевых процессов и специальной терминологии подтверждает его профессиональную (лингвистическую) направленность. Заметим, что внимание равно направлено на устную и письменную речь.

В Адельфотисе встречается лексема «слышатель» [1: 50]. Забегая вперед, скажем, что это единственный случай употребления данной номинации в лингвистических трудах XVI–XVIII вв. Слышатель – это адресат, один из участников речевой ситуации, участник, воспринимающий и обрабатывающий информацию, преломляющий ее через свое сознание, через свое мировосприятие. Видимо, именно этот участник речевой ситуации был наиболее значим для данной коллективной ЯЛ. Значит,

участник речевой ситуации – это ключевая ценность в картине мира грамматиста того времени.

В качестве доминантной ценности для Л. Зизания выступает личность ученика. На данный факт указывает и адресованность грамматики: «Послание спудеом» [5: 31], «Стихи къ младенцемъ въвъдящи их на дело» [5: 33], и обращение к ученикам «здравствуйте, но неболезнуте о Друзи» [5: 32], «не чудися възлюбленны мой друже» [5: 99], «Приймите друзи мои възлюбленнии вдячне…» [5: 113]. Л. Зизаний не просто излагает материал, а стремится к тому, чтобы он был обязательно усвоен. На прагматическом уровне это проявилось, например, в том, что «систему словоизменения Л. Зизаний описывает только посредством представления «образцовых» парадигм, задавая тем самым грамматический инвариант славянского языка (т.е. то, что должно быть усвоено учащимися)» [5: 15]. В качестве модели построения выбрана вопросно-ответная форма, которая была признана наиболее доходчивой. Кроме того, для ЯЛ Л. Зизания характерно совершенно осмысленное использование двух метаязыков. Правила изложены на славянском, а толкование их на «простой мове», чтобы материал был понятен даже неподготовленным читателям: «Слогъ естъ, снитие гласнаго съ съгласнымъ» и «Слогъ естъ кгдыся зыйдутъ две писме, едино съгласное а другое гласное» [5: 36-37]. Таким образом, можно говорить о ЯЛ Л. Зизания не только как о ЯЛ филолога, но и ЯЛ учителя, для которого первостепенен процесс успешной трансляции знания. В качестве экстралингвистического фактора, повлиявшего на подобное формирование ЯЛ, можно указать преподавание Л. Зизанием словесных наук во Львовском, Брестском и Виленском братских училищах, совпавшее по времени с написанием Грамматики.

С педагогической составляющей ЯЛ Л. Зизания связано и стремление изложить теоретический материал в образах: грамматика – «Ключем бо естъ отворяючи всеем умъ, къ познанию въ преправы разум» [5:

31]; «… але наставницу добру словенскаму языку» [5: 33]; «А съгласная, котории з себе голосу выдати, и без гласныхъ нечого справовати не могутъ. Якъ и тѣло без дше не дествоет. И тѣло убо бездшно сущее, ниже движется ниже живетъ. Дша же и без тѣла движется и живет. Такоже и съгласная писмена, ниже глас даютъ, ниже слогъ съставити могутъ о себе, но токмо съ гласными» [5: 34]. Это тоже свидетельствует о стремлении автора «говорить» доступно и образно. Таким образом, концепт «ученик», безусловно, следует считать ключевым в картине мира грамматистов того времени.

Также на лингвокогнитивном уровне ЯЛ ученых XVI в. отражено ценностное отношение к христианской вере, уважение к служителям Церкви: «Б҃гъ есть Б҃гъ живыхъ.» [6: 37]; «Всякіе б҃жественные вещи хвалити достоинъ»; «Крещеніе есть чинъ Б҃жій» [6: 31]; «Всѣ Хр҃стиане похваляютъ власть. Ниединъ мятежникъ похваляетъ власть. Сегоради никакоже мятежникъ суть христианинъ» [6: 32].; «ПЕРВАГО СОБОРАNНКЕЙСКАГО на Ария, изложеніе вѣры, с҃тыя, великія Бжия надолитьсьскіи апостолскія ц҃рстве нашея» [1: 172].

Для создания ярких образов используется антитеза: «…царствуетъ безсловесны sверемъ вначало. Словесныже образъ, Христово царство намсяпоказало…» [1: 3]. Как видим, здесь используются эпитеты, языковые (*безсловесный – словесный*) и контекстуальные (*зверь – образ*) антонимы, также присутствует религиозное противопоставление: *царство зверя* и *Христово царство*. Все это формирует представление, что бесписьменные, языческие времена были временем тьмы, принятие Христианства и появление письменности ведут к спасению, к свету.

Интересна фраза: «Сутьже убо слова частей ѡсми елика гл҃емъ и пишемъ. И внѣсихъ ничто же есть. Сутьже сия имя, рѣча, причастие, различие, мѣсто имене, предлогъ, нарѣчие, союзъ» [6: 2]. С прагматической точки зрения, можно видеть метатекст, своеобразную поясняющую дефиницию, а также равенство письменной и устной речи. В ценностном

отношении значимо второе предложение, в котором заключается согласно религиозной концепции (Вначале было слово…) мысль об устройстве мира посредством языка. К тому же здесь имеется парцелляция и анафора, создающие образ текста из Писания. Используют грамматисты и приемы риторизации: побудительные предложения, обращения: «Мужайся многоплеменnый роскій народъ да Христосъ начало крѣпости вместѣ буде» [1: 3].

Много размышлений о месте человека в этом мире: «Всякій ч҃лк есть смертенъ. Ніединъ ч҃лк есть вѣчный [6: 36]. Также здесь, в размышлениях о природе человека, может представлять интерес метафора «вина тѣла» [6: 19]. На материале приведенных фрагментов можно говорить о концепте «христианская вера».

Есть фразы о ценности разума и слова: «Оселъ есть безсловесный, а сегоради оселъ нѣсть разумный» [6: 34]; «Ніедино безсловесное разумно есть. Всякій ч҃лк есть разумный, а сегоради ніединъ ч҃лк есть безсловесный» [6: 44].

Статус ученого, как показал анализ вербально-семантического уровня, был весьма высок, потому особый интерес представляет видение грамматистом место ученого в обществе того времени: «Ніединъоученый есть сладострастенъ. Григорій есть ученый. Сегоради Григорій нѣсть властемъ порабощенный» [6: 31]. То есть ученый в картине мира грамматиста – человек свободный от страстей, пороков, от земной власти. Значит, оценочная фраза «любо оученымъ» [6: 25] являет собой практически высшую форму оценки. «Не всякъ бо пишай или стай глаголется грамматикъ, но иже правило и предѣлъ отдавай. Правило оубо въ еже оуправити. Предѣлже въ еже предѣлити» [1: 5]. Под «пределом» здесь, по нашему пониманию, подразумевается термин. Таким образом, авторы Адельфотиса считали, что грамматист (грамматик) – это не только образованный (умеющий читать и писать человек), но и тот, кто занимается вопросами терминологии, например, калькирует ее по древ-

негреческим образцам, формулирует определения и правила, разрабатывает нормы. Здесь мы видим выход на прагматический уровень описания ЯЛ, так как речь идет уже о задачах, предназначении, основной функции.

В Адельфотисе на титульном листе «грамматика» определяется через лексему «искусство», а в тексте работы дефинируется через слово «художество»: «Грамматика, художество оучащее насъ оумная писати, и яко къкому мѣрително, или числително вещесьвenna съ расужденіемъ повѣданща» [1: 5]. В этом определении интерес представляют следующие моменты: 1) художество как разновидность искусства должно передавать образы; видимо, по мнению авторов, у грамматики подобная функция – сформировать образ языка в сознании его носителей, а через язык донести нравственные постулаты, представить вербально образ Божий; 2) указана цель грамматики – учить (*учащая*), а значит, определен и жанр – учебник; 3) назван объект обучения («нас»), т.е. людей различного возраста, различного уровня образования – от безграмотного до ученого. Это может быть обусловлено тем, что до Адельфотиса не было нормативных трудов на церковнославянском языке, поэтому даже обученные грамоте нуждались в нормативном упорядочении своих знаний и речевой практики» [1: 6]. Таким образом, «ученик», «грамматика», «ученый» являются дополняющими друг друга элементами синкретичного концепта «учение / ученость».

Итак, в грамматических трудах XVI в. отразились такие ментальные установки, как ценность веры, языка, учения грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адельфотис: Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Совершеннаго искуства осми частей слова. Львов: Братская тип., 1591. 160 с.

2. Арискина О.Л. (Olga Ariskina). Formation of Value Orientations in Modern Education on the Axiological Basis of XVI-XVIII Centuries Grammars // Procedia – Social and Behavioral Sciences Volume 214, 5 December 2015, Pages 825–832.Worldwide trends in the development of education and academic research [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815060851.

3. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки: Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 84 с.
4. Ботвинник М.Б. Лаврентий Зизаний. Минск: Наука и техника, 1973. 200 с.
5. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указ. Е.А. Кузьминовой; Предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 528 с.
6. Грамматика славянскаго языка. Вильно: Тип. Мамоничей, 1586. 47 с.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
8. Захарьин Д.Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик 15 – сер. 18 века: Дисс. … к. филол. н. М., 1995. 244 с.
9. Зизаний Л. Грамматика словенска совершеннаго искуства осми частей слова и иных нужных новоставлений. Вильно, 1596. 160 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
12. Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 76 с.
13. .Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Университетское, 1984. 159 с.

ПОЛЕНОВА Галина Тихоновна *(Таганрог, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Таганрогский институт имени Антона Павловича Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
polenova@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ДРЕВНИХ КЕТОВ В КОНЦЕПТЕ «ЗЕМЛЯ» (на материале кетского языка)

Аннотация. Статья посвящена понятию / концепту «Земля» в кетском языке. Представление о земле увязывается с мифологическими верованиями кетов. Автор рассматривает постепенное проникновение рассматриваемого элемента языка в грамматику, объединяя лексическое и грамматическое значения в систему. Показаны стёртые границы между ними.

Мы употребили в заголовке слово «концепт», хотя сначала хотели воспользоваться словом «понятие». Оба варианта из когнитологии, но считается, что концепт исторически более поздний термин. Он расширил значение «понятия», после того как Ю.С. Степанов в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» ещё в 1990 г. писал о тождестве значений этих слов [5: 383-384]. В 2004 г. В.В. Колесов уже подчёркивал, что концепт – не понятие, а его сущность. Понятие есть приближение к концеп-

ту. С точки зрения В.В. Колесова, концепт – это «атом генной памяти, архетип, первообраз» [3: 19-20]. Вот такое понимание концепта и возьмём за основное. Ведь, как известно, единого понимания этого термина у лингвистов не существует. Близко к нашему представлению и решение проблемы языковой категоризации О.О. Борискиной и А.А. Кретова, которые приняли за единицу языковой категоризации криптокласс, «под которым понимается **скрытая языковая категория,** характеризующаяся тождеством семантического признака составляющих её слов и проявляющаяся в особенностях лексико-семантической сочетаемости» (выделено нами – Г.П.) [2: 14-15]. Авторы отмечают, что «хранение информации осуществляется на **глубинном** (выделение авторов) уровне… Наблюдению доступна лишь не совсем логичная, скорее даже, совсем нелогичная комбинаторика речевых знаков. …категориальное членство – прерогатива **скрытой грамматики**» (выделено нами – Г.П.) [2: 16]. Привлекает также настаивание авторов на **системном подходе** (выделено нами – Г.П.) «к анализу любого системного, в том числе и языкового, образования», авторы ссылаются на работы Г.П. Мельникова, Ю.С. Степанова и Б.А. Серебренникова [2: 20].

Теперь объясним, как будет пониматься *концепт* в нашей статье. До сих пор для представления *концепта* рассматривалась только лексика, имевшая какое-либо отношение к определённому понятию (ядру концепта) и только на синхронном уровне. Строились фреймы, заполнялись слоты и т.п. Мы попытаемся расширить традиционную сферу концепта. От Н. Хомского мы заимствуем понятия «глубинная» и «поверхностная структура», но под глубинной структурой будем понимать древнейшее ментальное восприятие комплекса определённых звуков, а под поверхностной структурой – отражение этой древней ментальности в языке: как в лексике, так и в «скрытой грамматике», представив всё это в системе.

Кеты – носители одного из самых архаичных языков, отражающих древнейшие мифологические верования их носителей. Мы уже отмечали, что кетская мифология и фольклор являются свидетелями глобального характера древнего представления человека о мире [4: 18].

Для данной статьи мы выбрали одно из самых значимых, на наш взгляд, понятий и намерены на этом примере проследить, как мировоззренческие представления нашли отражение в языке.

Кетологи не раз отмечали, что земля представлялась енисейцам как женское живое существо [1: 77]. В мифологических текстах слово *baŋ* (общеенисейское слово) – ‘земля’ обычно дополняется компонентом *am* – мать, часто с удвоением: *baŋamam.* Земля считалась первопричиной жизни и смерти человека, ср. примеры Е.А. Алексеенко: *baŋamdi abaŋa bil‘o tuŋəŋ* – ‘матерью-землёй данные мне завязки’, *tuŋəŋ* – ‘завязки’ – эвфемизм вместо 'дети'. О смерти ребёнка говорилось: *baŋamam ab tuŋəŋ dail’l’iŋuγul’vet* – ‘мать-земля съела мои завязки’ [1]. Вера, что жизнь и смерть человека зависят от земли, проявлялась и в обряде жертвоприношения земле, если кто-то болел. Шаман опрокидывал котёл с беличьими шкурками, принятыми от родственников больного, на землю, приговаривая, что отдаёт эти шкурки матери-земле.

Возникновение мира «кеты связывали только с землёй и всем на ней существующим. Две другие субстанции: вода, окружающая землю, и воздух (**небо**) выступают как бы **извечными**» (выделено нами – Г.П.) [1: 70]. Концепт «Небо» тоже заслуживает пристального внимания диахронистов. В кетском языке это *Es'* – верховное божество. С ним связаны погодные явления, осадки, гром и т.п. Это отражено в лексике: *Us'es'* – ‘Теплое небо’, *Hʌl'es'* – ‘Ясное небо’, *Boks'ejdes'* –‘ Место огня’, *es'kogd'* 'осень', *kotes* 'зима', *es'tajγon* 'похолодало', *bis'es' qonden* 'стемнело', *es'ta bɔ$^{?}$k* 'северное сияние', (букв. 'бога огонь'), *ul'es'* 'дождь' и т.п. На небе находятся *es'deŋ-* ‘духи-помощники шамана’, все они мужского класса. Отсюда развиваются, как мы отмечали [4: 16], строевые элементы:

es'/is'-as'-us'; s'e/s'i-s'a-s'u, т.е. формативы (предикативные и словообразовательные суффиксы), выражающие объективную сущность, не связанную с конкретным *'ego',* – в значении 'быть, существовать'. Сравним: *kide aŋa ho:**s'** (ho:**s'i**)* ‘эта веревка крученая’ (*ho:* – ‘плести'). Сравним прилагательные: *tuom**s'i*** 'черный', ***aets'i*** 'грубый', *s'ul'em**s'i*** 'красный'; *l'am**s'i*** 'плоский' (*l'am* ‘доска'), *s'i**s'i*** 'ночной' (*s'i* ‘ночь'); *inam**s'i*** ‘давнишний' (*inam* ‘давно'), *kis'aŋ**s'i*** ‘здешний' (*kis'aŋ* ‘здесь'). В грамматике ***si*** – *это* суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду, например: *a:tkupsi* ‘остроконечный’ (*a:t kup* ‘острый конец’); *es’/-as’, -s’a* – деривационные аффиксы кетских наречий: *is’a* ‘ежедневно’ (*i* ‘день’), *qips’a* ‘ежемесячно’ (*qi·p* ‘месяц’) и т.п.

Земля когда-то родилась и потом росла от размера ладони до большой земли: *baŋamam sitanok qɔbd’ hɨtaj qa baŋ baŋamam il’baŋda kɨl’ tɔbas’l’am* – 'Мать-земля родилась (возникла) с ладонь, в большую землю расширилась (выросла)’.

Земля – прародительница. С ней связаны 'земляные звери', 'земляные птицы' *baŋdi as’s’en.* Связь с землёй всего живого осуществляется через пупок. У земли тоже есть пупок *baŋtɨl’.* У пупка земли живут кеты.

Есть особая группа прорицателей *baŋos’.* У них есть помощники *baŋodeŋ* – ‘земляные люди’, *baŋos’* перед сеансом часами рассказывают о Сыне земли *Baŋdihɨp* [1: 78-79].

В Сравнительном словаре енисейских языков Г.К. Вернер приводит такие значения слова *ba$^{?}$ŋ*: 1) ‘Erde’, ‘Grund’, ‘Boden’; 2) ‘Stelle’, ‘Gegend’, ‘Ort’, ‘Land’ [7: 110] – 1) ‘Земля’, основание, грунт, почва; 2) место, местность, населённый пункт, страна, суша (перевод наш – Г.П.).

Кетский материал даёт представление о том, как полнозначный элемент языка начинает служить грамматическим связям, приобретая, кроме пространственного значения, временное: «время», «если / когда», «пока / в то время как». Так, падежные формы рассматриваемого существительного служат связующим звеном в полипредикативных конструк-

циях, выполняя функцию союзов и послелогов. Это относится, прежде всего, к форме основного *baŋ*, местно-временного *baŋga* и дательно-направительного *baŋdiŋa* падежей, например, *bil'baŋ at diγar'ɔ-baŋ, tam akus' ditoŋ* – 'если / когда я смотрю вдаль, то что-то вижу': *bil'* - 'далёкий', *baŋ* – 'земля'; *at* – 'я'; *diγar'ɔ* – 'смотрю', *-baŋ* – 'если/когда'; *tam akus'* – 'кое-что'; *ditoŋ* – 'вижу'.

Послелог с *ba$^{?}$ŋ* в различных падежных формах часто употребляется в роли союза в придаточных места, времени, в определительных, обстоятельственных и дополнительных придаточных предложениях. Например:

baŋga (форма местно-временного падежа) / *baŋdingta* (форма адессива: *At itpar'am, bis'εŋ εtn' ɔn'aŋ-baŋga* (или: *ɔn'aŋ- baŋ / ɔn'aŋ-baŋdingta*) – 'Я знаю, где много соболей' (*At – 'я', itpar'am* – 'знаю', *bis'εŋ* – 'где', *εtn'* – 'соболи', *ɔn'aŋ* – 'много', *-baŋ* – 'земля, местность', *-ga* – формант местно-временного падежа, *dingta* – показатель адессива);

baŋdiŋal' (форма исходного падежа): *Ap tiːp ts'εs'ɔl'tε-baŋdiŋal', qan'il' bu diːmbes'.* – 'От того места, на котором сидела моя собака, оттуда он пришёл' (*Ap* – 'моя', *tiːp* – 'собака', *t-* – субъектный показатель, *s'εs'ɔl'ta* – 'сидела', *-baŋdiŋal'* – 'из той земли, с того места'; *qan'* – 'тот', *-il'* – формант исходного падежа, *bu* – 'он', *diːmbes'* – 'пришёл');

baŋdiŋa (форма дат. падежа): *ətna dε$^{?}$ŋ dɔl'ïːn-baŋdiŋa, ətn diːmbes'in.* – 'К тому месту, на котором наши люди жили, мы пришли' (*ət* - 'мы', *-na* – формант родит. падежа, *dε$^{?}$ŋ* – 'люди', *dɔl'ïːn* – 'жили', *-baŋdiŋa* – 'к месту, к земле'; *ətn* – 'мы', *diːmbes'in* – 'пришли');

baŋdiŋa – темпоральное значение: *ətn dε:l'tijɔl'betin, qɔn'ijam-baŋdiŋa.* – 'Мы собирали ягоды, пока не стемнело' (*ətn* – 'мы', *dε:l'tijɔl'betin* – 'собирали ягоды', *qɔn'ij* – 'темень' + *-am* – предикативный показатель, *-baŋdiŋa* – 'до того времени').

Послелог *baŋdiŋa* – 'до' наиболее наглядно демонстрирует совмещение пространственного и временного значений, например: *biːs'*

baŋdiŋa ‘до вечера’, букв. ‘до вечерней земли’; *ɨr’ baŋdiŋa* – ‘до весны’, букв. ‘до весенней земли’.

По Н.Ю. Шведовой, грамматические категории находятся друг с другом в сложных и тесных взаимоотношениях, имеющих свойство системы. Они противопоставлены друг другу как категории, принадлежащие слову, и как категории, принадлежащие предложению [6: 113-115].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67-105.
2. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
4. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка: сб. избр. тр. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011. 336 с.
5. Степанов Ю.С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 383-385.
6. Шведова Н.Ю. Грамматика // ЛЭС. С. 113-115.
7. Werner Heinrich. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. B. 1: A-K. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 483 S.

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович (*Нижний Новгород, Россия*)
доктор филологических наук, профессор

РАЦИБУРСКАЯ Лариса Викторовна (*Нижний Новгород, Россия*)
доктор филологических наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Николая Ивановича Лобачевского
timur@radbil.ru
racib@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье рассматривается специфика русского языкового менталитета при языковой концептуализации мира в словообразовательных процессах, связанных с использованием иноязычных слов и основ в словообразовательных моделях русского языка.

По мнению ученых, «язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки за-

глянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность…» [2].

Изучение активных процессов в лексике и словообразовании с точки зрения модификации исконных моделей языковой концептуализации мира связано с когнитивным методом изучения истории слов и их значений в аспекте реализации ключевых идей русской языковой картины мира. Лексические и словообразовательные инновации отражают изменения в когнитивной сфере, демонстрируя специфику русского национального менталитета.

Так, многие новообразования последних лет, созданные с участием иноязычных, в частности интернациональных, компонентов несут на себе отпечаток именно русских, культурно-обусловленных способов языкового освоения действительности [1].

В современных лингвокультурологических штудиях выявлены такие доминанты русской языковой картины мира, как, например, установка на эмпатию, гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий, острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом и пр. (см. работы А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева). Наши наблюдения показывают, что указанные черты проявляются и при освоении иноязычных компонентов в деривационных процессах в русском языке последних лет.

Так, с новообразованиями на базе иноязычных основ, содержащими исконные размерно-оценочные аффиксы, связаны представления о количестве. В то же время количественная семантика обязательно сопряжена с оценкой и даже в некоторых случаях вытесняется оценочной семантикой. В новообразованиях такого типа имеется «концептуальная

двойственность», т.е. одновременно присутствует и представление об объекте, и встроенная в лексему точка зрения на этот объект.

Многие субстантивные диминутивы с размерно-оценочными суффиксами не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, уничижение: *Нужна элита, а не* ***элитка****. Наша политическая, а особенно управленческая элита сейчас недееспособна и деквалифицированна* (Комсомольская правда, 21.11.2014); *Это* ***катастрофка*** *небольшая, социальная* (Коммерсант FM, 16.10.2014) – значение уменьшительности осложняется манипулятивным эффектом; *…каждый* ***хиток*** *должен быть в цель, как имбирный эль* (Собеседник, 2015, № 42) Социальной экспрессией обладают и диминутивы – наименования лиц с уничижительными суффиксами: *желторотые* ***артистишки*** *этим грешат…* (Собеседник, 2014, № 44); *оловянные* ***прокурорчики*** (Новые Известия, 06.04.2015).

В последнее время в текстах СМИ активизировалось создание на базе заимствованных основ диминутивов-прилагательных, наречий, слов категории состояния с иронической оценкой ситуации: *Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема – свадьба Ксении Собчак. И* ***гламурненько****, и* ***оппозиционненько*** (Российская газета, 05.02.2013); *Если ты весь список будешь читать, у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так* ***порционненько-порционненько*** (радио «Комсомольская правда», 28.10.2014);*У нас в Питере все* ***пряменько, перпендикулярненько****,* ***параллельненько*** (Россия-1, 17.05.2015); *Он весь такой* ***активненький-активненький*** (Вести FM, 13.12.2016).

В подобных случаях можно говорить о своеобразных устойчивых сочетаниях слов (синкретемах): ***гламурненько*** *и* ***оппозиционненько***; ***пряменько, перпендикулярненько****,* ***параллельненько*** (паронимическая аттракция); ***активненький-активненький***, ***порционненько-порционненько*** (экспрессивное удвоение).

Во все указанных случаях, при всех их семантических, стилистических и прагматических различиях, можно видеть общую черту, присущую русской языковой ментальности, а именно отмеченную ранее установку на эмпатию — нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» (А. Вежбицкая) и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации.

В случаях, когда заимствованные аффиксы сочетаются с исконными основами с точки зрения национальной специфики также представляют интерес модели с размерно-оценочными префиксами, с показателями ложности, неистинности, с формантами – носителями иронически-оценочного эффекта.

Размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-, мега-*, *ультра-* и пр., проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрируют такую особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой): *Время собирать урожай, если хотите. У «Анжи» для этого все –* ***супертренер****,* ***суперпомощники****,* ***суперусловия****,* ***суперсостав*** (Спорт-Экспресс, 20.07.2013); *Пользователей Сети покорила история настоящей* ***супербабушки*** *из Красноярска, которая, несмотря на почтенный возраст, ведёт активный образ жизни и тратит все свои сбережения на путешествия* (Ленинская смена, 27.10-02.11.2016, № 45); *Это такое счастье, когда у тебя такая большая семья.* ***Суперсчастье*** (НТВ, 27.08.2017); *У нас у Алферова* (Жореса – **Авт**.) ***суперучебные*** *заведения* (Россия-24, 29.11.2015); *Не обязательно землю какую-то* ***суперпитательную****, она ведь может и плохую службу сослужить* (Вести FM, 29.05.2017); *Космонавтов видел, слышал. Это не* ***гиперлюди****, люди будущего* (Радио России, 12.04.2012); *У нас никаких* ***гипернадежд*** *на этот визит не возлагают* (Вести FM, 29.05.2017); *Также специалисты*

*зафиксировали несколько периодов «**мега-засух**» и «**мега-осадков**»… (Аргументы и факты, 07.11.2015); Две-три конфетки* (ребёнку – **Авт**.) *в неделю, чтобы знали, что это такое, чтобы не было **мегаожиданий*** (Вести FM, 04.12.2016); *Это была **мегасвадьба*** (НТВ, 27.08.2017).

Подобные размерно-оценочные префиксы, как и префиксы *псевдо-, квази-*, демонстрируют активизацию прагматических возможностей аффиксов, участвующих в реализации сходных (синонимичных) словообразовательных моделей.

Негативную оценочность вносят в новообразования *псевдо-, квази-* с семантикой неистинности, ложности: *Беглого олигарха с его **псевдооткровениями** активно используют* (Россия 1, 14.12.2015); *Исключить практику заочного **псевдообразования*** (Вести FM, 13.07.2016); *Она не гурман, она не стоит в очереди в Макдональдс или другое **псевдопитательное** учреждение* (Вести FM, 27.08.2016); *Президенту Филиппин не нужны теперь **псевдодружественные** отношения* (Россия 1, 23.10.2016); *Свои территории ИГИЛ расширило и укрепило … такое **квазигосударство*** (Россия 1, 17.11.2015); *Вариантов ограничений много: от **полузапретов** до **квазизапретов*** (1-й канал, 13.10.2015). Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране. «Русскость» подобной модели языковой концептуализации ценностей заключается в специфике оценочной реакции говорящего, направленной на дезавуирование ложной претензии (развенчание пошлости) или дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов.

Заимствованный префикс *экс-* с семой ‘бывший’ в сочетании с исконными основами развивает негативную оценочность: *экс-градначальник, экс-«правый», экс-русские окраины*, *экс-подруга, экс-наставник и под.* В этом проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-

сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление. Кроме того, с новообразованиями, выражающими семантику бывшего статуса или бывшего положения дел в мире, которое на момент речи не имеет места, связаны и представления о времени.

Многие новообразования демонстрируют отклонения от стандартных словообразовательных моделей, т.е. языковую аномальность, лингвокреативность, что отражает специфику современной образности с ее игровым началом, установкой на нарушение автоматизма восприятия речи адресатом и на усиление роли авторского начала.

Рассмотренные модели словообразовательных инноваций на базе иноязычных компонентов отражают привативные оппозиции, которые встроены в систему языка как источник языкового функционирования и развития. Подобные модели во многом реализуют экспрессивный, образный и воздействующий культурный потенциал, заложенный именно в исконно-русских способах языковой концептуализации мира.

Таким образом, специфика современных деривационных процессов позволяет оценить характер когнитивных моделей, форматов знания, ментальных категорий, с помощью которых носители современного русского языка отражают мир в слове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская и др.; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 304 с.

2. Радбиль Т.Б. Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 592 с.

ТРОПИНА Нина Павловна *(Херсон, Украина)*

доктор филологических наук, профессор
Херсонский государственный университет
ninatropina@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ОТ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ К ТЕХНОМОРФНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена появлению в русском языке новой техноморфной модели номинации, механизмом которой является семантическая деривация метафорического типа. Утверждается, что новая модель метафорической номинации является результатом отражения в языковой картине мира нового стереотипного мировосприятия, характерного для современности – технократического мировосприятия.

Языковая картина мира характеризуется многими составляющим, среди которых значительная роль принадлежит «типичным, привычным» для этносов метафорам. Современная лингвистика активно исследует, как менталитет того или иного этноса отражается в «привычных», «трафаретных» метафорах, как различными языками метафорически моделируется мир [4]. «Своеобычность» усматривается в том, какие сферы-доноры и сферы-реципиенты сопрягаются, какие признаки объектов «высвечиваются» в процессе метафоризации в различных языках и культурах. Вместе с тем, давно замечено, что национальная специфика в узуальных метафорах и индивидуально-авторское своеобразие в художественных метафорах проявляются на достаточно «дробном» уровне выделения сопрягаемых в процессе метафоризации сфер действительности (В. Гак) [2]; чем выше уровень обобщения, тем отчетливее проявляются общечеловеческие типы метафоризации, что дало основание С. Ульману назвать их панхроничными, т.е. присутствующими у всех народов во все времена – это метафоры зооморфные, антропоморфные, пространственные, синестезические [13]. Все более «дробные» типы могут быть сведены к этим архетипам.

Исследования номинативных метафор русского языка второй половины 20 – начала 21 в., на основе которых возникли новые узуальные

значения слов, зафиксированные словарями неологизмов, а также анализ различных текстов (художественных, публицистических, научных, бытовых) этого периода, дают основания предположить, что появилась новая модель метафоризации, активность функционирования которой позволяет утверждать, что (по крайней мере, в русском языке) наблюдается рождение нового архетипа метафор, ср.: ***машина** власти*, *работать в **полнакала***, ***приемопередатчики** китов, **подключиться** к проблеме*. Этим новым архетипом, по нашему мнению, является техноморфный архетип (ранее мы называли этот архетип технократическим), на основе которого появляются новые узуальные и индивидуально-авторские метафорические номинации [11; 12]. Суть этого архетипа метафоры заключается в том, что сферой-донором, сферой-поставщиком при такой метафоризации выступает техническая сфера – технические устройства, действия техники, свойства техники. Этот молодой архетип антонимичен антропоморфному и зооморфному архетипам метафор. Думается, что объяснить феномен появления нового продуктивного типа метафоризации можно исходя из постулата о том, что при метафоризации задействованы сложные когнитивные процессы, коллективное бессознательное и стереотипы мировосприятия, имеющие цивилизационно-исторические и этнические основы, меняющиеся вместе изменениями действительности, в которой существует все человечество и определенный этнос. Когда-то в недрах традиционных типов цивилизации возникли стереотипы мировосприятия, при которых «мерилом» были либо природа - живая и неживая, включая животный мир, либо сам человек как существо биологическое, психическое и социальное. Такие стереотипы мировосприятия (мировидения) породили традиционные типы метафор, названные С.Ульманом, как уже упоминалось, панхроничными.

Вместе с тем, по свидетельству историков, социологов, политологов, начиная с 17-18 вв. новой эры в рамках традиционной западной цивилизации «начала разбег» цивилизация техногенная, а во второй поло-

вине 20 в. она охватила все человечество [1; 3; 5; 6; 7; 10]. «Техногенная цивилизация (буквально – цивилизация, порожденная техникой) – современное состояние цивилизации, обусловленное развертыванием научно-технического прогресса. Наука и техника являются основой техногенной цивилизации, источником ее развития, средством решения любых возникающих в обществе проблем» [10: 7].

Характерными чертами техногенной цивилизации являются «1) быстрое изменение техники и технологии благодаря систематическому применению в производстве научных знаний; 2) как результат слияния науки и производства произошла и научно-техническая революция, существенным образом изменившая взаимоотношения человека и природы, место человека в системе производства; 3) ускоряющееся обновление той искусственно созданной человеком предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность» [7]. На базе техногенной цивилизации сформировалось два типа общества — индустриальное общество и постиндустриальное общество. Техногенная цивилизация характеризуется быстрыми темпами протекания: на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни и формирование нового типа личности [7].

Неизбежным порождением техногенной цивилизации является возникновение технократического мышления и новых стереотипов мировидения. Технократическое мышление определяется как особый тип мышления, свойственный прежде всего инженерно-технической интеллигенции, при этом такое мышление затрагивает не только область техники, производства, но распространяется на модели управления обществом и государством. Возникает технократизм – «распространенный в западной общественной мысли принцип объяснения общественного развития, согласно которому власть в обществе должна принадлежать технократам - носителям технического прогресса, высшим слоям технических специалистов» [10]. «Технократическое» мировидение постепен-

но перерастает границы техники, перестает быть прерогативой «касты» технократов, пытающихся построить логически выверенные, научно обоснованные модели управления государством, обществом, производством, модели, где названные институты уподобляются технике и работа которых просчитывается подобно работе техники. Технократическое мировидение, при котором окружающий мир – макрокосм и самого себя - микрокосм человек начинает представлять, объяснять, «видеть» как подобное технике, становится частью и художественного и обыденного сознания – возникает технократический стереотип мировосприятия, постепенно «захватывающий» все большее и большее пространство. Техника становится не только помощником человека, но и предметом его научно-художественных фантазий. Еще в 19 в., в 1869 г., появляется знаменитое научно-фантастическое произведение Ж. Верна «2000 лье под водой», где техника - фантастическая подводная лодка - служит человеку. Однако уже в романах Г. Уэллса технический прогресс не только расширяет возможности человека, но и закладывает основы социальных конфликтов («Война миров», «Машина времени»), а у Р. Ролана техника уже перестает подчиняться воле человека, бунтует («Бунт машин, или Распоясавшаяся мысль», 1921) – т.е. открывается путь к восприятию техники как соперницы человека, пытающейся вырваться из его подчинения. Восприятие техники как некоего подобия человека, ее «одухотворение» позволило сделать следующий шаг, повернуть вектор метафоризации от традиционных типов в противоположную сторону: не технику уподоблять человеку, а человека уподоблять технике. И такой шаг был сделан - появилось мировосприятие, которое мы назвали «технократическим».

Порождением, «выходом во вне» технократического мировосприятия являются техноморфные метафоры, появившиеся в художественном, политическом, социальном, научном, обыденном (бытовом) дискурсах. Ю.С. Сорокин, исследователь развития словарного запаса русского

литературного языка 19 в., отмечает использование в «нетехнических» значениях таких слов, как *аппарат, буксир, буфер, калибр, тормоз, механизм, машина, механический, механика,* уже в 19 в. [8]. Таких «нетехнических употреблений» технических слов пока немного, но они присутствуют. Так, уже в 19 в. стали говорить не об *общественном* ***организме***, а об *общественном* ***механизме***, ***машине*** *власти, государственном* ***механизме*** [8]. Сказанное дает основание считать, что в конце 19 в. зарождающийся стереотип нового технократического мировосприятия начинает отражаться в языке, вносить новые краски в языковую картину мира русского этноса.

В 20 в. технократическая метафора становится более активной. Так, в «Марше авиаторов», написанном в начале 20 в. (П. Герман, 1923 г.), сердце характеризуется как пламенный мотор:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолеть пространство и простор,

Нам разум дал стальные ***руки-крылья****,*

А вместо сердца — ***пламенный мотор****.*

Но если в начале 20 века это - художественная метафора-перевертыш, в которой образ человека и самолета сливаются: у самолета *руки-крылья*, а у человека *сердце - пламенный мотор*, то в конце 20 в – начале 21 в. уподобление человека и его органов технике широко встречается не только в обыденных дискурсах сниженного регистра, в общем сленге, в социально дифференцированных субкодах языка, но и в дискурсах публицистических, агитационно-политических, где эти метафоры совмещают номинативную функцию с оценочной, воздействующей, фатической. Так, от нездорового человека можно услышать, что у него «*барахлит* ***мотор***», «***моторчик*** *пошаливает*», жалобы на болезнь суставов могут быть иронично звучать как «***шарниры*** *заедает*». Один из политиков областного масштаба в предвыборной агитационной

статье, чтобы подчеркнуть свою работоспособность и целеустремленность, говорит о себе «*Я – **машина**, нацеленная на выборы*»., трудности продюсерской работы описываются как трудности вождения машины - «…*иногда **разрулить** ситуацию не получается, певица таки умудряется удрать из поднадзорного гостиничного номера и заявляется, к общему изумлению, на пресс-конференцию*». - Дарья Донцова, «Лягушка Баскервилей.

Появившееся в 19 в. нетехническое значение слова *механизм* стало использоваться для номинации любых, как правило, сложных действий, явлений, органов. Ср.: *«Так, ряд медицинских генетиков утверждают: **механизм** действия фолиевой кислоты до конца не изучен, а потому добавлять ее в рацион всей популяции нельзя».-* «Зеркало недели», 8.03.2002; *«У всех животных есть **механизмы**, запрещающие сексуальные отношения между родственниками, - это необходимо, чтобы избежать дефектного потомства».* – «Московский комсомолец», 29.11-6.12.2001; *«Я совершенно убежден, что между этой возней и отсутствием жизнеспособного гражданского **механизма** есть прямая связь».* – Ю. Пахомов. Утомленные властью // «Московский комсомолец», 29.11-6.12.2001.

Привычные современному человеку технические образы помогают описать сложные биологические процессы (здесь как раз проявляется антонимичность стереотипов – не техника уподобляется живой природе, человеку, а человек и живое, биологическое, уподобляется теперь более понятной человеку технике): *«Недавно появились данные о новом методе химиотерапии злокачественных опухолей американскими учеными. Они используют фолиевую кислоту в качестве «**буксира**» для доставки лекарств раковым клеткам».-* «Зеркало недели», 8.03.2002. Или: «*Оказалось, что они (клетки) свободно перемещаются до тех пор, пока не встретятся с соседними клетками, Обнаруженное явление получило название контактное **торможение**».* – Евгеньева Т. Как

двигаются клетки //Наука и жизнь, 1975, №8, с.33. Даже изучение генома человека стало именоваться словами из технической сферы: *«Генная **инженерия** служит человеку: она заставляет болезнетворные организмы синтезировать недостающие нам при заболеваниях белки, витамины, гормоны…».* – «Московский комсомолец», 19.11-6.12.2001.

Ср., так же, как ученые популярно описывают «устройство» морских млекопитающих: ***Локаторы** морских млекопитающих куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд; **Приемопередатчик** китов работает направленно, и когда они исследуют окружение, им приходится вращаться наподобие радарной антенны;*

*Возможно, ночью «**передатчик**» кита работает лучше.* - Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле. Властелин морей // Наука и жизнь, 1975, №8, с.103 - 104.

В публицистических текстах, посвященных характеристикам политических и финансовых событий, очень активно используются лексемы ***технолог***, ***технология*** и производные от них ***политтехнология***, ***политтехнолог***. Ср.: *«Пресловутые **политтехнологии** и черный пиар были испытаны на практике».* – «Интер», 30.03.2002. *«Сегодня политическая борьба – это не Нагорная политическая проповедь, а страшная схватка аналитических группировок, поединок **технологий**».* – «Товарищ», № 36, сентябрь 1999 г.

Политико-публицистический дискурс активно прибегает и к другим лексемам из технической сферы для характеристики отнюдь не технических явлений. Ср.:

*«Мало кто знает, что Чехия давно уже превратилась в транзитную зону **перекачки** денег из России на Запад».*- «МК», 13-20.12.2001;

*«На 2002 год Путин и К^0 запланировали **запуск** множества самых разнообразных реформ: коммунальной, судебной, социальной…».*- «МК», 29.11-6.12.2001;

«Однако едва ли эксперты МБРР догадывались, какими методами местные власти будут ***разруливать*** *эту проблему»* (о проблеме перенаселенности Норильска). - «МК», 29.11-6.12.2001.

На рубеже 20-21 веков технологиями стали все сложные действия. Педагоги в наше время разрабатывают ***технологии*** обучения, воспитания, напр., разрабатываются ***технологии*** обучения русскому языку в национальных школах. Ср.: *«****Технологии****, методики, приемы так называемого «лингвистического программирования» воздействуют сегодня на общественное сознание так, как это было предписано известной установкой А. Даллеса…»*(«Товарищ», № 36, сентябрь 1999 г.). Даже артисты владеют не мастерством, а технологиями: *«У высококлассных артистов, владеющих* ***технологией****, этот процесс происходит прямо на глазах у зрителей - они так свободно импровизируют, как будто им кто-то диктует сверху*».- «МК», 19.11-6.12.2001).

Примеры использования технических слов для номинации нетехнических явлений можно множить: такие номинации используются очень широко. Активность использования технократических метафор как в номинативной, так и в художественной функции в различных дискурсах - научном (как в собственно-научном, так и в научно-популярном), политическом, публицистическом, художественном, бытовом - русского языка дает нам основание утверждать, что в процессе становления находится новый тип метафорической номинации (как узуальной, так и индивидуально-авторской) – техноморфный тип метафоризации, базирующийся на новом технократическом стереотипе мировосприятия, возникшем в результате смены традиционной цивилизации цивилизацией техногенной, утверждать, что языковая картина русского этноса приобретает технократические (или техногенные?) черты.

В настоящее время новый технократический тип метафорической номинации в русском языке пока только начинает изучаться [11; 12] и требует детального всестороннего осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии.1989. № 2. С. 147 - 62.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
5. Миронов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации. М.: МАКС Пресс, 2009. 132 с.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.
3. Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. – М.: Центр, 2001. [Электронный ресурс] / И.Т.Пархоменко. Режим доступа: http://www.countries.ru/library/civilis/civt.htm.
4. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. Х1Х в. М.: Наука, 1965. 565 с.
5. Социологический словарь. Технократизм [Электронный ресурс] / Технократизм. Режим доступа: http://mirslovarei.com /content soc/texnokratizm-10591.html.
6. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. с. 3–18.
7. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). Херсон: Изд.- во ХГУ, 2003. 332 с.
8. Тропина Н.П. Языковая картина русского этноса на рубеже столетий: сдвиг стереотипов / Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. Том 4. София: Heron Press. 2007. С. 379-385.
9. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М.: Радуга, 1970. С. 250-293.

ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна *(Мичуринск, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru

КОНЦЕПТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАТИВНАЯ ЕДИНИЦА

Аннотация. В статье термин «концепт» рассматривается с позиций трех гуманитарных дисциплин – философии, психологии (психолингвистики) и лингвистики. Особое внимание уделяется концепту как базовой единице когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, подчеркивается многомерность, многопризнаковость социокультурного концепта.

Развитие научной парадигмы гуманитарного знания в конце XX – начале XXI в. активизировало поиски нового основания человеческого бытия и культуры. В этом плане интерес к анализу культурного арсенала языка был инициирован философией и лингвистикой. Пересечение ин-

тересов философии и лингвистики произошло «на территории» термина *концепт*, который стал базовым понятием когнитивной лингвистики, основной единицей лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Однако данный термин неоднозначно осмысляется разными исследователями.

Пришедший из средневековья (П. Абеляр и И. Солсберрийский [9]) термин *концепт* оказался актуальным для понимания процессов, происходящих в метальном пространстве современного общества. Реактуализация термина в XX в. была осуществлена с позиций трех гуманитарных дисциплин – философии, психологии (психолингвистики) и лингвистики. Рассмотрим их.

Логико-философская позиция. Ж. Делез и Ф. Гваттари осмысляют концепт как «некое чистое Событие, некая этость, некая целостность... как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью. Он реален без актуальности, идеален без абстрактности, он автореферентен и недискурсивен, абсолютен как целое, но относителен в своей фрагментарности, он самоподобен аналогично структурам фрактальной геометрии и содержит составляющие, которые тоже могут быть взяты в качестве концептов, поэтому он бесконечно вариативен» [10: 30-35]. В данной трактовке концепт в связи с наличием таких характерных признаков, как субъективность, вариативность, фрагментарность, является явной антитезой понятию.

С.С. Неретина, исследуя природу концепта, также противопоставляет его понятию и основное внимание уделяет логико-семантической специфике концепта, возникающей в процессе порождения и понимания смысла. В отличие от понятия, утверждает исследователь, «концепт формируется речью, осуществляющейся “по ту сторону” грамматики – в пространстве человеческой души с ее ритмами, энергией, внутренней жестикуляцией, интонацией. Концепт предельно субъектен. Он непременно предполагает при своем формировании другого субъекта – слу-

шателя или читателя и в ответах на его вопросы, что и рождает диспут, актуализирует свои смыслы. Память и воображение являются неотторжимыми свойствами концепта, направленного на понимание здесь и теперь, в едином миге настоящего, с одной стороны, а с другой – концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, а как акт суждения – в настоящее» [21: 141]. Важнейшей функцией концепта С.С. Неретина считает эквивокацию – фундаментальный принцип отношения вещи и имени как двуосмысленности мира. В теории С.С. Неретиной термин «эквивокация» наполняется новым содержанием (ср.: *эквивокация* – ‘двусмысленность, недоразумение, возникающее при употреблении какого-либо слова или выражения в двояком значении’ [12: 1044].) Эквивокация в логико-философском осмыслении – это результат духовно-ментальной деятельности человека, показатель тропологичности человеческого разума, который благодаря тропам, иронии, метафоре, метонимии оказывается способным изменить позицию индивида в видении мира и тем самым обнаружить новые смыслы в нем. Эквивокативность концепта позволяет видеть в нем фундаментальный способ смыслового воздействия и взаимопонимания в культуре [22].

Психолингвистическая позиция. С.А. Аскольдов [3] выделяет три ракурса изучения психологической природы концепта – гносеологический, номиналистический, концептуалистический.

В рамках гносеологии концепт – это «объективное бытие» [3: 269], явление идеального порядка. Номиналистический аспект связан с отрицанием существования концептов в человеческом уме в качестве общностей. «Концепты – это индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и принципах дается общая значимость» [3: 269]. Концептуалистический аспект определяется основной функцией концепта – функцией заместительства. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество

предметов одного и того же рода – некоторых сторон предмета или реальных действий; разного рода чисто мыслительных функций» [3: 271]. Концепты – схематические представления, «заместительная способность которых основана на потенции совмещать то или иное... Концепты – это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей, природа их двойственна – она психофизиологического характера. Концепт – образование ума, точка зрения субъекта, но она обращена на нечто объективно-реальное. Концепт характеризуется динамической структурой» [3: 273].

Такой подход, основанный на заместительной функции концепта и позволяющий учесть богатство ассоциаций и смысловых нюансов при познании явлений и событий объективной действительности, развил и по-своему интерпретировал Д.С. Лихачев. На первое место академик выдвинул субъективно-значимые характеристики концепта, присутствующие в сознании языковой личности и всего языкового коллектива. Любой человек, по утверждению Д.С. Лихачева, является «концептоносителем», умеющим расшифровать концепт в зависимости от условий его вербализации, внеязыковой ситуации, а также в зависимости от познавательного и культурно-исторического опыта отдельного человека и того этноса, представителем которого он является. В процессе речевого общения экстралингвистические факторы (ситуация и условия общения) дают возможность коммуникантам определить, какое из словарных значений слова вербализует концепт в данном случае. Подменяя собой значение, концепт снимает разногласия, различия в понимании семантики слова и тем самым обеспечивает адекватное общение. Кроме того, концепт расширяет границы значения, «оставляя возможности для сотворчества, домысливания, “дофантазирования” и для эмоциональной ауры слова» [18: 5]. Степень совпадения концептосферы участников коммуникации обеспечивает полное, частичное понимание или непонимание их друг другом.

Лингвистическая позиция. Лингвисты видят в концепте многослойную структуру смысла, единицу ментального лексикона, оперативную содержательную единицу коллективного и индивидуального сознания, связанную с языком, его единицами и категориями. В современной лингвистике термином *концепт* оперируют главным образом когнитивная лингвистика, лингвокультурология и лингвоконцептология [7; 14; 27].

Лингвокогнитологи (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин и др.) рассматривают концепт как единицу информации, как инструмент и продукт структурирования смыслов, как мысль, содержащую в обобщенной форме предметы и явления действительности путем фиксации их свойств и отношений. «Когнитивная лингвистика, по определению В.З. Демьянкова, – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются (“репрезентируются”) и участвуют в переработке информации» [11: 21].

Е.С. Кубрякова акцентирует внимание на двойственной функции концептов – «как оперативных единиц сознания, и как значений языковых знаков, т.е. как неких идеальных единиц, объективированных в языковых формах и категориях (концептов, “схваченных” языковыми знаками)» [17: 24]. Подчеркивая, что когнитивная наука в новом ракурсе продолжает давние традиции исследования языка в его связи с мышлением и логикой и обнаруживает определенные корреляции между когнитивными и языковыми структурами, Е.С. Кубрякова исследует концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [16: 90].

А.П. Бабушкин считает термины «концепт» и «понятие» тождественными, однако в целях избежать философских и логических аллю-

зий предпочитает говорить о концепте как о «любой дискретной единице коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата» [4: 95].

Наиболее перспективным, на наш взгляд, является лингвокультурологическая трактовка концепта [2; 5; 6; 7; 8; 13; 14; 20; 24; 25; 26; 28]. Сторонники такого подхода рассматривают концепт как вербализованный культурный смысл, как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [24: 43]. В исследовательское поле представителей лингвокультурологического направления в изучении концепта попадают его разные аспекты, признаки и функции, но общим моментом в их исследованиях является утверждение неоспоримой связи языка и культуры, рассмотрение концепта как социокультурной единицы.

В частности, Ю.С. Степанов, полагая, что концепт – явление того же порядка, что и понятие, справедливо считает их терминами разных наук. Понятие употребляется главным образом в логике и философии; концепт, являясь термином математической логики, в последнее время закрепился в культурологии и лингвистике [24: 42-43]. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [24: 43]. Основное отличие концептов от понятий, как считает ученый, состоит в наличии в сложной структуре концептов ценностных, оценочных, эмоционально-экспрессивных, ассоциативных, субъективно-модальных составляющих. Поэтому «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [24: 43].

Концепт в понимании А. Вежбицкой [5] – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное пред-

ставление человека о мире «Действительность». Аналогично трактует концепт Р.М. Фрумкина [28], понимая под ним вербализованное понятие, отрефлексированное в категориях и единицах культуры.

Н.Д. Арутюнова, противопоставляя научное и обыденное знание, рассматривает концепты как понятия практической (обыденной) философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [2: 3].

В.И. Карасик, напротив, синтезируя научные знания и практический опыт носителей языка, считает, что концепты – это первичные культурные образования, транслируемые в различные сферы бытия человека, в частности в сферы понятийного (наука), образного (искусство) и деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира [13: 6-7]. В этом плане исследователь считает возможным противопоставить объективное потенциальное содержание или концепт; содержательный минимум, который обычно представлен в словарной дефиниции и который является актуализацией концепта; конкретизацию содержательного минимума, проявляющуюся в нескольких направлениях (тематизация, прагматизация) [13: 7].

Разграничивая понятия «когнитивный концепт» [16; 23] и «лингвокультурный или культурный концепт» [8; 14; 15], исследователи подчеркивают, что лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц акцентуацией ценностного элемента. «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [15: 77]. Концепт концентрируется в ценностно акцентуированной точке сознания, от которой расходятся векторы различных ассоциаций. Наиболее актуальные для коллективного и индивидуального сознания носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. По определению В.И. Карасика [14], когнитивные концепты – это индивиду-

альные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. «С позиции когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку» [14: 17].

С.Г. Воркачев [8] утверждает, что выделение лингвокультурного концепта – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. «По существу, единственным лингвокультурологическим основанием терминологизации лексемы “концепт” является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц – соотнесении их с языковой личностью» [8: 48].

Многие исследования, посвященные изучению природы концепта, совмещают постулаты когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [1; 2; 23], что не противоречит их предметным областям, а лишь способствует взаимодополнению и обоюдному обогащению.

Общим моментом в понимании как когнитивного, так и лингвокультурного концепта является его многопризнаковость [13; 14; 15; 16; 19; 24; 26]. «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению... В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [7: 14].

Мы разделяем мнение большинства исследователей относительно многомерности, многопризнаковости концепта. По нашему мнению, *концепт* представляет собой ментальную единицу, локализованную в коллективном и индивидуальном сознании, отражающую социокультурную

действительность, обладающую этническими особенностями и вербализующуюся языковыми единицами (словами, синтагмами и другими языковыми знаками). Считаем принципиально важными следующие признаки концепта.

1. Концепт – информативный знак, фиксирующий коллективное и индивидуальное знание.

2. Концепт – единица культуры как информационно-семиотической системы, так как отражает культурный опыт конкретного социума, задается культурой и в то же время способен воздействовать на культуру.

3. Концепт – социальный знак: он является достоянием всего социума или определенной социальной группы. Осмысление концепта индивидуальным сознанием основано на опыте социализации личности.

4. Концепт обладает этнокультурной спецификой: один и тот же концепт в коллективном сознании разных этносов нередко имеет разное содержание, вызывает разные ассоциации и по-разному интерпретируется, что обусловливает существование национальных концептосфер.

5. Для концепта характерна содержательная насыщенность: он способен концентрировать в своей структуре разные смыслы относительно любой области наблюдаемых или воображаемых фактов.

6. Полевую структуру концепта, состоящую из концептуальных слоев и признаков, образуют: а) понятийное ядро – константная, архетипическая часть концепта, сохраняющаяся независимо от социальных и культурных условий жизни социума; б) социокультурный фон – модифицируемые ценностно-смысловые (содержательные и аксиологические) компоненты концептуальной структуры, характеризующиеся подвижностью, изменчивостью, отражающие динамику внешнего мира, этапы развития национальной культуры и общественного сознания.

Иными словами, содержательная структура концепта включает в свой состав статические и динамические элементы. Первые оказываются хранителями культурных знаний и фиксируют социально-

исторический опыт в коллективном сознании. Вторые отражают неограниченную способность национальной культуры к бесконечному развитию и совершенствованию.

7. Следовательно, концепт динамичен: он обладает способностью к развитию и модификациям. В разных объективных условиях концепт актуализирует релевантные для конкретного исторического этапа, социально и культурно значимые концептуальные признаки. Под воздействием социокультурных факторов он способен приобретать новые признаки и редуцировать имеющиеся, неактуальные в определенный синхронный срез.

8. Концепт и его компоненты объективируются семантическими языковыми знаками – словами, синтагмами и другими языковыми единицами, основным среди которых является слово. Вместе с тем мы разделяем мнение тех исследователей, которые полагают, что языковые знаки – не единственное и не исчерпывающее средство репрезентации концептов [16; 20; 23; 26].

Социальная и этнокультурная обусловленность концепта дает возможность, как нам представляется, назвать данную ментальную единицу *социокультурным концептом*. Этот термин – *социокультурный концепт* – включает в себя содержание терминов *когнитивный концепт* (информативный знак, оперативная единица сознания) и *лингвокультурный концепт* (культурный смысл, объективированный в языке), но, в отличие от них, в нем акцентируется его культурная и социальная маркированность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.

2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.

3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–379.

4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 103 с.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 411 с.

6. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.

7. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 13–22.

8. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропологической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

9. Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 64–76.

10. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксп. социологии; СПб.: Алетейа; СЕИ, 1998. 286 с.

11. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 2000. 1088 с.

13. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–15.

14. Карасик В.И. Определение и типология концептов // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. / Калм. гос. ун-т. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 14–21.

15. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

16. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

17. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (К постановке проблемы) // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–31.

18. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

19. Ляпин С.Х. Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания). Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1996.

20. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

21. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре: Концептуализм Абеляра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.

22. Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: ИФ РАН, 1999. 275 с.

23. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999.

24. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004. 992 с.

25. Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники и Харибдой культуры (К проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: сб. науч. трудов, посвящ. Е.С. Кубряковой. М.; Воронеж: ВГУ, 2002.

26. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.

27. Топоров В.Н. Предисловие // Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М.: Лабиринт, 1992.

28. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 3. С. 3–29.

ВАЖЕНИНА Валерия Павловна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
valeriapv2017@yandex.ru

О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ И МИРООЩУЩЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В СКАЗЕ ШЕРВУДА АНДЕРСОНА «НУ И ДУРАК ЖЕ Я»

Аннотация: В статье исследуются лингвистические средства выражения мировоззрения повествователя в сказе Шервуда Андерсона «Ну и дурак же я».

По определению В. Шкловского, сказ – это повествование, приближенное к устной разговорной речи, т.е. к употреблению сниженных лексических элементов и к нарушениям грамматических, синтаксических и орфоэпических общелитературных нормативов. Сказ – это препорученное, субъективированное повествование, в котором вся речевая система строится в соответствии с мировосприятием рассказчика, его ментальностью.

В сказовом повествовании Шервуда Андерсона «I'm a Fool» рассказчиком выступает девятнадцатилетний юноша из бедной семьи, живущей в маленьком провинциальном городке, в штате Огайо. Рассказчик сообщает о своей семье: «…*since I've known us, we've always been pretty poor, but not asking anything at that, and my grandfather, over in Wales – but never mind that*» Он гордится славным прошлым своего деда. «*My own people are O.K. too, when you come to think of that. My grandfather was Welsh and over in the old country, – in Wales he was – But never mind that*».

Мать рассказчика привила детям в своей семье хорошие манеры поведения. «*I was thinking how glad, I was my mother was all right, and not swill soup, and not to be noisy and rough like a gang you see around a race track that way*». Сестра рассказчика, Милдред, надеялась получить

должность учительницы в местной школе. Обе, и мать, и сестра, были против того, чтобы их сын и брат стал конюхом при скаковых лошадях. «*They both thought it something disgraceful that one of our family should take a place as swipe with race horses*». Это повредило бы репутации семьи и помешало бы Милдред получить работу.

Гибридная конструкция «*A big lumberty fellow of nineteen couldn't just hang around the home*» отражает мнение соседей о том, что этот юноша уже вышел из возраста, когда он мог подработать, подстригая их газоны или продавая газеты. «*Little chaps who could get next to people's sympathises by their sizes were always getting jobs away from me*».

Выхода нет; рассказчик нанимается на работу, связанную с сопровождением рысаков на скачки в разные города.

У рассказчика уже сформировалась другая социально-психологическая установка; он считает, что быть конюхом, ухаживать за иноходцами и рысаками на скачках вовсе не зазорно. «*A fellow, just because he has been a swipe with a race horse, and works taking care of horses for a man in the teaming, delivery, and storage business, isn't any better or worse than any one else*».

Юноша наблюдает за жизнью людей, занятых в конном бизнесе, «*and you'd find out about horses and men and pick up a lot of stuff you could use all the rest of your life, if you had some sense and salted down what you heard and felt and saw*». У рассказчика расширяются способы восприятия, манера чувствовать и думать, т.е. общая духовная настроенность. Он приходит к выводу о том, что жизненные впечатления и опыт важнее формального образования.

В реплике рассказчика «*You can stick your colleges up your nose for all me. I guess I know where I got my education*» происходит эвфемистическая замена словом «*nose*» слова «*ass*» в сленговом устойчивом словосочетании, что характерно для сниженно-разговорной речи.

Повествователь чувствует огромный интерес окружающих к конным бегам; осознавая свою важность как человека, причастного к секретам конюшни, и будучи в состоянии опьянения, он бросает вызов хорошо одетому молодому человеку в модном галстуке и с тросточкой в руках, который, по его мнению, очень важничает, показывая свое превосходство над толпой. Затем следует цепь неадекватных поступков, связанных с тем, что он выдает себя за сына богача, владельца скаковых лошадей, для того, чтобы стать своим в компании молодых людей из состоятельных семей. С первого взгляда он влюбляется в мисс Люси Уэссен. Он говорит: «*There's a kind of girl you see just once in your life… you want that girl to be your wife, and you want nice things about her like flowers and swell clothes, and you want her to have kids you're going to have, and you want good music played, and no rag time*». Эта любовь трагична; она изначально обречена на неудачу, на расставание. Главное значение в понимании трагического мироощущения, по определению А.Ф. Лосева, принадлежит интуитивному чувству и переживанию человеческих установлений [1: 314]. Повествователь не может перейти через границу социальных различий; поэтому основой его мироощущения являются познание и страдание, связанные с осознанием совершенной глупости (*the smashingest lie*), т.е. с раскаянием и сожалением. Он признается, что, «*…it all came about through my own foolishness, too. Even yet sometimes when I think of it. I want to cry or swear or kick myself. Perhaphs, even now, after all this time, there will be a kind of satisfaction in making myself look cheap by telling of it*».

Сказовая форма порождения художественного повествовательного текста как структурно-типологического образования на уровне жанра диктуется необходимостью создания обособленного и психологически мотивированного образа рассказчика-повествователя, т.е. необходимостью создания иллюзии неподготовленной речи, творимой на глазах у

слушателей и обусловленной ситуацией (Б.М. Эйхенбаум, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, В.В. Кожинов, В.А. Кухаренко).

Автор сказового повествования «работает в системе мышления и речи персонажа, не вмешиваясь с поправками, а, с другой стороны, не скрывает ограниченности этой системы» (М. Фритц). Поэтому он как носитель речи в сказе может рассматриваться как носитель определенного уровня сознания и является языковой личностью, что обособляет его от автора.

Отдаленность автора от рассказчика и рассказчика от героя обусловливает специфику сказа, и поэтому сказовому повествованию свойственна установка на определенный словесный «жест», который выступает как «аккумулятор интонаций» (Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик).

Затрудненность восприятия сказа заключается в его двойственном, полифоническом характере. С одной стороны, повествователь-рассказчик выступает как субъект речи, а, с другой стороны – как объект авторского исследования и читательского понимания. Языковая личность рассказчика проявляется в тоне его речи, в манере говорить и в целом арсенале лингвистических средств выражения его точки зрения. Поскольку одним из параметров сказа является определенный «потолок громкости», то следует также ставить вопрос и о лингвистических средствах обозначения разговорной интонации и особого ритма как способах создания психологического микроклимата, т.е. однородной защитной языковой и психологической среды.

Импровизационные возможности жеста реализуются в речевых повторах междометных словосочетаний, например: «*Craps amighty. Gee whizz. God amighty. Socks amighty. Gee. Gosh darn his eyes*». Кроме того, в прямых обращениях к читателю, например: «*That's a way, you know. But never mind shat. But you know how a fellow is that way. There's a way,*

you know. I guess you know what I mean. Did you ever see such a fool? I'll bet you what».

Что касается ритма художественной прозы и, в частности, ритма в сказовом повествовании, то он основан не только на звуковых повторах, но также на различных формах грамматико-синтаксического параллелизма в сочетании с лексическими повторами. Ритм выполняет также и смысловые функции, передающие душевное состояние повествователя-рассказчика сразу в подсознание читателя.

Ритм проявляется на разных иерархических уровнях языка. В настоящее время ритм начинают рассматривать и одновременно с категориями пространства и времени в художественном произведении [6: 101]. Ритм интегрирует различные компоненты текста, несущие смысл, заложенный автором произведения, усиливая эмоционально-изобразительный эффект, т.е. выполняет эмоционально-эстетическую функцию [43: 86]. Смена ритма используется автором для привлечения внимания читателя. Например: «*There's something in that kind of nice clothes, and the kind of nice eyes she had, and the way she had looked at me, awhile before, over her brother's shoulder, and me looking back at her, and both of us blushing*».

Параллельная конструкция, анафора, полисиндетон и приём нарастания являются ритмическими элементами в данном параграфе. Но далее следует смена ритма: «*I couldn't show her up for a boob, could I? I made a fool of myself, that's what I did*». Происходит ритмический сбой, психологическое нарушение ожиданий читателей и переход к кульминации сказа.

Ритм определяет особенности композиции текста, представляя собой особую периодичность и приобретая композиционную предопределённость [5: 15]. Мироощущение рассказчика-повествователя, его настроение и мысли отражаются в тех частях текста, которые содержат рассуждения, окрашенные субъективной и объективной авторской мо-

дальностью и отражающие отношение самого автора к происходящему. Например: «*Sometimes I thank that boys who are raised regular in houses, and neer have a fine nigger, like Burt for best friend, and go to high schools and college/ and never steal anything/ or get drunk a little, or learn to swear from fellows who know how, or come walking up in front of a grandstand in their shirt sleeves and with dirty horsey pants on when the races are going on and the grand stand is full of people all dressed up – What's the use of talking about it? Such fellows don't know nothing at all. They've never had no opportunity*».

Будучи элементарной тематической единицей текста эта диктема [1: 36] находит своё выражение в сверхдлинном предложении, состоящем из 86 слов, а также в двух коротких, состоящих из 7 и 5 слов. Все они объединены одной темой и являются частью топикальной цепочки, выражающей законченную мысль и фактически повторяющей высказанное ранее утверждение о необходимости приобретения жизненного опыта в становлении характера и формировании мировосприятия юноши. В этом состоит смысловая ценность этой диктемы.

Что касается её синтаксических особенностей, то она построена на сочинительной связи фраз девяти составляющих её сложносочинённых предложений, создающих определённый ритм. Также сверхдлинные предложения характерны для сказовой формы повествования; автор подчёркивает, что рассказчик никак не может завершить свои мысли, будучи человеком малограмотным и литературно неопытным.

Таким образом, ментальность рассказчика выражается в сказовом повествовании через длину и структуру предложений. По мнению В.А. Кухаренко, чем длиннее цепь, тем сильнее растяжение структуры, тем больше увеличивается в ней напряжение [3: 58]. Присоединительный союз *and* придаёт данной диктеме характер импровизации.

Как известно, ментальность имеет отношение к уму, интеллекту в таких его проявлениях, как восприятие, воображение, память, чувства и

желания. В сказовом повествовании «*I'm a Fool*» доминирует чувство досады, сожаления и раскаяния повествователя. Даже само название содержит ключевое слово (*a fool*), входящее в топикальную цепочку, выраженную синонимами: *bum*, *boob*, *chump*, *dude*. В сильной позиции, в конце сказа, употреблены пять предложений нереального условия с той же коннотацией. Ментальность повествователя в сказе «*I'm a Fool*» выражена через лингвистические средства всех иерархических уровней, хоть и с разной степенью полноты охвата и частоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. №4. М., Наука, 2000. С. 36.
2. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: на материале английского языка: Дисс. докт. филол. наук. М., 2000. С. 86.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1978. С. 58.
4. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1905. С. 314.
5. Мартиросян А.А. Роль топикального ритма в композиционной организации текста // Вестник Московского университета «Серия Лингвистика». №2. М., 2013. С. 15-18.
6. Потапова Р.К. К опыту изучения лексико-синтаксической ритмизации художественной прозы // Вопросы языкознания. № 4. М., 1997. С. 101-113.

ГРАЧЕВ Михаил Александрович *(Нижний Новгород, Россия)*

доктор филологических наук, профессор
Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Николая Александровича Добролюбова
ma-grachev@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Аннотация: В статье анализируются особенности городского лингволандшафта. Особое внимание уделяется нарушениям культуры речи: использование жаргонно-арготической лексики, нецензурной брани, неоправданных иностранных заимствований. В статье предлагаются необходимые меры по улучшению экологии русского языка: лингвистические, культурные, нормативно-правовые.

За последние двадцать пять лет в речи россиян появилось большое количество агрессивных слов, связанных с понятиями «убить», «ограбить», «украсть», «изнасиловать», «обмануть» и т.п. Во многом

этому способствуют жаргонно-арготические слова. Речь части россиян ориентирована на стандарты низших слоёв общества – криминальных элементов [2; 5].

Средства массовой информации и политики не только распространяют ненужные иноязычные заимствования, арготизмы и жаргонизмы, но и допускают многочисленные лексические ошибки [1].

В настоящее время ряд лингвистов, писателей и режиссёров призывают узаконить нецензурную брань. Но легализация мата, блатных слов означает крах культуры русской речи и потерю многих духовных ценностей. Главный козырь подобных «любителей русской словесности» – свобода слова. Свобода нужна, но не своеволие. И потом культура – это не только разрешение, но и запрет. В настоящее время частотность использования населением нецензурной брани, по сравнению с серединой 80-х годов XX в., возросла в шесть раз.

Матерные слова, как раковые метастазы, проникли во все слои общества и употребляются представителями всех социумов – от воспитанника детского сада до седовласого старца, от крестьянина до интеллигента-гуманитария [3: 23].

Падение и девальвация образования резко сказались на культурном и языковом уровне: стали меньше читать художественных произведений классиков, газет, стали больше употреблять ненормативной лексики. И это сблизило в языковом отношении город и деревню (именно лингвистическая убогость некоторых слоёв города и деревни!). С одной стороны, это «забывание красивых слов», с другой стороны – урбанизация и отехничивание деревни. Русский язык «усыхает», из него исчезают полновесные звучные слова. Например, в Нижегородской области в одной из деревень Павловского района жители употребляли красивые названия: *Лазоревая долина, Серебряный ручей*. Сейчас же вместо них используются слова *долина, ручей.*

Известно, что до распада СССР общество хотело уничтожить грань между городом и деревней. В лингвистическом отношении действительно началось активное изучение языка деревни, но затормозилось изучение языка города. Сейчас наблюдается совершенно иная картина: стали активнее изучать речь города и в меньшей степени языковые изменения, происходящие в сельской местности. Всё меньше организуется диалектологических экспедиций и всё больше средств и усилий отводится на изучение лингвистического ландшафта города. Экономика сильно влияет на восприятие лингвистических новшеств. Возникший языковой барьер между городом и деревней уже стал реальностью.

С другой стороны, деревенские жители сильно отстали от города в области овладения иностранными языками. Выпускники факультетов иностранных языков не едут в деревню из-за низких зарплат, неблагоустроенного жилья и неуважительного отношения в обществе к учителю. Следует констатировать, что без знания английского языка молодой человек хуже будет разбираться в компьютере и – шире – в любой иностранной технике. Незнание, или слабое знание иностранных языков, как известно, усиливает нелюбовь к русскому языку.

Недостаточно полно изучен и городской лингволандшафт. Между тем его исследование в настоящее время крайне актуально. Оно помогло бы решить ряд проблем собственно лингвистического, культурного и коммуникативного характера [5]. В первую очередь в лингволандшафте современного города следует изучить: замену топонимов, изменение качества устной и письменной речи горожан, иноязычные заимствования и жаргонно-арготические слова; внешний языковой облик города; уличную рекламу; объявления; вывески, названия учреждений [5: 252].

Другой аспект – это изучение культуры речи современного горожанина. В него должны входить исследования социально-речевых портретов носителей современного русского языка: представителей интеллигенции, бизнесменов, учащейся молодёжи, сотрудников правоохрани-

тельных органов, представителей криминальных и околокриминальных групп; политиков. Следует провести анализ политического дискурса различных регионов, структуру интенциональных составляющих в текстах предвыборных выступлений; язык СМИ; тексты региональных СМИ с точки зрения лингвистической конфликтологии; средства манипулирования сознанием в рекламных текстах телевидения. Должны иметь место лингвистическое прогнозирование и рекомендации по изменению языковой ситуации города.

Нам кажется, первостепенными должны быть следующие мероприятия: сбор и классификация социолингвистического материала, социальных диалектов; топонимов; антропонимов; анализ прессы (использование арготизмов, иноязычных заимствований); изучение лингвистического ландшафта города; создание картотеки социолингвизмов; определение понятийно-терминологического аппарата, определение базовых и производных понятий в социолингвистике.

Каким видится практический выход? Это, прежде всего, научно-учебный аспект: создание фундаментальных социолингвистических словарей; написание курсовых, дипломных и магистерских работ, кандидатских и докторских диссертаций; рекомендации школьным и вузовским педагогам; рекомендации прессе; в учебно-методическом аспекте: разработка и чтение учебных дисциплин, связанных с социолингвистикой, обучение будущих исследователей.

Прикладные аспекты социолингвистического направления: «оздоровление» лингволандшафта городов (приведение в определённую норму, систему вывесок, рекламы и проч.); упорядочить связи лингвистов с общественностью; журналистикой, юриспруденцией и др.

В настоящее время в отечественной науке о русском языке стал весьма актуальным целый ряд проблем, связанных с социальной лингвистикой: фиксация социальных диалектизмов в словарях, разработка методики и сбора социолингвизмов в общем массиве лексики, принципы

описания социолингвизмов, изучение роли и места социолингвизмов в общенародном русском языке, отражение результатов многочисленных частных исследований в фундаментальных социолингвистических словарях, упорядочение терминологии социолингвистики.

В последнее время составлен ряд словарей социальных диалектов, прежде всего арго деклассированных элементов, военного и молодёжного жаргона [4: 38]. Наряду с удачными работами есть и ряд неудачных, составленных дилетантами, см., например [6]. Достойно сожаления, что на работы такого рода нередко ссылаются учёные-лингвисты. В связи с этим весьма остро встала проблема отделения научного от лженаучного. Нужна чёткая классификация социальных диалектов, так как имеющиеся классификации противоречивы, в них много путаницы. Эта методика будет составной частью в создании общей методики по разграничению типов социальной лингвистики.

До сих пор социальная диалектология не выделяется (во всяком случае, в вузовских учебниках) в особый раздел науки о языке. Её нет как обязательной дисциплины у студентов-филологов, читается она чаще всего как факультатив. Давно изучаются территориальные диалекты. Известно, что в них сохраняется прошлое языка, но почему-то не принято упоминать о социальных диалектах, в которых также отражена история русского языка, см., например, арго, жаргон военных – в этих социолектах имеются старинные лексемы, например, *виранутъ* – убить кого-л. (от древнерус. *вира* – штраф за убийство), *святополк* – убийца своих родственников.

Словарный состав социальных диалектов и других объектов социальной лингвистики изучен ещё недостаточно, даже не собраны материалы местных социодиалектизмов. Поэтому одной из основных задач социальной лингвистики является восполнение этого пробела. Сейчас нужны максимально полные и максимально точные словари социолинг-

визмов. Они могут быть созданы на основе тщательно проверенных материалов.

Поэтому следует решить задачи социолингвистического направления:

а) теоретическая разработка вопросов, связанных с социолингвистическим направлением: классификация социальных вариантов языка; уточнение понятийно-терминологического аппарата, базовых и производных понятий; основных положений (направлений) в социолингвистике; б) учебно-методические аспекты: разработка и чтение учебных дисциплин, связанных с социолингвистикой, обучение будущих исследователей; в) прикладные аспекты социолингвистического направления: «оздоровление» лингволандшафта городов; г) в нормативно-юридическом аспекте – нужно следить за тем, чтобы россияне выполняли законы о языке. Средства массовой информации должны активнее пропагандировать культуру русской речи. В то же время важно учитывать: что сейчас раздражает как нарушение нормы литературной речи, то, с чем мы боремся (грубыми жаргонизмами и арготизмами), может приобрести смысл исторического лингвистического памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2008. 416 с.

2. Грачёв М.А. Блатные слова в современной прессе // Русская речь. 2001. № 5. С. 16-19.

3. Грачёв М.А. Культура речи и ненормативная лексика // Педагогическое обозрение. Нижний Новгород, 1997. С. 23-25.

4. Грачёв М.А. Механизм перехода арготизмов в общенародный русский язык // Русский язык в школе. 1996. № 5. С. 37-41.

5. Грачев М.А., Романова Т.В. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода: ЯЗЫК МОЛОДЁЖИ. Нижний Новгород: Книга, 2008. 255 с.

6. Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира. Словарь-справочник. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1992

ДАНИЛОВА Елена Александровна *(Чебоксары, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет имени Ивана Яковлевича Яковлева
sergeymuratovo@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЦЕЛЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье проанализирован концепт «цель» в русской языковой картине мира, представлены различные точки зрения на понятие «цель», отражены типичные представления о целеполагании и описаны условия отхода от прототипического его понимания.

Концепт «цель» занимает одно из центральных мест в русской языковой картине мира. Цель можно охарактеризовать как непосредственный мотив, направляющий и регулирующий действия человека. Выражая активную сторону человеческого сознания, она должна находиться в соответствии с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта. Цель – предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия.

Г.Е. Крейдлин разграничивает понятия «цель» и «предназначение», которые часто отождествляются в языковом сознании человека. По его словам, «предназначения лежат вне оси времени и ограничены пределами пространства жизни человека или вещи; цели расположены в будущем: предназначения исполняют или выполняют, а не достигают (как цель). Предназначения близки свойствам, сущностям по своей природе статичным, цели непосредственно связаны с процессами и действиями. Цель – это конечная точка некоторого движения: к целям идут, приходят, к ним ведут различные пути, от них часто отклоняются, отходят, но к ним постоянно стремятся. Предназначения всегда исходно гетерогенны и неконкретны; цели, напротив, однородны и часто чётко обозначены» [4: 25].

Т.В. Радзиевская, анализируя концепт «цель», обращается к родственным концептам, таким как «задача» и «мечта». Исследователь

противопоставляет конкретные задачи абстрактным целям, выявляя связь задач с модальностями необходимости и долженствования: «Задача – то, что необходимо сделать, а не то, что сам субъект хочет делать» [8: 31]. Мечту же автор соотносит прежде всего с эмоциональной сферой; цель, по её мнению, принадлежит и к рациональной, и к эмоциональной сфере. Подобно мечте, цель называет объект стремлений и желаний субъекта. Но если мечта не предполагает или не обязательно предполагает усилия со стороны субъекта по её воплощению, то для формирования цели необходимы определение её достижимости, оценка способов и путей достижения, и тогда процесс окончательного формирования цели переводится в интеллектуальную сферу [8: 31-32]. Т.В. Радзиевская выделяет 6 черт концепта «цель»: «1) амбивалентность процесса формирования цели: зарождаясь в эмоциональной сфере, она выкристаллизовывается в интеллектуальной и получает вербальную оформленность; ввиду этого: 2) неспонтанность, результативность формирования; 3) соотнесённость с временным планом, моделирование связи между субъектом целеполагания и целью в виде определённой временной дистанции; 4) принадлежность внутренней интимной сфере субъекта, хранение в ней, недоступность непосредственному наблюдению; 5) принципиальная достижимость цели; 6) соотнесённость с ценностным аспектом жизни» [8: 33].

Н.Д. Арутюнова даёт чёткую характеристику признаков категории цели в сопоставлении с категорией причины. По словам автора, «причина ассоциируется с ненормативными явлениями и отрицательной оценкой, а цели – с положительными событиями и позитивной оценкой» [2: 14]. Другой важный отличительный признак заключается в проекции причины в прошлое, а цели – в будущее. Суждение о причинных отношениях нуждается в верификации, суждение о цели – в реализации [2: 15]. Н.Д. Арутюнова обращает внимание на частое объединение мотивов и целей действия в понятии «цель». Однако мотив – это побужде-

ние к действию, которое приводит к достижению определённой цели, т.е. мотив предшествует цели так же, как причина – следствию [2: 15].

По мнению И.Б. Левонтиной, цель, фигурирующая в именных группах с предлогом *для* или в придаточных предложениях, вводимых союзом *чтобы*, может быть ирреальной: потенциальной или конвенциональной (условной). Наиболее типичная разновидность ирреальной цели – это *потенциальная цель*. В отличие от обычной, актуальной цели, которая предполагает, что субъект действительно хочет чего-либо, потенциальная цель вводит в рассмотрение предполагаемый результат, о котором не утверждается, что он является желательным. Он просто рассматривается как такой, который можно и естественно желать [5: 43]. Также И.Б. Левонтина предлагает выделять *условную цель*, реализующуюся в конструкциях типа *Чтобы заболеть, нужно постоять на морозе два часа*. В них не предполагается, что говорящий имеет или может поставить перед собой такую цель, он просто считает, что действие не будет иметь места, если не будет реализовано некоторое условие [5: 44].

В современном языкознании уже давно стало общепризнанным представление о цели как атрибуте человека и о том, что целевые слова всегда включают представление о целесообразном субъекте. По определению Ю.Д. Апресяна, «цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-либо желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [1: 129]. Нельзя не согласиться с этим определением, однако эти толкования естественным образом ориентированы на прототипические для смысла «цель» контексты. И.Б. Левонтина в своих работах, посвященных этой проблеме, говорит о том, что «при описании конкретных целевых слов лингвисты довольно часто сталкиваются с такими употреблениями, которые недостаточно даже назвать просто несобственно-целевыми, и важно, что имеется круг смыслов, отличных от смысла «цель», но кото-

рый систематически обслуживается в естественном языке целевыми словами» [5: 42]. То есть в естественном, живом, разговорном языке мы наблюдаем отход от прототипического понимания цели. Такой отход объясняется тем, что идея целеполагания как бы заключается в сложную модальную рамку, которая несколько видоизменяет и сам смысл «цель». Еще в Русской грамматике-80 было отмечено, что «нейтрализация или утрата собственно целевого значения целиком может быть обусловлена контекстом» [9: 623], а именно сосуществованием в одном контексте, с одной стороны, целевого союза *чтобы*, с другой стороны, например, таких лексем, как *слишком, не настолько, не такой, не так* и т.п. Такие предложения носят устойчивый характер. В высказываниях такого рода заключено представление о нецелесообразности действия. Например: *Байрон был* ***слишком*** *горд,* ***чтобы*** *притворяться, чтобы страдать для рукоплесканий* (В. Белинский. Его жизнь и литературная деятельность); *А я* ***не так*** *болен,* ***чтобы*** *умереть* (Горький М. Егор Булычев и другие); *Я* ***не настолько*** *самонадеянна,* ***чтобы*** *отрицать дальше. Я поражена* (Грин А. Бегущая по волнам). Главная часть подобных высказываний содержит указание на те или иные условия, препятствующие осуществлению действия, названного в придаточной части. То есть вторая часть конструкции, содержащая союз *чтобы,* всегда называет не осуществляемое в силу причин, названных в главной части, гипотетичное действие. Мы считаем уместным говорить здесь о выражении целевым союзом семантики *антицели,* понимая под этим термином проекцию на контрфактическое предъявление ситуации. Семантика гипотетичности придаточной части таких структур предопределена главным предложением, содержащим указание на недостаточность / избыточность достаточного основания. Гипотетичность придаточной части конструкции обусловлена и самим союзом *чтобы*, образованным сочетанием союза (местоимения) *что* с условной частицей *бы*. По этому поводу интересны наблюдения А.М. Пешковского, который

анализировал семантику союза *чтобы* в связи с его происхождением: «Так как союз *что* сам по себе изъяснительный и к сослагательному наклонению никакого отношения не имеет, то здесь произошло не только внешнее, но и внутреннее слияние двух оттенков: оттенка союза *что* и оттенка сослагательного наклонения. Там, где это слияние проявляется полностью, то есть где и союз *что* и сослагательное наклонение по условиям контекста неуместны, там мы и имеем настоящий союз цели. Там же, где слияние еще не закончилось, просвечивают, несмотря на внешнюю цельность, бывший союз *что* и бывшее сослагательное наклонение» [7: 481-482].

Нельзя не заметить, что между частями подобных высказываний типа целеполагания устанавливаются причинно-следственные отношения. В понятие цели, по мнению И.Б. Левонтиной, «идея причины входит дважды: при целенаправленной деятельности, с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, потому что считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, потому что совершаются определенные действия». То есть цель толкуется через понятие причины, но и при описании причинной лексики в целом ряде случаев не обойтись без обращения к ситуации целеполагания. В анализируемых нами конструкциях мы говорим не столько о понятии «цель» как существительном со своим значением, сколько о союзе ***чтобы***, который выступает в нетипичном для него употреблении. Здесь, вслед за О.Ю. Богуславской, можно провести параллель между словом *цель* и целевым союзом *чтобы,* которые различаются по признаку активности [3: 72]. О цели говорят тогда, когда человек что-то делает, потому что хочет, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. Но в жизни едва ли не чаще встречаются случаи, когда мы не делаем чего-то, что могли бы сделать, потому что не хотим, чтобы какое-то положение дел начало иметь место [там же]. По словам Г.Х. фон Вригта, «у действия есть «пассивный» аналог, который обычно

называют *воздержанием.* Само слово *цель* плохо совместимо с идеей пассивности, а вот союз *чтобы* абсолютно безразличен к активности или пассивности субъекта. Например, неправильно *****В чем цель** вашего молчания (бездействия, невмешательства)?; *С какой целью ты избегаешь полемики?* И вполне нормальные фразы **Я избегаю полемики,* ***чтобы*** *сохранить нормальные отношения* [3: 73].

Таким образом, наряду с типичным представлением о понятии цели, целеполагания, отражающим реальное явление, активные действия субъекта, в речи можно наблюдать отход от прототипического его понимания, когда обращение к цели выступает в качестве особого приёма гипотетического предвосхищения. Союз *чтобы* в силу абстрактности своего значения, попадая в сложную модальную рамку контекста, предопределенную прагматическими установками говорящего, может выражать не только собственно целевые отношения, но и значение антицели, что, в свою очередь, расширяет границы концепта «цель» в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. 367 с.

2. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 14-23.

3. Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы причина и цель в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. №2. С. 68-88.

2. Крейдлин Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 23-30.

2. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 42-57.

3. Оркина Л.Н. Выражение семантики обусловленности в неспециализированных структурах мотивационного типа, следствия и целеполагания (опыт композиционного анализа). Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2005. 94 с.

4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

5. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 30-35.

6. Русская грамматика: в 2 т. Т 2. М.: Изд-во АН СССР, 1982. 832 с.

ЕСАУЛОВ Николай Николаевич *(Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nickesaulov@gmail.com

РЕЧЬ АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Т. ДРАЙЗЕРА (на материале романа «Сестра Керри»)

Аннотация: В статье путём анализа различных видов речи автора-повествователя в романе Т. Драйзера «Сестра Керри» предпринимается попытка доказать необоснованность традиционных обвинений писателя в недостаточном владении языком и стилем.

Первый роман Т. Драйзера «Сестра Керри» был издан в США в 1900 г. тиражом в 1000 экземпляров. Однако из-за мнимой «безнравственности» книги только 300 из них были разосланы критикам и журналистам, а остальные не были пущены в продажу [3: 146]. При вручении Синклеру Льюису в 1930 г. Нобелевской премии по литературе он, первым из американских писателей удостоенный этой награды, произносит речь на тему «Страх американцев перед литературой» (The American Fear of Literature) [7].

В ней он присоединяется к сделанной ранее Шервудом Андерсоном оценке Драйзера как главы реалистов-новаторов, который освободил американскую литературу от «викторианской и хоуллсианской робости и жеманности», первым со времени Марка Твена и Уитмена утвердил «честное, смелое и страстное» творчество, подобно «могучему ветру», принёсшее «свежий воздух» в душные гостиные страны. «Сестра Керри» многому научила двадцатилетнего С. Люиса, когда в 1905 г. он впервые прочёл «эамечательный первый роман» Т. Драйзера [Ibid.].

Такие недоброжелатели Драйзера, как обозреватель Т.К. Уипл, понимали, что идти по пути отрицания «исторических» заслуг писателя малопродуктивно. Критик вынужден был признать «силу», «оригинальность», «огромный масштаб» (greatness), глубину и мощь драйзеровской способности сопереживания, уникальное по своей глубине «чувство тра-

гического», «трагедии человеческого существования. Однако Драйзер-человек противопоставляется им Драйзеру-романисту. Ненасытная жажда жизни во всех её проявлениях якобы лишает Драйзера чувства меры. Критик не упускает возможности напомнить, что даже такие верные почитатели таланта Драйзера, как Г.Л. Менкен, говорят, что он «не умеет писать» [5]. Отчасти нечто подобное ощущается в иронии С. Льюиса по отношению к «таинственной штуке под названием стиль» [7] или замечании Ш. Андерсона о «тяжеловесности» драйзеровской прозы [1: 252-253].

Однако Генри Миллер – выдающийся представитель следующего поколения романистов-бунтарей, пишет письмо-реплику «Стиль Драйзера» редактору еженедельника «Нью Рипаблик», опубликовавшего 17 марта 1926 г. рецензию Т.К. Уипла на роман «Американская трагедия». В своём письме Г. Миллер бьёт критика его же оружием. “Роман – это не жанр, имеюший дело с абстрактными идеями или философией. Сила романа не в абстрактных идеях, а в его образности и способности воздействовать на чувства читателя. Ошибка мистера Уипла в том, что он применяет интеллектуальные критерии логичности и глубокомыслия к искусству, которое воздействует на нас благодаря своей выразительности и красоте.

Вот почему мистер Драйзер добивается успеха как художник не вопреки, а благодаря своему стилю. То, что мистер Уипл называет “дешёвыми банальностями и безвкусными красивостями”, позволяет писателю успешно вызвать к жизни яркий, целостный мир.

Стилем более точным и изящным можно было бы создать лишь контуры, подобие реальности. Драйзер пользуется языком, понимает он это или нет, точно в такой манере, какую целенаправленно создают современные писатели, а именно Джойс. Иначе говоря, *Драйзер делает язык точным подобием сознания своих героев* (Курсив наш – Н.Е). Мистер Уипл явно считает, что все писатели должны придерживаться при-

ёмов mot juste («точного письма) а ля Флобер. К счастью, предписывать стиль невозможно» [5].

Пристальное чтение речи автора-повествователя в романе «Сестра Керри» выявляет следующую картину. Характеризуя главную героиню Каролину или Керри Мибер (сохраним латинскую нумерацию оригинала и обозначим порядковый номер цитируемых высказываний повествователя арабскими цифрами), Драйзер сочетает в одном высказывании разные виды речи (оригинал цитируется по первому изданию на сайте наиболее авторитетного центра драйзероведения при Университете штата Пенсильвания, США; доступный нам по Интернету перевод был сделан Марком Волосовым в 1927 г.):

I Каролина Мибер / Керри: 1) Ch.I, p.4: *“He was,* **for the order of intellect represented***, attractive, and whatever he had to recommend him,* **you may be sure** *was not lost upon Carrie, in this, her first glance.”* [6]. Гл. 1: *«Человеку,* **стоящему на уровне развития Керри***, незнакомец* **мог показаться интересным***, и ей достаточно было одного беглого взгляда, чтобы заметить всё, что говорило в его пользу»* [2]. Прежде всего, заметим, что, на наш взгляд, литературная одарённость и интуиция М. Волосова несомненны. Однако ориентация на вольный перевод, в целом предпочтительная по отношению к произведениям художественной литературы, требует предельной чуткости, чего М. Волосову порой не хватает; кроме того, судя по всему, как у переводчика, так и у его редактора, к сожалению, отсутствовали по-настоящему глубокое знание английского языка. Отсюда приходится вспомнить формулу lost in translation (утрачено в переводе). С одной стороны, вводная фраза оригинала сохранена, повествователь дистанцируется от героини. С другой, стиль оригинала варьируется, здесь звучат разные «голоса», а не только голос всеведущего, вездесущего и всемогущего повествователя [4], в то время как у М. Волосова дистанцированность сохраняется. Перемудрил переводчик и с эпитетом attractive (привлекательный): решение применить

существительное «человек» сделало точный контекстуальный перевод («мужчина») невозможным.

Полностью утрачено в переводе важное вводное предложение you may be sure: здесь слышится совсем иной голос («будьте уверены»), говорит человек дружелюбный, сочувствующий героине. Вспомним, что́ отмечал в прозе Драйзера Т.К. Уилп, не понимая, что именно эта составная ментальности писателя и есть главный источник его творческой силы.

2) Ch.VI, p.62 ... *"She had* **imagination** *enough to be moody ..."*
p. 67-*68 Carrie* **was really very pretty***. Even then, in her commonplace garb,* **her figure was evidently not bad***, and* **her eyes were large and gentle***. Drouet looked at her and his thoughts reached home. She felt his admiration. It was powerfully backed by his liberality and good-humour.* **She felt that she liked him – that she could continue to like him ever so much***.* **There was something even richer than that, running as a hidden strain, in her mind.** *Every little while her eyes would meet his, and by that means the interchanging current of feeling would be fully connected"* [6].

Гл.6: «... Она была *достаточно впечатлительна*, *чтобы прийти в скверное настроение* ...

Керри **и в самом деле была очень миловидна**. *Неказистое платье не могло скрыть, что* **девушка сложена очень недурно***, и* **у неё** *были* **такие большие и ласковые глаза***.* Друэ *пристально смотрел на девушку,* и *она поняла, о чём он думает*. Она *понимала, что* **он восхищается ею**, об этом убедительно говорила *его щедрость, его весёлое добродушие*. *Она* **чувствовала, что и он ей нравится**, **и чем дальше, тем больше**. *И ещё нечто другое, более глубокое, тёплой струёй вливалось ей в душу*. Они то и дело встречались глазами, *и их взгляды ясно говорили о растущей взаимной симпатии*». [2]

Вторая цитата относится к эпизоду, рассказывающем о том , как ещё не оправившаяся от простуды, уставшая от поисков работы и голодная Керри встречает на улице коммивояжера Чарльза Друэ, с которым познакомилась в поезде, и тот решает угостить её обедом в ресторане. Однако первое цитируемое предложение резко отличается от большинства остальных. Оно по видимости принадлежит к вышеуказанному типу нейтральной речи всеведущего повествователя, что и передано в переводе. Это было бы верно, если бы выделенное полужирным шрифтом существительное imagination не было одним из *ключевых слов* романа. В переводе «достаточно впечатлительна, (чтобы придти в скверное настроение)» нет важного лейтмотива и его импликаций, так как если лишить Керри её врождённого воображения, становится непонятным чикагский успех героини в любительском спектакле, а впоследствии и на подмостках нью-йоркских театров.

Многие остальные выделенные полужирным шрифтом предложения, фразы или слова – это несобственно-прямая речь.

Первых два предложения принадлежат Ч. Друэ (правда, вместо «миловидна» более уместно было бы просто «мила»). В следующих двух звучит почти нейтральный голос автора-повествователя сменяющийся внутренней речью Керри. Однако предложение «There was something even richer than that, running as a hidden strain, in her mind» - двуголосое, сложное – не понято и не передано переводчиком. Здесь повествователь опускается в таинственные глубины подсознания Керри (неведомые и неподвластные ей самой), говорит одновременно и её и своим «голосом», и перевод «тёплой струёй вливалась ей в душу» откровенно неудачен. Утрачена также метафора «душевного электричества» в переводе последнего предложения, содержащего речь автора-повествователя.

Представленный анализ фрагментов речи автора-повествователя в романе «Сестра Керри» даёт основания согласиться с цитированным

выше мнением Г. Миллера о том, что Драйзер делает язык точным подобием сознания своих героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиленсон, Б.А. Тяжёлая поступь правдоискателя // История литературы США. М.: Академия, 2003. С.252-270.

2. Драйзер, Т. Сестра Керри. Пер. М. Волосова. М.: «Правда», 1986: http://dreizt.com/slovdreiser/kerri/1.htm

3. Засурский Я. **Драйзер** // Писатели США. Краткие творческие биографии. Сост. и общ. редакция Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. М.: Радуга, 1990. С. 145-148.

4. Ляпон. М.В. Модальность. Арутюнова, Н.Д. Прагматика // Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 303-304; 389-390.

5. Appraisals by non-critics, assessments of Dreiser by his contemporaries. Dreiser and fellow-writers. July 3, 2016. a) Roger. W. Smith: Henry Miller and Dreiser. b) T.K. Whipple's review of "An American Tragedy" - "Theodore Dreiser" *New Republic* 46 (March 17, 1926), 113-115. c) "Dreiser's Style", the text of Henry Miller's letter to the publisher containing his response to the review: https://dreiseronlinecom.wordpress.com/2016/07/03/henry-miller-and-dreiser/

6. Dreiser, Theodore. **Sister Carrie**. First 1900 edition published by Doubleday, Page & Co.: http://www.library.upenn.edu/docs/exhibits/rbm/dreiser/Sister_Carrie_1stEdition_1900.pdf

7. Sinclair Lewis' Nobel Prize Speech: https://thenewamericana.wordpress.com/2011/01/11/sinclair-lewis-nobel-prize-speech-the-american-fear-of-literature/

ЕВСЕЕВА Ольга Сергеевна (*Смоленская область, Россия*)

кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Заборьевская СШ Демидовского района
Смоленской области»
evseevolya@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ – ТОПОНИМИКА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ (на примере временного кода культуры)

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию топонимии русско-белорусского приграничья. В основе работы лежит экспликация временного кода культуры, основным параметром которого является отражение специфики восприятия времени человеком, что находит отражение в системе названий населенных пунктов приграничной зоны.

После смены парадигмы научного знания на стыке XX и начала XXI веков в ономастике произошли существенные изменения. Ономастика начинает рассматриваться в тесной связи с когнитивистикой, этнолинг-

вистикой, культурной антропологией, культурологией и другими дисциплинами. Наряду с собственно лингвистическими аспектами в ней широко используются исторический и лингвоисточниковедческий.

Отдельное место среди них принадлежит лингвокультурологическому аспекту, который направляет исследователей на выявление способов фиксации и отражения культуры в именах собственных. В.А. Маслова считает, что **лингвокультурология** возникла на стыке лингвистики и культурологии, она исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Основная задача лингвокультурологии – раскрытие народной ментальности и его культуры через язык [8: 9-12].

Таким образом, в рамках ономастических исследований реализуется четкое соотношение понятий *язык – этнос – культура*, поскольку язык есть свидетель изменений в культуре (социально-исторических, идеологических, политических и др.), которые в нем отражаются, хранятся, а также передаются из поколения в поколение. Культура и язык имеют этнические особенности, что и является национально-культурной спецификой. Очень ярко национально-культурная специфика проявляется при анализе топонимической лексики [4: 3].

Именно топонимы обладают огромным культуроведческим потенциалом, сохраняют традиционные модели именования, кодируют информацию о восприятии человеком окружающего мира, репрезентируют «бытовой» вариант картины мира, взаимодействуют с другими сферами традиционной духовной культуры [1: 4]. Топонимия содержит богатый материал для исследования, поскольку складывается в течение длительного времени и представляет собой объединение, в котором отражаются культура, языки, исторические эпохи, социально-экономические условия, психология и мировоззрение народа, что отмечает несомненную перспективность изучения данного языкового пласта сквозь призму взаимодействия языка и культуры.

Такое взаимодействие представляется возможным с помощью установленного понятия код культуры. В настоящее время существует большое количество определений данного понятия. Н.И. Толстой и С.М. Толстая рассматривают код культуры как «вторичную знаковую систему, использующую разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума…» [13: 5-14]. В.В. Красных определяет код культуры как «сетку», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [6: 232].

Ученые выделяют следующие базовые культурные коды.

1. Соматический, связанный с символьными функциями частей тела человека.

2. Пространственный, связанный с членением пространства.

3. Временной, фиксирующий членение временной оси.

4. Предметный, связанный с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру.

5. Биоморфный, связанный с живыми существами, населяющими окружающий мир.

6. Духовный, включающий нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры («добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус», «верх – низ»).

Цель нашей работы – выявить и охарактеризовать коды культуры, реализующиеся в системе названий населенных пунктов смоленско-белорусского приграничья. Для этого дадим краткую характеристику исследуемой смоленско-белорусской приграничной зоны. В территориальном плане это приграничные с республикой Беларусь районы Смоленской области – Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский и Ершичский, а также приграничные со Смоленской областью районы Белорусской республики – Городокский, Ви-

тебский, Лиозненский, Дубровенский, Горецкий, Кричевский, Климовичский, Мстиславльский и Хотимский. Протяженность государственной границы составляет 463 км, а собранная картотека составляет около 3000 топонимических единиц.

В данной статье мы подробнее остановимся на характеристике временного кода культуры, который, по мнению В.В. Красных «фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени» [6: 241].

Данный параметр отражает специфику восприятия времени человеком и объективируется в системе названий населенных пунктов русско-белорусской приграничной зоны при помощи сложных и составных топонимов в форме атрибутивных словосочетаний. В качестве субстантивного компонента используются лексемы топонимного уровня, а в качестве определительного – прилагательные, образующие антонимические пары: *старый – новый (Новые Жарки – Старые Жарки, Новые Прянички – Старые Прянички, Новый Дедин – Старый Дедин, Новый Стан – Старый Стан, Новая Буда – Старая Буда, Новое Шанталово – Старое Шанталово* и др.), синонимичные им числительные в написании словом или цифрой: *первый / 1 – второй / 2* (*Носково-2, Васильевка-1, Васильевка-2, Ольшов-1, Ольшов-2, Вородьков-1, Вородьков-2, Вородьков-3, Ястреб-1, Ястреб-2* и др.).

На исследуемой территории отмечены сложные топонимы с компонентами *старо-* и *ново-*, указывающими на относительную хронологию возникновения поселений: *Староселье, Новоселье, Новомихайловское, Стародубовщина* и др.

Интересны коррелятивные пары *Сенная – Новая Сенная* (Ершичский район), *Рудня – Новая Рудня* (Хиславичский район), дифференцирующую функцию в которых выполняет компонент *новый*, указывающий

на непродолжительное время существования соответствующих топонимов.

Среди сложных топонимов, не имеющих пары, на территории Смоленской области отметим следующие: *Новая Воробьевка* (Хиславичский район), *Новое Село*, *Старая Болобовщина, Старый Роховец* (Монастырщинский район), *Новый Стан, Старое Заселье* (Шумячский район). На территории Могилевской области встречаются: *Новые Домамеричи*, *Старый Стан* (Климовичский район).

Следует отметить и топонимы-советизмы *Новая Жизнь, Новый Путь, Новый Строй*, которые сохранились на территории Белорусского приграничья. В качестве атрибутивного компонента в таких географических названиях всегда выступает прилагательное *новый* как символ счастливого будущего. Антонимических пар такие топонимы не имеют.

Подводя итоги, мы можем отметить, что время как универсальная онтологическая категория, определяющая картину мира и рамки существования в нем человека, тесно связана с человеческим сознанием. А человек как носитель языка и культуры использует данную категорию во всех сферах деятельности, в том числе и при номинировании географических объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дисс. … доктора филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1999. 39 с.

2. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 340 с.

3. Васильева Т.Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.02. Минск, 2014. 24 с.

4. Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. Смоленск, 2015. 22 с.

5. Королева И.А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: Материалы Международной научно-практической конференции (Витебск, 27 мая 2011 г.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. С. 261-264.

6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / Рос. гос. ун-т; под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 149-238.

8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
9. Лемцюгова В.П. Беларуская айканімія: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 156 с.
10. Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. Смоленск: СГПУ, 2000.
11. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Наука, 2002. 416 с.
12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 27-40.
13. Толстой Н.И. О словаре «Славянские древности»: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А-Г / Т.А. Агапкина и др. 1995. С. 5-14.

ЖАНАЛИНА Лаззат Кабылдашевна (*Алматы, Казахстан*)
доктор филологических наук, профессор
Казахский университет международных
отношений и мировых языков имени Абылай хана
zhanalina@gmail.com

НОМИНАТИВНАЯ ПАРАДИГМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА В СИНХРОНИИ

Аннотация. В статье рассматривается организация гетерогенных номинативных единиц (НЕ), несущих следы своего производства с использованием разных способов номинации и реализующих номинативный потенциал участвующих в их производстве слов. НЕ, восходящие к одному и тому же исходному слову и фиксирующие участие последнего в филогенезе и когнитивном развитии языка, образуют номинативную парадигму (НП). НП демонстрируют реляционную непрерывность временного плана языка, представленность диахронии в синхронии, с одной стороны, и трансформацию синтагматики номинативного синтеза в парадигматику НЕ – с другой.

Одним из источников развития языка является познание, результаты которого вербализуются в номинативной деятельности (НД) с использованием средств и моделей разных языковых уровней. НД в диахронической ретроспективе сворачивается в синхронии, демонстрируя в своих накопленных и создаваемых продуктах – номинативных единицах (НЕ) реляционное время, неразрывно связанное с языком и его носителем.

НЕ представляет один из аспектов языковых элементов, в ономасиологической структуре которого отражается его генерирование в процессе соединения с единицей знания. Таким образом, если НД – это

языковая сторона истории познания, то НЕ – это фиксация в языковых единицах единиц познания.

Набор НЕ, продуцированных в семантической деривации, фразеобразовании, словопроизводстве, фразообразовании и текстообразовании, заимствовании, в синхронии может быть организован на разных основаниях как языковая картина мира, языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, когнитивное пространство и т.д. В современной лингвистике наиболее распространено моделирование языка, сопровождающего гносеологическую активность человека, на когнитивной основе.

В данной статье предлагается систематизация НЕ с позиций номинативной деятельности. НЕ, восходящие к одному и тому же исходному слову и реализующие номинативный потенциал последнего, образуют номинативную парадигму (НП) [2: 86-87]. Состав НП эксплицирует реализацию номинативного ресурса языка и его филогенез. Номинативные парадигмы являются постречевыми и собирают продукты НД, представляющей одну из форм речевой деятельности [3: 65]. Динамика НД, протекающая главным образом как номинативный синтез-синтагмирование исходного слова (или его частей) с другими языковыми единицами, предоставляемыми способами номинации или выбираемыми в соответствии с ними, сохраняется в виде отпечатков в ономасиологической структуре НЕ. Участие в динамике номинативной синтагматики НЕ общего исходного слова обеспечивает ее преобразование в системную парадигматику.

Направление филогенеза языка, связанное с номинативным потенциалом слов, отражает картина результатов НД – НЕ, которая складывается из НП.

НП как системы НЕ выстраиваются на следующих основаниях: (1) имеют одно общее исходное (производящее) слово; (2) выстраиваются парадигматическими отношениями «и»-дополнения, которым часто предшествует синтагматика номинативного генерирования; (3) актуали-

зируют существующие способы номинации и гетерогенны по составу; (4) эксплицируют двусторонность НД и представляют синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога – категории-концепта; (5) демонстрируют обогащение-накопление выразительных средств языка на всех его уровнях, а также эволюцию когнитивных категорий и входящих в них концептов, являются открытыми; (6) реализуют корреляцию познавательной и номинативной функций.

Состав НП раскрывает степень номинативной активности исходного слова. Активность проявляется в количестве способов номинации, в которых оно участвует, и в количестве производных НЕ. Соответственно продукты НД складываются в НП, разные по структуре и объему. НЕ, которые завершают НД, охватывающую диахронию, переходящую в синхронию, составляют разные виды НП, По участию способов номинации различаются полные и неполные НП. У первых в соответствии с существующими способами номинации выделяются лексическая, фразеологическая, словообразовательная, синтаксическая, текстовая зоны.

В неполных НП часть зон может отсутствовать. Они, как правило, демонстрируют снижение продуктивности исходных слов, если их роль выполняют производные слова. Отмечается восполнение недостатка в словообразовательной продуктивности, доходящей вплоть до нулевой, фразообразовательной продуктивностью. Например, исходное слово ***пакетный*** порождает номинативные словосочетания, обладающие свойством воспроизводимости, как все НЕ., и его НП имеет только синтаксическую зону: ***пакетная*** *обработка фото,* ***пакетное*** *переименование файлов,* ***пакетный*** *выключатель,* ***пакетная*** *передача данных,* ***пакетные*** *услуги,* ***пакетные*** *назначения*.

Неразрывная связь номинативной деятельности с познавательной определяет действие в ней наряду с языковым фактором номинативного потенциала исходного слова в НП, фактора когнитивного в виде разви-

тия когнитивного пространства в процессах концептуализации и категоризации. Эволюцию когниций эксплицируют объединения НП на основе общей категории, имеющей языковое выражение. Такие объединения НП в соответствии с их основаниями называются когнитивно-номинативными (КНП) Например, категория ***время*** (вышестоящий уровень таксономической когнитивной классификации) состоит из группы генерализованных концептов *время, периоды времени, времена года, исчисление времени, возрастные состояния, разные годовщины, эпохи в жизни Земли* (базовый уровень), каждый из которых в свою очередь представлен объективированными с ориентацией на субъект концептами (нижестоящий уровень), имена которых выступают как исходные слова НП. Когнитивная часть КНП построена на материалах словаря [4]. Третий уровень объективированных концептов предоставляет 54 исходных слова [1: 453-454], которые ведут себя неравнозначно. Так, один из генерализованных концептов ***время*** развивается через НП с исходными словами *время, давность, длительность, продолжительность, протяженность*. Полная парадигма создается на основе непроизводного исходного слова ***время.*** Остальные слова являются производными существительными с нулевым словообразовательным потенциалом. Поэтому в их НП отсутствует словообразовательная зона и они относятся к неполным. НП с исходным словом ***давность*** имеет две зоны на первой ступени: лексическую из значений исходного слова и фразеологическую (*срок давности*). Данная НП распространяется другой неполной НП с исходным фразеологизмом, которая занимает вторую ступень и включает синтаксическую зону, результат предикативного синтагмирования, и текстовую зону: 1) *Знать, отсутствует у памяти* ***срок давности***! 2) *Умные мысли всегда в цене. Они не имеют ни* ***срока давности****, ни срока пригодности*.

НП с исходным словом ***продолжительность*** состоит из лексической, фразеологической, синтаксической зон. Лексическую зону образует

полисемия исходного слова, фразеологическую представляет НЕ *продолжительность жизни*, в синтаксическую зону входят предложения: 1) *Война любит победу и не любит* ***продолжительности*** (Сунь-Цзы); 2) ***Продолжительность*** *фильма определяется выносливостью мочевого пузыря обычного зрителя* (С. Голдвин); 3) *Не сила, а* ***продолжительность*** *высших ощущений создает высших людей* (Ф. Ницше).

НП с исходным словом ***протяженность*** имеет лексическую, синтаксическую и текстовую зоны. Синтаксическая зона делится на части из НЕ-словосочетаний и НЕ-предложений, произведенных непредикативным и предикативным синтагмированием. НЕ-словосочетаниям присущ синкретизм, так как в их создании участвует одновременно семантическая деривация, интегрирующая значения времени и пространства. См. НЕ ***протяженность пространств*** в тексте: *Когда я думаю о кратком сроке своей жизни, поглощаемом вечностью до и после нее – memoria hospitis diei praetereuntis, - о крошечном пространстве, которое я занимаю, и даже о том, которое вижу перед собой, затерянном в бесконечной* ***протяженности пространств****, мне неведомых и не ведающих обо мне, я чувствую страх и удивление, отчего я здесь, а не там, ведь нет причины, почему мне оказаться здесь, а не там, почему скорее сейчас, чем тогда* (Б. Паскаль.).

Синтаксическую и текстовую зоны занимают афоризмы: 1) ***Протяжённость*** *человеческой жизни рассчитана таким образом, чтобы люди не успевали сделать серьёзных выводов из происходящего* (В. Пелевин); 2) ***Протяженность*** *минут многолика: она меняется в зависимости от нашего душевного состояния. Если мы с нетерпением чего-то ждем, минуты невыносимо тягучи, а если мы боимся опоздать и торопимся, они тают мгновенно, как снежинки, падающие на теплую руку* (А. Алексин.)

Неполная НП с исходным словом *длительность* имеет синтаксическую и текстовую зоны: 1) *Минуты* ***длительны*** (пример приводится с

учетом синтаксической деривации – Л.Ж.)*, а годы быстротечны* (А. Амьель); 2) *Течение времени – это реальные природные и социальные процессы, действительно поддающиеся изменению. Так, вполне возможно увеличить скорость механического перемещения или производительность труда. В названных и аналогичных случаях изменяются временные пропорции, соотношения, в которых находятся реальные временные* ***длительности*** *реальных вещей и явлений* (Д. Браун).

Таким образом, НП моделируют номинативный потенциал исходных слов и участвуют в организации номинативной системы, которая несет следы производства своих элементарных единиц – НЕ в виде ономасиологических структур номинативных значений. В рассмотренном ракурсе номинативная система демонстрирует реляционную непрерывность временного плана языка, представленность диахронии в синхронии, с одной стороны, и трансформацию синтагматики номинативного синтеза в парадигматику НЕ – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаналина Л.К. Интегративное словообразование. Монография. Алматы: КазНПУ, Ұлағат, 2011. 492 с.

2. Жаналина Л.К. Номинативная парадигма // Вестник. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Серия филологическая. № 6 (78), 2004. С. 86-87.

3. Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения. Алматы: АГУ, 1993. 180 с.

4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений // Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. М., 1998. Т. 2. М., 2000. URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672

ЙОНАШ Эржебет Ч. (*Ньиредьхаза, Венгрия*)

профессор-эмеритус
Ньиредьхазский университет
csjonase@gmail.com

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ И ДИАХРОНИЯ В ВЕНГЕРСКИХ ПЕРЕВОДАХ ДРАМ ЧЕХОВА

Аннотация. В начале 21-го века в венгерских театрах поставили на сцене ряд чеховских драм в новых переводах (*Вишнёвый сад, Дядя Ваня, Иванов*). Эти переводы можно рассматривить в их диахронии. Основная разница между «переводами-классиками» 20-го века и новыми наших дней характеризуется тем, что по сопоста-

вительной стилистике новые переводы не уважают в такой мере язык и стиль оригинала, как предыдущие.

Дискурс, интертекстуальность, интердискурсивность в переводе

Этап функционального описания текстов, т.е. коммуникативно-прагматический этап постепенно уступает место когнитивно-ориентированному анализу, поставившему в центр внимания процессы производства и восприятия текста, который рассматривается как результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранению человеческого знания [3: 412-413]. Видно, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей [4: 8].

Дискурс – язык, используемый в речи или на письме, – как форма «социальной практики», «диалектической зависимости»: с одной стороны, дискурс конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами [16: 266]. Дискурсолог И.С. Шевченко рассматривает проблемы дискурса, дискурсивных категорий, интердискурсивности в когнитивно-коммуникативном ракурсе. Предлагает объяснение интердискурсивности как интегральной гиперкатегории в восприятии текста [6: 189]. По определению Н.Д. Арутюновой? «Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [1: 137].

Интердискурсивность представляется как гиперкатегория, которая характеризует взаимодействие между различными дискурсами, т.е. пересечение, интеграцию различных областей знания и практики. В современной науке текст в большинстве случаев рассматривается как частный аспект более широкого явления – дискурса и исследуется дис-

циплиной, именуемой дискурсивным анализом. Дискурс представляет собой более сложное понятие, чем текст, а сама дисциплина, лингвистика текста, является одним из аспектов теории дискурса. Таким образом, если под дискурсом понимать совокупность речемыслительных действий коммуникантов, логичным будет описание текста как промежуточной стадии дискурса. Текст в данном случае – явление статическое, дискурс же – динамический процесс [2: 7].

Явление интердискурсивности может соотноситься с интертекстуальностью, поскольку дискурсы каким-то образом связаны между собой: они находятся в постоянном взаиморазграничении, но также и взаимообмене, и взаимодействии. Для адекватного декодирования немаркированных фрагментов текстов необходима фоновая информация, так называемая «интертекстуальная память» [4: 155].

Термин «интертекстуальность» появился в 60-70-х годах 20-го века, термин же «интердискурсивность» можно назвать новым термином 21-го века. Интердискурс — понятие анализа дискурса для обозначения в широком смысле слова — внешних вневербальных процессов, которые выступают в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов. Важно добавить понятие аллюзии. Аллюзия, наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам. Художественный перевод тесно связывается с этими понятиями, определяющими процесс и результат работы переводчика.

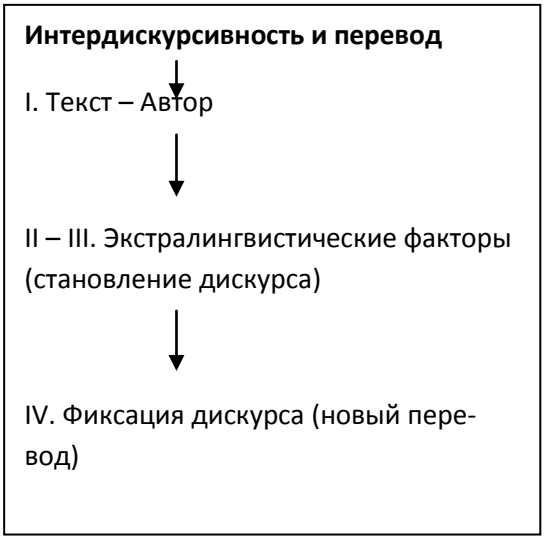
Понимание прочитанного – это первый этап в процессе художественного перевода текста, оно влияет на выбор языковых единиц, конструкций, синонимов. В процессе динамического формирования значений переводчик выступает как посредник и соавтор. Исходя из иноязычного текста он следует разным стратегиям.

Процесс требования каждого нового перевода художественного произведения можно представить по следующим этапам:

I этап: Автор продуцирует текст своего произведения, при этом он опирается на уже созданные тексты (текст1, текст2 и т.д.) как свои, так и тексты других авторов.

II и III этап: Этап превращения письменного текста в продукт речи в театре, сопровождаемый как влиянием экстралингвистических факторов, так и адресата (слушателей, зрителей, нового переводчика). Это этап становления дискурса.

IV этап: Фиксация дискурса в письменном виде нового перевода, то есть обратное превращение его в текст (новый переводчик записав новый вариант текста оригинала тем самым прекращает дискурс):



Переводы драм А.П. Чехова в Венгрии XX-XXI веков

Оценивая венгерские переводы драм Чехова, мы должны учитывать стилистический вкус восприятия в каждом периоде, в связи с появлением нового перевода в Венгрии: «ВЫШНЁВЫЙ САД» (1903-1904) Последний перевод: Янош Эльберт (1973), новый перевод: Юлианна Унгар (2013), (Театр им. «Еркень», Будапешт, 2013); «ДЯДЯ ВАНЯ» (1897) Последний перевод: Имре Макаи (1973), новый перевод: Корнел Хамваи

(2015), (Театр им. Шандор Вёрёш, г. Сомбатхей, 2015); «ИВАНОВ» (1887-1889) Последний перевод: Янош Эльберт (2001), новый перевод: Дёрдь Шпиро (1990), (Театр им. Шандор Вёрёш, г. Сомбатхей, 2017)

Новый перевод и новые значения пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в 2013 г.

Новые венгерские переводы *«Вишнёвого сада»* (1903–1904) в 90-х годах связаны с именами Яноша *Эльберта* и Дьердя *Шпиро*. В 2013-ом году Юлия *Унгар* (Ungár Julia), помогая режиссёру Шандору Жотеру, опять взялась за перевод последней драмы А.П. Чехова, вернувшись к оригинальному заглавию *«Вишнёвый сад»,* то есть *„Meggyeskert”* (До неё заглавие на венгерском было *«Черешневый сад»,* то есть *”Cseresznyéskert”*).

Сопоставление известного монолога Трофимова у Эльберта и Унгара показывает изменение с точки зрения значений. Эльберт более оптимистичен, он думает не только о «великой и прекрасной» земле России, но и о земном шаре. Он пишет об отсталости на двести лет (как Чехов). Унгар говорит о красоте земли России. Она актуализирует отсталость России на двести лет и говорит *о двадцатых годах (20-го века)* Венгрии, когда страна после договора в Трианоне останавилась в развитии:

А.П. Чехов	Перевод Эльберта	Перевод Унгара
ТРОФИМОВ. ***Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна***, есть на ней много чудесных мест. (Пауза). (...) ***Мы отстали по крайней мере лет на двести***, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сна-	TROFIMOV ***Egész Oroszország a mi kertünk. Nagy a világ, gyönyörű***, akad sok-sok csodálatos hely. (szünet) (...) ***Mi el vagyunk maradva, legalább kétszáz esztendővel***, nincs itt még semmi, a saját múltunkat se tudjuk megítélni, csak filozofálunk, panaszkodunk az unalomra, vagy vodkát iszunk. Pedig a napnál is világosabb, hogy ahhoz, hogy el tudjuk kezdeni igazán	TROFIMOV ***Egész Oroszország a mi kertünk. Hatalmas, gyönyörű föld,*** sok csodálatos hely van rajta. (Szünet) (...) ***Leragadtunk, legföljebb a húszas éveknél,*** nálunk még nincs semmi, nincs határozott viszonyunk a múlthoz, mi csak filozofálunk, panaszkodunk az unalomra vagy vodkát iszunk. Hiszen így világos, ahhoz hogy elkezdjünk élni a jelenben, előbb le kell vezekelnünk a

чала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня!	élni a jelenben, előbb meg kell váltanunk a múltunkat, le kell számolnunk vele, és ez csakis szenvedés árán, és megfeszített, folyamatos munkával lehetséges. Ezt értse meg, Ánya!	múltunkat, leszámolni vele, de levezekelnünk csak nélkülözéssel, csak kitartó, állandó munkával lehet. Értse meg ezt, Ánya!

«Дядя Ваня» в новой постановке и переводе в 2015 г.

Новая постановка *«Дяди Вани»* была в 2015-ом году в городе Сомбатхей. Режисёр Аттила Рети (Réthy Attila). За новый перевод взялся Корнел *Хамваи* (Hamvai Kornél). Общедоступный перевод до него – работа Имре *Макаи* (Makai Imre) в 1973-ем году.

Из-за актуализации Хамваи изменил заглавие. Вместо «Дяди Вани» у него будет более разговорный, фамильярный, даже унизительный в венгерском языке «*Дядь Ваня*» („*Ványa bá”*). Это даёт унизительный, недооценочный оттенок оценки героя. Обращения по имени и отчеству заменены просто именами, местами же они совсем отсутствуют. Чувствуется в репликах снисходительность, а местами неуважение к характеру человека, оформленного «Дядей Ваней». Современное мышление не уважает морализующих, слишком честных героев:

А.П. Чехов	Перевод Имре Макаи	Перевод Корнела Хамваи
АСТРОВ (Соне). ***Софья Александровна*,** ваш дядя утащил из моей аптеки баночку с морфием и не отдает. Скажите ему, что это... не умно, наконец. Да и некогда мне. Мне пора ехать. СОНЯ. ***Дядя Ваня***, ты взял морфий? (Пауза.) АСТРОВ. Он взял. Я в этом уверен. СОНЯ. Отдай. Зачем ты нас пугаешь? (Нежно.) Отдай,	ASZTROV (Szonyának) ***Szofja Alekszandrovna***! A nagybátyja kilopott a táskámból egy ampulla morfiumot, és nem adja vissza. Mondja meg neki, hogy ez... végtére is butaság. Meg aztán nem is érek rá. Mennem kell. SZONYA ***Ványa bácsi***, elvetted a morfiumot? (Szünet) ASZTROV Elvette. Ebben biztos vagyok. SZONYA Add vissza! Minek rémítgetsz bennünket? (Gyengéden) Add vissza, ***Ványa***	ASZTROV (Szonyának) A nagybátyja ellopott tőlem egy tégely morfiumot a táskából, és nem akarja visszaadni. Szóljon neki, kérem, hogy mégis… nem egy okos dolog ez. Azonkívül nem érek rá. Nem kéne már itt lennem. SZONYA ***Ványa bá***, elloptad a morfiumot? (Szünet.) ASZTROV El. Én tudom, hogy el. SZONYA Akkor add vissza. Miért akarsz így me-

дядя Ваня! (...) Дорогой, славный ***дядя*,** милый, отдай! (Плачет.*)* Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь. Терпи, ***дядя***! Терпи!	***bácsi****!* (...) Édes, drága ***bácsikám****,* add vissza! (Sír) Te olyan jó vagy, megsajnálsz bennünket és visszaadod. Tűrj, *bácsikám*! Tűrjél!	gijeszteni minket? (gyengéden) ***Ványa bá,*** add vissza. (...) ***Ványa bá,*** drága édes ***Ványa bá,*** add vissza… (sír) Te olyan jó ember vagy, úgyis megsajnálsz minket, ugye, visszaadod? Kibírod, biztos, hogy kibírod!

«Иванов» на венгерской сцене в переводе Дёрдя Шпиро в 2017 г.

Конец 20-го столетия и начало 21-го доводит индивидуум до психического одиночества, до потери идентичности. Эти годы возбуждали поиски индивидуальных средств «прицепления» в разных видах искусства – в популярной музыке, кинематографии, архитектуре, а также и в литературе. Метафорой, взятой из языкознания, можно характеризовать произведения этой эпохи так: *«грамматика потери почвы».* Именно так можно понимать после переводческих, языковые решения Яноша Эльберта (Elbert János) 1973 года интерпретацию Дёрдя *Шпиро* (Spiró György) в 1990 (ср.: Ч. Йонаш 1997).

В 2017-ом году опять поставили на сцене *Иванова* (1887-1889) Чехова в новой интерпретации. Режисёр Сомбатхея Андор Лукач (Lukáts Andor) работал по новому переводу Дёрдя *Шпиро*. Текст Шпиро отличается не только минимализацией объёма. В диалоге Боркина и Иванова заметно изменяется стиль перевода. Иванов носитель характера современного человека, который потерял оптимизм, свою веру в будущее. Ищет причины, но ничего не понимает, что случилось в его жизни. Минимализацию текста типично показывает диалог Боркина и Иванова:

А.П. Чехов	Перевод Эльберта	Перевод Шпиро
БОРКИН: *(Берет его руку и прикладывает к груди)* Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту. Это значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу ***скоро-***	BORKIN: *(Megfogja Ivanov kezét, és szívéhez vonja.)* Hallja? Ta-ta-ta-ta-ta-ta-ta. Ez csak egyet jelenthet: itt a szívbaj. Bármelyik pillanatban ***szörnyű váratlansággal elrabolhat a***	BORKIN: *(megfogja a kezét és mellére helyezi)* Érzi? Tu-tu-tu-tu-tu-tu. Ez szívbaj. Bármelyik pillanatban ***váratlanul meghalhatok***. Mondja,

постижно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру? ИВАНОВ: Я читаю … после … (…) БОРКИН: В Плесниках я ***встретил*** следователя, и мы, признаться с ним ***рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно.*** Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?	***halál***. Mondja csak, legalább szomorú lenne, ha elragadna a halál? IVANOV: Olvasok ... Majd ... aztán ...(...) BORKIN: Plesznyikiben ***összefutottam*** a vizsgálóbíróval, és ami igaz, az igaz, ***megittunk vagy nyolc pohárkával***, fejenként. Pedig ***tulajdonképpen*** és ***alapjában*** az ***ivásnak kizárólag káros kihatása van***. Figyeljen már, na ugye, hogy káros?! Na? Káros?	sajnálni fog, ha meghalok? IVANOV: Most olvasok ... majd később ...(...) BORKIN: Plesznyikiben ***összeakadtam*** a vizsgálóbíróval és ***vagy nyolc vodkát bedobtunk***. Alapjában az ivás ***rendkívül ártalmas***. Mondja, hát nem ártalmas? Mi? Ártalmas?

Выводы

Мы рассмотрели разные варианты интерпретации чеховского стиля. Они оказываются в оппозициях, представляя собой стилистические крайности, как *„хороший тон”* и *уличный жаргон*, *сверхвежливый стиль* и *разговорность*. Эти стилистические решения выражают отношение переводчика, как он воспринимает идейно-содержательные элементы чеховского текста. Стилистический анализ текстов перевода можно считать важным, ведь эффективность художественного произведения определяется не столько критикой, сколько живым, активным контактом произведения с читателем. Экстралингвистические факторы, общественные и социо-культурные процессы изменяют восприятие текста читателем-переводчиком. Он чувствует при этом реакции публики и может актуализировать текст оригинала. Так оформляется процесс интердискурсивности в каждом новом хужожественном переводе. В этом процессе огромную роль играет интерпретирующая деятельность переводчика. Он может заставить читателя любить или не любить данного героя писателя. Через перевод может актуализировать проблемы героя, может приближать сюжет к настоящей жизни зрителей. В этом заслуга новых, хотя и не всегда небесспорных переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
2. Гордиевский А.А. *Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте* (Автореферат диссертации) Тюмень: ТГУ, 2006. http://www.tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/10.02.20/505.pdf (2017-04-05).
3. Николаева Т.М. *От звука к тексту*. М.осква: «Языки русской культуры», 2000.
4. Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность.* Учебное пособие. М.: «Либроком» 2009.
5. Чехов А.П. *Избранные произведения в трех томах.* Том 3. М.: Художественная литература, 1967.
6. Шевченко И.С. *Этюды об интердискурсивности* http://rgnotes.onu.edu.ua/article/viewFile/51918/47819 (2017-03-29)
7. Csehov A.P. *Cseresznyéskert* (Перевод: Elbert János). In: *Csehov drámák és elbeszélések.* Budapest: Fekete Sas Kiadó, 2001. 265–312.
8. Csehov A. P. *Ivanov* (Перевод: Spiró György), Театр Шандора Вёрёша, Сомбатхей (рукопись)
9. Csehov A.P. Meggyeskert (Перевод: Ungár Júlia). In: *Csehov-újraírások.* (Szerk. Regéczi Ildikó). Debrecen: Didakt Kiadó, 2016:194–237.
10. Csehov A.P. *Ványa bá'* (Перевод: Hamvai Kornél) Театр Шандора Вёрёша, Сомбатхей (рукопись)
11. Csehov A.P. Ványa bácsi (Перевод: Makai Imre) In: Csehov. *Sirály. Színművek 1887–1904.* Budapest: Magyar Helikon: 405–476.
12. Cs. Jónás Erzsébet: A magyar széppróza és dráma újabb szövegszerkezeti sajátosságai a fordíthatóság tükrében. In: *Könyv Dezső Lászlónak.* Nyíregyháza: Bessenyei Könyvkiadó: 37-47.
13. Kovács Árpád – Nagy István (Szerk.) *A szótól a szövegig és tovább…* Budapest: Argumentum Kiadó
14. Rácz I. Péter: Szemiotikai intertextualitás. (Lotman posztstrukturalizmusának kérdéseihez In: Kovács–Nagy 1999: 115-130.
15. Tolcsvai-Nagy Gábor: *"Nem találunk szavakat".* Pozsony: Kalligram
16. Wodak R. *Disorders of Discourse.* London: Longman, 1996.

КОЛЕСНИКОВА Светлана Михайловна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
asya28@list.ru

ПОНЯТИЕ *ВРЕМЯ* И ЕГО СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья написана в период работы над грантом (Соглашение 03.Z72 21.0024 от 2 августа 2017 между Министерством образования и науки РФ и ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»)

Аннотация: Статья посвящена описанию понятия "***время"*** и выявлению его смыслообразующих начал ("форма", "продолжительность", "длительность", "промежуток", "величина", "момент", "период", "эпоха", "пора", "срок", "досуг", "категория"). Установлено, что время – это **фундаментальная физическая, философская и лингвистическая категория,** связанная с **изменениями** состояния вселенной, дли-

тельностью**; момент, точка** на оси времени; **эпоха, отрезок** на оси времени**.** Понятие «**время»** представляет собой концепт, отражающий комплекс **форм** и **сущностных характеристик** реалий и явлений действительности.

Истинный смысл "**времени"** осознается только со **временем**. Вся жизнь человека ***измеряется*** **временем**, и чтобы полнее и глубже разобраться в "реке времени", обратимся к анализу смыслообразующих начал данного понятия.

Время – это **фундаментальная физическая** и **философская категория,** связанная с **изменениями** состояния вселенной, длительностью**; момент, точка** на оси времени; **эпоха, отрезок** на оси времени; **грамматическая категория (*отношение*** момента действия к моменту речи **–** *настоящее, прошедшее, будущее время*)**.** Ср.: ***время*** – имя существительное, неодушевлённое, среднего рода; корень: ***-врем-***; окончание: ***-я*** (ср., [4: 127]; произношение: ед. ч. – [ˈvrʲemʲə]. Этимология: происходит от праслав. vermę̑ (vert-men-Ø), от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. веремя, ст.-слав. врѣмѧ (др.-греч. καιρός, χρόνος), русск. **время** (заимств. из церк.-слав. вместо *веремя), укр. ве́реме «вёдро, погода», белор. ве́реме, болг. вре́ме, сербохорв. врijѐме, словенск. vréme. Родственно др.-инд. vártma ср. р. «колея, рытвина, дорога, желоб», сюда же верте́ть. Для обоснования данной этимологии приводится лат. annus vertens, mensis vertens, anniversārius [Фасмер, 1996]. **Парадигма**: *вре́мя (ед.ч.), вре́мени, вре́менем, вре́мени; времена́ (мн.ч.), времён, времена́м, времена́ми, времена́х.* **Синонимы**: *сущ.* – 1. ***Пора, период***, *отрезок времени, в течение которого происходят какие-либо процессы, события;* 2. ***Пора, час, часы***, *отрезок времени, предназначенный для определенной деятельности;* 3. ***Пора, час, минута, момент, миг,*** *момент совершения действия;* 4***. Пора, эпоха, период, времена, век***, *исторический отрезок времени. Доп.см. : Пора, эпоха, период, срок, промежуток времени, сезон, век; эра, дата..; Горячее время, страдная пора. Эпоха великих реформ. Тяжкая была година*;

Время идет, бежит, летит, плывет, проходит, не ждет. Время промчалось быстро; В надлежащее время, в настоящее время, в непродолжительном времени, во время, во время оно, во время пребывания, во всякое время, волочить время, в свое время, в скором времени, в то время, в то же время, горячее время, дай время, до времени, до поры до времени, до сего времени, дотягивать время, дохаживать свое последнее время, на первое время, от времени до времени, по временам, по сие время, проводить время, с давних времен, с незапамятных времен, со временем, тем временем, тянуть время, убивать время, улучить время, урвать время; благовремение, времена, времечко, год, година, детеншен, длительность, дожитие, досуг, контрсталия, крон, лейдейс, минута, момент, окно, период, перфект, пора, прайм-тайм, продолжительность, сеанс, сезон, срок, старина, уран, час, эпоха.

В чем таинство понятия ***время***? Обратимся к лексикографической практике (выделения в тексте наши – *С.К.*): ***время***, см.: 1. только *ед*. – "Длительность бытия (филос.)": **пространство и время** – основные **формы** бытия; эта форма бытия измеряется *секундами, минутами, днями, годами*, как ***мера*** длительности всего совершающегося. – "*Солнечное время. Среднее суточное время*; доп.: **последовательная смена** *часов, дней, лет, столетий* и т.п.; **определенный отрезок** этой последовательности, в течение которого что-нибудь совершается или что-нибудь может быть совершено. – "*Время идет быстро. Время – деньги;* пословица *С тех пор прошло много времени*. На уровне **синтагматики**: *Долгое время. Продолжительное время. Короткое время. Денег хватит только на первое время. В последнее время он чувствует себя лучше. В настоящее время* (= "теперь"). *Потерянное время. Мне время дорого. Не теряйте времени даром. Свободное время. Во время войны, болезни, заседания* и т. п. *Провести время. убить время*. *Выиграть время. На некоторое время*. 2. только ед. – "Определенный, известный **момент**" – *Время заседания не назначено*. *Любое*

время. 3. (мн. ч. может употр. и в знач. ед.). – "**Эпоха, период**" – *Во все времена*. *Четыре времени года. Времена года – весна, лето, осень, зима. Наше время или наши времена*... *Тяжелое время или тяжелые времена. С незапамятного времени или с незапамятных времен. Во время оно или во времена оны* (см., *оный*). 4. только ед. – "**Пора** дня, года" – *Вечернее время. Зимнее время. Дождливое время*. 5. только ед. – "Более или менее длительная **совокупность дней, часов**" (разг.). – *Делу время, потехе час. На это нужно время*. 6. только ед. – "Благоприятная **пора**, подходящий **момент**, удобный **случай**" – *Мне время тлеть, тебе цвести* (А. Пушкин); *Всему свое время. Время жениться. Теперь наше время. Теперь не время. Теперь самое время...* 7. только ед. – "**Досуг**, свободное время" – *У меня нет времени (нет время временами, иногда. С течением времени – постепенно. Со временем – в будущем, когда настанет пора, когда наступит время. До сего времени (книжн. устар.) – до сих пор. Все время (разг.) – постоянно, беспрестанно, не переставая*. *Я всё время занят. Он всё время курит*. *Тем временем* (одновременно с этим, в то же самое время); *Сколько времени? – Который час*. *До времени* (устар.) или *До поры до времени* – "Пока, до известного **момента**, случая"; *В своё время* – "Когда-то, в прошлом, в известный **период** (своей жизни); когда необходимо будет, своевременно"; *Время покажет* – "Будет видно в будущем"; *Время не ждет* – "Надо торопиться"; *Время терпит* – "Есть возможность ждать одно время" (разг.) / "В течение некоторого времени"; *В одно прекрасное время* (разг.) – "Однажды"; *В то время, как* (разг.) – употр. для противоположения = "То же, что тогда как"; *В то же время* – "Одновременно, вместе с тем"; *На время* – "На **срок**, на некоторое время" [Ушаков, 1996, С.895].

Семантическая структура слова объединяет следующие смыслообразующие начала понятия ***время***: **"форма", "продолжительность", "длительность", "промежуток", "величина", "момент", "период",**

"эпоха", "пора", "**срок**", "**досуг**", "**категория**". Семантические значения *времени* включают *неисчисляемые* и *исчисляемые* понятия; *философскую*, *физическую* и *лингвистическую* категории. См.: **1.** *неисч***.** фундаментальная физическая и философская **категория**, связанная с изменениями состояния вселенной, длительностью, последовательностью различных конфигураций пространства; 2. *физ*. непрерывная фундаментальная **величина**, при измерении которой используется периодическая **последовательность** событий, признаваемая **эталоном промежутка времени**; 3. *неисч*. конкретный **момент**, отдельная уникальная конфигурация вселенной, точка на оси времени в значении; 4. *исч*. **промежуток** между двумя состояниями вселенной, отрезок на оси времени в значении; 5. Определенная **пора** дня, года и т.п., характеризуемая чем-либо, или в которую что-либо происходит . – *Было уже за полдень, ото всех пристаней пароходы давно отвалили, наступило обеденное* ***время*** *рабочих, и они разбрелись по береговым харчевням; набережная совсем почти опустела* (П.И. Мельников-Печерский); *Наступало дождливое* ***время****, вечера темнели, да благодаря постоянно покрытому тучами небу улицы с утра уже наполнялись сумерками* (М.Е. Салтыков-Щедрин); 6. исторический период в развитии человечества; определенная эпоха или отдельный этап в жизни народа, государства, общества. – *Ты жадно слушаешь и песни старины // И рыцарских* ***времен*** *волшебные преданья* (М.Ю. Лермонтов) [примеры из Национального корпуса русского языка]; 7. благоприятный подходящий **момент.** – *Шутить не* ***время****. Дай ответ, // Когда не хочешь пытки новой* (А.С. Пушкин); 8. не занятые основной работой, делами часы, дни; **досуг, отдых** – *Ничего, мой почтеннейший, ничего; у меня есть* ***время*** *для муз и есть для добрых приятелей* (А.И. Герцен); 9. *исч., лингв.* грамматическая **категория глагола** (в некоторых языках – имени существительного), определяющая *временну́ю* соотнесённость речевого акта с описываемым действием или предметом.

Ср., смыслообразующие начала понятия ***время*** по Словарю русского языка С.И. Ожегова [2: 93]: ***время*** – **1.** Одна из **форм** (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи последовательная смена её явлений и состояний. – *Вне времени и пространства нет движения материи;* **2. Продолжительность**, длительность чего-нибудь, измеряемая *секундами, минутами, часами*. – *Сколько времени* (= "который час?"). **3. Промежуток** той или иной длительности, в который совершается что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет. – *Отрезок времени. Хорошо провести время. Время не ждёт* (= "надо торопиться"). *Время терпит* (= "еще можно ждать"). *Время покажет* (= "будет видно в будущем"). *Время работает на нас. Продолжительное время. На короткое время. Выиграть время.* **4.** Определённый **момент**, в который происходит что-нибудь. - *Назначить время заседания. Время обеда. В любое время дня.* **5.** (мн. ч. в одном знач. с ед. ч.). **Период, эпоха**. – *Во времена Петра I. Суровое ~ (суровые времена). С незапамятного времени (с незапамятных времён). Во все времена* (= "всегда"). *На все времена* (= "навсегда"). **6. Пора** дня, года. – *Вечернее время. Время детское* (взрослым ещё рано ложиться спать; *разг.*). *Дождливое время. Времена года* (зима, весна, лето, осень). **7.** в знач. сказ., с неопред. Подходящий, удобный **срок**, благоприятный момент. – *Не время сидеть сложа руки. Самое время обедать.***8. Период** или **момент**, не занятый чем-нибудь, свободный от чего-нибудь. – *Свободное время. Есть время поговорить. Нет времени для прогулок.* **9.** В грамматике: категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего. *Настоящее, прошедшее, будущее в. Причастие настоящего, прошедшего времени.* **10. времён** *кого (чего)*, в знач. ***предлога*** с род. п. – "**В период**, во время существования кого-чего-нибудь (о ком-чём-нибудь бывшем в отдалённом прошлом". – *Писатели времён классицизма. Оружие времён гражданской войны.* Дополнительно: **Во время** –

чего, предлог с род. п. – " в то время, когда что-н. происходит". – *Шум во время лекции;* **(В) первое время** – "в начальный период чего-н., вначале". – *В первое время на работе уставал;* **(В) последнее время** – **"**незадолго до настоящего момента и сейчас". – *В последнее время получаю много писем;* **Время от времени =** "иногда"; **Всё время** – **"**не переставая, постоянно"; **Всему своё время** – **"**всё должно делаться вовремя, своевременно"; **В своё время:** 1) "когда-то, в прошлом". – *В своё время хорошо играл в футбол;* 2) "когда нужно, своевременно". – *В своё время всё узнаешь;* **В скором времени** – "скоро, в ближайшем будущем"; **В то время как (когда)**, *союз*: 1) присоединяет предложение со значением одновременности. – *В то время как она отдыхала, он приготовил обед;* 2) то же, что *тогда как* (в 1 знач.). – *Бездельничает, в то время как завтра экзамен;* **(И, а, но) в то же время**, *союз* (*и, а, но*) – "одновременно, наряду с этим". – *Осторожен, (и, а, но) в то же время расчётлив;* **До времени** или **до поры до времени** пока – "до какого-н. момента"; **До сего времени** – "до сих пор, до этого времени, момента"; **Ко времени** (*разг.*) – "к сроку, вовремя". – *Этот разговор не ко времени* (несвоевременен); **На время** – **"**на какой-н. срок, ненадолго"; **На первое время** – "на ближайшее будущее"; **Одно время** – **"**в течение некоторого времени в прошлом". – *Одно время не ладилось с учёбой;* **По временам** – "иногда". – *По временам скучает;* **Раньше времени** – "преждевременно"; **Со временем** – "по прошествии некоторого времени". – *Со временем остепенится;* **Тем временем** – "одновременно с этим, именно в это же время"; уменьш. ***времечко***, -а, ср. (к 3, 4, 6, 7 и 8 знач.); им. прил. ***временной***, -ая, -ое (к 1, 2 и 9 знач.).

В Толковом словообразовательном словаре русского языка И.А. Ширшова представлен следующий лексико-семантический портрет слова ***время*** и его производных [7: 190]: 1. "**Длительность** существования всего происходящего, измеряемая *веками, годами, часами* и т.п." (*Время идет*); 2. "**Отрезок** в последовательной смене часов, лет и т.п."

(*Провести время*); 3. "Определенный **момент**" (*Засечь время*); 4. "**Период, эпоха**" (*Военное время*); 5. *философ*. "**Форма** существования материи, проявляющаяся в смене ее состояний" (*Пространство и время*); 6. В грамматике: "**форма** глагола, выражающая отношение действия к моменту речи" (*Настоящее*, *прошедшее, будущее время*). **Производные**: ***безвременность*** (свойство от им. прил. *безвременный*); ***безвременный*** – "произошедший ранее положенного времени (в 1 знач.)"; ***безвременье*** (*устар*.) – "Тяжелое время; время общественного, культурного застоя"; ***вовремя*** (нареч.) – "в назначенное время (в 3 знач.)"; ***временами*** (*нареч. разг*.) – "не все время (в 1 знач.)"; ***временить*** – "тянуть время; медлить"; временной – "определяемый временем (в 5 и 6 знач.)"; ***временный*** – "действующий в течение некоторого времени (во 2 знач.)"; ***времечко*** – ласк. к *время* во 2 знач.; ***времяисчисление*** – "система исчисления больших промежутков времени (в 1 знач.)"; ***времянка*** – 1. "строение, функционирующее в течение некоторого времени (во 2 знач.)"; 2. "железная печка, используемая в течение некоторого времени (во 2 знач.)"; ***времяпрепровождение*** – "препровождение времени"; ***осовременивать*** – нес. к *осовременить*; ***осовременить*** – "сделать соответствующим современному (в 3 знач.) уровню, духу"; ***повременность*** – "свойство по прил. *повременный* (в 1 знач.)"; ***повременный*** – 1. "Исчисляемый или оплачиваемый из расчета затраченного на труд времени (в 1 знач.)"; 2. Выходящий в установленные отрезки времени (во 2 знач.)"; ***преждевременно*** (нареч.) – "признак по прил. *преждевременный*"; ***преждевременность*** – "свойство по прил. *преждевременный*"; ***преждевременный*** – "наступающий прежде времени, раньше нужного времени"; ***современник*** – "Человек, который живет в одно время с кем-либо"; ***современница*** – "женщина, которая живет в одно время с кем-либо", женск. к современник; ***современность*** – "Свойство по прил. *современный*"; ***современный*** – 1. "Относящийся к текущему вре-

мени (в 1 знач.)"; 2. "Относящийся к одному времени (в 4 знач.), к одной эпохе"; 3. "Стоящий на уровне своего века; не отсталый".

Смыслообразующие начала понятия ***время*** и его расширенная концептосфера ("лексическое множество" (по Н.Ю. Шведовой)) отражены в «Русском семантическом словаре» [3: 44-65], где значения данного понятия рассматриваются в части «Бытие. Материя. Пространство. **Время**» как **форма** и **сущностная характеристика реалий и явлений действительности** в разделе «**Время**: его **ход**, **периоды**, и **моменты** течения» и совпадают с толкованиями в других словарях (см., выше) и образуют градационный ряд: **I. Время, его *основные характеристики*** - **ход, течение** времени (*время, давность, длительность, продолжительность, протяженность*); **способ, система исчисления** времени (*время (Солнечное время; Местное время)*, *время(и)счисление (григорианское время), календарь, лето(и)счисление (геологическое летоисчисление), стиль (новый стиль), эра (наша/новая эра)*); **отрезок, период, момент** времени (*время (Отрезок времени; Время года), дата, интервал, мгновение, миг, минута, момент, отрезок, период, пора, промежуток, секунда, срок*); **единица измерения** времени, **исчисление** временных отрезков (*век, год, година, десятилетие, месяц, неделя, столетие, сутки (минута, секунда, час), тысячелетие*); **II. Промежутки, отрезки времени: 1. Промежутки, отрезки времени, измеряемые *по длительности*, исчисляемые сроки**: а) **промежутки** времени**, измеряемые, исчисляемые от *любой точки отсчета*** - в **пределах века, веков, их отрезков** (*век, год, десятилетие, столетие (+ летие), олимпиада, пятилетка* и под.); в **пределах года, месяца, недели, их отрезков** (*год, декада, день, десятидневка, квартал, месяц, неделя, полгода, полмесяца, полугодие, полнедели, пятидневка, седмица, сутки, число*); в **пределах суток, часа, минуты, их отрезков** (*минута, полдня, полчаса, секунда, склянка* (на флоте (= полчаса), *час*); б) **промежутки** времени**, измеряемые, исчисляемые от какого-нибудь *со-***

бытия, даты* - общие обозначения** (*годовщина, юбилей*); **разные годовщины** (разные *-летия (двадцатилетие, семилетие, восьмидесятилетие* и т.д.)); в) **единицы** времени, **исчисляемые сроки**, характеризуемые ***по их отношению друг другу, последовательности – **месяцы** (*февраль, март, август, ноябрь* и др.); **дни недели** (сами дни недели – *воскресенье, неделя, среда/середа* (*устар.*), *четверг/четверток* (*устар.*)); **дни недели в их противопоставлении друг другу** (*вчера, завтра/завтрие (устар.); позавчера, сегодня);* ***рабочие или нерабочие дни*** *– будни, выходной, праздник, уикенд, шабаш; присутственный день*); **3. Отрезки, периоды времени, соотносимые *с каким-нибудь* состоянием, событием, деятельностью, действием**: а) **отрезки, периоды времени, соотносимые с *любым* состоянием, событием, деятельностью - с состоянием, событием, деятельностью, характеризуемыми по отношению к временному пределу, временной последовательности** (*будущее, былое (век, вечность), вчера, грядущее (давность, древность), завтра (история, канун, конец, летопись), минувшее, настоящее (начало, преддверие), прошедшее/прошлое, сегодня; середина, серёдка; старина*); **с собственно состоянием, событием, деятельностью, действием** (*век, время, год, година, день, мгновение, миг, минута, момент, период, полоса, пора, сезон, срок, страница, час, череда, эпоха, эра*); 4. **Отрезки, периоды времени, соотносимые с *определенным* состоянием, событием, деятельностью, действием**: **с *определенным* занятием, действием или их отсутствием, перерывом в них – промежутки времени, связанные с каким-нибудь занятием, применительно к какому-нибудь действию (*общие обозначения*** *(вахта, год, день, полугодие, сеанс, сезон, смена, стаж, час)***; применительно к определенной работе , учению; применительно к действию механизмов** (*жатва, кампания, косовица, курс, навигация, покос, посевная, сев, семестр, сенокос, сессия, страда, уборочная, час, четверть*; ***применительно к действию механизмов*** *– выдержка,*

такт)); **промежутки времени, характеризуемые по заполненности или незаполненности (*общие обозначения*** *(время, досуг, недосуг, цейтнот)*); **перерыв в течении какой-нибудь деятельности, в занятии: время, отводимое для принятия пищи** (*антракт, декрет, днёвка, каникулы, ночёвка, ночлег, обед, окно, остановка, отгул, отдохновение* (*устар*. = отдых), *отдых, отпуск, передышка, перекур, перемена, переменка, пересмена /пересменка* (*прост*.), *перерыв, привал, продых* (*прост*.), *простой, роздых* (*прост*.); ***время, отводимое для принятия пищи*** (*завтрак, обед, полдник, ужин*)); **5. Отрезки, периоды времени, соотносимые с состоянием природы, окружающей среды, со светом солнца и луны. Времена года. Возрастные состояния: а)промежутки времени, связанные с состоянием природы, а также со светом солнца и луны** – **части суток** (*вечер, день, ночь, полдень, полночь, рань, утро*; ***рассветное, закатное время*** (*восход, закат, заход, рассвет, свет*)); **фазы, периоды в положении светил** (*новолуние, полнолуние, равноденствие, солнцестояние*); **времена года** (*весна, лето, осень, зима*; ***периоды, связанные с состоянием природы, окружающей среды*** (*глубокоснежье, первозимье, предгрозье, предзимье, распутица, холодок, чернотроп*)); б) **возрастные состояния** (*возраст, год, десяток, детство, зрелость, лет***а,** *малолетство, младенчество, младость (стар.высок.), молодость, отрочество, ребячество, совершеннолетие, старость, юность, юношество*); в) **эпохи, периоды в жизни человечества, в истории земли – эпохи, периоды в жизни человечества** (*неолит, палеолит, протоистория;* ***характеризуемые культурологически или идеологически*** (*античность, возрождение, ренессанс, средневековье*)); **эпохи, периоды в истории земли** (*кайнозой (спец.), ледниковье (спец.), мезозой (спец.), палеозой (спец.), период, эра, юра (спец.); геологическая эпоха земли, кайнозойская эра, ледниковый период; мезозойская, палеозойская эры, юрский период*). См., употребление в языке художественной литературы и поэ-

тическом тексте: *А **время** вещь такая, которую с глупцом не стану я терять* (И. Хемницер); *Други! **время** скоротечно* (И. Дмитриев); *Которые тут **временные**? / Слазь! / Кончилось ваше **время*** (В. Маяковский); *Наше **время** – не **время** широких задач* (М. Салтыков-Щедрин); *Я сам расскажу / о **времени** и о себе* (В. Маяковский); *Вегетарианские **времена*** (Н. Мальденштам (о времени до "Большого террора" конца 1930г. см., [1: 27]); *А судьи кто? – За древностию лет / К свободной жизни их вражда непримирима, / Сужденья черпают из забытых газет / **времен** Очаковских и покоренья Крыма* (А. Грибоедов); *Пришли иные **времена**. / Взошли иные имена* (Е. Евтушенко); ... *Те **времена** златые, / Когда под скипетром великие жены / Венчалась славою счастливая Россия* (А. Пушкин); *Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну. / Ты – вечности заложник / У **времени** в плену* (Б. Пастернак) и др.

Таким образом, для более полного понимания понятия "**время**" определяются три его аспекта: **1) фундаментальная физическая, философская и лингвистическая категория; 2) момент, точка** на оси времени; **3) эпоха, отрезок** на оси времени**.**

Понятие «**время»** представляет собой концепт, отражающий комплекс **форм** и **сущностных характеристик** реалий и явлений действительности. Смыслообразующие начала анализируемого понятия позволяют рассматривать его в двух группах ("подмножествах" (Н.Ю. Шведова)): 1) **Время, его *основные характеристики***; 2) **Отрезки, периоды времени, измеряемые, исчисляемые** или **соотносимые** *с каким-нибудь/определенным* состоянием, событием, деятельностью, действием, состоянием природы, окружающей среды, светом солнца/луны.

Первая группа включает языковые единицы, исходный **смысл** которых ("время") конкретизируется по следующим признакам, ставшим смыслообразующими в концептосфере: а) **ход, течение** времени (*давность, длительность, продолжительность*); б) **способы, системы исчисления** времени (*летосчисление, календарь, стиль*); в) **виды**

сегментации и **единицы исчисления** времени (*интервал, момент, период; век, год, месяц, день, час*). Вторая группа объединяет слова, смысл "время" которых передается следующими значениями: а) **обобщенное указание** на социальные или физические **явления, соотносимые с *определенным* периодом** времени (*будущее, настоящее, прошлое (человечества); времена, годы (юности); полоса, сезон (дождей))*; а) **конкретная характеристика** явления, состояния (*сеанс, антракт, отпуск, стаж; рассвет, закат; зима, весна, лето, осень; молодость, старость; неолит, палеолит* и др.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Душенко К. Цитаты из русской литературы: Справочник: 5200 цитат от "Слова о полку..." до наших дней. М.: Эксмо, 2005. С. 27.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. С. 93.
3. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т.3. С. 44-65.
4. Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка / Тихонов А.Н. и др. / Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. С. 127.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В. 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, Т.1, 1996. С. 895-896.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. СПб., Изд-во "Азбука", Изд-во "Терра", 1996, Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 672 с., Т. 3. – 832 с., Т. 4. – 864 с.
7. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство Русские словари": ЗАО НПП "Ермак", 2004. С. 190.

ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич (*Смоленск, Р*оссия)

кандидат филологических наук, доцент

Смоленский государственный университет

aleksej-lyzlov@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «МЫШЬ» И «КРЫСА» В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (на материале английской литературы)

Аннотация. В данной статье представлены концепты «мышь» и «крыса» как элементы содержания английских фразеологических единиц в преломлении художественной литературы английского языка. Оценочный компонент концептов «мышь» и «крыса» исследуется на основании анализа ряда признаков.

Авторы художественных произведений в значительной мере создают систему умонастроений общества, именуемую картиной мира. Идеи В. фон Гумбольдта послужили основой для развития теории языковой картины мира. Она показывает отношение автора к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как средству, «заложенному в самой природе человека и необходимому для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [3: 51, 304].

Они могут черпать свои идеи, в том числе и в культурном наследии, закрепленном во фразеологизмах. Фразеологизм – это образное наименование предмета, явления, процесса, признака, действия и т.д. [1; 4; 6]. Содержание фразеологизмов охватывает все стороны природы и социума: рельеф, небесные светила, породы животных и виды растений, образ жизни, социальные группировки и религиозные установления, все природные и культурные объекты [5: 173].

Е.В. Иванова отмечает, что связные сочетания образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются языковые концептуальные образования, иными словами, они представляют собой важный участок картины мира [2: 20].

Человеческое мышление – когниция – рассматривается современными исследователями как динамический процесс, который позволяет получать, структурировать и хранить информацию в виде системы представлений – концептов. Этой точки зрения придерживаются такие известные ученые-когнитивисты, как Лэнекер, Фоконье, Ланглоц и др. [7: 96; 8: 3; 9: 58].

Высказывание, авторство которого приписывается Роберту Бернсу, говорит о возможной неудаче: **the best laid schemes of mice and men gang aft agley** [11]. Данное высказывание не без иронии говорит о том, что планы часто рушатся как у людей, так и у мышей. Примечательно, что в последнее время, согласно ряду словарей, наметилась тенденция

использовать лишь первую часть данной фразы: **the best laid schemes of mice and men** [11]**.**

Начало девятнадцатого века в английской литературе ознаменовалось литературным творчеством таких мастеров пера, как Джейн Остен и Шарлотта Бронте. Их тема – любовный роман. Их любимые персонажи – мужчины и женщины среднего класса, их быт и нравы, взгляды и ценности. Примером тому послужит отрывок из произведения Остин:

"Indeed, but you must, for we cannot excuse you. It need not frighten you: it is a nothing of apart, a mere nothing, not above half a dozen speeches altogether, and it will not much signify if nobody hears a word you say; so you may be ***as creep-mouse*** *as you like, but we must have you to look at"* [10].

Примечательно, что в рассматриваемом отрывке используется прием изменения компонентного состава единицы: **as silent as a mouse** ‘тихий, как мышь’ [11]. В данном контексте используется авторский элемент: **as a creep-mouse** [11] ‘как крадущаяся мышь’. Во-первых, исчезает прилагательное **silent**, являющееся основанием аксиологического сравнения. Во-вторых, номинативный элемент становится двусоставным, на него и переносится аксиологический потенциал высказывания.

Произведение Джека Лондона «Морской Волк» носит черты автобиографичности. В молодости будущий писатель сам ходил в море и знает о трудностях и лишениях морской жизни. «Морской Волк» срывает романтическую вуаль с тематики морских странствий. Для матроса Лондона море – это прежде всего труд и опасность.

В предложенном ниже отрывке представлен фразеологический элемент, в котором задействован концепт тематики фауны:

In the meantime Thomas Mugridge, ***like a drowned rat****, was being dragged out from under the forecastle head where he had cravenly ensconced himself. I saw him pulled aft to the cabin and noted with a shock of surprise that*

the galley had disappeared. A clean space of deck showed where it had stood [10].

Автор использует весьма нелестное сравнение **like a drowned rat** для описания струсившего человека.

В предлагаемом ниже отрывке описывается характер старого пирата – обладателя карты сокровищ. Вернувшись на родину, в Англию, после многих лет скитаний по морям, он старается вести тихую и уединенную жизнь, Он ведет себя тихо, как мышь:

He was a very silent man by custom. … When a seaman did put up at the Admiral Benbow (as now and then some did, making by the coast road for Bristol) he would look in at him through the curtained door before he entered the parlour; and he was ***always sure to be as silent as a mouse*** *when any such was present* [10].

Данный концепт использовался авторами и в двадцатом веке:

I … crept out of the house ***like a rat leaving its hiding place*** *– a creature scarcely larger, an inferior animal, a thing that for any passing whim of our masters might be hunted and killed. Perhaps they also prayed confidently to God. Surely, if we have learned nothing else, this war has taught us pity – pity for those witless souls that suffer our dominion* [10].

Один из основателей современной фантастики, Герберт Уеллс, прибегает к использованию фразеологических высказываний. Фраза, приведенная ниже: **like a rat leaving its hiding place** [11], может быть рассмотрена как аллюзия фразеологического высказывания: **die like a rat in a hole** [11].

Ситуация, в которой употребляется подобная фраза, описывает тяжелую жизнь людей в романе «Война миров», покоряемых неведомой расой марсиан. Выжившие прячутся со страхом и только в случае крайней необходимости покидают свои жилища. Они сравниваются автором с крысами. Данное животное выступает здесь олицетворением трусости

и беспомощности. Автор горько иронизирует по поводу былого могущества землян, которое, как им казалось, будет вечным.

Киплинг в своем цикле индийских рассказов воспроизводит быт и нравы Британской колонии – Индии. Жизнь простых колонистов, солдат и местных жителей описывается без романтического налета. Киплинг представляет жизнь своих героев без прикрас, полную тяжелого труда, лишений, борьбы с природой и, конечно же, борьбы белого человека за право властвовать в покоряемых землях:

I had taken Gunga Dass by the waist and had hauled him on to the platform opposite the deserted burrow. As I did so I thought of my wretched fellow-prisoner's unspeakable misery among all these horrors for eighteen months, and the final agony of ***dying like a rat in a hole,*** *with a bullet-wound in the stomach. Gunga Dass fancied I was going to kill him and howled pitifully* [10].

В представленном отрывке встречается несколько компаративных паремий, содержащих оценку. Предлагаемый отрывок воспроизводит живую речь британских колониальных солдат конца девятнадцатого века. Жестокая смерть, агония описывается при помощи фразы **dying like a rat in a hole.**

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что концепты «мышь» и «крыса» пользуются вниманием авторов классической английской литературы как составные части фразеологических единиц, которые они употребляют в своих трудах. Данные концепты имеют ярко выраженный оценочный характер. Они используются для описания таких оценочных признаков, как неудача, тихий нрав, трусость, позорная смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: моногр. Белгород.: Изд-во БелГУ, 2008. 152 с.

2. Иванова Е.В. Пословичная картина мира (на материале английских и русских пословиц): монография. СПб., 2002. 150 с.

3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 396 с.

4. Маркова Е.М. Учет общего и специфического при изучении фразеологии иностранного языка (на примере пословиц в русском, английском и немецком языках) // Семантика слова и семантика текста. Выпуск III. Сборник науч. трудов. М.: Изд-во МГОУ, 2000. С. 113-119.

5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 2-е изд., испр. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособ. для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.

7. Fauconnier G. Methods and generalizations // Cognitive linguistics, foundations, scope, and methodology / edited by Theo Janssen, Gisela Redeker. (Cognitive linguistics research; 15), Berlin - New York, Mouton de Gruyter, 1999, 280 p. P. 95-128.

8. Langacker R.W. A dynamic usage-based model // Usage-based models of language. Stanford, CA: CSLI Publications. M. Barlow & S. Kemmer (Eds.), 2000. 312 p. P. 1 – 64.

9. Langlotz A. Idiomatic creativity. Wilrijk, Belgium: John Benjamin Publishing co., 2006. – 342 p.

10. Oxford Text Archive – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/stream/oxforddictionary (дата обращения 24.09.2017). (OTA)

11. Speakers, J. The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, NY, Oxford University press, 2008. 388 p. (ODP)

НЕСТЕРОВА Татьяна Петровна (*Мичуринск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Мичуринский государственный аграрный университет
tnester60@yandex.ru

ФОРМУЛА «ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ» И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Аннотация. Тезисы раскрывают связь формулы С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность» с русской языковой картиной мира в литературе первой трети XIX века. В семантическое поле формулы естественно входит смысловой потенциал прежних государственных идеалов, порождая внутритекстовые ассоциации.

Русская литература первой трети XIX века есть фактор национального самосознания времени. В связи с этим основные закономерности литературного процесса раскрываются через творческую востребованность национально-государственных знаков-символов разных эпох, находящихся в едином смысловом пространстве художественного мира, направленного на осмысление метафизической глубины национального самосознания. Такой подход позволяет по-новому рассмотреть языковую картину мира в литературе данного времени.

Ценностная составляющая лексико-семантического поля формулы С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность», обладая «объективным» литературным значением устойчивых опознавательных знаков, пропущенных через смысл впечатлений от прежде сложившихся идеалов («Святая Русь», «Москва – третий Рим», «симфония Священства и Царства», «Великая Россия»), служит импульсом к поэтическому осмыслению национального бытия.

Семантический анализ произведений доказывает, что русская литература, осмысливая себя наследницей духовных идеалов отечественной литературы былых столетий, обращена к устойчивым, константным характеристикам русского миропонимания через православно-государственную лексику.

В произведениях эпохи со всей очевидностью выразилась православная основа русской литературы, сквозь призму которой «высвечиваются» концепты, позволяющие понять формирование и смысл государственного мировоззрения русского народа.

Рассматриваемые поэтами и писателями в качестве духовного императива православные ценности дают стойкие ориентиры для изображения константных свойств русского самосознания.

Православно-государственная символика, идущая от литературной традиции Древней Руси и формирующаяся в Новое время, представляет в литературе не только семиотический знак исходного архетипа, но и его непосредственное воплощение в художественном самосознании эпохи.

Русская литература опирается на фольклор и мифологию, которые являются основанием для построения художественной концепции народности.

Литераторы, исходя из устоявшейся традиции, прослеживают закономерности родового бытия в общем литературно-историческом контексте, в котором «особенное», свойственное конкретному времени, является типичным, узнаваемым и в другие эпохи в качестве неизменных

свойств, дающих целостное представление о судьбе Отечества, русского народа, национальном мироощущении.

Эти факты и были положены в основу формулы С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность».

ПЕТРОВ Александр Владимирович (*Симферополь, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
Таврическая академия
liza_nada@mail.ru

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ МОДЕЛИ «СУЩ. И. П. + СУЩ. ТВ. П.» НА ФОНЕ ДРУГИХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуются тавтологические сочетания модели «сущ. И.п. + сущ. Тв. п.» в их отношении к различным тавтологическим конструкциям, передающим значение усилительности. Для доказательства древности тавтологических моделей анализируемых конструкций приводятся контексты из «Голубиной Книги» – сборника восточнославянских народных духовных стихов конца XV – начала XVI века.

Рассмотрение тавтологических сочетаний (дальше ТС) имеет длительную историю развития в лингвистике. Исследователи выделяют различные модели тавтологии (А.В. Величко, Н.Г. Гольцева, С.П. Степанская, Н.А. Янко-Триницкая). Модель «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.» типа *дурак дураком, свинья свиньёй* относится к одной из древнейших (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня). Особенностями конструкции является то, что компоненты её неперемещаемы и значение сводится к выражению 1) интенсивности признака, качества, свойства; 2) интенсивности и образности; 3) тождества.

А.Н. Веселовский считал повторяемость важнейшей чертой народно-поэтического стиля. Мы определяем тавтологию как характерную особенность не только народной поэзии, но и русского национального языка в целом. О богатстве тавтологических сочетаний исследуемой модели, например, в диалектном языке свидетельствует иллюстратив-

ный материал в Словаре В. Даля: *конь конём* ‘здоров, бодр’ [4, т. 2: 155], *порох порохом* ‘горячий, вспыльчивый’ [4, т. 3: 321], *рак раком* ‘красный’ [4, т. 4: 57], *смоль-смолью* [4, т. 4: 236], *ходит стень стенью* [4, т. 4: 351] (о человеке); *вар варом* ‘очень горячий’ [4, т. 2: 708], *вода водой* [4, т. 2: 76], *трава травой* ‘безвкусно’ [4, т. 4: 424] (о еде); *чаша чашей* [4, т. 4: 585] (о доме); *зола золой* [4, т. 1: 690] (о земле) и др.

Как было сказано ранее, значения ТС сводятся к трём основным типам.

1) Конструкции передают усилительное значение, интенсивность признака, качества, свойства: а) с одушевлёнными существительными: *чудак чудаком, дурак дураком (мн. дураки дураками)*, б) с неодушевлёнными существительными: *чин чином, глина глиной*: *У Элоизы был участок, вообще не годный для картошки.* ***Глина глиной****. Я яростно углубился в глину* (В. Ломов. Музей. – НКРЯ).

Тавтологические сочетания, фразеологизируясь, в предложении выполняют функцию составного именного сказуемого. От них нужно отличать фразы с тавтологическими членами предложения – подлежащим и дополнением, которые могут располагаться дистантно по отношению друг к другу. В предложениях-имитаторах проявляется и другой интонационный рисунок: *Дурак дураком и тешится* [4, т. 1: 501] → *Дурак и тешится дураком*; *Кол колом выбивай* [4, т. 2: 144] → *Кол выбивай колом.*

2) Значение тождества свойственно конструкциям с присубстантивным творительным с союзом «а» или «но» типа *дружба дружбой, а (но)…* (*дружба дружбой, а табачок свой; дружба дружбой, а служба службой, дружба дружбой, но служба службой*). Ср.: *Ты не находишь это странным? «****Дружба дружбой****, **но** денежки врозь!»* [М. Милованов. Рынок тщеславия (2000). – НКРЯ]; – ***Лето летом,*** *а* ***Канада Канадой****, – мама перехватила свитер и опять сунула в чемодан* [В. Некрасов. Ма-

ленькая печальная повесть (1986)]. Конструкции не имеют подчёркнуто усилительного значения.

3) Значение интенсивности и образности: *глушь глушью, дыра дырой* (о жилой местности), *кисель киселём* (о размокшей дороге), *лебеда лебедой* (о невкусной еде), *орёл орлом* (о гордом, мужественном человеке), *пыль пылью* (о неплодородной земле), *свинья свиньёй* (о невежественном, нечистоплотном человеке). Как отмечает Г.Н. Клюсов, оборот «свинья свиньёй» может быть определён как «свинья в предельной степени, *свинья из свиней* (выделено нами – *А. П.*). Все эти синонимические выражения уже изначально имеют нарочитое усилительное значение, представляя образные приёмы оценочной градации понятий» [3: 94].

Наблюдения свидетельствуют о том, что в языке широко представлены грамматические средства усилительности, к которым относятся конструкции с родительным присубстантивным беспредложным (*поэт поэтов*), творительным присубстантивным с предлогом «над» (*над богатырями богатырь*), дательным присубстантивным беспредложным (*царь царям*, *всем рекам река).* Особенность конструкций заключается в том, что все косвенные падежи выступают в формах мн. числа. Перечисленные модели конструкций также относятся к древним, поскольку отмечены в священных книгах и народной поэзии.

Так, сочетаниями «Царь Царей», «Пастырь Пастырей» именуют Христа: *Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и* ***Царь Царей****, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные* [Откровение Иоанна Богослова: синодальный перевод (1816–1862). – НКРЯ]; *Христос есть* ***Царь Царей****, ибо церковь кровию своею искупленную словом и внутренним духа влиянием правит, и защищает от врагов и награждает, врагов же вечно казнит* [архиепископ Платон (Левшин). Катихизис осьмой надесять в первую неделю Великаго Поста (1758). – НКРЯ].

Однако, как отмечает Г.Н. Клюсов, в старославянском и древнерусском языке конструкции типа «царь царям» были устойчивыми формулами выражения усилительной оценки и употреблялись только по отношению к сильным мира сего – с именами м. рода одушевлёнными «царь», «князь», «владыка», «господин» и т.п. В восточной традиции при обращении к шаху, падишаху использовалась синкретема «Солнце солнц». Таким образом, конструкция подчёркивала значение ‘наделённый властью’. И только в более позднее время тавтологическое сочетание «царь царей» могло быть отнесено к неодушевлённым именам и означало ‘лучший среди подобных’: *Игра на фортепьяно обязательна для всех музыкантов. Потому, что этот* ***инструмент*** – ***царь царей****. Он общий для всех* (А. Рекемчук. Мальчики. – НКРЯ). Конструкция с тв. падежом приведена в Словаре В. Даля в гнезде «царь»: *Он живет* ***царь-царем***, пышно, роскошно [4, т. 4: 570]. Ср. также *Сам в санях, свита верхами,* – ***царь царём****!* [А.В. Амфитеатров. Княжна (1889–1895). – НКРЯ]

Подобное семантическое развитие наблюдается и в слове «царь», развившем переносное значение и употребляющемся как приложение со значением ‘исключительности, превосходства определяемого среди ему подобных’ (ср. первые аппозитивы «царь-пушка», «царь-колокол»). В Словаре Даля зафиксированы также «царь-мурат» (чертополох, репей), «царь-трава» (лопух), «царь-птица» (орёл). Об активизации сложений с компонентом «царь» свидетельствует диссертация Н.В. Гоновой [2].

Модель конструкций с дательным присубстантивным беспредложным может включать словоформу определительного местоимения «весь»: *Единорог-зверь* ***всем зверям зверь***…

Ф.И. Буслаев, ссылаясь на сборник г. Варенцова, отмечает «звериный стиль духовных стихов», о чём свидетельствует «Голубиная Книга» [1]. В этом стихе, отмечает Ф.И. Буслаев, Давид Иесеевич и князь Вла-

димир состязаются в прении о космогонических сведениях и преданиях. Значение главенства среди озёр, рек, зверей, рыб, птиц, городов, деревьев, трав передаётся при помощи конструкции с родительным присубстантивным беспредложным, в которую входят словоформа «всем» и субстантивы «мать», «мати, др.-русск., ст.-слав.», а также «отец»: *Лев-зверь* – ***всем зверям мати***..; конструкции с творительным присубстантивным с предлогом «над»: *У нас кит-рыба* ***над рыбам*** *(так!)* ***мать***..; *А Стрефил-птица* ***над птицам*** *(так!)* ***мать****…*

В народном сознании главенство подчёркивается также тавтологической конструкцией с лексемой «полковник» (говорится о грибе боровике): *А гриб боровик* ***над всем грибом полковник!*** песня [4, т. 3: 262]. У А.Ф. Писемского – «полковик»: *Гриб-боровик,* ***Всем грибам полковик****, Под дубом стоючи, На все грибы глядючи, Повелел, приказал: Всем грибам на войну идти* [А.Ф. Писемский. Масоны (1880). – НКРЯ].

В Словаре Даля отмечены также «генералбас» ‘муз. главные и основные правила для сочинения музыки и разложении ее на многогласия’ и «генерал-марш» [4, т. 1: 348]. В современном языке зафиксировано производное «генерал-закон» (НРЛ-84) [5].

Приведём контексты из «Голубиной Книги», содержащие тавтологические конструкции с дательным присубстантивным беспредложным, с местоимением «всем» и словом «отец». Контексты строятся на утверждении положения, являющегося гипотезой относительно некоторого явления, его обосновании в виде вопроса «почему» и ответа на него, согласованного с положениями из Священного Писания. Тавтологическая конструкция повторяется трижды – в утверждении, вопросе и ответе: *Кипарис-древо –* ***всем древам отец****. Почему кипарис* ***всем древам отец?*** *Потому кипарис* ***всем древам отец,*** *– На нем распят был сам Исус Христос; Ерусалим-град* ***– всем градам отец****. Почему Ерусалим* ***всем градам отец?*** *Потому Ерусалим* ***всем градам отец****, Что распят был в нем Исус Христос.*

В Словаре В. Даля отмечены конструкции с лексемами «мать» и «матка»: ***Волга всем рекам мать*; *Баку матка нефти*** [4, т. 2: 307], а также «отец» || Старший, первый или главный. ***Река Евфрат всем рекам отец* (*мать*). *Арарат гора всем горам отец*** [4, т. 2: 724].

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; статьи. I. О народной поэзии. М., 1990. 512 с.
2. Гонова Н.В. Царь-производные в русском дискурсе: комплексная характеристика. Уфа, 2017.
3. Клюсов Г.Н. Откуда пошло выражение «свинья свиньёй» / Г. Н. Клюсов // РЯШ. № 5. 1974. С. 93–94.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1995.
5. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 84. М., 1989. 427 с.

ИСТОЧНИК

«Голубиная Книга». http://www. rulit.me

РАШЕВА Ивета Кирилова *(София, Болгария)*

профессор, старший научный сотрудник
Болгарская академия наук
Научный центр Кирилла и Мефодия
ivkira_2001@yahoo.fr

ЗА ПРИКАЗКАТА «БОРИС, ПЪРВИ ХРИСТИЯНСКИ ЦАР НА БЪЛГАРИТЕ» ОТ ЙОЗЕФИНА ТУРНОГРАДСКА

Аннотация. Благодаря работе Шафарика «Славянские древности», опубликованной в 1837 г. и завоевавшей популярность во всех славянских странах, легенда о крещении хана Бориса самим св. Мефодием приходит и в другие славянские литературы того времени. Это стало основой исторической повести «Борис, первый христианский царь болгар», написанной Жозефиной Турноградской и напечатанной в 1852 г. в Загребе. Данная историческая повесть занимает важное место в новой европейской литературе, поскольку знакомит с истоками крещения славян.

През XVIII в. в България мотивът за покръстването намира своя уникален вариант в „История славянобългарска” на Паисий Хилендарски. В този труд етносъхранителната функция на разказа за св. Кирил и св. Методий в главата, озаглавена „За славянските учители”, може да бъде интерпретирана контекстово чрез анахронизмите във вариативния топос за покръстителната мисия на св.Методий в България. Много често и в славянски, и в латински, и в гръцки книжовни паметници в мотива за

покръстването не само на българите, но и на други славяни се срещат анахронизми за светите Кирил и Методий като непосредствени покръстители. Следователно, Паисий далеч не е първият, който ползва авторитета на Методий с подчертано патриотична цел:

„За славянските учители" - „История славянобългарска" от П. Хилендарски

„Във времето, когато в България царувал Муртагон, Методий дошъл в Търново, понеже тогава цар Муртагон поискал иконописец да му изпише дворците. Методий познавал това дело. Повече дошъл за това, за да може да научи и привлече българите към християнската вяра. Когато цар Муртагон му заповядал да нарисува в онзи дворец животни, птици и картини на лов, свети Методий изобразил пришествието Христово много умело и страшно. Когато видял тая картина, царят се изплашил и изпаднал в чувство на умиление. Тогава Методий улучил удобно време, говорил на царя, поучавал го да приеме християнската вяра и обърнал Муртагона към нея... Изпратил до царица Теодора и дошъл от Цариград епископ, изпратен от царицата, и кръстил цар Муртагона, нарекли му име Михаил..." (3: 94-101)

Самото съвпадение на името на художника и първоучителя Методий е твърде удобно за Паисий. Легендата с идентичното име, разказана от Орбини и Бароний (позната им от Хронографията на Продължителя на Теофан и Хрониката на Псевдо-Симеон от X в.), е „лесен" повод св. Методий „да попадне" в Търново, но Паисий не спира дотук. Той допълва, че Методий е приел поръчката, за да привлече българите към християнската вяра. Погрешното използване на топонима Търново не е случайно. Паисий знае, че Търновград се въздига по времето на Асеневци. Във втората половина на XVIII в. обаче, след дългото робство, ако има жив спомен за славното минало у съвременниците му, то той непременно е обвързан с Търново, а не с Плиска или Преслав, които отдавна са забравени. Така топонимът се превръща в топос. Подчертава се, че първоначално Методий не знае славянски език, а го научава, когато е пратен сред славяните (реминисценцията тук е лесно доловима:

апостолите на Христос проговорят на различни езици на Петдесетница и тогава се отправят към отредените им в дял земи.

В произведенията на староблъгарските книжовници от Златния век образите на първоучителите са натоварени индиректно с етносъхранителна функция дотолкова, доколкото трябва да утвърдят авторитета на новопокръстената славянска общност и в частност на държавата, приела и спасила писмеността. През XI – XII в. в България месианизмът достига върхната си точка – българите получават от Кирил вяра, закон и писменост („Солунска легенда”) и благодарение на това стават избран господен народ и постигат много. Тогава ролята на свеите Кирил и Методий отново е опорна точка – образите им повторно са натоварени с етносъхранителна функция, защото отстояването изобщо (България е под византийска власт) се извършва с помощта на изначалното отстояване на делото им. Паисий използва анахронизма с разказа за покръстването на Борис от св. Методий със същата цел. И за него отстояването изобщо (България е под турска власт) може да се опре на авторитета на първоучителите и гордостта от великото им изначално дело. Т.е. това е същата етносъхранителна функция, но вече модернизирана, наистина национализирана, етноразграничаваща, етноопределяща. Компонентите ѝ я обогатяват така, че тя успява да заживее нов – трети, самостоятелен живот през Възраждането.

Възраждането е онзи период от историята ни, когато представата за времето се променя. Ценностната система и ценностните приоритети се променят. Нацията се ражда и се „еманципира”. За Н. Аретов (1: 35) терминът „нация” се разбира като съвкупност от ментална и психическа идентичност: „За раждането на нацията е решаващо наличието на субективното усещане за принадлежност към някаква група и различност /другост/. Идентификационното ядро включва белези за отличаване, кодирани най-общо казано в митология. Има фигури с определени функции, с които носителят на идентичността се идентифицира и

съотнася. Носителят на идентичността борави със собствените си интерпретации на изградените от другите образи, а не със самите образи".

Добавената измислица ражда вторична митология. Покръстването на българския хан Борис от самия св. Методий става митологема. Авторитетът на българите вече е легитимиран, миналото е сакрално, но въпреки всичко остава близко до истината и действително съществувалите исторически личности. Тази митологема преминава не само във възрожденската ни историография, но и във възрожденската ни литература. Ярък пример за това са изследванията на Т. Бурмов, В.Априлов, Г.С. Раковски, М. Дринов, Л Каравелов и литературните творби на Д. Войников, Кузман Шапкарев, П.Р.Славейков, Иван Вазов, Константин Петканов, Велико Йорданов и др.

Добри Войников например включва Паисиевия разказ за покръстването в девет свои творби: „Покръщението на Преславския двор и на българите", „Българско кръщение", драмата „Покръщение на Преславский двор", стихотворението „Кръщение на българския царъ Бориса", „Кантата", „Пѣсенъ на С-го Кирила и Методіа", „Друга пѣсенъ". Последното стихотворение е преиздадено пет години по-късно под друго заглавие – „Имнъ" и в него е добавен един финален куплет. Войников търси легитимиране на митологемата и с чужд авторитет – този на Шафарик. Неговият герой Драган от „Разговор между двама ученика и един съветник върху имято българин и народността му" казва: „Нели са първи бъларите, що се покръстиха... И техний язик е първий.., на когото светите равноапостоли проповядваха словото божие... Това е веке доказано и от знаменития историк Шафарика..." (2: 31).

Чрез споменатия труд на Шафарик (Войников има предвид труда на Шафарик „Славянски древности", публикуван през 1837 г., добил широка популярност във всички славянски държави) митлогемата за покръстването на Борис от Методий преминава и в другите славянски литератури от това време. Тя става основа на историческата приказка „Бо-

рис, първи християнски цар на българите", написана от Йозефина Турноградска и отпечатана през 1852 г. в „Зора югославянска. Забавник за годину 1852 от Радослав Разлага" в Загреб.

Йозефина Турноградска е само на 19 години, когато публикува споменатата приказка (родена е през 1833 г.). Всъщност всичките ѝ произведения са написани в крехката ѝ възраст между 18 и 22 години (подробности за биографията ѝ могат да бъдат прочетени в биографичната ѝ книга, написана и публикувана от съпруга ѝ д-р Ловро Томан). Определят я като „първата словенска писателка", в чието творчество идеите на просветения абсолютизъм са жизнено важни. Вероятно това е причината, насочила вниманието ѝ към акта на християнизирането на българите от Борис I през IX век.

Фабулата на т.н. историческа приказка на Турноградска е съвсем опростена. Всъщност тя се гради върху два разговора, проведени между св. Методий и българския хан Борис (месията и просветения монарх). Липсва сюжетен драматизъм, ханът не преминава през вътрешен конфликт, а бързо и лесно /чрез изображението на Страшния съд от изкусния зограф – самия Методий/ се превръща от езичник в християнин. Промяната е много рязка. Легендарното и романтичното все още са водещи пред конфликтите и колизиите. Владетелят, който трябва да е просветен и да просвети народа си, е езичник, който обожава лова. Екзистенциалните въпроси са му чужди до момента, в който, под силното впечатление от картината на Страшния съд, се замисля за грешната си душа. Взетото веднага решение за покръщение е следствие на страха от Ада, а не осъзнат път към Спасението на душата, към Спасението на цял един народ от тегобата на езичеството. Дори се съобщава, че св. Методий е обърнал в християнската вяра вече много българи с проповедите си, но между „най-твърдоглавите" е самият хан Борис. Думите са безсилни, на хана му трябва визуализация на идеите, но всъщност така се следва с точност и легендата за нарисувания от св. Методий Стра-

шен съд. Това объркване на идея и събитийно време, както и пропуснатата възможност антагонистът да се превърне в протагонист и да поведе след себе си онези, за които отговаря – естествено, не могат да не бъдат забелязани.

Търсено контрастни са двете описания на двореца в Преслав – в езическите и в новите, християнски дни. Така на финала се извежда метафората за светлината, победила тъмнината – луната изгрява над тъмната гора в новопокръстена България. Зад тази светлина, разбира се, са новото знание, вярата, просвещението.

Все пак това е началото на проникването на анахронизма като мотив в новата европейска художествена литература изобщо, а това проникване е в основата на превръщането му в митологема, затова трудът на Йозефина Турноградска не трябва да бъде омаловажаван – той следва точно и праволинейно самата митологема, не я интерпретира по никакъв начин, просто я „доукрасява” с пряка реч и природни картини.

Константин Петкович попада на тази публикация съвсем случайно, среща се с авторката и рецензира творбата ù / Цариградски вестник от 29 август, 1852 г., бр. 136/ и през същата година я превежда. Този негов превод е частично публикуван и рецензиран от Хр. Даскалов/ Цариградски вестник от 13 юни, 1853 г., бр. 125/. Ето няколко откъса от самия текст в оригинал:

„Съ яснѫ горящѫ рѣчь неуморливый Методъ проповѣдуіеть святѫ вѣрѫ и кротко, мило възывать жители – ты отъ Блъгаріѫ да оставѫть льжны боговы... Методова проповѣдь силно прѣтрясе Блъгары-ты: они трьчять вече въвъ пазухы на всемощный татко. Нъ по между нихъ имать еще доста твръдоглави, кои слѣпо отхвръл ѭть истинѫ-тѫ вѣрѫ и дръжать ся яко за стары-ты обычи, за стары-ты боговы. И пръвы отъ нихъ іе Борисъ, царь Блъгарскы...

Борисъ : - Дѣка да найдамъ скоро хитеръ образописецъ, да ми напишеть на платно новы подобы?- така си думаше, кога влѣзе въвъ собѫ му іединъ человѣкъ. Затылъкъ му іе покрыенъ отъ богатѫ косѫ, свѣта душа сяіеть му изъ цѣлѫ постабѫ, а изъ подъ църни халища, свѣтить са кръстчя. -Ты си отъ тые свѣтницы, кои сака ѭть да ни дадѫть новѫ

вѣрѫ...Иди си, откѫдѣ си дошелъ...не губи си время напраздно, съсъ мене нищо не можешь да направ шь!... Махни са, махни отъ мене ты и твоя слѣпа вѣра...Това іе моіе веселье – по памятно щеше да бѫдеть, ако можеше ты да ми прѣмѣнишь стары подобы на новы...
Св. Меѳодій като искусень живописець изобрази Страшнный сѫдь... и показа му... Очитѣ му са обрънахѫ на нихъ – и студенъ потъ потече му по чело-то. „Що іе това?”- рече изумень отъ страхь... Св. Меѳодіа красноречиво обясни на Царь как грѣщны-те ще быдать мѫчать, а праведны-те христіаны – блажены... „Страшно – ахъ, страшно” – издыхна Борисъ... Борисъ обърна си очи-те направо и – крьстенъ бѣ веке в сердце-то си. Той падна на колѣни и съ сердечна молитва... излѣ чиста-та си душа предъ Бога...”
Тиха полнощь іе загрънила земѭ въ своіе црънo крыло... Подъ липѫ-тѫ поклениѫ Борись – а вторы святы Методь... И яркы свѣть отъ мѣсячинѫ тутакси огрѣѫ изъ за горѫ тѫ... да іе огрі-яло тука за Бльгаріѭ видѣло отъ святѫ истинѫ вѣрѫ...” (4: 115-116).

Много показателно в случая е заключението на Хр. Даскалов: /превод – мой/, публикувано на последната страница:

„Това е съдържанието на тази книжка, която може да бъде наречена историко-религиозна приказка и е необходима за всеки българин, за да узнае как се е кръстил неговият род и е приел православната вяра. Цената ѝ е само един грош, а парите, които се събират, ще бъдат назначени да се напечата друга някоя българска книжица. Желателно е да излязват по много такива книжици, които да наставляват народа във вярата православна и да вселяват кротост и послушание като тая суща вяра, според високите желания на Н.В.Султана, наш августейший император, под държавната десница на когото българската книжнина начена-ла е да процъфтява.”

Първата част е пропита с възрожденски патриотичен патос, който трябва да бъде „облечен” и скрит във втората част – все пак годината е 1853-та. Едва преди четири години е осветен българският параклис „Св.Стефан” в Цариград, а Българският Великден е още далеко.

И все пак – преводното съчинение играе основополагаща легитимизираща роля за разглежданата митологема. Авторитетът на „чуждото знание” за нашето минало е несъмнен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аретов Н., Чернокожев Н. Българка литература XVIII век. София, 2008.
2. Войников Д. Събрани съчинения. Т.1. София, 1983.
3. Хилендарски, П. История славяноболгарска. София, 2002.
4. Цариградски вестник. 1853. № 125. С. 115-116.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна *(Владимир, Россия)*
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье освещаются особенности репрезентации времени в языке, отражающие ментальные особенности разных народов. В связи с этим рассматриваются различные концептуальные модели времени.

Язык, как известно, является «основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т.е. формой хранения знаний о действительности (эпистемич. функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная, или когнитивная, функция» [4: 604]. В связи с этим в языках отражаются ментальные особенности конкретных народов.

Время – одна из категорий, имеющая всеобщий характер и проявляющаяся в различных языках как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. В последние десятилетия возрос интерес не только к способам и средствам выражения временных отношений в языке (категория времени глагола, лексические показатели темпоральности и т.д.), но и к тем когнитивным моделям времени, которые тесно связаны с ментальными особенностями конкретных народов.

Одной из наиболее древних лингвисты считают циклическую модель времени. В традиционных обществах понятие времени было связано с представлением не о линейной направленности времени, а о его круговращении. Само русское слово "время" (древнерусское *веремя*), как отмечается в этимологических словарях, заимствовано из старославянского языка и «представляет собой суффиксальное производное (суф. -men > -мя)… от той же основы, что и *вертеть*; первоначальное значение сущ. *время* – "нечто вращающееся" [7]. Таким образом, в русском языке уже в слове *время* отражено древнее представление о цикличности времени. Эта когнитивная модель времени сохранилась и в некоторых фразеологических единицах. См.: *«круглый год», «круглые сутки»*.

Линейные модели времени можно отнести к более поздним образованиям. Эти когнитивные модели времени у разных народов отличаются, прежде всего, направлением движения: представление о времени соотносится с движением по оси «впереди-позади» или по оси «вверху-внизу». С.А. Чугунова приводит такие примеры: кит. яз. *shànyuè* ‘прошлый месяц’ (букв. *up month* ‘верхний месяц’), *xiàyuè* ‘следующий месяц’ (букв. *down month* ‘нижний месяц’) [8: 25]. См. также в русском языке: *Впереди у нас прекрасное будущее*, *всё плохое осталось позади (т.е. в прошлом).*

Для восточных культур, как отмечают исследователи, характерен вертикальный тип концептуализации времени (т.е. по оси «вверху-внизу»), в основе которого, как предполагается, лежит визуальный опыт склонов. Когда человек находится на возвышении, сила гравитации заставляет его катиться вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в отношении «выше → раньше; ниже → позже» [8: 25].

Для индоевропейцев типичным является горизонтальный тип концептуализации с прошлым позади и будущим впереди, или так называ-

емая «эгоцентрическая» модель времени. Объясняется это тем, что прошлое уже миновало, а будущее есть цель, к которой человек движется: «В модель жизни вошло целеполагание», а «движение к цели есть движение в будущее» [1: 59]. Эгоцентрическая линейная модель времени получила своё отражение в традиционной системе грамматических времён глагола, когда три времени (настоящее, прошедшее, будущее) определяются по отношению к моменту речи говорящего.

Однако существует модель и с обратным направлением – с прошлым впереди и будущим позади. Такая необычная для современных европейцев концептуализация времени зафиксирована в языках индейцев аймара, малагаси на о. Мадагаскар [См.: 8]. Подобные представления о времени были характерны и для Древней Руси. Д.С. Лихачев, исследуя поэтику древнерусской литературы, приходит к заключению: «…в отличие от наших представлений о времени, располагающих будущее впереди нас, а прошлое – позади, средневековые русские представления о времени называли прошлые события «передними» и располагали время не эгоцентрически (относительно нас), а в едином, каждый раз своем ряду – от их начала до настоящего, «последнего» времени» [5: 215]. Этот тип концептуализации («зеркальная» модель времени) является более древним по сравнению с «эгоцентрической» моделью. Следы «зеркальной» модели можно заметить в русском языке в таких словах, как *предшественник*, *предки*, в использовании предлогов *до* и *после* при выражении временных отношений во фразах типа: *Те, кто придут после нас (потомки), Те, которые жили до нас (предки).*

Языковой универсалией в различных языках считается выражение времени в терминах пространства и движения: см.: *за короткое время, через месяц, время пролетело незаметно*, см. также: *time flies* (англ.), *in einem Moment* (нем.) и др. Широко распространена теория концептуальной метафоры, согласно которой время представляет собой продукт вторичной концептуализации пространственных концептов, то есть идея

событий в их временной последовательности возникла после идеи объектов в их пространственном порядке. Пространственная семантика трактуется как первичная, а временная как вторичная, образующаяся путем метафорического переноса.

Вместе с тем, как отмечает С.А. Чугунова, есть немало подтверждений тому, что понятие пространства не предшествует понятию времени, так как ни понятие пространства, ни понятие времени не могут возникнуть без понимания человеком собственного тела, его устройства и способностей, что, в свою очередь, невозможно без участия двигательной активности организма. В связи с этим выдвигается положение, что «приоритетной для темпоральной семантики следует считать концептуальную структуру, схематично выражаемую как ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ, а не ВРЕМЯ ЕСТЬ ПРОСТРАНСТВО» [8: 24].

Ранее эту идею выдвинул С.А. Аскольдов: «Изменение… составляет корень, или сущность времени, осложняемую лишь различными привходящими подробностями и обстоятельствами, отвечающими на вопрос, как это изменение совершается. Изменение же можно определить как единство исчезающего, пребывающего и появляющегося. Иными словами, изменение есть единство прошлого, настоящего и будущего. Время и изменение не связаны друг с другом, а просто есть одно и то же, лишь выражаемое разными словами и в разных аспектах мысли» [2: 80].

Интересной представляется и философская концепция Г. Рейхенбаха: «... мы никогда не измеряем "чистое время", но всегда процессы, которые могут быть периодическими, как в часах, или непериодическими, как в случае свободного движения точечной массы. Каждый промежуток времени связан с каким-либо процессом, ибо в противном случае он не был бы воспринят вообще… Только события в реальном причинном процессе являются упорядоченными во времени» [6: 135-136, 170]. Это положение проявляется в фактах русского языка, как в

лексике *(до войны, во время отпуска* и т.д.*)*, так и в грамматике. Относительное время есть не что иное, как отношение одних действий и событий к другим: *Едва выйдя за порог, она быстро заговорила* (Б. Пастернак). Причём, заполненность времени событиями для русского человека играет особо важную роль. Даже в традиционные формы приветствия «доброе утро», «добрый день» и «добрый вечер» русские люди, по замечанию А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёва, в отличие от других народов, вкладывают представление о заполненности времени событиями. Так, если для англичанина форма приветствия good morning связана с представлением о времени до полудня, то есть до 12 часов, то для русского человека – с моментом пробуждения. То есть «доброе утро» обычно говорят человеку непосредственно после пробуждения, даже если он проснулся поздно и ещё не приступал к каким-либо важным занятиям. И наоборот, если после пробуждения прошло достаточно много времени и человек уже работает, то приветствие *доброе утро* будет не совсем уместным. Таким образом, для русской модели времени суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, тогда как для западноевропейской модели – полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв) [3: 239]. Отмечается, что русские люди в целом более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы: сами обозначения временных интервалов релятивизованы относительно человеческой деятельности, в них заключённой [3: 240]. Это находит отражение и в русских пословицах: *Делу время – потехе час.*

Ещё одной особенностью, отражённой во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка, является отношение к времени как к живому существу: *убивать время, упустить время, время не дремлет, время покажет* и др.

Таким образом, концептуализация времени связана с общим развитием общества, культурными традициями того или иного народа, его ментальными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 51-61.
2. Аскольдов С.А. Время и его преодоление // Мысль. 1922. № 3 (май-июнь). С. 80-97. URL: http://temporology.bio.msu.ru/ RREPORTS/askoldov_vremya.pdf.
3. Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Время суток и виды деятельности // А.А. Зализняк, И.Б. Левонина, А.Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 39-50.
4. Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 604-606.
5. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 372 с.
6. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
7. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка URL: http://www.slovorod.ru/etym-shansky/index.html
8. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах. Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2009. 43 с.

ХАБАРОВА Оксана Геннадьевна (*Мичуринск, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
oks.kh@rambler.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К ОБРАЗАМ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА (лингвокультурологический аспект)

Аннотация. В статье рассматривается специфика фразеологических единиц, отражающих в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксирующих и передающих от поколения к поколению культурные установки, стереотипы, эталоны.

В исследованиях последних лет (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, Т.В. Шмелева и многие другие) активизировался интерес к изучению фразеологизмов в рамках проблемы взаимодействия языка и культуры. Язык мыслится и описывается как часть общенациональной культуры. В жизни социума язык и культура выступают как неотделимые друг от друга сущности. Язык является компонентом культуры, важнейшим средством ее формирования и сохранения. По

выражению В.Б. Касевича, «язык помнит и хранит тайны, в нем скрыт высший смысл. Роль языка в ментальности человека и вообще в его жизни, безусловно, уникальна. Утратив в определенный период долингвистическую (доязыковую) невинность, человек уже не может полностью отвлечься от языка» [1: 25]. В языке и через язык выявляются такие важнейшие особенности и черты, как национальная психология (*ждать у моря погоды, по-щучьему велению, душа нараспашку*); характер народа (*до последнего дыхания, до последней капли крови*); самобытная неповторимость художественного творчества (*голова еловая, как лунь седой, мышиный жеребчик, белены объелся*); нравственное состояние и духовность (*рыцарь без страха и упрека*).

Проблема «язык и культура», которая всегда была в поле зрения ученых, на современном этапе вызывает огромный интерес и в то же время бурные дискуссии. Это связано с развитием науки о языке, которая теперь не замыкается в рамках собственно языковой культуры, а требует рассмотрения экстралингвистических факторов, порождает антропологическую, когнитивную лингвистику, этнолингвистику и позволяет рассматривать русский язык как зеркало русского менталитета, культуры и традиций. Исследования языковых явлений во взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной психологией, историей и культурой позволяют по-новому представить наиболее значимые фрагменты языковой картины мира. «…Каждый язык представляет нам мир внешний, воспринимаемый в своем особом виде… В каждом языке мир представлен по-разному» [5: 53].

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, стереотипы, эталоны. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общ-

ность идентифицирует свое национальное самосознание» [3: 9]. Система образов, закрепленных во фразеологическим составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения носителя языка. Своеобразной «нишей» является и характерная для данной лингвокультурной общности система эталонов. Эти эталоны, воспроизводимые из поколения в поколение, отражают не только мировидение, но и миропонимание, поскольку являются результатом человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека.

Эталон – это образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. Как пишет В.Н. Топоров, «не только человек – мера всех вещей», но в известном отношении и обратно: «вещь – мера всех людей» [4: 17]. Известно, что у каждого народа, помимо эталонов, общих с другими народами (типа *нем, как рыба; толстый, как бочка*), существует свое особое представление о «соизмеримости» человека и животных, человека и растений и т.д. Они как бы и «задают» образцы здоровья, красоты, глупости, подлости и т.д. Таким образцом **глупости** для русской ментальности является *баран* (*глуп, как баран*), **упрямства** – *осёл* (*упрямый, как осёл*), **неуклюжести** – *медведь* (*неуклюжий, как медведь*), **трусости** – *заяц (дрожать, как заяц*), **медлительности** – *черепаха* (*черепашьим шагом*), **преданности** – *собака* (*собачья преданность*), **здоровья** – *бык* (*здоров, как бык*), **работоспособности** – *лошадь* (*работать, как лошадь*), **хитрости** – *лиса* (*Лиса Патрикеевна*), **коварства** – *змея* (*змея подколодная*), **безразличия** – *слон* (*как слону дробина*), **безотказности** – *корова* (*дойная корова*), **суетливости и хлопотливости** – *белка* (*вертеться как белка в колесе*), **грации и красоты** – *лебедь* (*лебединая шея*), **трудолюбия и усердия** – *муравей*

(*трудолюбив, как муравей*), **неопытности и наивности** – *птенец* (*желторотый птенец*).

Будучи рассмотрены в поле культурного пространства, фрагменты сами становятся знаками культуры. Культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «семиотических рядах», а также в различных «парадигмах», «стилях», «изоглоссах» и т.п. Культура имеет определённую структуру, которая реализуется в виде ментальных образований – концептов. Они не только мыслятся, но и переживаются. Концепт – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепты – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Они существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры.

Для нашего исследования имеет особое значение «неслучайность именования в культуре» – тезис, проводимый Ю.С. Степановым [2: 67]. Предполагая мотивацию означаемого в языковом сознании говорящего и его репрезентацию фразеологическим оборотом, принимаем понятие «концептуализированной предметной области» в языке и культуре, под которой понимается такая сфера культуры, «…где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы…» [2: 76]. Неслучайность мотивации «значения» и «смысла» слова *петух*, например, определяется типовым образом (денотативным значением) «птица определенного внешнего вида: ходячая (не летающая), самец с красным гребнем на голове и шпорами на ногах». Представление же об этом образе (гештальт-структура), или смысл, включает следующие компоненты: самец кур; домашняя птица; поющая определенным образом (кукарекающая); определяющая пением время суток; получившая название от глагола петь (в славянских языках – торжественно петь, встречая утро); вещая птица, связанная с множеством обрядов и поверий.

В народной культуре *петух* воплощает в себе мужскую эротическую символику; в сказках и баснях – драчливый персонаж, но иногда и жертва. Эмоциональное отношение вызывают коннотативные семы «драчлив», «боевит», «заносчив». Вся названная концептуализированная область обеспечивает мотивированную образность фразеологических оборотов *ходить петухом* – «вести себя задиристо и заносчиво, демонстрировать собственное бесстрашие и агрессивность», *пускать <красного> петуха; красный петух* – «устроить поджог, поджигать что-либо».

Константы в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Примером таких констант является концепт *Кощей Бессмертный*. В плане семантики – «это тот, кто сеет кости» – соответствует обряду посева костей, сохраненному в русских сказках. В нашей работе здесь употреблен анимализм *кость*. В настоящее время, благодаря многочисленным исследованиям первобытной культуры, можно объяснить этот обряд. Он связан с древнейшими представлениями о единстве человека и животного мира: человек и животные – одно великое целое, один мир, и, убивая и поедая животных, человек нарушает гармонию этого мира. Гармония должна быть восстановлена путём посева костей, которые дадут всходы, животные возродятся к жизни, род животных не исчезнет – в мире сохранится гармония, а у человека снова будет пища. Но именно поэтому кости нельзя ломать, разрубать или сжигать. Эти представления восходят к верхнему палеолиту, как можно заключить на основании найденных аккуратно сложенных костей, и иногда отдельно – черепов. Причём в черепах опасных для человека животных, например медведя, клыки и резцы оказываются спиленными. Это говорит о том, что, возможно, уже в древности человек интуитивно воспринимал понятие «кость» двояко. С одной стороны, кость – это твёрдое, острое образование, которое может нанести человеку вред, ущерб (спиленные клыки), а с другой стороны, – это

опорная часть скелета и, следовательно, необходимая составляющая живого организма (отсюда посев костей как продолжение жизни). Поэтому в русском языке, наряду с такими фразеологизмами, как *кость в горле* – «о ком-н. надоевшем, очень неприятном» (здесь «кость» как твёрдое, острое образование), существуют и такие, как *белая кость* – «о человеке дворянского, благородного происхождения»; *чёрная кость* – «о простолюдине»; *перемывать косточки* – «сплетничать о ком-н.» (здесь «кость» как часть скелета). Рассмотрим подробнее фразеологизм *перемывать косточки* – «сплетничать о ком-нибудь». Оборот восходит к древнему славянскому обряду вторичного захоронения: через несколько лет после похорон для очищения души умершего от грехов и снятия с неё заклятия выкопанные останки (то есть кости) перемывались. Этот обряд сопровождался воспоминаниями о покойном, оценками его характера, поступков, дел. Данное выражение первоначально имело самый прямой, буквальный смысл и только со временем было образно переосмыслено.

Таким образом, в формировании анализируемых фразеологизмов большую роль играет национально-культурный контекст употребления, основанный на языковом сознании и его элементах – константах (представлениях). Говорящий владеет целым комплексом информации о специфике свойств животных и растений, которые хорошо известны в данной национальной среде. Эти знания являются одним из образных оснований для создания и употребления фразеологизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 25-31.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. 770 с.
5. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.-Л., 1947. 336 с.

ЦВЕТАЕВА Елена Николаевна *(Москва, Россия)*

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru

ДИФФУЗНОСТЬ И ПУТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Обращение к архаическим корням семантической структуры ряда современных лексем позволяет объяснить их диффузность и проследить процесс семантических трансформаций: от пространственного к ментальному, включающему эмоциональное и оценочное.

Попытка объяснить семантическое развитие слова, разумеется, не нова и не оригинальна. Семасиологи уже более века назад объяснили наиболее общие закономерности семантических процессов в лексическом составе языка. Развитие сравнительно-исторических исследований послужило бесценной методологической базой для лексико-семантических штудий. В последствии новые веяния в лингвистике несколько отодвинули историческую семантику на задний план. Однако необходимость в этих исследованиях не отпала, а в эпоху бурного (и неизбежного) развития корпусной лингвистики стала просто необходимой. Проблема дифференциации значений и семантических переходов занимает умы многих авторитетных ученых. Всякий, кто сталкивался с подобной проблемой, знает, сколь кропотлива и времяемка подобная работа. И, если на материале русского и других славянских языков ситуация весьма отрадна, то на материале, например, германских языков мы имеем весьма фрагментарные данные.

Обращаясь к материалу немецкого языка, мы не избежим сравнений с другими языками; мотивы, обусловливающие те или иные семантические переходы, редко бывают уникальны, они носят, как правило, закономерный систематический характер.

Концептуально мы исходим из идеи о следующих вопросах изучения многозначности: на чем держится семантическое единство многозначного слова? каковы принципы разграничения лексем многозначного

слова?» [2: 409]; опираемся в том числе и на замечание о многозначности, которое связывают с представлением о дискретной организации лексических значений, при этом мера их дискретности бывает преувеличена, определить четкие границы при ориентации на реальное разнообразие текстов, довольно сложно [1].

Поэтому проанализируем подробно одну немецкую лексему, довольно продуктивную как в слово-, так и во фразеообразовании, обращаясь как к синхронному, так и к диахронному аспекту.

Речь пойдет о существительном *Elend*, о соответствующем прилагательном *elend*, о некоторых производных, а также фраземах, в состав которых входит лексема. Само существительное имеет сегодня значение «беда, бедствие; жалкое, бедственное состояние; нищета»; соответствующее прилагательное – 1. жалкий, убогий (*нищенский*); плачевный, плохой; (глубоко) несчастный (напр., *ein elendes Zimmer* ‘убогая комната’); 2. (применительно к самочувствию, внешнему виду) sie fühlte sich *elend* 1) она чувствовала себя очень плохо (*была больна*); 2) она чувствовала себя несчастной; 3. подлый, презренный (например, *elender Schurke* ‘подлец, мошенник’, *elendes* Zeug ‘дрянь’).

Похожее значение имеют суффиксальные производные прилагательные *elendig, elendiglich*, которые отличаются сферой употребления: первое территориально (чаще южн.), а второе относится к более высокому стилю. Прилагательное *elend* имеет и сугубо усилительную функцию: An der Kasse steht eine *elend* lange Schlange (У кассы – очень большая очередь).

Обращает на себя внимание уже сама специфика сочетаемости существительного *Elend*: в современном немецком языке существует целый ряд глагольно-именных предложных сочетаний с этим компонентом, где глагол может быть как переходным, так и непереходным со значением соответственно либо ‘разорить, ввергнуть кого-л. в критическое состояние, в бедственное положение, в нищету, сделать несчастным *ко-*

го-л., обездолить и т.п.’: *jmdn. ins Elend stürzen/bringen/treiben/verjagen*, либо ‘попасть, оказаться в бедственном, критическом положении, в нищете и т.п.’: *ins Elend geraten/fahren/stoßen/stürzen.* Аналогичны по значению сочетания с именным компонентом вместо глагольного: *der Weg ins Elend* (ср. также *Reise ins Elend, Egotrip ins Elend*).

И, если применительно к существительному перенос из сферы пространственной в социально-материальную совершенно очевиден: исключение из некоего благополучного (пусть иногда оценка и субъективна) пространства ведет к бедственному, неблагополучному состоянию, то интерпретация следующего языкового факта, связанного с ситуативным употреблением производного от *Elend* субстантивированного прилагательного *elendig* в детективном рассказе современной австрийской писательницы Б. Максиан [4] требует отдельного рассмотрения: *Rudi:* …Kam da nicht dieser… wie hat der geheißen? Mirko?...“ («Постой-ка. Тогда ведь приехал этот, как его? Мирко?» – *Sepp:* „Der Tschusch, *der Elendige*, aus Kragujevac. Und Perc hat er geheißen“ («Ну, этот тшуш, этот убогий, из Крагуевац. Перц его звали»). И это в то время, как упомянутый персонаж вовсе не находился в бедственном положении, напротив, он позиционировал себя исключительным пижоном и имел успех у дам. Просто он был *пришлым*, *чужим*. Следует также принять во внимание тот факт, что австр. нем. *Tschusch* используется как разг. пренебрежительное для выходцев из южной и восточной Европы и из восточных стран (номинация мотивирована фонетическим восприятием чужого языка: „Lauter Vatsch und Tsche. Wenn ich das nur hör… Kann doch kein normaler Mensch aussprechen.“ [4] – «Сплошные ватш и тше. Слушать невозможно... Нормальный человек этого не выговорит»).

Из системы бинарных оппозиций, семиотически отражающих окружающий мир и скоординированных между собой определенным образом [3], релевантной для нас является структура пространства и — внутри

нее — оппозиция «свой – чужой». Такие непространственные отношения идеально моделируются оппозицией *«свой - чужой»*. Оппозиция восходит к архаичным представлениям о своей территори. Так, у древних германцев она понимаемая широко. Думается, что понятие *Land*, вербализуемое соответствующей лексемой и отражающее представление о земле возделанной (исходное значение этого слова), о «своем» месте, сформировал именно оседлый образ жизни. Отсюда противопоставление своей и чужой земли. Ср. в двн. *elilend (*первоначально композит *elilend),* в гот. *alijs* ‘другой’, северогерм. *alja-markiR* ‘иноземц, иностранец’, англ. *alien* ‘чужой, иной, иностранный’; и.-е. **al-* ‘там, по ту сторону’, санскр. *anya* ‘другой’. Т.е. оппозиция выглядит как *(своя) земля – чужая земля*. «Нейтральное», пространственное, значение сохранилось, например, в современном названии территории *Elsass* (двн. *elisâzzo* «житель другого берега Рейна»). Итак, возникает *другой*, и поэтому *чужой, чуждый, непонятный* и *враждебный* и... *плохой*.

На следующем историческом этапе развития немецкого языка, в свн. лексемы *elilenti, ellende* имеет следующие значения: 1) другая страна, заграница, чужбина; жизнь на чужбине, ссылка (с *elilent* ассоциируются несчастье и враждебность); 2) тот, кто пришел из чужих земель, кто живет в чужой стране; тот, кто на чужбине, высланный за пределы своей земли, отлученный, влачащий жалкое существование, несчастный, лишенный прав.

Мотив выявленной оппозиции *«свой – чужой»* выражается в немецком языке средневекового периода многими лексемами и ярко представлен как в эпосе (например, «Песнь о Нибелунгах», «Кудрун»), так и в лирике миннезингеров. Например, лексема *fremd* от двн. *fram* (прочь, вон) все, находящееся в другом месте, стране, незнакомое, странное, непонятное, чужое, в свн. *vremde* противопоставлено, благодаря своему набору сем, разным понятиям: в значении ‘далекий’ оно противостоит *nahe* (близко); в значении ‘принадлежащий другому’ – *ei-*

gen (свой, собственный), в значении ’странный, удивительный, редкий’ – *einheimisch, bekannt, vertraut, gewöhnlich* (знакомый, обычный, привычный, такой как дома). Ср. в современном нем. *un**heim**lich* (*Heim* ‘родной дом, домашний очаг’, *Heimat* ‘родина’) ‘жуткий, тревожный, зловещий’, выражает также высокую степень какой-л. эмоции: *es wurde mir unheimlich zumute* ‘мне стало жутко не по себе’ (ср. выше усилительную функцию прилагательного *elend*).

Этот семантический мотив не уникален. Обращение к русской фразеологии дает нам похожие мотивы: ***в чужом месте, что в лесу; чужая сторона – дремуч бор***: своя сторона – возделанная, насиженная; чужая – лес, неосвоенная территория; ***чужая сторона – вор (разбойник):*** на чужбине подстерегает опасность (кстати, русск. *чужбина* исторически соответствует нем. *Elend* как по мотивации, так и по специфике словообразовательных компонентов). И, кроме того, как показывает обращение к этимологии рус. прилагательного *нищий*, мотив «убогости, несчастности» — типичный перенос значения из одной предметной сферы, пространственной, в социальную и эмоционально-оценочную: соответствующий рус. *нищий* праслав. корень является родственным

др.-инд. со значением ‘чужой, нездешний’, а также однокоренным компоненту со значением ‘наружу’. Отчасти, мы имеем дело со своеобразным метонимическим сдвигом — чужой, не-свой — убог уже потому, что не относится к своим, тот, кто на другой, чужой, территории плох и несчастен именно потому, что там плохо и убого.

Таким образом, персонаж австрийского детективного рассказа не случайно называется *der Elendige*: «привычка сознания» присвоила ему типичную атрибуцию. Он, разумеется, с презрением называется *убогим*, но именно потому, что *чужой*. Современный носитель языка не вкладывает подобного смысла в соответствующую лексему, но именно диффузный характер ее семантики с одной стороны и имма-

нентно присутствующее в мировосприятии человека архетипическое осознание окружающего мира позволяют реализоваться, казалось бы, необычному, но на самом деле вполне закономерному мотиву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509-523
2. Толстая С. М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.
3. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд 3-е, испр. М: КомКнига, 2006. 280 с.
4. Maxian, B. Beim Wein und meiner Seele. Grinzinger Kellerdialog//Gemischter Satz. Kriminalgeschichten. Hrsg. von S. Naber. Wien: echomedia buchverlag, 2010. s. 93-107.

ШАЙМЕРДИНОВА Нурила Габбасовна
(Астана, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор
Евразийский национальный университет имени Льва Гумилева
nurila1607@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ НАПРАВЛЕНИЙ СВЕТА

Аннотация. Статья посвящена реконструкции древнетюркской модели мира в письменных рунических памятниках раннего средневековья. На основе направлений света, структурно составляющих древнетюркской модели мира, раскрываются пространственные смыслы древних тюрков, отраженные в древнетюркском языке.

В проблеме изучения развития древних языков, безусловно, дискуссионным является использование современных теоретических методологий для анализа древних текстов (письменных памятников). Известное высказывание: «Язык отражает действительность» – позволяет исследователям древних текстов исходить от объекта (от древних текстов) к их интерпретации, анализу и созданию на базе этого анализа определенных умозаключений. Например, исследуя пантеон восточных славян и их культовые традиции, Вяч. Иванов, В.Н. Топоров на основании бинарных оппозиций реконструируют древнеславянскую модель мира и представляют её в следующих семантических оппозициях: *высший-первый, белый-черный, бессмертие-смерть, близкий-далёкий, варе-*

ный-сырой, видимый-невидимый, восток-запад, день-ночь, доля-недоля, дом-лес, жизнь-смерть, земля-вода, четный-нечетный, небо-земля, огонь-влага, предки-потомки, прямой-кривой, сакральный-мирской, свой-чужой, суша-море, сухой-мокрый, человек-нечеловек, человеческий-звериный, счастье-несчастье, чёт-нечет, чистый-нечистый, юг-север, явленный-неявленный и т.д. [1: 17-54]. На наш взгляд, эти семантические оппозиции иллюстрируют основные понятия, по которым древние славяне жили и воспринимали мир: их образ жизни (*дом-лес, доля-недоля*), питание (*вареный-сырой*), территорию (*суша-море, сухой-мокрый*), верование (*чистый-нечистый*), отношения с другими племенами (*близкий-далёкий, свой-чужой*) и другие понятия, важные в процессе осмысления мира славянами.

Исследования языка древнетюркских рунических текстов (Орхоно-Енисейских памятников VI-XI вв. н. э.) позволило нам реконструировать древнетюркскую модель мира. Ключевыми единицами в представлении древнетюркской картины мира оказались отдельные концептуальные слова, типа 𐰇𐰼 *el* (государство*)*, 𐰋𐰼𐰛 *er* (воин), 𐰉𐰺𐰞𐰼𐰞 *budun* (народ), 𐰣𐰃𐰣𐰇 *mangi* (вечный); бинарно повторяющиеся лексемы 𐰴𐰣𐰇 𐰴𐰣𐰇 *kün-tün* (день-ночь), дериваты 𐰀𐰲𐰼𐰛 *ashtyk* (голод); клишированные сочетания и выражения в текстах так называемых больших памятников Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор: 𐰣𐰋𐰼𐰇 𐰃𐰋𐰇 *Teŋri- Umaj*, 𐰞𐰼𐰏 𐰋𐰏 *Jer-Sub (Тенгри-Умай и Земля-Вода);* 𐰼𐰞𐰼𐰞 𐰇𐰋𐰣𐰇*tört buluŋ* (четыре угла);𐰼𐰇𐰋𐰇𐰼𐰞 𐰣𐰋𐰃𐰋𐰛 *öŋjeki-qurjaqy* (восток-запад); 𐰼𐰇𐰋𐰇𐰃 𐰣𐰋𐰃𐰋𐰛𐰇 *jyrjaqy-berjeki* (север-юг);𐰴𐰇𐰋𐰇 𐰼𐰺𐰇𐰃 *berden-jyrdan* (справа-слева); 𐰛𐰇𐰣 𐰛𐰇𐰋𐰛 *üsti-asta* (верх-низ); 𐰴𐰇𐰋𐰣 𐰼𐰺𐰇𐰼𐰣 *öŋden-qurdan* (вперед-назад); 𐰼𐰇𐰃𐰛 𐰴𐰇𐰼*jaqyn-uzaqy* (близкий-далекий); 𐰋𐰇𐰋 𐰋𐰇𐰇*saryɣ-qaryɣ* (светлый-темный);𐰋𐰣𐰋 𐰛𐰇𐰇*kök-qara* (голубой-темный); 𐰛𐰇 𐰞𐰇𐰼*ata-uruq* (предок-потомок); 𐰼𐰇𐰃 𐰣𐰋𐰇𐰇*jarqan-meŋgü* (творимое-вечное);𐰇𐰛 𐰣𐰇 *az-üküs*(малочисленный-многочисленный);𐰋𐰇𐰇 𐰇𐰋𐰣*tirig-ölüt* (жизнь-смерть);

𐰴𐰓𐰇 𐰴𐰺𐰇𐰔 *qayan-bodun* (каган-народ); 𐰲𐰼𐰞 𐰉𐰆*kentü-jat* (свой-чужой); 𐰃𐰇𐰴𐰇 𐰋𐰣𐰞*aqlaqčy-kišig* (старший-младший);𐰚𐰴 𐰞𐰃*alp-er* (герой-муж); 𐰚𐰲𐰋𐰚 𐰲𐰲𐰼*tegüt-sünüš* (походы и сражения); 𐰃𐰴𐰓 𐰞𐰃 𐰃𐰴𐰓 𐰚𐰇*eroγly-qyz oγly* (мужской-женский);𐰃𐰞𐰼𐰋 𐰚𐰞𐰲𐰚 𐰃𐰣𐰔𐰲 *türük bekleri-sübašy* (тюркские беки и военоначальники);𐰚𐰞𐰲𐰚 𐰇𐰼𐰔𐰉 *türük-tabγač* (тюрки-табгачи); 𐰚𐰞𐰲𐰚 𐰇𐰋𐰞𐰲𐰚*türük- türgeč* (тюрки-тюргеши); 𐰚𐰞𐰲𐰚 𐰚𐰇𐰲𐰇 *türük-qyrqyz* (тюрки-кыргызы);𐰚𐰞𐰲𐰚 𐰚𐰼𐰓 𐰚𐰴𐰃𐰉 *türük-toquz-oγuz* (тюрки-тогыз-огузы); 𐰋𐰼𐰚𐰚 𐰼𐰴𐰣𐰔 *tizilig-bašlyγ* (имевших колени-имевших головы);𐰃𐰇𐰲𐰃 𐰃𐰇𐰉𐰼𐰣*joqčy-šyγytčy* (плачущие-скорбящие); 𐰴𐰔𐰴𐰔 *balbal* (балбалы); 𐰞𐰺 𐰇𐰲𐰚𐰇𐰲*Ötüken jer* (Отюкенская земля) и т.д. [2: 47].

Указанные слова и выражения являются индикаторами древнетюркской картины мира, т.е. языковые значения раскрывают процесс категоризации и концептуализации мира в сознании древних тюрков. Таким образом, реализуется дихотомия от значения к знаниям, от языковой формы к когниции как познавательной единице мира и мышления. Категории и концепты дают представления древних тюрков о времени, пространстве, количестве, направлениях света; раскрывают социальные проблемы и этнокультурные традиции**.** Более детально остановимся на представлениях о направлениях света.

Осмысление древнетюркской действительности, на наш взгляд, происходит на основе жизненного опыта, перцептивно-чувственного восприятия мира, следованию традиции предшествующих поколений, т.е. на базе обыденного познания, которое в современных исследованиях характеризуется как наивное понимание («наивная картина мира», «наивная модель мира»). По мнению Ю.Д. Апресяна, складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка [3: 57]. В наивной картине мира воплощаются отнюдь не примитивные знания, а знания, име-

ющие донаучный характер, знания, накопленные коллективом (этносом) в результате многовековой познавательный деятельности окружающего мира (природы и социума), и приобретается этот опыт на основе чувственно воспринимаемых эмпирических знаний. Поэтому в теории познания понятие *наивный* чаще всего сопоставляется с понятием научный (энциклопедический, рационально-понятийный). Понятие наивный, по мысли Ю.Д. Апресяна, обозначает «обыденное, донаучное сознание, которое по своей сущности ничуть не беднее логического мышления, поскольку в нём аккумулируется весь исторический опыт познания мира. Наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные [4: 351]. Наивная картина мира в обозначении сторон света в рунических памятниках отражается в выражении «четыре угла»: *…Севъ (на царство), онъ поддерживалъ и устроялъ племенной союзъ и установленія турецкаго народа.* ***Четыре угла*** *(т.е. народы, жившіе вокругъ по всемъ* ***четырёмъ странамъ*** *света) все были (ему) врагами; выступая съ войскомъ, онъ покорилъ все народы, жившіе по* ***четырёмъ угламъ****, и принудилъ ихъ всехъ къ миру* [5: 64].

В выражении **«четыре угла»** содержится несколько смыслов: во-первых, обозначение сторон света (*по всемъ четырёмъ странамъ света*); во-вторых, наивное представление о сфере Земли. Как отмечает С.Г. Кляшторный: «Земля представлялась создателям текстов четырёхугольным (квадратным) пространством, населённым по краям народами, враждебными тюркам» [6: 122]. В-третьих, раскрывается картина расселения, передвижения, завоеваний тюркских военачальников, обозначается то огромное пространство, на которое распространялась власть древнетюркской конфедерации племен.

Значение сторон света в рунических памятниках определяется, как сказано выше, эмпирическими знаниями, которые формировались из наблюдений за окружающим миром природы, из исторического опыта и

традиций, передаваемых из поколения в поколение. Р.Б. Иманалиева пишет, что в Древнем Китае и Монголии ориентировка храмов, жилищ, захоронений направлена была на юг, у древних тюрков – на восток, в Древнем Египте – лицом к Нилу, на Таймыре – на север, где находится царство мёртвых. До наших дней сохранились древнетюркская восточная ориентировка жилищ у западных тувинцев и памирских киргизов, китайско-монгольская южная ориентировка юрт у каракалпаков и узбеков [7: 85].

Часто употребляемые в рунических текстах направления света **восток-запад, юг-север** отражают, с одной стороны, эмпирически опытные знания древних тюрков, с другой стороны, содержат ценностные смыслы, присущие их ментальности: *Справа, с юга, народ табгач был ему врагом, слева, севера, народ тогуз-огузов, Баз-кагана был врагом* [8: 187].

Оппозиции **восток-запад, юг-север**, на наш взгляд, отражают субъектно-антропоцентрический и ценностно-ориентированный смыслы древнетюркской картины мира.

В тексте Орхоно-Енисейских памятников неоднократно повторяются сочетания *«вперёд на восток», «назад на запад»*. Тем самым воссоздается образ средневекового вооруженного воина на коне, стремительно скачущего, то *«вперёд на восток»,* то *«назад на запад»*, то *«справа на юг»*, то *«слева на север»*. Этот образ глубоко символичен, ибо, как полагает З. Самашев, «… всадник на коне, изредка со знаменем в руках, с луком в налучье и пикой, *становится своеобразной эмблемой средневекового периода* (выделено – Ш.Н.), когда на авансцене истории появляются могущественные вожди кочевых государственных образований, племенных союзов, племен и родов, а также полководцы, герои и др.» [9: 45].

Пространственные ориентиры, воссоздающие символический образ всадника на коне, содержат и обобщенный антропоцентрический

смысл, олицетворяют образы людей от рядового тюркского воина до военачальников, беков, шадов, тарханов, каганов. Поэтому пространственные конструкции используются в предложениях, в которых есть субъекты действии «я», «мы», «они» («*мы ходили», «я прошёл», «ты ходил»),* воссоздающие образы этих воинов: *Вперёд (на восток) я прошёл войском до Шандунской равнины. Немного не дошёл до моря. Направо (на юг) я воевал до Тогуз-Ерсен. Немного не дошёл до Тибета. Назад (на запад), переправясь через реку Инчу, я ходил походом до Темир-Капыг. Налево (на север) я прошёл войском до Йер-Байырку. Столько земель я покорил* [8: 262]. В предложении стороны света активно сочетаются с акциональными глаголами, воссоздающими в совокупности движение, динамичность, порыв – *«вперёд (на восток) я прошёл», «направо (на юг) я воевал», «назад (на запад)… я ходил», «налево (на север) я прошёл».*

В ценностно-ориентированных представлениях **восток и юг** имеют положительный, **запад и север** – отрицательный смыслы.

В направлениях света **восток** для древних тюрков имеет особое значение именно *на восток* устремлены все походы и завоевания тюрков «*вперёд на восток*» (Ср.: «*назад на запад*»):

1. *С моим дядею-каганом мы ходили войною* ***вперед (т.е. на восток)****, вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга…* [10: 38].

2. ***Вперёд (т.е. на восток)*** *за Кадырканской чернью мы так поселили народ, так обустроили. Назад (т.е. на запад) до Кенгу Тармана мы поселили тюркский народ. Так обустроили* [8: 187].

3. *То ходил ты* ***вперёд (т.е. на восток****), то ты ходил назад (т.е. на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), как горы...* [10: 39].

Восток содержит аксиологически ценностный смысл: *восток (вперёд)* – это хорошо, т.е. поход, наступление и, значит, победа; *запад (назад)* может быть менее ценным. Положительные смыслы «востока» у тюрков связаны солнцем, с его концептуализации. В сознании древних тюрков восток означает свет, светлость, восход солнца, напротив, запад ассоциируется с закатом солнца, темной, теневой стороной, и даже близостью с ночью. Поэтому вырисовываются позитивные смыслы сознания: *Вперёд, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга* [10: 37].

В такой положительной и отрицательной оппозиции находятся *юг* и *север*. Юг, как и восток, в сознании тюрков ассоциируется с солнцем, дневным светом, а север представляется как страна ночи: *Впереди, (въ стране) солнечного восхода, справа (въ стране) полуденной, назади (въ стране) солнечного заката, слева (въ стране) полуночной – (повсюду) тамъ (т.е. въ этихъ пределахъ) живущие (букв.: находящиися внутри) народы все мне подвластны столькие народы я устроил* [5: 61]. У оппозиций *восток-запад, юг-север* имеются смысловые соотношения *справа – слева, полуденное – полуночное, вперед – назад.* Лексемы «*вперед*, *справа, полуденное»* соотносятся с югом, а слова «*назад*, *слева, полуночное»* – с севером. Эти смысловые обозначения подтверждаются и данными древнетюркского словаря, в котором имеются следующие производные слова: kunortu – 1) полдень, 2) юг, полуденный; kuntin, kuntun – южный; kundam – солнечный; tunortu – полночь, tunsari – север (букв. сторона ночи) [11: 326-327; 597].

Таким образом, в текстах стороны света *восток и запад, север и юг* «четыре угла» отражают наивную картину мира древних тюрков, их эмпирически опытные знания, передают направления движения, воссоздают образ человека, воина, являющегося символом средневекового

мира, содержат ценностно-оценочные смыслы, раскрывающие особенность понимания пространства древними тюрками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с.
2. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. Астана: Арман-ПВ, 2009. 225 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
5. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб: ЗВОРАО, 1899.150 с.
6. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии. М.: Изд-во «Наука», 1964. 212 с.
7. Иманалиева Р.Б. К вопросу об этимологии стран света в казахском языке // Проблемы этимологии тюркских языков. Алматы, Гылым, 1990. С. 85-92.
8. Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Атлас Орхонских памятников (перевод Н.Г. Шаймердиновой и др). Астана: Күлтегін, 2005. 360 с.
9. Самашев З. Графическое искусство средневековых народов Великой степи // Тюркское наследие Евразии VI-VIII вв. Астана, 2008. С. 41-91.
10. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М-Л.: Изд- во АН СССР, 1951. 451 с.
11. Древнетюркский словарь. Редакторы В.М. Неделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 678 с.

Сообщения

БАЛЯКИНА Юлия Владимировна (*Владимир, Россия*)

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ СОШ № 21
july.balyackina@yandex.ru

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЖИВОТНЫЙ МИР» ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ

Аннотация. Статья посвящена лексикографическому описанию диалектной лексики Владимирской области (на материале тематической группы «Животный мир»).

Диалектное слово находится в неразрывной связи с самобытностью народа, его национальной культурой. Изучение областных говоров

представляет уникальную возможность прикоснуться к истории русского языка, поскольку в записях живой народной речи сохраняется то, что было утрачено в литературном языке (В.И. Даль, И.А. Попов, Ф.П. Сороколетов, В.В. Колесов, О.Д. Кузнецова, О.И. Блинова и др.) [1; 5; 6].

Записи и материалы, собранные студентами ВлГУ (ранее – ВГГУ, ВГПУ, ВГПИ) во время прохождения диалектологической практики, которой длительное время руководила доцент кафедры русского языка Римма Сергеевна Канунова (Овчинникова) [3], служат основой для дополнения «Лексического атласа русских народных говоров», а также для составления «Владимирского областного словаря». Первый выпуск по теме «Грибы» был подготовлен Р.С. Кануновой в 1999 г. [3], второй – «Лексика природы» – вышел под редакцией М.Вас. Пименовой в 2012 г. [4], в 2013 г. был опубликован дополненный третий выпуск под редакцией А.С. Малахова, однако полного, законченного словаря владимирских говоров до сих пор не существует, что и определяет актуальность нашей работы [7].

При описании собранного нами лексического материала владимирских говоров в общей семантической группе «Животный мир» можно отметить несколько подгрупп: дикие животные, домашние животные, птицы, насекомые, звуки, издаваемые животными и под.

О.И. Блинова выделяет два типа диалектных различий: противопоставленные и непротивопоставленные [1: 178]. В данной статье будут описаны элементы противопоставленных диалектных различий, т.к. непротивопоставленные диалектные различия не были выявлены в тематической группе «Животный мир».

Приведем несколько примеров диалектных слов из разных лексико-семантических подгрупп.

1. Дикие животные

Для обозначения *волка, волка обыкновенного* (лат. Canis lupus) – хищного млекопитающего семейства псовых, во Владимирской области используются такие диалектные слова как: БИР**Ю**К, ВОЖ**А**К, ВОЛЧ**А**РА, В**О**ЛЧИК, ВОЛЧ**И**НА, В**О**ЛЧИШКА, ВОЛЧ**О**К, ВОЛЧ**И**ЩА, В**О**ЛЧИЩА, ВОЛЧ**И**ЩЕ, ШАК**А**Л. Существительные БИР**Ю**К, ВОЖ**А**К, ШАК**А**Л, ВОЛЧ**А**РА являются абсолютными синонимами по отношению друг к другу и к слову *волк*, следовательно, перед нами группа собственно лексических диалектных различий, основанная на семантическом тождестве. С другой стороны, некоторые из этих слов могут быть литературно-диалектными омонимами. Например: БИР**Ю**К – ‘нелюдимый и угрюмый человек’; ВОЖ**А**К – ‘человек, который ведёт за собой кого-либо’; ВОЛЧ**А**РА – ‘нахал, рвач, человек с хищническим, потребительским характером, эгоист’; ШАК**А**Л – ‘жадный, хищный человек’ [2; 8]. Согласно классификации О.И. Блиновой [1], слова БИР**Ю**К, ВОЖ**А**К, ШАК**А**Л, ВОЛЧ**А**РА относятся к собственно-лексическим противопоставленным диалектным различиям, основанным на материальном тождестве, а слова ВОЛЧ**А**РА, ВОЛЧ**И**ЩА, В**О**ЛЧИЩА, В**О**ЛЧИК, ВОЛЧ**О**К, ВОЛЧ**И**НА, В**О**ЛЧИШКА, ВОЛЧ**И**ЩЕ, являются вариантными противопоставленными диалектными различиями. ВОЛЧ**И**ЩА, В**О**ЛЧИЩА – это фонетические (акцентологические) варианты слова, так как различаются местом ударения. Слова ВОЛЧ**А**РА, ВОЛЧ**И**ЩА являются морфологическими (словообразовательными) вариантами, так как различаются суффиксами -АР-, -ИЩ-; В**О**ЛЧИК, ВОЛЧ**О**К – суффиксами -ИК-, -ОК-; ВОЛЧ**И**НА, В**О**ЛЧИШКА – суффиксами -ИН-, -ИШК-. Слова ВОЛЧ**И**ЩЕ, ВОЛЧ**И**ЩА отличаются склонениями (ВОЛЧ**И**ЩЕ – 2 склонение, ВОЛЧ**И**ЩА – 1 склонение), поэтому относятся к морфологическим (грамматическим) вариантным различиям.

Таким образом, на территории Владимирской области выделяется 11 названий (слов и вариантов слова) волка, волка обыкновенного: *бир**ю**к, вож**а**к, волч**а**ра, в**о**лчик, волч**и**на, в**о**лчишка, волч**о**к, волч**и**ща, в**о**л-*

*чища, волч**и**ще, шак**а**л.* Слова *волчина, волчище* – самые распространенные на всей территории Владимирской области. Слова *бирюк, вожак* – общенародные, однако, в некоторых регионах употребляются в других значениях. Слово вожак – мотивированное, принцип мотивации – традиционный: название предмету (волку) дается по характерному признаку, по которому он выделяется из ряда подобных. Вожак – крупный волк: *самый большой волк у их – вожак* (Кольч., Беречино).

2. Домашние животные

Прилагательные БОД**А**ТЫЙ, БОД**А**ЧИЙ, БОД**У**ЧИЙ, КОЗЫР**Я**ЧИЙ используют для обозначения группы полорогих парнокопытных млекопитающих – быков (лат. Bovini). БОД**У**ЧИЙ (или БОД**А**ТЫЙ, БОД**А**ЧИЙ), КОЗЫР**Я**ЧИЙ – абсолютные диалектные синонимы (основаны на семантическом тождестве), относятся к собственно-лексическим противопоставленным диалектным различиям. А слова БОД**А**ТЫЙ, БОД**А**ЧИЙ, БОД**У**ЧИЙ, согласно классификации О.И. Блиновой [1], относятся к вариантным противопоставленным диалектным различиям, морфологические (словообразовательные) варианты, отличающиеся суффиксами -АТ-, -АЧ-, -УЧ-. Слова БОД**А**ТЫЙ, БОД**А**ЧИЙ можно отнести и к вариантным фонетическим диалектным различиям, так как встречается чередование «т» и «ч» в суффиксах.

3. Птицы

Для обозначения береговой ласточки (лат. Hirundinidae), небольшой перелетной птицы семейства ласточковых, используют такие диалектные слова: БЕРЕГОВ**У**ШКА, ВЕСН**И**ЦА, Л**А**СТА, ЛАСТ**И**ХА, ЛАСТ**У**ША, Л**А**СТУШКА. Существительные БЕРЕГОВ**У**ШКА, ВЕСН**И**ЦА, Л**А**СТА (или ЛАСТ**И**ХА, ЛАСТ**У**ША, Л**А**СТУШКА) – относятся к собственно-лексическим противопоставленным диалектным различиям, основанным на семантическом тождестве, так как являются диалектными синонимами, однако, слово ‘Л**А**СТА’ является еще и диалектным омонимом: Л**А**СТА – ‘плоскость, неизменность, равнина’ [2; 8]. К вариантным противо-

поставленным диалектным различиям относят слова ЛАСТ**И**ХА, ЛАСТ**У**ША, Л**А**СТУШКА – это морфологические (словообразовательные) варианты, отличающиеся суффиксами -ИХ-, -УШ-, -УШК-.

4. Насекомые

Для обозначения класса беспозвоночных членистоногих животных – насекомых (лат. Insecta) – используют следующие диалектные слова: УК**А**Н, БУКАР**А**, БУКАР**А**ШКА, БУК**А**ХА, БУК**А**ШКА, МОШКОР**А**. БУК**А**Н (или БУКАР**А**, БУКАР**А**ШКА, БУК**А**ХА, БУК**А**ШКА), МОШКОР**А** входят в группу собственно-лексических противопоставленных диалектных различий, основанных на семантическом тождестве; являются диалектными синонимами. Примером собственно-лексических противопоставленных диалектных различий, основанных на материальном тождестве, служит слово МОШКОР**А –** это диалектный омоним (МОШКОР**А –** то же, что и мошки [2; 8]. К вариантным противопоставленным диалектным различиям относят слова БУКАР**А**, БУКАР**А**ШКА – морфологические (словообразовательные) варианты, отличаются суффиксом -АШК-; БУК**А**ХА, БУК**А**ШКА – отличаются суффиксом -АШК-.

Слова В**О**ЯТЬ, Г**У**КАТЬ, употребляемые в значении ‘издавать звуки, характерные для волка’, являются абсолютными диалектными синонимами, относятся к группе собственно-лексических диалектных различий. Кроме того, слово Г**У**КАТЬ – внутридиалектный омоним, различающийся на территории Владимирской области по особенностям употребления, например, в Собинском районе Г**У**КАТЬ – ‘издавать звуки, характерные для волка’, а в Ковровском районе это же слово используется в значении ‘издавать звуки, характерные для совы’ (*по ночам только и гукают совы*).

Следует отметить, что вариантные лексемы, как видно из примеров, «…во владимирских говорах чаще выделяются не по какому-то одному признаку (ударению, фонемному составу, грамматической харак-

теристике, особенностям словообразования), а сразу по целому их комплексу» [3: 76].

Диалектная лексика находится в состоянии непрерывного изменения и развития: в её составе под влиянием литературного языка появляются новые слова, исчезают старые, происходят различные семантические изменения. Необходимо продолжать изучение данной темы, чтобы зафиксировать индивидуальные лексические особенности говоров пока это возможно, и тем самым предупредить процесс их необратимой утраты, важно «… сохранить для истории те названия, которые имеются (или имелись) в народном языке в наше время, но постепенно уходят из языка в силу различных причин» [1: 178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск: Томский университет, 1975.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
3. Канунова Р.С. Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Вып. 1. Владимир: ВГПУ, 1999.
4. Канунова Р.С., Матсапаева Е.М., Епифанова К.В. Владимирский областной словарь: лексика природы / Под ред. М.Вас. Пименовой. Владимир: ВлГУ, 2012.
5. Колесов В.В. Русская диалектология: учебное пособие для филологических факультетов. М.: Высшая школа, 1990.
6. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960.
7. Лексика природы владимирских говоров: метеорологические и астрономические явления, ландшафт, растительный и животный мир / Сост. А.С. Малахов, М.М. Малахова, М.В. Артамонова, К.М. Богрова, Р.С. Канунова. Владимир: ВлГУ, 2013.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.И. Толковый словарь русского языка. М.: Наука, 1999.

ГАЛЕЕВА Татьяна Рашидовна (*Владимир, Россия*)
студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
tatyana.galeeva.97@mail.ru

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ИСЧЕЗНУВШИХ С КАРТЫ
(на материале Камешковского района Владимирской области)

Аннотация. В статье рассматриваются способы номинации географических названий, исчезнувших с карты Владимирской области (на материале Камешковского района): антропотопонимы, оронимы, зоотопонимы,

производственные топонимы, фитотопонимы, а также единичный случай проявления способа номинации по количеству жителей.

Топонимикой Владимирской области занимались такие ученые, как В.И. Тагунова, В.В. Носкова, М.М. Сывороткин, Е.А. Лукьянова, В.В. Волков, краеведы Н.В. Фролов, С.Д. Лапшин, В.Е. Базанова, И.В. Якунина, З.Е. Дорофеева и др., однако «исчезнувшие» географические названия Камешковского района не становились предметом специального исследования.

В качестве источников нами были привлечены летописи, договорные и духовные грамоты, карты данной территории XVII, XVIII и XIX вв., документы, фиксирующие административное деление области, записи ЗАГСа и др. Всего нами было выявлено 27 «исчезнувших» ойконимов: 23 деревни (*Будылицы, Волково, Выселки, Высоково, Городина*, *Гусево, Денисово, Елякино, Ефимовка, Жаденка Катраиха, Константиновка, Курово, Лесжени, Лужки, Объедово*, *Папулово, Парфеново, Полушино, Пропасти*, *Смыкуша, Чешково, Шелухово)* и четыре села (*Великое, Дудово, Михалково*, *Чириково*).

Причины утраты исследуемых географических названий, как показывает наш материал, следующие:

- слияние с другими населенными пунктами: село *Дудово* соединилось с деревней *Приволье* (ранее – *Объедово*) [16: 18], д. *Чешково* → с. *Лаптево* [5]; д. *Константиновка* (далее – *Малое Чешково*) → с. *Лаптево* [5]; с. *Чириково* → д. *Палашино* [5]; с. *Михалково* → с. *Карякино* [16: 80];

- уничтожение по воле помещика и расселение жителей по другим селам и деревням – с. *Городино* [6: 126];

- изменение административной принадлежности: д. *Лужки,* д. *Денисово*, д. *Волково*, д. *Парфеново* – перешли во владения вотчины Покровского Суздальского женского монастыря [4], д. *Елякино* (теперь там проходит Нижегородское шоссе) [5];

- включение в состав города: д. *Пропасти* (ул. *Пропасти* → ул. *Будылева* → ул. *Победы*) [3];

- переименование названий, имеющих пейоративную внутреннюю форму, после 1917 г. – д. *Жаденка* (д. *Нерлинка*) [6: 152], д. *Объедово* (д. *Приволье*), д. *Сколозубово* (д. *Рябиновка*), д. *Пропасти* (ул. *Победы*) [6: 153].

Анализируемые единицы образованы путем использования шести основных способов номинации. Первая группа – **антропотопонимы** – ойконимы, образованные от имен первопоселенца (личное имя, фамилия первого поселенца/ владельца).

Например: д. *Городина* – по фамилии крестьянской семьи переселенцев, которая в 1850 г. вместе с другими (Фердечакова, Яковлева, Щекина) была куплена помещиком Рачинским в Кашинском уезде Московской губернии и поселена среди существовавшего в то время большого леса; д. *Ефимовка* в приходе Староникольского погоста, принадлежащая помещикам Алалыкиным – по имени крестьянина Ефима Круглова [1: 41]; д. *Лесжени* – из этой деревни вышел известный мещанский род Лежденевских (вначале они писались Лезженевскими), основатель которого – крестьянин Лезженей Василий Яковлевич [16: 18]; с. *Михалково* – антропотопоним от имени Михаил, одного из сыновей владельца михайловского имения Карякина [16: 80]; с*. Чириково* – от фамилии первопоселенца Чирикова [16: 76].

Вторая группа ойконимов – это **оронимы**, т.е. название сел и деревень, образованных от топографических признаков местности (особенностей рельефа): с. *Великово (*большое по размеру*),* д. *Высоково* (находится на возвышенности), д*. Пропасти* (болотистая местность, грязь*),* д. *Полушино (полуша ‘*самая мелкая’ [14]), д. *Катраиха* (*катран*, т.е. ‘смола’, ‘земля пропитанная нефтью’ [14]).

Третья группа – **зоотопонимы** (по названию живых существ, которые наблюдались в данной местности): д. *Гусево,* д. *Курово,* д. *Волково,* д. *Смыкуша* (*смык* т.е. ‘уж’, *смыкати* ‘набрасываться’ [14]).

Четвертая группа **– производственные топонимы**, название которых связано с видом деятельности жителей населенного пункта: д. *Дудово* (от *дудка*, *дудеть*), д. *Папулово* (от *папа*, значит ‘хлеб’ [13]).

Фитотопонимы – это группа ойконимов, название которых происходит от наименований растительности в данной местности, например: д. *Лужки* – лужки → луг, суффиксация и чередование ж//г; д. *Еляково* – *ель* как главная растительность в этой местности; д. *Шелухино* – *шелуха* в значении ‘скорлупа’, ‘трещать’, ‘шуршать’ [14]. Вероятнее всего, дорога в данном населенном пункте была проложена по глинистой почве с помощью черепков или опилок/шелухи.

Еще один случай – единичный – способ номинации по **количеству жителей**: д. *Чешково* (*чех*, т.е. ‘толпа’ др.-русск. *чехы* мн.ч. (используется в «Повести временных лет» наряду с *чахы*, *ляхы,* также в «Слове о погибели русской земли» и Новгородской 1 летописи; см. Соболевский). Следовательно, древней является лишь форма *сехъ*, которая представляет собой, по-видимому, уменьш. от **cetьnikъ: ceta* ‘отряд, толпа’ [14]).

В заключение следует подчеркнуть, что «топонимика служит ценнейшим источником для исследования истории языка», а дальнейшее изучение «исчезнувших» географических названий позволит «…восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области распространения языка, географию культурных и экономических центров, торговых путей» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанова В.Е. Серебровские краеведы о родном крае. М., 2007.
2. Булина В.П., Голованова Т.И. Административно-территориальное деление Владимирской области: Справочник. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд., 1983. С. 122-130.
3. Владимирская область. Административно-территориальное деление / Исполнительный комитет Владимирского областного совета депутатов трудящихся. Владимир, 1974.

4. Знаменская летопись Яковлевской церкви, XVIII – XIX вв. (хранятся в государственном архиве Владимирской области).
5. Карта Камешковского уезда 1740 года / Архивные данные ЗАГСа Камешковского района.
6. Лапшин С.Д. Исторические зарисовки // Память сердца: сборник. М., 2007. 264 с., ил.
7. Материалы для истории Владимирской епархии, Вып.1-2, Владимир, 1984.
8. Нерознак В.П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
9. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
10. Суперанская А.В. Что такое топонимика. М., 1984.
11. Типография и статистика сельских приходов во Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости. 14 апреля-26 мая 1878.
12. Цветкова Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. Вып. 4. С. 106-109.
13. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: Дрофа, 2000. 399 с. Режим доступа: https://shansky.lexicography.online/?_ga=2.83356182.1226367931.1507915746-1790826982.1495137588, свободный.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. 3-е издание. М.: Наука, 1996. Режим доступа: https:// vasmer.lexicography.online, свободный.
15. Фролов Н.В. Летопись Ковровского уезда. Вып.1. Ковров, 1994.
16. Фролов Н.В. Из истории Владимирской губернии. Из истории Камешковского края // Память сердца: сборник. М., 2007. 264 с., ил.

ДЕМАКОВА Арина Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ «Стародворская СОШ»
demakova.arina@mail.ru

КОНЦЕПТ ‘МИР’
(на материале рассказа В.А. Солоухина «Камешки на ладони»)

Аннотация. Статья посвящена описанию концепта 'МИР’ на материале работы В.А. Солоухина «Камешки на ладони»

В настоящее время в современной лингвистической науке активно изучаются отдельные концепты, составляющие национальную концептосферу (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Астремская, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Д.С. Лихачев и др.) [2:39]. При таком подходе языковая номинация объ-

ектов и явлений внешнего мира неразрывно связывается с особенностями их восприятия человеком, актуальными оказываются такие проблемы, как связь языка и сознание языка и культуры (А.А. Зализняк, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, О.А. Корнилов и др.) [3: 76; 4: 131]. В свете антропоцентрической парадигмы знания значение слова не исчерпывается зафиксированным словарной дефиницией понятием, а само слово соотносится с концептом.

М.Вас. Пименова полагает, что большинство из предложенных дефиниций, отождествляющих концепт с тем или иным существующим термином (*понятие, представление, значение, смысл, этимон, слово* и под.), не указывают на место данного феномена в языковой системе, поэтому исследователь, опираясь на подход В.В. Колесова, предлагает следующее определение, вводящее, по мнению автора, понятие концепта в сферу лингвистики: «Концепт – это единица эмического уровня (сопоставимая с фонемой, лексемой, морфемой и др.), которая на этическом уровне репрезентируется при помощи сигнификата (содержания и объема понятия), лексического значения и внутренней формы слова (способа представления внеязыкового содержания)» [8: 12].

В русском языке слово *мир* интерпретируется по-разному. С помощью концептуального, компонентного и этимологического анализа возможно проследить различие смысла ‘мир’ в разных словарях. Инструментарий компонентного анализа “приложен” к словарным дефинициям при словах *мир* в словарях различных типов.

Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение слову *мир:*

МИР[1] – 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенная. Происхождение мира. 2. Отдельная область Вселенной, планета. Звездные миры. 3. Земной шар, Земля, а также люди, население земного шара. *Первые в мире*. 4. Объединенное по каким-н. признакам человеческое общество, общественная среда, строй. *Античный мир. Научный мир.* 5. Отдельная область жизни, явле-

ний, предметов. *Мир животных, растений*. 6. Светская жизнь в противоположность монастырской жизни, церкви (устар.) 7. Сельская община с ее членами (устар.). *Всем миром (все сообща).*

МИР[2] – 1. Согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны. *Жить в мире*. 2. Соглашение воюющих сторон о прекращении войны. *Заключить мир* 3. Спокойствие, тишина. *Мир вашему дому!* [Ожегов: 882].

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова определяет слово *мир* следующим образом:

МИР[1] – 1. Дружеские согласные отношения между кем-нибудь, отсутствие разногласий, вражды или ссоры. *Жить в мире с кем-нибудь.* 2. Тишина, покой, спокойствие. *В душе мир и спокойствие*.

МИР[2] – 1. Вселенная в ее совокупности; система мироздания, как целое. *Теории о происхождении мира*. 2. Отдельная часть мироздания, вселенной; планета (книжн., поэт.). *Бесконечность миров.* 3. Какая-нибудь отдельная сфера жизни или область предметов, явлений (книжн.). *Неорганический мир*. 4. Земной шар вместе со всем существующим на нем. 5. Люди, население земного шара. *Мир за себя постоит* [Ушаков: 302].

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля дает следующее определение слову *мир:*

МИР[1] – 1. Вселенная; 2. Вещество в пространстве и сила во времени; 3. Одна из земель вселенной; 4. Наша земля, земной шар, свет; 5. Все люди, весь свет, род человеческий; 6. Община, общество крестьян; 7. Сходка.

МИР[2] – 1. Отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; 2. Лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; 3. Тишина, покой, спокойствие. *У них в доме мир и благодать* [Даль: 858].

Русский толковый словарь В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной определяет слово *мир* следующим образом:

МИР[1] – 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве. *Познание мира*; 2. Отдельная часть вселенной, планета. *Звездные миры*; 3. Земля, а также люди и все, что существует на земле. *Карта мира. Чемпион мира*; 4. *Чего и какой*. Объединенное по каким-нибудь признакам человеческое общество, общественная среда. *Приобрести известность в артистическом мире*; 5. *Чего, какой и чей*. Отдельная область жизни, явлений, предметов. *Духовный мир. Мир музыки*.

МИР[2] – 1. Отсутствие вражды, войны, ссоры. *Сохранить мир в своей стране;* 2. Соглашение о прекращении войны. *Заключить мир.* [Лопатин: 398]

Большой академический словарь русского языка (3-е изд.) под редакцией К.С. Горбачевича, А.С. Герда и др. дает следующее определение слову *мир:*

МИР[1] – 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве; *Но что бы мы ни встретили в мире, все это лишь разнообразие формы единой изменяющейся материи*; 2. Отдельная часть Вселенной; планета. *Одним взглядом я обнимал движение бесчисленных миров*; 3. Земной шар, земля со всем существующим на ней. *Ключевая же вода в Гастейне решительно первая в мире; подобной я нигде не пивал*; 4. Какая-либо сфера, область явлений в природе. *Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых*; 5. Определенный круг явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений и т.п.). *Но всё люблю, мои поэты. Фантазии волшебный мир И, чуждым пламенем согретый, Внимаю звуку ваших лир*; 6. Человеческое общество как единство, характеризуемое определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками. *Цивилизованный мир*; 7. Круг людей, объединенных общностью профессий, занятий, интересов и т.п.; определенная общественная среда. *Князю Андрею вообще неприятно было видеть людей из своего мира*; 8. Сель-

ская община; члены этой общины. *Не по своей охоте еду, мир послал, да ведь мир за меня и хлеб уберет, и рожь посеет, и повинности справит*; 9. Жизнь мирян; светская жизнь (в отличие от монастырской жизни). *Успел бы я, как ты, на старость лет От суеты, от мира отложиться. Произнести монашества обет И в тихую обитель затвориться.*

МИР[2] – 1. Отсутствие разногласий, вражды, ссоры; согласие. *У людей хоть и бедность, да мир. У меня в доме крик, ссора шумная*; 2. Отсутствие войны, вооруженных действий между государствами, народами; мирное сосуществование государств и народов. *Движение сторонников мира*; 3. Соглашение воюющих сторон о прекращении войны. *Отец мой заметил, что предложить мир скорее дело победителя*. 4 Покой, спокойствие. *Воображать я вечно буду Вас, тени прибережных ив, Вас, мир и сон тригорских нив* [Кругликова: 83].

Анализ толковых словарей русского языка показывает, что в определении слова *мир* есть сходства и различия. В таблице знак «+» указывает на присутствие значения в словаре, знак «-» – на его отсутствие.

Архисема ‘мир’	С.И. Ожегов	Д.Н. Ушаков	В.И. Даль	В.В. Лопатин	БАС
Вселенная	+	+	+	+	+
Планета	+	+	+	+	+
Земной шар	+	+	+		+
Область явлений в природе	+	+	-	-	+
Психическая жизнь	-	-	-	-	+
Человеческое общество	+	-	-	+	+
Определен. общественная среда	+	+	-	+	+
Сельская община	+	-	+	-	+

Светская жизнь	+	-	-	-	+
Все люди	+	+	+	+	+
Сходка	-	-	+	-	+
Согласие	+	+	+	+	+
Отсутствие войны	+	-	+	+	+
Соглашение	+	-	-	-	-
Спокойствие	-	+	+	-	-

Концепт ‘МИР’ в русском языке имеет ядро – «согласие» в соответствии с концептуальным, компонентным и этимологическим анализом [7: 36].

При рассмотрении ключевого концепта необходим анализ языковых средств, репрезентирующих основное содержание текста, выполняющих функцию его своеобразного эмоционально-оценочного фона, соединяющего важнейшие повествовательные линии.

По мнению И.Ю. Абрамовой, в идейно-жанровом плане творчество В.А. Солоухина продолжает лучшие традиции русской литературы, автор является последователем многих представителей отечественной прозы, реализуя «вечную» тему человеческих воспоминаний в индивидуально-авторской оригинальной форме. Особого внимания требуют такие элементы, которые обеспечивают развертывание повествовательного плана, актуализацию его смыслового содержания [1: 226].

В произведении Владимирского писателя В.А. Солоухина «Камешки на ладони» реализованы все возможные аспекты значения важнейшего для социокультурного развития человека концепта ‘МИР’. В этой небольшой книжке (270 страниц) собраны афоризмы автора, размышления о литературе, творчестве, фрагменты бесед с разными людьми. В тексте этого произведения слово ‘МИР’ встречается 16 раз.

***Мир** – это не голубь, хотя бы и несущий оливковую ветвь (голубь тоже кого-нибудь может съесть); идеальное, стопроцентное олицетворение мира – это пчела, сидящая на цветке.* Таким видит окружение вокруг себя автор. Это описание мира, в котором живет автор, его герой и читатель. В цикле «*Камешки на ладони*» концепт ‘МИР’ раскрывается в повседневной жизни. Автор переживает за его состояние: «*Наш **мир** достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек*». Эти значения усложняют смысловую структуру понятия ‘МИР’, выступая в разных текстовых отрезках либо как единое семантическая целое, либо как художественно значимые для раскрытия авторского замысла оппозиции: «*В двадцатом веке осуществилось как бы географическое единство мира. Мир стал маленьким и доступным*». Автор сообщает, что стремление вернуть прежний мир, первозданный, вновь обрести ту гармонию и есть смысл жизни человека.

Таким образом, исследуемый концепт ‘МИР’ представляет собой многоуровневую систему когнитивных признаков, входящих в состав различных понятий, которые упорядочены по полевому принципу. В процессе развития русского языка лексема *мир* утверждается в качестве ключевого слова. В современном русском языке наблюдается весьма высокая частотность употребления этой лексемы [5: 283]. Как показало исследование, предлагаемые в различных толковых словарях русского языка дефиниции ключевой для исследуемого концепта лексемы ‘МИР’ не фиксируют когнитивных образований, обусловленных влиянием расположенной в центре концепта нелексикализованной когнитивной категории "я" как субъект мира [6: 115]. В то же время, анализ языкового материала и признакового поля концепта показывает присутствие указанных когнитивных образований в сознании носителей языка. Проведенное исследование языковых средств, объективирующих концепт ‘МИР’, подтвердило высокую степень значимости этого концепта для сознания

носителей языка, выявило сложный характер его многокомпонентной структуры и показало, что концепт 'МИР' занимает важное место в русской концептосфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.Ю. Концептосфера художественного мира писателя Владимирщины: важнейшие концепты-ценности // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: Коллективная монография / Под ред. В.А. Масловой, М.Вас. Пименовой. Минск: УП «Энциклопедикс», 2017. С. 224-229

2. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16. С. 30-40.

3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.

4. Ларин Б.А. Лексикология, история слов и лексикография. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. М., 1977. С. 11-42; 125-149.

5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология // Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280-287.

6. Новиков Л.А. Значение как эстетическая категория языка // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения XIV-XV / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1987. С. 101-116.

7. Пелевина Н.Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значения цвета) // Семантика слова в диахронии: Межвуз. сб. научн. тр. КГУ / Отв. ред. А.И. Дубяго. Калининград, 1987. С. 35-42.

8. Пименова М.Вас. Концепт как основная единица ментальности // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. М.: МГУ, 2004. С. 137-138.

СЛОВАРИ

Ожегов, Шведова – Ожегов С.И.; Шведова Н.Ю Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во: Аз, 1996.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1935-1940 (4 т.).

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Репринт. изд. М., 1994-1998.

Лопатин – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1994.

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 10 (Медяк-Мячик) / Под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда и др. СПб.: Наука, 2008.

КАЛИНИН Степан Сергеевич *(Кемерово, Россия)*
аспирант
Кемеровский государственный университет
Rage_of_gods@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ КОНСТАНТ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ
(на примере зооморфных и фитоморфных мифологических образов)

Аннотация. В работе рассматриваются лингвокультурная значимость, а также некоторые аспекты семантического наполнения ряда зооморфных образов и фитоморфных образов древних индоевропейских мифологий, на примере, образов дракона, змеи, птиц, волка, медведя, ряда сельскохозяйственных животных. Рассматривается также образ Мирового Древа (общий индоевропейский архетип) и германский миф о сотворении людей из «древесной основы». Показываются параллели с некоторыми другими семиотическими системами, в частности, наскальным искусством.

Индоевропейский бестиарий, как он отражен в мифологических текстах и в мифологических сюжетах (в частности, образах и сюжетах античной мифологии, древнескандинавской и славянской дохристианской мифологии), представляется чрезвычайно пестрым и разнообразным. Связано, как мы полагаем, это прежде всего с особенностями языческого культа древних индоевропейцев, в котором имелось такое явление как зоолатрия. Различные животные (а также растения и некоторые другие живые организмы) почитались древними язычниками-индоевропейцами как священные, часто рассматривались ими как тотемные животные и животные-первопредки. Так, в германо-скандинавской мифологии имеется рассказ о происхождении первых мужчины и женщины, которые носили имена Аск (дисл. Askr) и Эмбла (дисл. Embla). Для мифопоэтической языческой традиции было характерным использовать в качестве имен собственных мифологических персонажей апеллятивы, как и в данном случае. Так, имя Askr значит в буквальном переводе «ясень», Embla – «ива». Согласно сведениям, которые сообщаются в песнях «Старшей Эдды» и в «Младшей Эдде», люди с этими именами в виде древесных прообразов, которые не имели ни души, ни судьбы, ни жизненной силы

(«дыхания»), лежали на берегу моря, где были найдены богами и ими же оживлены. Примечательно, что люди в данном мифологическом сюжете названы именами деревьев. Это может свидетельствовать как об уподоблении человеческого организма древесному (метафора «мир/человек – это дерево»), так и о важности данных пород деревьев для древнегерманского языческого культа.

Примечательно также, что Мировым Древом (общеиндоевропейская лингвокультурная константа) являлся именно ясень, который носил название Иггдрасиль (дисл. Yggdrasill). Этот ясень связывал между собой как Верхний Мир (мир богов, воздушных стихийных духов и ряда других существ), так и мир людей с Нижним Миром (миром мертвых). По Мировому Жреву древнегерманского космоса могут перемещаться как различные божества (например, Один, который повесился на Иггдрасиле для того, чтобы обрести знание рунической мудрости), так и некоторые животные: например, орел Одина, белка Рататоскр (дисл. Ratatoskr), дракон Нидхёгг (дисл. Niðhöggr). Дракон – архетипический индоевропейский образ, идущий, вероятно еще от основного мифа индоевропейцев (более подробно см. работы [2], [3]). Этот образ тесно связан с образом Мирового Змея, который также имеется в пространстве древнегерманского мифопоэтического Космоса. Можно сопоставить образ дракона и змея с образом Змея-Горыныча русских сказок, который, несмотря на позднейшее затемнение семантики образа, сохранил некоторые черты своего прообраза – индоевропейского Змея/Дракона.

Вообще, культ змеи у индоевропейцев был широко распространен. Реликты этого культа (почитание змеи как тотемного животного) можно найти в античном мифе о Кадме. Среди славянских народов уже в историческую эпоху было широко распространено почитание змей, которое не угасло, несмотря даже на принятие христианства славянскими народами [1: 174-177]. Балты до принятия христианства

также почитали змей и змеиные божества [1: 170-174], отправляли в их честь специальные обряды. У ряда индоарийских народов змея также считается священным животным. Вообще, М. М. Маковский указывает на то, что змея была объектом поклонения у многих индоевропейских народов, была приравнена у них к божеству [6: 175].

Подобно змее, многими индоевропейскими народами почитались и различные птицы [5: 303-304]. Выше уже было указание на то, что орел у древних скандинавов почитался как священная птица, птица Одина. В древности у индоевропейцев птица считалась олицетворением души, олицетворением ветра, воздушной стихии [там же]. Соответственно, птицу (орла, в частности) можно считать посланником высших сил, богов.

На памятнике бронзового – раннего железного века «Томская Писаница», который создавался несколькими поколениями раннеиндоевропейских культур бронзового века Сибири, имеются многочисленные изображения птиц. Можно предположить, что древние жители Западной Сибири изображали птиц как в качестве прямого объекта (объект промысла, охоты), так и в качестве культовых почитаемых животных. Помимо прочего, на Томской Писанице встречаются изображения утки, совы, журавля [8: 17]. Интересно, что изображение совы стало одним из самых известных наскальных рисунков Томской Писаницы.

Это изображение, как указывает И. В. Ковтун [4: 61-62], является достаточно редким и достаточно сложным для интерпретации. Он же сопоставляет этот образ с образами индоарийской ведийской мифологии, показывая при этом родственность духовной культуры создателей петроглифов Томской Писаницы духовной культуре древних индоариев [там же]. В частности, он указывает на индоарийский субстрат в культуре создателей петроглифов писаниц Нижней Томи [там же]. Представляется вероятным, что их создатели либо сами были

носителями одного из возможных индоевропейских диалектов (что вполне вероятно, учитывая миграции древних индоевропейцев), либо, смешавшись с пришедшими на территорию Южной и Западной Сибири носителями ряда таковых диалектов, сами восприняли ряд элементов их духовной культуры.

Что касается петроглифов Томской Писаницы, то можно отметить на них ряд изображений, имеющий лингвокультурные параллели в индоевропейской культуре (а также и в культуре финно-угорского населения Сибири) [4: 67]. В частности, на писаницах довольно часто встречается образ медведя. Следует отметить известный факт, что номинация медведя в индоевропейских языках табуируется изначально: в ряде славянских он обозначается по модели «знающий/ведающий, где мед», в германских языках он обозначается по цвету своей шерсти – буквально «бурый» (ср. нем. Bär, исл. björn). Только в латинском и древнегреческом языках, как предполагается, сохранился реликт корня, изначально обозначавшего медведя в праиндоевропейском языке: ср. лат. ursus, др.-греч. arktos. Причины такого табуирования, отобразившегося на лингвистическом уровне, лежат не только и не столько в языковых процессах, сколько в особенностях мифологического мышления древних язычников-индоевропейцев, как на то указывает М. М. Маковский [7: 25]. Кроме того, медведь играл важную роль в некоторых культовых действах индоевропейских народов. Так, среди жителей древней Скандинавии бытовало поверие о том, что некоторые особо сильные воины могли превращаться с помощью магии в медведей (т.н. берсеркеры, буквально – «медвежья рубашка»). У древних славян покровителем царства диких животных (в том числе, и медведя), а также скота, был Велес [1: 81-86], [10: 71]. С образом Велеса, по данным Д. О. Шеппинга [10: 71-72], соотносится и образ быка и коровы (они являются его священным животным).

Бык, овца, конь (лошадь) были священными животными у индоевропейцев [5: 294-296; 298-299]. Два первых выступали, в частности, в качестве жертвенных животных [5: 295-296]. Быки и коровы были, помимо прочего, у индоариев предметом ритуального поклонения. Внутренности данных животных использовались в ряде ритуалов, в частности, в ритуале предсказания судеб.

Являлся священным животным для древних индоевропейцев и волк. В частности, волк был священным зверем верховного германо-скандинавского бога Одина. В волков могли превращаться некоторые индоевропейские жрецы и воины (которых при этом называли ulvhednir). Животное, напоминающее волка, изображено и на Томской Писанице. Его связывают обычно с солярным мифом, поскольку перед его пастью изображен круг, напоминающий Солнце [8: 43]. Возможно, это животное каким-то образом соотносится с мифом о гибели и возрождении Солнца. Нечто подобное встречается и в германо-скандинавской мифологии, в которой гигантский волк должен будет поглотить во время гибели мира солнце.

Таким образом, в данной работе предпринята попытка обрисовать ряд основных культурных констант индоевропейской религии и мифологии, в который заключен наибольший, по нашему мнению, культурный энергетический потенциал. Данные культурные константы репрезентируются не только на языковом уровне, но и в других семиотических системах (например, предметы искусства, наскальные рисунки, изображения на предметах быта), тем самым образуя «концептуализированную область», по выражению С. Г. Проскурина [9: 14-15]. Дальнейшее изучение этих культурных констант как на вербальном уровне, так и в других типах семиотических систем может дать нам больше информации о духовном мире наших далеких предков, древних индоевропейцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Боги славянского и русского язычества. Общие представления. М.: Ганга, 2009. 288 с.

2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

3. Иванов Вяч.Вс., Топоров, В.Н. Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей // Zeitschrift für Slavistik (Berlin). 1974. Bd. XIX, 2. S. 144-157.

4. Ковтун И. В. Сова Томской Писаницы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 61-68.

5. Маковский М.М. Индоевропейская этимология: Предмет – методы – практика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 352 с.

6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образы мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

7. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 280 с.

8. Мартынов А.И. Писаница на Томи. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1988. 56 с.

9. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.

10. Шеппинг Д.О. Мифы славянского язычества. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ-МОСКВА, 2008. 301 с. (серия Bibliotheca mythologica).

ЛАЗУКОВА Мария Николаевна *(Владимир, Россия)*

магистрант, учитель русского языка и литературы
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
МБОУ «Лицей № 17»
lazukova94@list.ru

СРАВНЕНИЯ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
(на материале прозы В. Солоухина)

Аннотация. Статья посвящена анализу отражения русской ментальности в устойчивых и окказиональных (индивидуально-авторских) сравнениях на материале текстов художественной литературы – рассказов сборника «Белая трава» и повести «Прекрасная Адыгене» владимирского писателя В. Солоухина.

Как известно, сравнения занимают в языке важное место, поскольку человек постоянно сравнивает малоизвестное с хорошо знакомым для характеристики и оценки окружающей действительности.

Сравнение – один из самых древних видов интеллектуальной деятельности. Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия.

«Сравнение (сходство) – самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [4: 74].

Выделяются логические и образные сравнения. Как отмечает Е.В. Огольцова, «своеобразие структуры образного сравнения состоит не в особой модели логического построения, а в ином «наполнении» этой модели», т.е. в особом характере самих логических элементов сравнения и компаративных отношений между ними [7: 13]. По мнению В.М. Мокиенко, «в образном сравнении сопоставляется не предмет с предметом (и не понятие с другим понятием), как в сравнении логическом, а конкретный предмет с понятием» [5: 17]. Ср.: *Ботинки брата не менее тяжелые, чем мои осенние сапоги* (логическое сравнение). – *Ботинки брата, набухшие от воды, были тяжелыми, словно гири* (образное сравнение, выраженное сравнительным оборотом).

Сравнительные обороты отличаются однотипными структурно-семантическими свойствами: их компаративная семантика находит явную формальную выраженность – объект сравнения вводится с помощью сравнительного союза *как* (или его синонимов *будто, как будто, словно, точно*).

Лингвисты справедливо утверждают, что язык образных сравнений служит одним из средств освоения действительности, при этом они одновременно выступают средством ее оценивания в образах, эталонах, имеющих «прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к особенностям ментальности, к их культуре, обычаям и традициям» [4: 88]. Как пишет В.Н. Телия, «…источником культурно-национальной интерпретации сравнения является характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях: *глуп как баран; глуп как пробка; стройная как березка; носится как угорелый, как с гуся вода* и т.п.» [8: 28]. Устойчивые срав-

нения есть в любом национальном языке, но их выражение, специфика выбора предмета, объекта и признака, на основе которого идет сопоставление, зависит от специфики народного «со-знания», от ментальности. Устойчивые сравнения отличаются также частотой воспроизведения в речи и в художественной литературе национального языка.

М.Вас. Пименова указывает, что «в древнерусском языке устойчивые сравнения выражают синкретичное значение ‘такой, какой должен быть’ (святой – *аки агньць / свѣтила*; богатырь – *яко сокол млады*; враги – *ако звери диви / акы волци / акы нѣкаа* ехидна)», а по структуре «…представляют собой сравнительные обороты, формальным признаком которых являются сравнительные союзы (*ако / яко / како / чьто / акы* и др.)» [7: 255]. К.М. Богрова подчеркивает, что структура сравнения представлена тремя элементами: предметом сравнения (*река*), обозначающим объект, качества или свойства которого автор определяет путем сопоставления с другим объектом; при этом второй объект является эталоном сравнения (*змея*), свойства которого представляют собой основание сравнения (*извилистая*) [1:19].

Данные и подобные единицы исследовались на материале разных языков и с точки зрения различных аспектов: структурно-типологического, когнитивно-функционального, этнолингвистического, психолингвистического, коммуникативно-прагматического, в последние годы (хотя и в небольшой степени) – лингвокультурологического [2: 96].

Целью данной статьи является анализ **устойчивых** и **окказиональных** (индивидуально-авторских) сравнений в прозе В. Солоухина на предмет отражения в них национального восприятия окружающего мира. Сравнения выявляются методом сплошной выборки, их значения определяются с опорой на специальные словари [2; 3; 6]. Собранный нами материал показал, что сравнения не закреплены за текстом определенного типа / жанра и употребляются недифференцированно.

Приведем примеры устойчивых сравнений в текстах В. Солоухина.

«*Спину держит неестественно прямо,* ***словно проглотил аршин****»* [6: 31]. Об устойчивости этого сравнения свидетельствует закрепленность его значения во фразеологических словарях русского языка со значением ‘держаться неестественно прямо’ [3: 187]. Выражение *словно аршин проглотил* применяется к человеку, тело которого находится в прямом, как палка, несгибаемом, напряжённом положении, как бы вытянутым в струнку, а движения его не пластичны, лишены грации и гибкости. Создаётся ощущение, что человеку что-то изнутри мешает согнуться. Аршин, как известно, это старинное русское слово, которое обозначало старорусскую меру длины, равную примерно 0,7 метра. Аршин на Руси имел форму твёрдой деревянной линейки или палки, которой чаще всего отмеряли отрезки ткани или сукна.

Устойчивое сравнение *как на ладони* со значением ‘быть хорошо видным’ употреблено В. Солоухиным в таких контекстах: «*Все извивы реки, все ее старицы, ложные русла, брошенные светлыми подковами в зелень поймы, озерки, деревни, ярко-зеленые пятна болотцев – все это с Венца видно* ***как на ладони***» [5: 9]; «*В хорошую погоду с Останкинской телебашни вся Москва видна* ***как на ладони****»* [6: 47]. Значение этого сравнения также можно найти в словарях фразеологизмов. Скорее всего оборот имеет отношение к хиромантии, согласно которой ход жизни и внутренний мир человека определяются характером линий на ладони его руки.

Сравнение *как нельзя лучше* также имеет устойчивый характер. У В. Солоухина оно употреблено в таком контексте: «*Орудие вздымщика – как той или иной системы –* ***как нельзя лучше*** *приспособлено для этого»* [6: 54]. Устойчивое сравнение закреплено в словаре «Устойчивых сравнений русского языка» Л.А. Лебедевой и имеет значение ‘очень хорошо, прекрасно, отлично’ [3: 184].

«*Козловский вышел на сцену во фраке, в ослепительной манишке, вышел* ***как ни в чем не бывало*** *и только во время всего концерта*

смотрел сквозь бедного Мишу, как будто тот был прозрачен или как будто его вовсе не было» [6: 74]. Значение этого сравнения словарь трактует так: ‘словно ничего не случилось’. Данные сравнения являются фразеологизированными (идиоматичными), их значения не мотивированы значением входящих в него элементов.

В произведениях Владимира Солоухина относительно часто употребляются сравнения, которые являются «полуустойчивыми»: в разговорной речи они частотны, однако не закреплены во фразеологических словарях русского языка. Например: «*Юрка покраснел, как вареный рак»* [5: 27]. В данном примере, на наш взгляд, отражается русская ментальность: краснота щек сравнивается с блюдом национальной русской кухни.

Сравнение *как пар* также включает в себя черты национального восприятия мира, поскольку баня является значимым элементом русской культуры. Выражение *с легким паром* приняло устойчивый характер. В тексте В. Солоухина встречается такой вариант сравнения: «*Характерный вздыбленный хребет быка задел за нависший куст орешника, и розоватый пар дыханья слился с розоватой оседающей пылью, такой же тонкой и такой же легкой,* ***как пар****»* [5: 14]. Легкий пар – это особое ощущение, создаваемое специальной укладкой печи в бане. В нашем примере сравнение имеет значение ‘легкий по весу’. Автор сознательно «играет» с семантикой сравнения, при этом сохраняя его структурные особенности.

Сравнения относятся к сочетаниям, соединенным подчинительной связью: компоненты соотносятся как определяемое и определяющее. Например: «*Левую ногу сжало,* ***как тисками****, в самом широком месте ступни, а правую стиснуло в подъеме, который у меня и правда очень высок»* [5: 9]. Так, глагол *сжало* является определяемым, а *как тисками* – определяющим.

К.М. Богрова отмечает, что «…у В.А. Солоухина присутствует лексическое варьирование устойчивых сравнений» [1: 32]. Термином **варьирование** обозначаются любые представления о модификациях языковых явлений разного порядка (формальных – семантических, парадигматических – синтагматических, языковых – речевых и др.). При лексическом варьировании происходит замена компонентов устойчивых единиц на основе парадигматических лексико-семантических связей. Например, в тексте В. Солоухина для обозначения стойкости, упорства человека используется устойчивое сравнение *как статуя*: «*На миг остолбенев,* ***как прекрасная статуя,*** *смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала…»* [5: 19]. В Большом словаре русских народных сравнений В.М. Мокиенко значение этого сравнения толкуется следующим образом: ‘неподвижность, статичность’ [6: 192]. Это пример расширения устойчивого сравнения путем присоединения признакового слова, выраженного прилагательным *прекрасная,* причем левый предтекст не меняет значения устойчивого сравнения в целом.

Еще пример. «*Когда Аннушка разгребла песок, то цветы под стеклом, сплюснутые в ровную плоскость, предстали взгляду* ***как яркое, живописное пятно,*** *как драгоценность, неожиданно обнаруженная в земле»* [5: 26]. В данном контексте к устойчивому сравнению *как пятно* добавляется левый предтекст, представленный двумя однородными согласованными определениями, выраженными прилагательными.

В большинстве случаев сравнения в тексте В.А. Солоухина являются однокомпонентными, включающими в себя лишь один структурный элемент. Например: «*Все тело выпрямлено и натянуто,* ***как струна***». Но есть и многокомпонентные устойчивые сравнения, например: «*Кричим ведь, визжим,* ***как недорезанные поросята****»* [5: 29]. В данном сравнении крик сравнивается с визгом поросят на скотобойне. Это элемент жизни славянского народа, который уходит корнями в древность.

При употреблении в речи это сравнение имеет тенденцию к сокращению и чаще звучит так: *как недорезанные.*

Анализируя сравнения в произведениях В. Солоухина, можно заметить, что среди них есть не только общеупотребительные, но и окказиональные – преломленные через авторское мировосприятие. Например: «*Она вроде бы даже не грела, а плясала,* ***как девочка в ярко-красном платьице****»; «А так как стебли этого растения никогда не растут поодиночке, то пышные шапки сливаются, и вот уже* ***как бы белое облако дремлет среди неподвижной лесной травы****»; «Что они, глаза,* ***как в бокале вчерашнее шампанское****»*.

В заключение следует отметить, что дальнейшее изучение сравнений в текстах В. Солоухина позволит продемонстрировать как особенности национального мировосприятия, так и индивидуально-авторские черты идиостиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богрова К.М. К вопросу о семантическом анализе устойчивых сравнений в древнерусском тесте (на материале Галицко-Волынской летописи) // Материалы III Всероссийской конференции молодых исследователей, посвященной Дню славянской письменности и культуры / Моск. гос. обл. соц.-гум. инст.; отв. ред. Л.Н. Костякова. Коломна: МГОСГИ, 2011. С. 32-36.

2. Богрова К.М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: семантика и структура: Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2012. 180 с.

3. Быстрова А.Е., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 271 с.

4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с.

5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

6. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М., Изд-ва: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 256 с.

7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 2008.

8. Огольцова Е.В. Устойчивые сравнения русского языка: стабильность и динамичность // Русский язык в школе. 2015. НОМЕР? СТРАНИЦЫ?

9. Солоухин В.А. Белая трава. [Электронный ресурс] – Режим доступа http://lib.rus.ec/b/97999 , свободный.

10. Солоухин В. А. Владимирские проселки. Электронный ресурс] – Режим доступа - https://azbyka.ru/fiction/vladimirskie-prosyolki/.txt, свободный.

11. Пименова М.Вас. Устойчивые сравнения и смежные виды семантических сближений в древнерусском тексте // Языковые категории и единицы: синтагматиче-

ский аспект: Материалы VIII Международной научной конференции. Владимир: ВГГУ, 2009. С. 255–259.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

У Ляньлянь (*Владимир, Россия – Нанкин, Китай*)
аспирант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natasha0086007@mail.ru

ПАРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются устойчивые сочетания, выражающие слитное, нерасчленённое значение – парные именования (типа русск. *отец и мать, день и ночь, хлеб да соль, ни кола ни двора*). Уделяется особое внимание семантическим особенностям данных единиц. Делается вывод о том, что в китайском языке, как и в современном русском, некоторые парные именования выражают не одно единое значение, а два или более значений. Кроме того, отношения структурно-семантических компонентов парных именований могут иметь разный семантический характер: синонимический, антонимический и гипонимический.

В современном русском языке относительно частотны устойчивые сочетания типа *хлеб-соль, смех и грех, чай да сахар, худо-бедно, день и ночь, житье-бытье, печки-лавочки, шито-крыто* и т.д., восходящие по своей структурно-семантической модели к древнерусскому языку, ср.: *агньци и уньци, безаконье и грѣси, братъ и сестра, воздухъ и земля, гуси-лебеди, мать и отець, радость и веселье, страхъ и трепетъ, съмирѣние и покорение, хлѣбъ и соль, честь и слава* [1: 5], *красота и лѣпота, чюдны и хитры, красно и прехитро* [3: 95].

Следует отметить, что вышеуказанные несвободные сочетания древнерусского текста получили в научной литературе различные терминологические определения, из которых наиболее обоснованным, на наш взгляд, является их обозначение как **парного именования** (В.В. Колесов, 1989; О.Ф. Жолобов, 1998; Л.П. Клименко, 2001; М.Вас. Пименова, 2000; М.В. Артамонова, 2005). Вслед за М.В. Артамоновой мы придерживаемся следующего определения, до-

статочно точно, на наш взгляд, передающего лингвистическую суть данной лексико-семантической единицы в диахронии и синхронии: «Парные именования – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц (чаще существительных), реализующих нерасчлененное значение парности» [1: 16].

В китайском языке существуют подобные двухкомпонентные устойчивые сочетания, которые выражают слитное, нерасчленённое (синкретичное) значение. Например, слово 春秋（chun qiu – ‘год’） состоит из двух иероглифов: 春（chun – 'весна’）и 秋 (qiu – ‘осень’). В Китае континентальный климат, весна и осень являются самыми важными и специфическими сезонами, поэтому китайцы используют это слово для обозначения всего года. Ещё примеры: синкретичное значение сочетания иероглифов 手足（shou zu: shou – ‘руки’, zu – ‘ноги’）– ‘братья’; 鱼水（yu shui: yu – ‘рыба’, shui – ‘вода’）– ‘близкие отношения, тесные связи’ [4].

В ряде случаев подобные сочетания-слова в китайском языке имеют несколько значений. Рассмотрим сочетание 耳目 (er mu: er – ‘уши’, mu – ‘глаза’). Первое значение является буквальным – ‘уши и глаза’. Например: 这空虚又即刻发生反响， 回向我的耳目里， 给我一个难堪的恶毒的冷嘲 (鲁迅 «彷徨·伤逝» – Лу Син «Блуждания»). Второе значение – переносное – ‘осведомлённость, опыт и знания, кругозор’, например: 好的文艺作品， 总是能够开拓人们的视野， 使人耳目一新 (秦牧 «长街灯语·太阳光下一滴滴水珠» – Цинь Му «Капелька под солнцем»). Третье значение – ‘осведомитель’: 党派了联络员带领我们躲过了敌人的耳目，通过了层层封锁线 (周建人 «没有共产党就没有新中国» – Чжой Цзан Жэнь «Без Коммунистической партии не будет нового Китая») [4].

Семантические отношения между двумя компонентами у парных именований в современном русском языке могут иметь синонимический (*пошло-поехало, друг-приятель*), антонимический (*купи-продай, экспорт-импорт*) и гипонимический (*песни-пляски, грибы-ягоды*) характер. В китайском языке данные сочетания строятся по подобному принципу. Например, компоненты слова 线索 связаны синонимическими отношениями (xian suo: xian – ‘тонкая верёвка’, suo – ‘толстая верёвка’), а в контексте сочетание означает ‘ключ к пониманию (разгадке); зацепка’. Образная семантика компонентов слова 雌雄 – ‘слабый и сильный’ – имеет антонимический характер (ci xiong: ci – ‘самка’, xiong – ‘самец’). Компоненты слова 肠胃 (chang wei: chang – ‘кишечник’, wei – ‘желудок’) представляют собой гипонимы, общее значение – ‘пищеварительная система у человека’ [4].

Следует отметить, что синкретичное значение парности может образовываться тремя основными способами: при помощи метафоры, метонимии и аллюзии.

Как известно, в основе метафоры лежит ассоциация по сходству или по аналогии [2]. Рассмотрим слово 樊笼 (fan long), у которого синкретичное значение – ‘обязывающее положение, ограниченная свобода действий’ – образовано метафорически. Первоначальный прямой смысл 樊 – ‘изгородь’. Основное значение 笼 – ‘инструмент, сделанный из бамбуковых полосок’, кроме того, означает ‘клетку, в котором держат птицу, насекомых или скотину’ [4]. Оба иероглифа имеют общее значение ‘посадить животных куда-то и лишить их свободы’, откуда и метафорическое значение 樊笼, указанное выше.

Слово 城池 (cheng chi) имеет нерасчлененное значение ‘город’, которое образовано способом метонимии: 城 – ‘городская стена’ / ‘крепостные стены’, 池 – ‘городской / защитный ров’. 城池 – городская стена и городской ров метонимически обозначают «город» [4].

Значение слова 桃李 (tao li: tao – ‘персики’, li – ‘сливы’) – ‘ученики-последователи, потомки’ – является аллюзией к строчкам из «Хань ши вай чжуань» («Другой комментарий к «Канону песен» [по версии] господина Ханя») 7-го тома 夫春树桃李，夏得荫其下，秋得食其实 (перевод: Посадишь дерево персика и сливы, летом получишь тень деревьев, осенью ешь плоды) [4].

Таким образом, в китайском языке, как и в современном русском, существуют двухкомпонентные устойчивые единицы (парные именования), связанные синонимическими, антонимическими и гипонимическими отношениями, которые выражают нерасчленённое значение, основанное на метафоре, метонимии или аллюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М.В. Парные именования в древнерусском тексте: Дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2005. 183 с.
2. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского и др. М.; Л., 1925 [Электронный ресурс]: Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru (дата обращения: 20.02.2017).
3. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. Санкт-Петербург; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
4. 在线汉语词典 (перевод: китайский словарь онлайн). [Электронный ресурс]. URL: http://xh.5156edu.com.

ЧЭНЬ Пэйцзюнь *(Санкт-Петербург, Россия – Цзинань, Китай)*
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
liliachen@yandex.ru

И.Ф. КРУЗЕНШТЕРН И Н.Я. БИЧУРИН О КИТАЕ: «ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ПАЛИМПСЕСТ»

Аннотация. Статья посвящена разработке основных принципов в своеобразном текст-палимпсесте Бичурина, отталкиваясь от ответов Крузенштерна на 27 вопросов, относящихся к торговле, экономике, социальной жизни Цинского Китая.

Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846) – российский мореплаватель, совершивший первую русскую кругосветную экспедицию – перед своим отправлением в Китай получил от известного российского экономиста Ф.Х. Вирста 27 вопросов, относящихся к торговле, экономике, со-

циальной жизни тогдашнего Китая. По возвращении из плавания Крузенштерн опубликовал книгу «Путешествие вокруг света» (1809–1813), где «ответы на вопросы Вирста» выступают в качестве отдельной главы. Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853) – выдающийся китаевед, глава девятой Российской духовной миссии в Китае – в 1827 г. публикует статью «Ответ на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая», в которой вступил как бы в заочный диалог с мореплавателем, таким образом создавая своеобразный текст-палимпсест: отталкиваясь от ответов Крузенштерна, он значительно дополняет их содержательными вставками, полемизирует с известным адмиралом, «перечеркивает» и «переписывает» его ответы. Ответы Бичурина после публикации их в трех номерах журнала «Северная пчела» входят в IX главу его известной книги «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение» (1840).

Рассмотрим 3 контекста, содержащие ответы И. Крузенштерна, с одной стороны, а, с другой, – речевую рефлексию на них Н. Бичурина, чтобы проанализировать способы создания им текста, основанного на «диалоге» с уже опубликованным текстом известного мореплавателя. В данном случае важно и то, что основной целью Бичурина было не только и не столько исправление неточностей, по ег мнению допущенных Крузенштерном, сколько желание наиболее полно и верно представить русскому читателю свое понимание Китая, который он хорошо знал, который он любил и потому не терпел поверхностного и небрежного к нему отношения.

Контекст 1

Вопрос Вирста: *Каково учрежденіе почтъ? Заведены ли оныя порядочно во всемъ государствъ, и можетъ ли всякой оными пользоваться?* [1: 345]	
Ответ И.Ф. Крузенштерна	Ответ Н.Я. Бичурина
Порядочная почта учреждена только между Пе-	*Отъ Пекина, такъ какъ мѣстопребыванія верховной вла-*

киномъ и Кантономъ, коею всякой пользоваться можетъ: но посылаемыя по оной письма распечатываются и разсматриваются. Кромѣ сей почты нынѣ другой во всемъ Китаѣ. Во время нужной переписки нѣтъ инаго средства, какъ только отправлять нарочнаго, или поручать проѣзжающимъ [1: 345].	*сти, есть верховая конная почта по всѣмъ большимъ дорогамъ, ведущимъ въ главные города губерній..<…>* *Повидимому неимѣніе почты долженствовало-бы замедлять и даже совершенно затруднять ходъ торговли: но изумляющая обширность оной внутри государства недопускаетъ насъ сомнѣваться въ утонченіи всѣхъ возможныхъ способовъ къ облег-ченію сообщенія по торговымъ связямъ <…> Только письма посылаемыя Европейцами изъ Пекина въ Европу и на оборотъ представляемы бываютъ правительству и распечатываются* [1: 346].

Уже по количественной характеристике представленных контекстов видно, что ответ Бичурина более протяженный, более подробный и детализированный. Легко заметить, что Крузенштерн отвечает непосредственно на вопрос Вирста – односложно и без подробностей, повторяя в своем ответе одно из ключевых слов, содержащихся в вопросе – «порядочная почта». Бичурин же, словно желая быть в этом ответе принципиально не-Крузенштерном, выражения «порядочная почта» не употребляет, но конкретизирует вид почты – *верховая конная почта,* говорит вполне пространно о положении почты в Китае, причем не упускает возможности при помощи риторической фигуры «антитеза»: неимение почты должно было бы замедлять торговлю, но бурное ее развитие, как оказалось, мало зависит от состояния почтовых связей. В ответе Бичурина имеется уточнение *(такъ какъ мѣстопребыванія верховной власти).* Лексический состав текста Бичурина словно вступает в антонимические отношения с лексикой, содержащейся в ответе Крузенштерна: ***Порядочная почта*** *учреждена* ***<u>только</u>*** *между Пекиномъ и Кантономъ*

(Кр.) ↔ *Отъ Пекина <…> есть верховая конная почта* ***по всѣмъ большимъ дорогамъ,*** *ведущимъ въ главные города губерній* (Бич.).

Текст Бичурина построен по типу текста-рассуждения, достигаемого при помощи ряда языковых средств, а именно – использованием: а) вводных слов с семантикой предположения (*по-видимому*); б) конструкций со значением предположения с характерной частицей *бы: (неимѣніе почты долженствовало-бы замедлять); в)* фигуры усиления с повторением глагола одной семантической группы и использованием усилительной частицы *даже*: *долженствовало-бы* ***замедлять*** *и даже совершенно* ***затруднять*** *ходъ торговли;* г) конструкции «заочного диалога» с мнимым или обобщенным собеседником: *Повидимому* ***неимѣніе*** *почты* ***долженствовало-бы замедлять и даже совершенно затруднять*** *ходъ торговли:* ***но*** *изумляющая* ***обширность оной*** *внутри государства* ***недопускаетъ насъ сомнѣваться <…>.***

Лексика эмоционального регистра (*изумляющая обширность; утончение способов* и др.) присутствует в ответе Бичурина с той же целью – создать свой текст на основе текста Крузенштерна, но более подробный, более правдивый, проникнутый пониманием страны, а не «поверхностным» её описанием.

Контекст 2

Вопрос Вирста: *Говорятъ, что Китайцы побуждаются много къ женатой жизни чрезъ то, что позволительно дѣтей убивать. Увѣряютъ, что есть даже и особенные люди, яко ремесленники въ побіеніи младенцевъ. Справедливо ли это?* [1: 369]	
Ответ И.Ф. Крузенштерна	Ответ Н.Я. Бичурина
Что умерщвленіе дѣтей въ Китаѣ вообще терпимо, сія истина неподвержена, къ крайнему сожалѣнію, никакому болѣе сомнѣнію. Столь славящійся нравстенностію Ки-	*Что бы Китайцы побуждались къ женатой жизни чрезъ дозволительное дѣтоубійство; что бы даже были особенные люди, которые питаются ремесломъ дѣтоубійства; это могли сказать только Католическіе миссіонеры, для мнимаго возвышенія пра-*

таецъ, не признаетъ дѣтоубійства порокомъ, подобно какъ и препрославленные люди природы, обитающіе на островахъ Великаго Океана, не почитаютъ людоѣдство дѣломъ противоестественнымъ и гнуснымъ. Мы видѣли въ Вампу часто мертвыхъ младенцевъ, несомыхъ теченіемъ рѣки въ море [1: 369].	*вилъ ученія Христова, и Европейскіе путешественники, которые имѣютъ слабость рѣшительно судить обо всемъ по обозрѣнію поверхностному. <…> Касательно дѣтоубійства я неотрицаю, что бы не было женщинъ и дѣвицъ, которыя впадши въ слабость не старались бы утаить то, что можетъ изобличить ихъ въ непозволенной любви, и покрыть стыдомъ цѣлое семейство. <…> Но безразсудно было бы заключать отсюда, что дѣтоубійство есть всеобщій порокъ въ Китаѣ; напротивъ оно въ Китайскомъ законодательствѣ поставлено наряду съ первыми государственными преступленіями*; <…> [1: 370].

Н.Я. Бичурин весьма эмоционально опровергает ответ Крузенштерна, практически перечеркивая его мнение о разрешенном детоубийстве в Китае и формулирует свой ответ на вопрос Ф. Вирста. Однако начинает он с обличения тех, кто, по его мнению, имеет невежество утверждать такое. Он использует интересный риторический прием – буквально повторяя ответ Крузенштерна о том, что китаец *не признаетъ дѣтоубійства порокомъ*, указывает на тех, кто, по его мнению, может говорить подобным образом – только католические священники или европейские путешественники, которые обо всем судят поверхностно. Создается сильное эмоциональное напряжение, которое создается путем противопоставления истинного положения дел и мнения тех, кто мало знает Китай (в том числе, имеется в виду и Крузенштерн). В ответе Бичурина видим текстовую оппозицию «позиция Бичурина ↔ позиция легкомысленных путешественников». С одной стороны, ссылка на законодательство Китая, в котором детоубийство приравнено к государственному преступлению (позиция Бичурина), с другой – «безрассудство» тех,

кто по единичным фактам детоубийства судит о всеобщности этого порока.

Возможно, Бичурина возмутило сравнение, которое допускает Крузенштерн: он сближает китайцев с «препрославленными народами», обитающими в Океании, для которых людоедство есть обычное дело. Категоричность утверждения Крузенштерна о том, что *умерщвленіе дѣтей въ Китаѣ вообще терпимо,* что *сія истина неподвержена <…> никакому болѣе сомнѣнію*, создает условия для открытого противостояния Бичурина со всеми «европейскими путешественниками», которые *имѣютъ слабость рѣшительно судить обо всемъ по обозрѣнію поверхностному* […]. Бичурин использует ряд синтаксических средств для достижения эмоционального напряжения в тексте: а) конструкции отождествления «вы говорите так-то – так говорят только такие-то»*;* б) усилительные конструкции с частицей *даже;* в) сложноподчиненные предложения с придаточными различных семантических типов; г) предложения с группой частиц, усиливающих высокий эмоциональный тон этого текста Бичурина: так, используются выделительные и ограничительные частицы *только, или, же* и др.; в) конструкции *допущения: безрассудно было заключить, что*…; г) конструкции противоположения с усиливающей это противопоставление частицей «напротив»: *Но безразсудно было бы заключать отсюда, что дѣтоубійство есть всеобщій порокъ въ Китаѣ; напротивъ оно въ Китайскомъ законодательствѣ поставлено наряду съ первыми государственными преступленіями*; и др.

Лексика Бичурина также отличается высокой эмоциональностью: *мнимое возвышение, иметь слабость, безразсудно; покрыть стыдом, непозволительно и под.* Вновь наблюдается своеобразная антонимическая «перекличка» с текстом Крузенштерна: *Что умерщвленіе дѣтей въ Китаѣ* ***вообще терпимо****,* ***сія истина неподвержена****, къ крайнему сожалѣнію,* ***никакому болѣе сомнѣнію.*** (Кр.) ↔ *оно въ Китайскомъ за-*

конодательствѣ ***поставлено наряду съ*** *первыми государственными* ***преступленіями.*** (Бич.)

К тому же ответ Бичурина характеризуется апелляцией к своему опыту, своему пониманию Китая, поэтому описание часто сопровождается использованием личного местоимения «я»: *я неотрицаю, что бы не было женщинъ и дѣвицъ <…>.*

Контекст 3

Вопрос Вирста: *Говорятъ, что не взирая на то многолюдство в] Китаѣ не уменьшается. Города населены чрезвычайно. – Воздѣланныя земли не пустѣютъ. Справедливо-ли это?* [1: 372]	
Ответ И.Ф. Крузенштерна	Ответ Н.Я. Бичурина
Извѣстія о многолюдствѣ Китайскаго государства весьма различны. Г. Соинератъ полагаетъ 10, а Г. Стаунтонъ по таблицамъ, полученнымъ Лордомъ Макартнеемъ въ Пекинѣ, по случившемся за годъ до его прибытія народоизчисленіи – 333 м. Езуитъ Аміотъ пріемлетъ почти среднее число изъ сихъ двухъ количествъ; ибо онъ полагаетъ 198 м. <…> Путешествовавшіе по провинціи Печели описываютъ ее бѣдною. Самъ Барро говоритъ объ ней, что земля безплодная и обработывается нерачительно <…> [1: 372]	*<…> что касается до многолюдства, то Китай по государственнымъ спискамъ 1812 года имѣлъ болѣе 360 м. жителей обоего пола. Большіе города чрезвычайно населены, особенно въ южномъ Китаѣ. не смотря на толикое многолюдство, по которому съ сожалѣніемъ заключаемъ о бѣдности жителей, сія страна почитается въ Китаѣ жилищемъ изобилія и утѣхъ, средоточіемъ просвѣщенія и Промышленности, отечествомъ модъ и вкуса: словомъ она всѣми единогласно признана земнымъ раемъ. Шань ю Тьхянъ-тханъ; Ся ю су ханъ, на небѣ есть рай, на землѣ Су и Ханъ, есть общая пословица. Су и Ханъ суть Су-чжеу и Ханъ-чжеу главные города, первый въ губерніи Цзйнъ-су, а послѣдній въ губерніи Чже-цзянъ. Трудолюбію и образу земледѣлія Китайскаго нельзя неотдать справедливости <…>* [1: 374]

Это единственный из 27 ответов Бичурина, который в количественном отношении уступает тексту ответа Крузенштерна. По причине того,

что Крузенштерн не знал китайского языка, тем более, не имел доступа к официальным данным Цинского правительства, ему пришлось обратиться к иностранным источникам. Бичурин же, напротив, всегда старается оперировать китайским официальными данными, опираясь на которые постоянно вступает в горячую полемику с европейским учеными. В отличие от неуверенного, двоякого ответа Крузенштерна на вопрос о численности Китая, Бичурин утверждает совершенно определенно, причем оперирует он данными «государственных списков», демонстрируя читателю свою официальную осведомленность.

И вновь вступают в противоречия текст Крузенштерна и текст Бичурина: так, Крузенштерн говорит о «бесплодной земле», которая «обрабатывается нерачительно». На это Бичурин парирует тем, что *Трудолюбію и образу земледѣлія Китайскаго нельзя неотдать справедливости.* Крузенштерн – и вновь со ссылкой на Иезуита Амиота – утверждает о бедности китайцев, Бичурин же, не отрицая присутствия в городах бедных жителей, замечает при этом, что для китайцев важнее символический образ города как места «изобилия и утех», что китайцы живут по пословице, согласно которой на земле рай в двух великих городах: Су и Хань.

Убедительность ответа Бичурина достигается: а) использованием точных данных, представленных в цифровом выражении; б) повторением ключевых слов с дополнительной определительной лексикой. Не мешает, но даже усиливает убеждение Бичурина в правоте своего мнения лексика возвышенной стилистической окраски: *жилище изобилія и утѣхъ, средоточіе просвѣщенія и Промышленности, отечество модъ и вкуса, земной рай, чрезвычайно* и под.

Кроме этого, в ответе Бичурина видны и следующие языковые средства, которые употреблены для представления читателям реального и живого Китая: а) активное употребление антонимов; б) употребление пословицы и приведение пословных переводов с китайского на рус-

ский язык тех предметов и явлений, которые в данном случае наиболее актуальны.

Рассмотренные случаи, конечно, не исчерпывают наблюдений за языком и организацией ответов Крузенштерна и Бичурина на одни и те же вопросы. Всего три контекста из двадцати семи не могут свидетельствовать о способах создания «второго текста как отрицания первого», названного нами «палимпсестом». Однако даже эти немногочисленные иллюстрации демонстрируют основные приемы этого отрицания, основные принципы формирования «второго» текста, текста Н.Я. Бичурина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин И.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Императорская Академия Наук, 1840. 442 с.

Бич. – Никита Яковлевич Бичурин

Кр. – Иван Федорович Крузенштерн

Содержание

От редакционной коллегии……..….3
Колесов В.В. Когнитивные заметки по древнерусским текстам……...……..7

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТИ В ДИАХРОНИИ

Лекции

Акимова Э.Н. Теория средневековой русской ментальности……...….37
Бекасова Е.Н. К проблеме исторического изучения русского литературного языка……. ….53
Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей……..….58
Монина Т.С. Дихотомический анализ текста……...…71
Трофимович Т.Г. Ментальность восточных славян в зеркале старорусских и старобелорусских производных предметных наименований……. ….76

Доклады

Желтухина М.Р., Омельченко А.В. Ментальные трансформации *homo sapiens* под воздействием медиасреды: языковое сознание и суггестивность ….81
Канарская Л.Г. Генетические особенности словосочетания…….….99
Маркова Е.М. Языковая объективация эталонов в межславянском диалоге языков и культур…….…104
Плисов Е.В. Религиозный лексикон в истории немецкого языка как предмет исторической семантики……109
Федосов В.А. Язык и ментальность в диахронии…….…115
Юркина Т.Н. Высказывания со словом *ведь* в синхронии и диахронии……. …120

Сообщения

Волков В.В. Язык и ментальность в диахронии (на материале дославянской гидронимии Владимирского края)……. …125
Загуменнов А.В. Типы умышления русского человека XVII века как реализация словесного ряда определенной лингвокультуры (на материале разножанровых текстов эпохи)…….. …129
Ломова А.И. Отражение ментальности в топонимике Суздальского района Владимирской области (на материале ойконимов)….……134
Михайлова И.С. Отражение русской ментальности через изобразительные средства в произведениях фольклора……. …136
Мнацаканова Д.В. Проявление синкретизма в обстоятельственных и атрибутивных оборотах (на материале произведения А.С.Пушкина «Гробовщик»)……..…140
Смирнов О.Н. Диспут как форма учебного занятия (к проблеме формирования понятия «языковая картина мира»)……. …146

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Лекции

Богданова Л.И. Эволюция понятия «богатство русского языка» в рамках деятельностной лингвистической парадигмы…… …152
Королёва И.А. Национально-культурная специфика региональной топонимии (на материале Смоленско-Белорусского приграничья)……. …157
Пименова М.Вас. Модель развития лексического значения и выражение оценки в диахронии……..…163

Шулежкова С.Г. Устойчивые словесные комплексы (УСК) общеславянского литературного языка как объект диахронического исследования: проблема метода……..174

Доклады

Алексеев А.В. Культурная значимость слова как необходимый компонент информации исторического словаря……..189
Алиев Т.А. Паронимы-прилагательные как результат параллельных образований в русском языке……..201
Богрова К.М. Опыт составления словаря устойчивых сравнений (на материале памятников письменности XI-XVI вв.)……210
Варюшенкова Е.Н. Из истории возникновения в русском языке конструкции с присубстантивным инфинитивом……218
Виноградов Д.В. К вопросу семантической эволюции заимствованных слов: славянизм *burlac* в румынском языке……221
Гончаров П.А., Стрыгина Е.Л. Паремии и их функции в рассказах В. Шукшина «Страдания молодого Ваганова», «Охота жить»……..227
Желонкина Т.П. Редупликация как способ словообразования (на материале английского и русского языков)……237
Зиновьева Е.И. Вербализация представления о наказании в обиходном языке Московской Руси XVI-XVII веков……..242
Килина Л.Ф., Зайнуллина С.Р. О функционировании членных форм прилагательного *добрыи* в русских летописях……..247
Колосова Е.И., Гимранова Т.А. Борьба "нового" и "старого" в языке: устранение нежелательной синонимии глагольных форм……..252
Красовская Н.А. Некоторые лексические особенности экономико-географического издания конца XVIII-начала XIX века……257
Левицкий А.Э. Развитие языковых средств выражения градуальности (на материале английского языка)……..262
Пилипенко Н.В. Структура и семантика описаний в древнерусском тексте……268
Рыкин Е.Ю. Сочетания с творительным падежом ограничения и ментализация как концептуальная форма русской ментальности ……274
Шетэля В.М. О семантике термина *пропаганда* в текстах XIX века……280

Сообщения

Боркова П.К. Метафора в произведениях С.К. Никитина……284
Букина Л.М. Спектр классификаций языкового заимствования как многогранного и неоднородного явления……290
Верзилова А.А. К истории формирования в русском языке разряда фразеологических единиц со значением оценки (*по душе, не пара, до лампочки* и т.п.)……294
Иванова И.А. Выражение ментальности посредством синкретем с семантикой эмоций (на материале летописных повестей о монголо-татарском нашествии)……300
Курделяс А.А. Вероятные интенции использования русскоязычных и англоязычных эвфемизмов в заголовках печатных СМИ……305
Небосова А.С. Формы множественного числа существительных в текстах XVIII-XIX вв……311
Петрова Н.С. Метафора как способ выражения русской ментальности (на материале произведений Владимира Солоухина)……315
Хохлова И.А. Акты согласия в ментальности носителей русского языка (на материале драматургии А.Н. Островского)……319

Черникова С.А. Обозначение оранжевого и коричневого цветов в травниках разных периодов……322

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Лекции

Алтабаева Е.В. Концепт *желание* в русской ментальности……..…328
Арискина О.Л. Отражение средневековой ментальности в грамматиках XVI века……..…333
Поленова Г.Т. Отражение ментальности древних кетов в концепте “земля” (на материале кетского языка)……..…340
Радбиль Т.Б., ***Рацибурская Л.В.*** Национально-культурные аспекты современных словообразовательных процессов……..…345
Тропина Н.П. Языковая картина мира: от технократического мировидения к техноморфной метафорической номинации……351
Черникова Н.В. Концепт как социокультурная информативная единица……..…359

Доклады

Важенина В.П. О языковых средствах выражения образа мышления и мироощущения повествователя в сказе Шервуда Андерсона «Ну и дурак же я»……..…370
Грачев М.А. Изучение лингвистического ландшафта современного города как одна из важнейших задач при формировании культуры речи……..…376
Данилова Е.А. Концепт «цель» в русской языковой картине мира……..…382
Есаулов Н.Н. Речь автора-повествователя как средство экспликации ментальности языковой личности Т. Драйзера (на материале романа «Сестра Керри»)……388
Евсеева О.С. Лингвокультурология – топонимика: проблема взаимосвязи (на примере временного кода культуры)……..…393
Жаналина Л.К. Номинативная парадигма как отражение эволюции языка в синхронии……..…398
Йонаш Эржебет Ч. Интердискурсивность и диахрония в венгерских переводах драм Чехова……403
Колесникова С.М. Понятие *время* и его смыслообразующие начала в русском языке……..…411
Лызлов А.И. Концепты «мышь» и «крыса» в английских фразеологизмах (на материале английской литературы)……..…423
Нестерова Т.П. Формула «Православие, самодержавие, народность» и языковая картина мира в русской литературе первой трети XIX века……..…428
Петров А.В. Тавтологические сочетания модели «сущ. И. п. + сущ. Тв. п.» на фоне других моделей……430
Рашева И.К. За приказката «Борис, първи християнски цар на Българите» от Йозефина Турноградска……..…435
Сафронова Н.А. О когнитивных моделях времени в языке……442
Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира (лингвокультурологический аспект)……..…447
Цветаева Е.Н. Диффузность и пути семантических трансформаций……453
Шаймердинова Н.Г. Отражение в древнетюркском языке направлений света……..…458

Сообщения

Балякина Ю.В. Диалектная лексика тематической группы «Животный мир» Владимирской области: материалы для словаря ……465
Галеева Т.Р. Способы номинации географических названий, исчезнувших с карты (на материале Камешковского района Владимирской области)……470
Демакова А.Д. Концепт ‘МИР’ (на материале рассказа В.А. Солоухина «Камешки на ладони»)……474
Калинин С.С. К вопросу о лингвокультурной значимости констант культуры древних индоевропейцев (на примере зооморфных и фитоморфных мифологических образов)……482
Лазукова М.Н. Сравнения как зеркало русской ментальности (на материале прозы В. Солоухина)……487
У Ляньлянь. Парные именования в русском и китайском языках……494
Чэнь Пэйцзюнь. И.Ф. Крузенштерн и Н.Я. Бичурин о Китае: «Публицистический палимпсест»……497

Содержание……506

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых

Организация и проведение семинара поддержаны грантом РГНФ № 17-04-14095г

Материалы приводятся в авторской редакции

Ответственный редактор – проф. М.В. Пименова
Компьютерная верстка, макет – доц. К.М. Богрова

Подписано в печать _____2017 Формат 84х108 1/32
Усл. печ. л. – Тираж - 200 экз.
Заказ № ___

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Транзит-ИКС»

600007, г. Владимир, ул. Электрозаводская, д. 2
тел. (4922) 53-12-74, 53-32-41, 53-15-30